

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

В.И. СТАРЦЕВ

ВНУТРЕННЯЯ
ПОЛИТИКА
ВРЕМЕННОГО
ПРАВИТЕЛЬСТВА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

В. И. СТАРЦЕВ

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА
ВРЕМЕННОГО
ПРАВИТЕЛЬСТВА
ПЕРВОГО СОСТАВА

Под редакцией
О. Н. Знаменского

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1980

В книге рассказывается об образовании первого в России буржуазного Временного правительства, о предательской роли партий меньшевиков и эсеров, которые, несмотря на предложения большевиков об организации Временного революционного правительства, передали инициативу создания власти лидерам Прогрессивного блока IV Государственной думы — кадетам и октябристам. Показываются основные направления внутренней политики буржуазного правительства первого состава в период марта—апреля 1917 г., когда реальная власть принадлежала Петроградскому Совету рабочих и солдатских депутатов, выполнявшему роль всероссийского центра Советов.

Издание рассчитано на историков, преподавателей вузов.

Виталий Иванович Старцев
ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА
ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА
ПЕРВОГО СОСТАВА

Утверждено к печати
Ленинградским отделением Института истории СССР
Академии наук СССР

Редактор издательства А. Ф. Варустина
Художник М. И. Разулевич. Технический редактор Г. А. Смирнова
Корректоры Л. М. Бова, О. И. Буркова и Ф. Я. Петрова

ИБ № 9066

Сдано в набор 02.07.80. Подписано к печати 09.12.80. М-49631. Формат 60×90^{1/16}.
Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Печ. л. 16=16
усл. печ. л. Уч.-изд. л. 19.59. Тираж 2750. Изд. № 7410. Тип. зак. 1590. Цена 2 р. 20 к.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская линия, 1

Ордена Трудового Красного Знамени Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая вниманию читателя книга является продолжением предыдущей работы автора,¹ исследовавшего взаимоотношения политических организаций русской буржуазии и царизма в вопросе о власти.²

В первой части настоящей книги показан завершающий этап борьбы российской буржуазии за политическую власть в стране, образование Временного правительства. Как известно, оно произошло не так, как хотелось политическим вождям русской буржуазии: не в результате добровольной уступки царизма части своей власти, а в ходе народной революции, насильственно свергнувшей ненавистный режим. Конкретные условия прихода буржуазии к власти были таковы, что ей достались только формальная власть, реальная же находилась в руках Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, который сковывал попытки буржуазии перейти к репрессивной политике, ее желание приостановить дальнейшее развитие революции. Как в области внутренней политики, так и внешней Временное правительство первого состава вынуждено было подчиняться требованиям Петроградского Совета. Чтобы удержаться у власти, буржуазия должна была уступать, заискивать перед народом и обманывать его, не имея сил перейти к прямому насилию над революционными классами. Но Совет возглавляли тогда, в силу сложившейся обстановки, лидеры соглашательских мелкобуржуазных партий меньшевиков и эсеров. Поэтому требования народа были удовлет-

---

¹ См.: Старцев В. И. Русская буржуазия и самодержавие в 1905—1917 гг. (Борьба вокруг «ответственного министерства» и «правительства доверия»). Л., 1977.

² См. также: Аврех А. Я. Царизм и третьиюньская система. М., 1966; Ананьич Б. В. Россия и международный капитал. 1897—1914. Очерки финансовых отношений. Л., 1970; Дякин В. С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны (1914—1917). Л., 1967; Лаврычев В. Я. По ту сторону баррикад. Из истории борьбы московской буржуазии с революцией. М., 1967; Сидельников С. М. Образование и деятельность первой Государственной думы. М., 1962; Черменский Е. Д. 1) Буржуазия и царизм в первой русской революции. М., 1970; 2) IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976; Шустер У. А. Петербургские рабочие в 1905—1907 гг. Л., 1976; Яковлев Н. Н. 1 августа 1914. М., 1974.

ворены лишь отчасти. Борьбу за подлинные интересы рабочих, солдат и крестьян возглавила большевистская партия. Эта борьба особенно усилилась после возвращения В. И. Ленина из эмиграции в Россию 3 апреля 1917 г. Так в рамках самой «революционной демократии», Советов, стал зреть конфликт, приведший потом к отстранению от его руководства соглашателей и к революционной борьбе Советов за полноту власти против буржуазного Временного правительства. Но в течение марта—апреля 1917 г. этот конфликт еще не дошел до своей решающей стадии и наиболее заметными полярными точками в политической жизни страны являлись Временное правительство и Петроградский Совет. Подробное изложение их взаимоотношений и конфликтов дано автором в другой работе³ и поэтому в данной книге опущено.

Вторая часть настоящего исследования характеризует основные направления внутренней политики Временного правительства первого состава. Существенное внимание уделено отношению политических партий к Временному правительству, в частности принципиальной тактике большевиков, проводящейся под лозунгом: «Никакого доверия Временному правительству!». Автор учитывал, что данная тема достаточно изучена и широко представлена в литературе,⁴ потому в данной работе политика Временного правительства первого состава рассматривалась с учетом широкого использования достижений наших предшественников по смежным или близким темам,⁵ хотя сама внутренняя политика еще не была предметом монографического исследования.

³ См.: Старцев В. И. Революция и власть. М., 1978.

⁴ См.: Партия и Великий Октябрь. Историографический очерк. М., 1976; История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1966, т. 2; М., 1967, т. 3, кн. 1-я; Петроградские большевики в Октябрьской революции. Л., 1957; Петроградские большевики в трех революциях. Л., 1966; Голиков Г. Н. 1) Революция, открывшая новую эру. М., 1967; Ленин — вождь Октября. М., 1969; 2) Великий Октябрь. Начало новой эры. М., 1977; Ленин и революция. 1917 год. Л., 1970; Партия большевиков в Февральской революции 1917 года. М., 1974; Астрахан Х. М. Большевики и их политические противники в 1917 году. Из истории политических партий в России между двумя революциями. Л., 1973; Совокин А. М. На путях к Октябрю. Проблемы мирной и вооруженной борьбы за власть Советов; Знаменский О. Н., Шишкин В. А. Ленин, революционное движение и парламентаризм. Л., 1977; Мянц И. И. История Великого Октября. Свержение самодержавия. М., 1967, т. 1; Бурджалов Э. Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967; Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде. На путях к социалистической революции. Двоевластие. Л., 1967, кн. 1-я; Революционный Петроград. Год 1917. Л., 1977; Мухина Г. З. Социалистическая революция и государство. Разработка В. И. Лениным вопроса о государстве диктатуры пролетариата в период борьбы за Октябрь и упрочение его завоеваний. Март 1917—март 1918. М., 1975; Красин Ю. А. Теория социалистической революции: ленинское наследие и современность. М., 1977.

⁵ Волобуев П. В. 1) Экономическая политика Временного правительства. М., 1962; 2) Пролетариат и буржуазия России в 1917 г. М., 1964; Игнатьев А. В. 1) Русско-английские отношения накануне Октябрьской

Труды В. И. Ленина, и прежде всего его книга «Государство и революция», подготовительные материалы к ней, статьи и письма марта—июня 1917 г.⁶ являются не только важнейшими источниками, но и методологической основой данного исследования.

«Революция 27 февраля 1917 года, — писал Ленин, — смела монархию и поставила у власти либеральную буржуазию. Эта последняя, действуя в прямом соглашении с англо-французскими империалистами, хотела маленького дворцового переворота. Ни в каком случае дальше цenzовой конституционной монархии идти она не хотела. И когда революция на деле пошла дальше, к полному уничтожению монархии и к созданию Советов (рабочих, солдатских и крестьянских депутатов), либеральная буржуазия стала сплошь контрреволюционной».⁷ Это ленинское положение объясняет нам поведение лидеров буржуазной оппозиции в момент Февральской революции и в период создания и первых шагов деятельности Временного правительства. Соотношение же классовых сил и представлявших их политических партий вскрывает нам следующий тезис той же ленинской статьи «Классовый сдвиг»: «В России сейчас у власти контрреволюционная буржуазия, по отношению к которой „оппозицией ее величества“ стала мелкобуржуазная демократия, именно партии эсеров и меньшевиков. Сущность политики этих партий состоит в соглашательстве с контрреволюционной буржуазией. Мелкобуржуазная демократия поднимается к власти, заполняя сначала местные учреждения (как либералы при царизме завоевывали сначала земства). Эта мелкобуржуазная демократия хочет раздела власти с буржуазией, а не свержения ее, совершенно так же, как кадеты хотели раздела власти с монархией, а не свержения монархии. И соглашательство мелкобуржуазной демократии (эсеры и меньшевики) с кадетами так же вызвано глубоким классовым родством мелких и крупных буржуа, как классовое родство капиталиста с живущим в обстановке XX века помещиком заставляло их обниматься во-

---

революции. М., 1966; 2) Внешняя политика Временного правительства. М., 1975; Иоффе А. Е. Русско-французские отношения в 1917 г. М., 1957; Ганелин Р. Ш. Россия и США. 1914—1917. Очерки истории русско-американских отношений. Л., 1969; Иоффе Г. З. Крах российской монархической контрреволюции. М., 1977; Злоказов Г. И. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в период мирного развития революции (февраль—июль 1917). М., 1969; Токарев Ю. С. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в марте—апреле 1917 г. Л., 1976; Знаменский О. Н. Всероссийское Учредительное собрание. К истории созыва и политического краха. Л., 1976; Соболев Г. Л. Революционное сознание рабочих и солдат Петрограда в 1917 году. Период двоевластия. Л., 1973; Миллер В. И. Солдатские комитеты русской армии в 1917 г. Возникновение и начальный период деятельности. М., 1974; Якушов Н. М. Борьба за армию в 1917 году. М., 1975.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., тт. 31, 32, 33.

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 384—385.

круг „обожяемого“ монарха».⁸ Эти ленинские слова наилучшим образом характеризуют основные направления данного исследования.

В книге широко использованы документы большевистской партии, протоколы Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, журналы и черновики протоколов Временного правительства, законодательный материал, материалы прессы 1917 г., мемуары бывших членов Временного правительства, некоторые зарубежные публикации.

---

⁸ Там же, с. 385.

1. ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ОБРАЗОВАНИЕ ДВОЕВЛАСТИЯ

ЛИДЕРЫ БУРЖУАЗНОЙ ОППОЗИЦИИ

23 февраля 1917 г. по призыву большевиков и других подпольных организаций рабочие и работницы готовились отпраздновать Международный женский день. Междурайонный комитет РСДРП, поддерживавший в те дни близкие связи с петроградскими большевиками, выпустил листовку, обращенную к работницам, с призывом выступить вместе с рабочими-мужчинами «в дружной борьбе против правительства и заводчиков». Листок содержал лозунги: «Долой самодержавие! Да здравствует революция! Да здравствует Временное революционное правительство! Долой войну!».¹ Революционные партии ожидали в этот день митингов, забастовок и даже демонстраций. Однако события неожиданно переросли даже самые оптимистические прогнозы. К 9—10 часам утра забастовало 10 предприятий, расположенных в первом участке Выборгской части — вдоль Большого Сампсониевского проспекта. На улицу вышло свыше 27 тыс. рабочих.² Забастовавшие рабочие устремлялись на другие заводы и добивались там прекращения работы, часть выборжцев отправилась на Петроградскую сторону, где во второй половине дня также начались забастовки. Появились лозунги: «Долой войну!», «Долой самодержавие!». Царило приподнятое, радостное настроение. Возбужденные рабочие решили пробиваться к центру города.

В это время на заседании Государственной думы под председательством М. В. Родзянко после обсуждения продовольственного вопроса перешли к прениям по внесенному фракциями меньшевиков и трудовиков запросу о забастовках на ряде заводов. Выступая первым по этому поводу, меньшевик М. И. Скобелев сказал: «... гг. члены Государственной Думы! Страна с катастрофической быстротой стремится навстречу каким-то грозным событиям. Мысль не успевает за действительностью. Мы сегодня лишь утром внесли запрос о том, что творится на двух грандиоз-

---

¹ Цит. по: Лейберов И. П. Начало Февральской революции (события 23 февраля 1917 г. в Петрограде). — В кн.: Из истории Великой Октябрьской социалистической революции и социалистического строительства в СССР. Л., 1967, с. 29.

² Там же, с. 12.

ных заводах, на Путиловском и Ижорском,³ а теперь, когда выходим на кафедру, приходится говорить о более грозных событиях, имеющих место не только на территории заводов, но и на рабочих улицах и даже уже в центре города. Что же происходит на улице? Эти несчастные полуголодные дети и их матери, жены, хозяйки, в течение двух лет безропотно смиренно стоящие у дверей лавок и ждавшие хлеба, наконец, вышли из терпения и, может быть беспомощно и еще безнадежно вышли мирно на улицу, и еще безнадежно взывают: хлеба и хлеба! А за ними вслед их мужья, рабочие, которые за последнее время, идя рано утром на завод, не могут застать несчастной крохой хлеба для того, чтобы уже на территории завода закусить, они вышли на улицу и беспомощно может быть еще, скажу я, ищут ключа для разрешения этого вопроса и всех проклятых вопросов вообще. Они ищут ключа и беспомощно хватаются за ключ трамвайного мотора для того, чтобы остановить движение и сказать вам: „дайте хлеба или мы не отдадим ключа...“⁴

В этой речи заметно стремление представить начавшееся движение исключительно как бессознательное, рожденное прежде всего нехваткой хлеба. Между тем в те же самые часы оно отчетливо проявило свою антиправительственную направленность. Рабочие Выборгской и Петроградской стороны, Рождественского района от 4 до 5 часов дня сумели прорвать полицейскую заставу на Александровском (ныне Литейном) мосту. Выборжцы сняли с работы рабочих Орудийного завода и заполнили Литейный проспект. Около часу потребовалось полиции, чтобы очистить его от демонстрантов. Несколько полицейских получили ранения, всюду слышались возгласы: «Хлеба!», «Долой самодержавие!», «Долой войну!». Современный историк Февральской революции И. П. Лейберов не отрицает большого удельного веса стихийных выступлений в событиях 23 февраля. Хотя до 30% забастовщиков на Выборгской стороне стремились организовать, построиться в колонны и устроить демонстрации, основная часть примкнувших к забастовке не приняла участие в активных действиях и разошлась по домам. В значительной степени стихийный характер движения подтверждается и большим числом разгромов магазинов — 15 (хотя 5 из них, как установил

³ С 8 по 15 февраля 1917 г. на Ижорском заводе в пригороде Петрограда, Колпино, проходила забастовка с требованием увеличения заработной платы, улучшения условий труда. На митингах, проводившихся во время этой забастовки, раздавались требования прекращения войны, возвращения из ссылки большевиков-депутатов IV Государственной думы. 18 февраля 1917 г. началась забастовка в лафетно-штамповочной мастерской Путиловского завода, к которой впоследствии присоединились и рабочие других мастерских. 21 февраля администрация Путиловского завода объявила локаут с 22-го числа (см.: Рабочее движение в Петрограде в 1912—1917 гг. Документы и материалы. Л., 1958, с. 24, 607—608).

⁴ Государственная дума, четвертый созыв, сессия пятая. Стенографический отчет. Пг., 1917, стб. 1642.

Лейберов, была разгромлена не рабочими, а уголовниками и хулиганами).⁵

В Государственной думе на трибуне М. И. Скобелева сменил А. Ф. Керенский, затем выступил А. И. Шингарев, заявивший, что Дума должна потребовать от власти «наконец, чтобы она или сумела справиться с делом, или убралась вон из государства».⁶ В целом думские деятели не увидели в начавшемся движении чего-то более крупного, чем обычные продовольственные беспорядки. Об этом говорила и «формула перехода», внесенная П. Н. Милюковым, ограничивавшаяся предложениями по улучшению продовольственного снабжения населения. Правда, там же значилось, что на заводах к делу снабжения должны быть привлечены «сами рабочие».⁷

Министр внутренних дел царского правительства А. Д. Протопопов, встревоженный событиями, но видевший в них также исключительно «продовольственные волнения», обратился с требованием к генералу С. С. Хабалову, главнокомандующему Петроградским военным округом, о выпуске специального обращения к населению, в котором бы говорилось, что хлеба в городе достаточно. Вечером Протопопов самолично предпринял объезд центра города на автомобиле и убедился, что порядок восстановлен. Демонстранты, в том числе и прорвавшиеся в центр города, были уже разогнаны, а трамвайные вагоны (их было остановлено около 30) отвезены в парки. По полицейским данным, 23 февраля 1917 г. бастовало около 90 тыс. рабочих почти 50 предприятий.⁸ Поздним вечером 23 февраля на конспиративной квартире в Новой деревне собралось объединенное заседание членов Русского бюро ЦК РСДРП(б) и Петербургского комитета большевиков. Как утверждал А. Г. Шляпников в своих воспоминаниях, «начавшееся 23 февраля движение в тот день мы не считали еще началом решительного наступления на царский трон». Руководители большевиков, отнесясь к движению «со всей осторожностью и внимательностью», рекомендовали расширять его и не ограничивать какими-либо сроками. На следующий день началась антивоенная демонстрация на Невском проспекте и митинг у Казанского собора, принято было решение об усилении агитации среди солдат петроградского гарнизона.⁹

И действительно, события 24 февраля стали еще более внушительными, чем накануне. По данным полиции, бастовало уже до 200 тыс. рабочих. На Выборгской стороне, где забастовало

⁵ Лейберов И. П. Начало Февральской революции... с. 16, 22, 23.

⁶ Государственная дума... стб. 1657.

⁷ Авдеев Н. Революция 1917 года. Хроника событий. Январь—апрель. М.; Пг., 1923, т. 1, с. 33.

⁸ По подсчетам Лейберова, 23 февраля бастовало 128 388 рабочих 49 предприятий (см.: Лейберов И. П. Начало февральской революции... с. 24).

⁹ Там же, с. 28—29.

почти 75 тыс. человек,¹⁰ рабочие, собравшись на своих предприятиях, сразу же устраивали митинги. Там ораторы, среди которых было немало большевиков, призывали выходить на улицу, на демонстрации. Демонстранты с пением революционных песен шли к Литейному мосту. В пути на них напала полиция и казаки, пытавшиеся рассеять толпу. Рабочие расходились, но потом снова собирались. Неоднократно прорывались они через Литейный мост. Полицейских, разгонявших демонстрации, встречали кусками льда, деревянными лопатами и скребками. Видя, что полиция не в состоянии справиться с движением своими силами, градоначальник А. П. Балк обратился к генералу Хабалову за поддержкой. Тот отдал распоряжение о выделении соответствующих нарядов войск.

Забастовки в этот день охватили почти все районы города, рабочие упорно стремились в центр Петрограда. Около трех часов большей части их удалось прорваться на Знаменскую площадь, и там, у пьедестала памятника Александру III, начался митинг. Слышались крики: «Да здравствует республика!», «Долой полицию!». Люди кричали «ура» в адрес казаков 1-го Донского полка, которые наблюдали за действиями толпы, но не препятствовали им. В ответ казаки отвечали поклонами. А 15 конных городских рабочие и подростки прогнали поленьями, камнями и осколками льда.¹¹

Между тем еще в 11 час. 27 мин. под председательством Н. В. Некрасова продолжила работу Государственная дума. Возобновились прения по продовольственному вопросу. Они шли довольно вяло, первый перерыв от часу до двух дня был сделан во время большой речи прогрессиста А. С. Посникова, содержащей убедительную критику правительственных мероприятий по продовольствию. Посникову долго хлопали слева и в центре, раздавались даже отдельные хлопки на правых скамьях. Потом поднялся председатель. В течение первой половины заседания и особенно в перерыв члены Думы постепенно узнавали о масштабе событий за стенами Таврического дворца. Бюро Прогрессивного блока спешно решило обратиться с вопросом к Председателю Совета Министров о том, какие меры принимает правительство для урегулирования продовольственного вопроса в Петрограде? С обоснованием вопроса выступил Шингарев. «Я позволил себе думать, — восклицал он, — что, наконец, эти глухие уши услышат наш голос и ответят, если они способны что-либо ответить, какие меры приняли они, наконец, чтобы волнения на почве недостатка хлеба в крупнейших центрах России были устранены, и чтобы

¹⁰ Лейберов И. П. Второй день Февральской революции (события 24 февраля 1917 г. в Петрограде). — В кн.: Свержение самодержавия. М., 1970, с. 102.

¹¹ Блок Александр. Последние дни императорской власти. Пг., 1921, с. 53.

местные люди, население сами взяли в свои руки дело продовольствия, — иначе, не избежать беды». ¹²

Итак, кадеты не хотели слышать крики уличных демонстрантов: «Долой монархию!», «Да здравствует республика!». Они продолжали расценивать движение как стихийные продовольственные беспорядки, видели в начавшейся по сути революции нечто непредвиденное, мешающее их правилам борьбы с правительством, и поэтому к правительству обращались с требованием прекратить эти «волнения». Однако они не прочь были использовать их для критики правительства и заработать на этом политический капитал. Такое намерение ясно проглядывает в темпераментной речи Ф. И. Родичева. Тут были и гневные обличения в адрес власти, и прозрачный намек на Протопопова, имя которого сделалось нарицательным. От лица голодного народа Родичев потребовал призвать к власти людей, «которым вся Россия может верить», и «удаления от нее тех, «которых вся Россия презирает». ¹³

А что же делали в это время презираемые всей Россией правители? Главнокомандующий Петроградским военным округом генерал Хабалов созвал совещание по прекращению беспорядков. Там присутствовал Протопопов, все полицейские начальники и уполномоченный по продовольствию Петрограда В. К. Вейс. Результатами этого совещания были решения следить за более правильным распределением муки по пекарням и произвести обыски и аресты среди революционеров, намеченных к этому охранным отделением. Военный министр А. А. Беляев советовал Хабалову стрелять из пулеметов поверх голов рабочих, переходивших по льду Неву, но главнокомандующий медлил и приказа об открытии стрельбы в течение 24 февраля не отдал. Войска лишь угваривали толпу разойтись или теснили ее, казаки были настроены еще более мирно и даже не имели нагаек.

С часу до шести в Мариинском дворце проходило заседание Совета министров, сугубо деловое, «беспорядков» как будто и не было. В то же время, когда Председатель Совета министров кн. Н. Д. Голицын возвращался к себе домой с этого заседания, то его машина уже не могла проехать обычным путем на Моховую улицу через Караванную, — пришлось объезжать Невский, запруженный людьми. Протопопов, напротив, еще «не замечал тревожных явлений в поведении толпы». Обедать он поехал к шталмейстеру Н. Ф. Бурдукову, состоявшему при Министерстве внутренних дел. На обед были приглашены Н. А. Маклаков, А. А. Римский-Корсаков.

А в Думе уже ораторствовал меньшевик Н. С. Чхеидзе. «Игнорирование улицы, — обращался он к членам Прогрессивного блока, — это свойство и правительства, и многих из вас. Но улица

¹² Государственная дума..., стб. 1711.

¹³ Там же, стб. 1714.

уже заговорила, и с этой улицей теперь нельзя не считаться». Он обвинял блок в попытках заключения нового компромисса с правительством, доказывал, что члены блока не делают главного вывода из событий: а именно, что с царским правительством нельзя вести переговоры. Единственный выход — «борьба, которая в скором времени могла бы нас привести к упразднению этого правительства и этой системы, и к созданию такого положения, когда народ самостоятельно будет разрешать при помощи своих сил этот вопрос (продовольственный. — В. С.)».¹⁴ Но и для Чхеидзе эта «борьба» — пока не более чем красивое слово: что она практически начнется через 72 часа, он и представления не имел. Ведь что предлагала его фракция? Чтобы продовольственное дело было передано в руки городского самоуправления (за это выступали и буржуазные члены Думы) и чтобы рабочим при этом было дано право создать свои продовольственные организации. Затем слово получил А. Ф. Керенский, пульс заседания участился. Керенский говорит нервно, держит в напряжении весь зал. «Ваши слова в этом зале не доходят до народа, их запрещает цензура, — бросает он членам Думы. — Вы возбуждаете народ, а когда он выходит на улицы, чтобы защитить то, что ему дорого, призываете рабочих вернуться к станкам и бросаете массам упреки в измене и провокации». Но и у Керенского лишь общие слова и обращения, и он не ощущает, что грозное и необратимое уже началось...

Это, как ни странно, заметил даже стоявший в стороне от политической кухни Прогрессивного блока, меньшевиков и эсеров сорокалетний священник С. А. Крылов. Протоколы заседаний Государственной думы сохранили запись его взволнованной речи, с которой он обратился тогда к членам Думы и рассказал о том, чему был свидетелем: «Проходя сюда, в Государственную Думу, будучи на Знаменской площади, я видел, что происходит на Невском проспекте и на других улицах. Я видел сейчас, что громадная масса народа залила, буквально залила всю Знаменскую площадь, весь Невский проспект и все прилегающие улицы, и там я встретил совершенно для меня неожиданное явление, там эта толпа кричит, провожая проходящих мимо нее казаков и полки с музыкой, „ура“ ... Когда я спросил, что это значит, почему казакам и проходящим с музыкой войскам кричат „ура“, что это за манифестация, мне первый встречный объяснил, что один из полицейских ударил было женщину нагайкой или чем-то другим, но казаки тотчас вступились и прогнали полицию».¹⁵ Оратору шумно аплодировали, кто-то крикнул «Ура!», но в целом члены Государственной думы были несравненно ближе к правительству, которое они так страстно обличали, чем к народу, от имени которого они считали себя вправе говорить.

¹⁴ Государственная дума..., стб. 1722.

¹⁵ Там же, стб. 1730.

Дума лишь приняла внесенный кадетами вопрос к правительству да выслушала заявление Родзянко о том, что вечером состоится совещание с представителями правительства о срочных мерах по прекращению продовольственных беспорядков. Следующее заседание Думы было назначено на завтра, 25 февраля.

Вечером 24-го Александра Федоровна, заканчивая свое письмо царю, сообщила ему о двухдневных беспорядках в городе, выражала надежду, что «Керенского повесят» за его речи в Думе, и вновь напоминала: «Все жаждут и умоляют тебя проявить твердость». А Николай II в этот же момент думал о том, куда отправить детей после кори на отдых, и о том, как хорошо, что он вырвался из Петрограда. «Мой мозг отдыхает здесь, — писал он, — ни министров, ни хлопотливых вопросов, требующих обдумывания. Я считаю, что это мне полезно...».¹⁶ Как свидетельствуют записи в дневнике генерала Д. Н. Дубенского, царского историографа, 24 февраля в Ставке было уже официально известно о «беспорядках» в Петрограде, но этому известию не было уделено внимания. Более взволновали царя сообщения о снежных заносах у Казатина, о чем он и написал жене.

Поздно вечером 24 февраля в резиденции царского правительства, в Марииинском дворце, прошло экстренное совещание по продовольственному вопросу. Идя навстречу нажиму лидеров Государственной думы, правительство обещало продовольственное дело в Петрограде передать в руки городской думы. Голицын и Родзянко были здесь заодно: тому и другому нужно было потушить пожар «голодных волнений».

Но события уже вышли за пределы возможностей царской власти, а Дума слишком много говорила раньше, чтобы ей поверили теперь. Рабочие, за два дня познавшие вкус свободы, не собирались возвращаться к станкам. Они снова вышли на улицы. Нейтральное или даже дружественное поведение войск рождало уверенность: солдаты не будут стрелять в народ. Фактически весь Петроград оказался охваченным всеобщей политической стачкой. Протопопов оценивал количество ее участников в 200 тыс. человек, а современные исследователи называют около 300 тыс. рабочих и работниц.¹⁷ Утром Выборгский районный комитет большевистской партии принял решение о проведении всеобщей стачки, о борьбе против полиции и создании в массах «особо повышенного настроения». Около 9—10 часов утра колонны рабочих двинулись в центр города. На Выборгской стороне рабочие громили полицейские участки, телефонная связь градоначальства с 1 и 2 Выборгскими частями была прервана. Демонстрации

¹⁶ Переписка Николая и Александры Романовых. М.; Л., 1927, т. V, с. 215—217.

¹⁷ См.: Лейберов И. П. Петроградский пролетариат во всеобщей политической стачке 25 февраля 1917 г. — В кн.: Октябрь и гражданская война в СССР. М., 1966, с. 34.

рабочих двинулись к Невскому проспекту и из других районов города. Манифестанты могли видеть расклеенные на стенах домов объявления главнокомандующего округом генерала Хабалова, требовавшего, чтобы не позднее вторника, 28 февраля 1917 г., рабочие вернулись на предприятия, к делу, иначе войска будут пополнены новобранцами призывов 1917, 1918 и 1919 гг., пользующимися отсрочками по работе. Но эта угроза не подействовала, к тому же срок ее осуществления оттягивался на целых три дня. Улицы Петрограда вновь заполнились народом. По пути рабочие встречали многочисленные заставы. Солдаты запасных частей петроградского гарнизона по-прежнему относились к толпе нейтрально или дружелюбно. Офицеры вели себя пассивно — приказов о стрельбе еще не получали. Казаки и кавалерия были явно на стороне демонстрантов. В три часа дня 25 февраля, во время попытки полиции разогнать митинг на Знаменской площади, один из казаков зарубил пристава. Несмотря на отсутствие общего приказа об открытии огня, отдельные случаи стрельбы были. Так, у часовни Гостиного двора (угол Перинной линии и Невского) в ответ на револьверные выстрелы из толпы, спешившиеся кавалеристы открыли огонь. Наблюдатели отмечали в действиях демонстрантов большую организованность, чем в предыдущие два дня, в чем несомненно проявилось стремление большевиков и других нелегальных социалистических групп направить движение и овладеть им. 25 февраля состоялись заседания Русского бюро ЦК РСДРП(б) и Петербургского комитета большевиков, которые приняли решения об усилении борьбы.

Заседание Государственной думы в этот день было весьма кратким. Министр земледелия А. А. Риттих назвал вопрос о положении продовольственного дела в Петрограде справедливым и не терпящим отлагательств. От имени правительства он заявил о согласии передать дело распределения продовольствия в руки Петроградской городской думы. В прениях члены Думы выражали свое сожаление по поводу того, что это решение принято так поздно. А. И. Шингарев заявил, в частности, что, без сомнения, полиция начнет «арестовывать и хватать» представителей общественности, если они попытаются создать свои самостоятельные районные комитеты в помощь городскому самоуправлению.¹⁸ Чхеидзе и Керенский предложили для рассмотрения обсуждаемого проекта собраться на заседание Думы уже в понедельник 27 февраля, а не во вторник, как было запланировано, но это предложение было отклонено. Через 49 минут после начала заседания Думы было закрыто и новое назначено на вторник, 28 февраля, на 11 часов.

Что такое три дня при обычном, размеренном течении событий? Родзянко и лидеры Прогрессивного блока, например, не ждали какого-то экстраординарного взрыва и решили, что

¹⁸ Государственная дума..., стб. 1751.

можно подождать до вторника. А «левые» просили собраться на день раньше, и только. Но никто не мог предположить, что за эти два дня произойдет восстание, а заседание 25 февраля 1917 г. станет последним официальным заседанием IV Государственной думы.

В сущности уже 25 февраля игра царского правительства была проиграна. События этого дня оставили глубокий след как в сознании рабочих и демократической части населения, так и в сознании солдат и казаков. Приказа о стрельбе по демонстрантам не было второй день, солдаты, разумеется, не могли видеть в дружественно настроенной толпе «внутреннего врага». Демонстранты же в течение этих дней в большинстве своем уверились, что солдаты и казаки скорее за них, чем заодно с полицией. Хабалов, Протопопов и другие, ответственные за порядок в столице, все еще думали, что им удастся прекратить движение без кровопролития. Причина этого заключалась отнюдь не в гуманных соображениях. Военный министр Беляев полагал, что трупы на Невском произведут «ужасное впечатление» на союзников.¹⁹ Опасались дурного впечатления и среди солдат Действующей армии, боялись нового 9 января в столице. В 4 час. 40 мин. генерал Хабалов отправил секретную телеграмму начальнику штаба Верховного главнокомандующего М. В. Алексееву в Ставку, в которой события 23—25 февраля характеризовались лишь как забастовка «вследствие недостатка хлеба». Сообщалось об уличных событиях и о том, что «толпа рассеяна». Со своей стороны, Протопопов телеграфировал в Ставку дворцовому коменданту В. Н. Воейкову о забастовке на продовольственной почве, «сопровождающейся уличными беспорядками». Телеграмма кончалась словами: «Движение носит неорганизованный стихийный характер, наряду с эксцессами противоправительственного свойства, буйствующие местами приветствуют войска. Прекращению дальнейших беспорядков принимаются энергичные меры военным начальством. Москве спокойно».²⁰

Между тем в Могилеве, в Ставке, куда шли эти сообщения, уже было тревожно. Кто-то приехал из Петрограда и рассказывал о событиях, виденных своими глазами, передавали массу «секретных сведений» и слухов. Но распорядок повседневной жизни Ставки нисколько не изменился. Как обычно, после пятичасового чая Николай II удалялся к себе, просматривал почту из Петрограда и принимал своего начальника штаба Алексеева. В этот день, 25 февраля, он принес царю телеграмму Хабалова. Вскоре был составлен и ответ: «Повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки, недопустимые в тяжелое время войны с Германией и Австрией. Николай».²¹ Дубенский заметил, что за обедом,

¹⁹ Блок Александр. Указ. соч., с. 55—56.

²⁰ Там же, с. 57.

²¹ Там же.

продолжавшимся с половины восьмого до половины девятого, «государь как будто тревожен, хотя сегодня по виду был весел». Не только генерал Алексеев, но и многие другие высшие чины Ставки знали уже о событиях в Петрограде, однако, в соответствии с получаемой информацией, расценивали их только как голодные бунты и происки Думы. Это находит отражение в дневнике Дубенского: «Из Петрограда тревожные сведения: голодные рабочие требуют хлеба, их разгоняют казаки; забастовали фабрики и заводы; Государственная Дума заседает очень шумно; социал-демократы Керенский и Скобелев призывают к ниспровержению самодержавной власти, а власти нет. Вопрос о продовольствии и стоит очень плохо. Во многих городах, в том числе в Петрограде и Москве, хлеба нет. Оттого и являются голодные бунты».²² В половине двенадцатого ночи, когда царь в сопровождении ближайших придворных удалялся к себе, Воейковым, вероятно, была доложена и телеграмма Протопопова. В вечерней телеграмме Александры Федоровны говорилось: «Совсем нехорошо в городе».²³ Все это не могло не укрепить Николая в мысли о правильности отданного им распоряжения.

Телеграмма с царским приказом о прекращении беспорядков «завтра же» была получена в Петрограде в 9 час. вечера. Для Хабалова это означало одно: необходимость прибегнуть теперь к стрельбе, как самому сильному средству. Соответствующее распоряжение было отдано им после 10 часов вечера на совещании начальников полицейских частей и командиров запасных полков.

А город между тем бурлил. С вечерними сумерками опустели улицы, но за окнами домов проходили встречи, собрания, бесконечные совещания и разговоры. В помещении общества оптовых закупок шло собрание кооператоров, среди участников которых было много кадетов и членов социалистических партий. Меньшевики-оборонцы заняли помещение Центрального военно-промышленного комитета. На вечернее заседание Петроградской городской думы, писали очевидцы, «явились члены Государственной думы Шингарев, Чхеидзе, Скобелев. Было много публики, пришедшей прямо с улицы, возбужденной событиями. Обсуждению подлежало решение передать городу продовольственное дело, но заседание превратилось в политический митинг. В страстных речах ораторы требовали удаления правительства. Во время прений стало известно, что полиция окружила помещение Центрального военно-промышленного комитета и арестовала часть собравшейся там публики. Шингарев звонил премьер-министру Голицыну, который сказал, что ему ничего об аресте неизвестно. Общественные деятели думали, что правительство колеблется, готово идти на уступки».²⁴

²² Падение царского режима. М.; Л., 1926, т. VI, с. 392, 394.

²³ Блок Александр. Указ. соч., с. 61.

²⁴ Заславский Д. О., Канторович В. А. Хроника Февральской революции. 1917. Февраль—май. Пг., 1924, т. 1, с. 23.

В речах Керенского и Скобелева содержалось требование создания «ответственного министерства», а в заключении заседание Городской думы приняло резолюцию с требованием свободы слова, собраний, печати и свободы выборов и учреждения, ведающего делами продовольствия.²⁵

Родзянко, состоявший в тайных сношениях с великим князем Михаилом Александровичем, братом царя, звонил ему в Гатчину и просил приехать в Петроград. Протопопов усиливал репрессии. Во время арестов в помещении Центрального военно-промышленного комитета, о которых говорилось выше, было задержано два члена рабочей группы этого Комитета, остававшихся еще на свободе, в том числе К. А. Гвоздев. Вечером 25 февраля и в ночь на 26 полиция арестовала также по намеченному ранее плану около 100 представителей различных революционных организаций, в том числе пять членов Петербургского комитета большевиков.²⁶ Уже ночью в градоначальство приехал Протопопов, выслушал доклады об арестах и объявил столичной полиции благодарность. А на квартире кн. Голицына на Моховой улице шло в это время совещание министров. Они находились в растерянности и противоречили друг другу. Общее настроение было скорее пойти на компромисс с Думой. Решено было просить ее «употребить свой престиж для успокоения толпы». Хотели вызвать Родзянко к Голицыну, а министры Покровский и Риттих собирались поехать к Милюкову и Савичу. Голицын намекал и на то, что на пути к соглашению с Думой кое-кому придется пожертвовать собой. Это был прямой намек на Протопопова. Заседание закончилось в 4 часа утра.²⁷ В это воскресное утро город еще спал, а в полковых складах ружейных припасов шла работа, готовили патроны для раздачи солдатам.

«26 февраля. В этот день утром, неожиданно, ко мне пришел Петр Бернгардович Струве, — рассказывает Шульгин. — Он был взволнован и полубольной, но предложил мне двигаться к Маклакову. — У Василия Алексеевича мы узнаем. И Дума рядом... (В. А. Маклаков жил в д. № 4 по Тверской ул., недалеко от Таврического дворца. — В. С.). Мы пошли. Был морозный день, ясный. Ни одного трамвая — трамваи стали, и ни одного извозчика. Нам надо было идти пешком к Таврическому дворцу — это верст пять. Петр Бернгардович еле шел, я вел его под руку. На улицах было совершенно спокойно, но очень пусто. И было это спокойствие неприятно, ибо мы отлично знали, отчего стали трамваи, отчего нет извозчиков. Вот уже три дня в Петрограде не стало хлеба. И этот светлый день был „затишьем перед бурей“».²⁸

И действительно, в это утро на улицах долго не появлялся народ. Заводы стояли, рабочие отдыхали. Но в 11—12 часов дня

²⁵ Авдеев Н. Революция 1917 года... с. 35.

²⁶ Блок Александр. Указ. соч., с. 58—59.

²⁷ Там же, с. 59—60.

²⁸ Шульгин В. В. Дни. Л., 1926, с. 119—120.

из домов стали выходить одетые по воскресному люди. Они тотчас заметили, что мосты свободны для прохода, что войска стоят только на улицах, открывавших путь на Невский. И именно туда, к этим улицам стали сходитьсь. Уже известны были привычные маршруты: Знаменская площадь, Невский, сквер у Казанского собора, где в эти три дня шли непрерывные митинги и манифестации. Около трех часов дня на Невский прорвались огромные массы людей. Напор толпы был так велик, что шеренги солдат не удержали ее в трех местах — у Знаменской площади, у Садовой и у Казанского собора. Начались митинги, пение революционных песен. И вот после предупреждения, а в некоторых местах и безо всякого предупреждения, на Знаменской площади, у Литейного и Владимирского проспектов, у Садовой улицы и у здания Городской думы солдатские шеренги стали стрелять по толпе, оставляя на Невском убитых и раненых. Люди бросались в парадные и дворы, а после прекращения огня снова выходили на проспект. Только в половине пятого дня Невский был очищен от демонстрантов. При этом 4 роты запасного батальона Павловского полка отказались выступить против народа. Выбежав из здания Конюшенного ведомства, где была расквартирована их рота, на Екатерининский канал и обстреляв взвод конно-полицейской стражи, часть солдат (21 человек) с оружием в руках скрылась в неизвестном направлении.²⁹

Демонстранты также выказали враждебное отношение к полиции, пуская в ход револьверы и винтовки, камни и куски льда. Упоминался даже случай взрыва самодельной бомбы. Аресты продолжались. К ночи на 27 февраля полиция арестовала уже 170 человек, собиралась также произвести аресты в помещении дома Елисеева на углу Малой Садовой и Невского, где, по ее данным, должно было состояться совещание «левых» с участием Керенского и Соколова «для обсуждения вопроса о наилучшем использовании в революционных целях возникших беспорядков и дальнейшем планомерном руководительстве таковыми».³⁰

---

²⁹ Е. Д. Черменский в своей книге «IV Государственная дума и свержение царизма в России» (М., 1976, с. 279, 281) в описании событий этого дня допускает ряд неточностей. Он относит появление массы демонстрантов к «полудню», а не ко второй половине дня, называя только один митинг на Знаменской площади. Утверждение, что «по всему Невскому городовые из засад вели стрельбу из винтовок», также не соответствует действительности: расстрелы на Невском производились заставами и караулами гвардейских частей, а не полицией. Полицейские засады — явление, характерное для дней 28 февраля и 1 марта 1917 г. И еще хотелось бы привести одну уточняющую подробность, причисляя восставших солдат 4 роты запасного батальона Павловского полка к первой части, перешедшей на сторону народа: по нашему мнению, все же вряд ли правомерно вести счет увеличения войск в революционном лагере с этих 600 человек, так как восстание павловцев было подавлено через несколько часов, рота выдала 19 «зачинщиков», которые вечером 26 февраля были препровождены под арест в Петропавловскую крепость.

³⁰ Блок Александр. Указ. соч., с. 62.

И вот на фоне этих событий буржуазные политики, наконец, начали проявлять большую, нежели в предшествующие дни, активность, не делая, впрочем, ни малейшей попытки вступить в какой-то контакт с рабочими и их руководителями и по-прежнему относясь к движению как к подозрительному и нежелательному. Еще накануне Родзянко побывал у Голицына. Тот, хотя и припугнул Родзянко готовым бланком указа о роспуске Думы, но предлагал «какую-то мировую», просил устроить совещание с участием Милюкова и Савича, лидеров фракций кадетов и октябристов в Думе.³¹ Об этом же, как уже говорилось, шла речь и на ночном заседании Совета министров. Маклаков, «самый умеренный из кадетов и самый умный», «патриот Прогрессивного блока», был, по словам Шульгина, тем самым человеком, который мог стать связующим звеном между Думой и правительством.³² Он, при состоявшейся в тот день встрече с министром иностранных дел Покровским, потребовал «перемену правительства и назначение новых министров, пользующихся доверием», указывая, что эта мера, может быть, успокоит народ.³³

Однако, как обоснованно отмечает современный историк В. С. Дякин, Маклаков имел в виду «кабинет бюрократов» из А. А. Поливанова, А. В. Кривошеина, П. Н. Игнатьева во главе с генералом М. В. Алексеевым или каким-нибудь другим.³⁴

Пока велись эти переговоры, в комнате № 11 Таврического дворца шло непрерывное заседание бюро Прогрессивного блока, среди множества вопросов обсуждавшее и вопрос о составе правительства — список министров на случай, если им вдруг скажут «давайте ваших людей».³⁵ Описывая день 26 февраля, Шульгин упоминает еще о беседе, которую он и Маклаков имели с Керенским и Скобелевым. Последние убеждали членов Прогрессивного блока бороться за смену власти, за приход к ней «правительства доверия», а Маклаков спорил с ними, высказываясь в пользу «толковых и чистых» бюрократов.³⁶ Во всяком случае, мысль о том, что наступивший острый критический момент может дать шанс для прихода к власти «лиц, пользующихся доверием страны», возникла в этот день у многих.

Чрезвычайно активным был Родзянко. Днем он пытался вмешаться в события, предотвратить расстрелы. Спрашивал Хабалова: «Зачем кровь?», советовал генералу Беляеву применять против демонстрантов не оружие, а пожарные брандспойты.³⁷ Но вечером он отправил в Ставку телеграмму (а копии ее всем глав-

³¹ Падение царского режима. М.; Л., 1927. т. VII, с. 158—159.

³² Шульгин В. В. Указ. соч., с. 120—122.

³³ Падение царского режима. Л., 1925, т. IV, с. 99—100.

³⁴ См.: Дякин В. С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны. Л., 1967, с. 325.

³⁵ Шульгин В. В. Указ. соч., с. 122.

³⁶ Там же, с. 123.

³⁷ Блок Александр. Указ. соч., с. 63.

нокомандующим фронтами, прося поддержать его перед царем), содержание которой достаточно хорошо известно историкам:

«Положение серьезное. В столице анархия. Правительство парализовано...» Правительство парализовано? В тот момент еще нет, но уже утром 27-го его полностью постигает этот паралич. Далее: «Транспорт, продовольствие и топливо пришли в полное расстройство. Растет общее недовольство. На улицах происходит беспорядочная стрельба. Частью войска стреляют друг в друга...» Тут тоже не совсем так. Беспорядочной стрельбы не было, а оставшей частью, «стрелявшей друг в друга», была только одна рота Павловского полка, быстро приведенная к повиновению. Но все это могло случиться буквально с часу на час. И сгущение красок не было лишь проявлением политической прозорливости Родзянко. Он делал это для того, чтобы побудить царя принять важное решение, о котором говорилось в конце телеграммы: «Необходимо немедленно поручить лицу, пользующемуся доверием страны, составить новое правительство. Медлить нельзя. Всякое промедление смерти подобно. Молю Бога, чтобы в этот час ответственность не пала на венценосца». ³⁸

Председатель Думы видел явную антидинастическую направленность движения рабочих масс и городской бедноты (до него дошли сведения о ненадежности войск), делал отчаянную попытку личным обращением к императору добиться изменения политических сил. Но и эта попытка была бесплодной. Слишком далеко был Могилев от Петрограда. Там было спокойно и чинно, стояла такая мягкая погода, что царь ходил даже без пальто. А главное от «подлежащих лиц» он получал совсем другие известия. Телеграмму Родзянко царь решил оставить без последствий, поскольку считал ее содержание не отвечающим действительности.

Еще один удар был нанесен Родзянко и Думе указом Совета министров о роспуске Думы от 26 февраля. Занятия Государственной думы и Государственного Совета прерывались, и срок возобновления их назначался «не позднее апреля 1917 года в зависимости от чрезвычайных обстоятельств». ³⁹ Это был тот самый указ, которым кн. Голицын грозил Родзянко еще накануне, 25 февраля, и который был введен в действие на вечернем заседании правительства в присутствии генерала Хабалова, представителей правой группы Государственного Совета — бывшего премьера А. Ф. Трепова, вновь входившего в силу бывшего министра внутренних дел Н. А. Маклакова и кн. А. А. Ширинского-Шихматова, внесших предложение немедленно объявить Петроград на осадном положении. Здесь же министры Покровский и Риттих сообщили о результатах своих переговоров с представителями Прогрессивного блока. Теперь, когда на улицах была одержана

³⁸ Великие дни Российской революции. Пг., 1917, с. 3.

³⁹ Там же, с. 1.

«победа» и после расстрела демонстрантов центр города находился в руках правительства, Совет министров решил проявить твердость: условия Думы, переданные М. В. Родзянко и В. А. Маклаковым, были признаны неприемлемыми. Более того, было принято предложение кн. Голицына объявить перерыв в работе Думы, по-прежнему видя в ней главный очаг смуты. Пожертвовав требуемыми законом формальностями распубликования указа о перерыве занятий Думы через Сенат, решили немедленно отпечатать его и доставить Председателю Думы прямо на квартиру. Родзянко был возмущен подобными нарушениями и тем, что его не вызвали для обсуждения и согласования сроков возобновления работы Думы. Он тут же позвонил Милюкову и Савичу и просил их завтра утром пораньше прибыть в Таврический дворец.

Уличные беспорядки, свидетелями которых были и послы союзных с Россией держав, вносили беспокойство в их жизнь. Донесения их осведомителей показывали, что положение царского правительства вряд ли может считаться прочным. Часами дежурили сотрудники посольств в Министерстве иностранных дел, надеясь узнать официальные комментарии по поводу событий.

Около часу ночи на 27 февраля, возвращаясь к себе домой на Французскую набережную, посол Франции Морис Палеолог повстречал В. А. Маклакова и остановил его. Беседа в столь поздний час не казалась им необычной, так как необычными были и сами обстоятельства. По словам Палеолога, кадетский лидер сказал ему: «Мы имеем теперь дело с крупным политическим движением. Все измучены настоящим режимом. Если император не даст стране скорых и широких реформ, волнение перейдет в восстание. А от восстания до революции один только шаг». Посол согласился с ним: «Я сильно боюсь, что Романовы нашли в Протопопове своего Полиньяка. Но если события будут развиваться скорым темпом, вам, наверное, придется играть в них роль. Я умоляю Вас не забывать тогда об элементарных обязанностях, которые налагает на Россию война». Маклаков не опроверг столь лестное предположение. Он прочувствованно ответил Палеологу: «Вы можете положиться на меня».⁴⁰

В те же ночные часы А. Д. Протопопов в своем кабинете в Министерстве внутренних дел трудился над составлением очередной телеграммы в Ставку, рисуя положение правительственного лагеря несколько более прочным, чем оно было на самом деле. «Сегодня порядок в городе не нарушался до четырех часов дня, — писал министр, — когда на Невском проспекте стала накапливаться толпа, неподчинявшаяся требованию разойтись. Ввиду сего возле Городской думы войсками были произведены три залпа холостыми патронами, после чего образовавшееся там скопище рассеялось. Одновременно значительные скопища образовались на

⁴⁰ Палеолог Морис. Царская Россия накануне революции. М.; Пг., 1923, с. 339.

Лиговской улице, Знаменской площади, также на пересечениях Невского Владимирским проспектом и Садовой улицей, причем во всех этих пунктах толпа вела себя вызывающе, бросая в войска камнями, комьями сколотого на улицах льда». Без всяких душевных терзаний бывший либерал выводил теперь на бумаге свои подвиги. Вот обещал он залить кровью Россию в случае революции — и заливал. Пусть царь оценит его заслуги! «Поэтому, — продолжал Протопопов, — когда стрельба вверх не оказала воздействия на толпу, вызвав лишь насмешки над войсками, последние вынуждены были для прекращения буйства прибегнуть к стрельбе боевыми патронами по толпе, в результате чего оказались убитые и раненые, бóльшую часть коих толпа, рассеиваясь, уносила с собой. В начале пятого часа Невский был очищен, но отдельные участники беспорядков, укрываясь за угловыми домами, продолжали обстреливать воинские разезды. Войска действовали ревностно, исключение составляет самостоятельный выход четвертой эвакуированной роты Павловского полка. Охранным отделением арестованы 30 посторонних лиц в помещении группы Центрального военно-промышленного комитета и 136 партийных деятелей, а также революционный руководящий коллектив из пяти лиц. Мою соглашению командующим войсками контроль распределением, выпечкою хлеба, также учетом использования муки возлагается на заведующего продовольствием Империи Ковалевского. Надеюсь, будет польза». Конец телеграммы выглядел уже совершенно успокаивающе: «Поступили сведения, что 27 февраля часть рабочих намеревается приступить к работам. Москве спокойно. М. В. Д. Протопопов».⁴¹ Эта телеграмма была отправлена из Петрограда в Ставку дворцовому коменданту в 4 часа 20 минут утра 27 февраля 1917 г.

Историческое значение воскресного дня 26 февраля 1917 г. для судьбы революции было огромно. Кровь, пролитая рабочими, сыграла роль катализатора событий. Если в первые дни движение развивалось в какой-то мере стихийно, когда наряду с сознательными пролетариями в нем участвовали и люди, охваченные любопытством, увлеченные толпой (23 февраля в забастовке участвовала только треть петроградских рабочих, 24-го работало около половины предприятий), то теперь, после кровавого урока, любопытство и приподнятое настроение сменилось озлоблением и осознанным желанием продолжать борьбу.

В понедельник они уже говорили о том, что надо строить баррикады (слух об этом дошел даже до Царского Села, и Александра Федоровна написала об этом царю). Малочисленная, но сплоченная организация питерских большевиков агитировала рабочих за выступление, за братание с солдатами, принимала меры к вооружению. На станции Удельная состоялось заседание членов Русского бюро ЦК РСДРП(б) совместно с членами ПК, избе-

⁴¹ Цит. по: Блок Александр. Указ. соч., с. 66—67.

жавшими ареста, и работниками Выборгского районного комитета. Судя по воспоминаниям участников этого заседания, было решено призвать рабочих и работниц к решительной борьбе с самодержавием, к вооруженному восстанию. Бюро ЦК отправило письмо московским большевикам с призывом организовать политические выступления московских рабочих в поддержку петроградцев.⁴²

Рабочие окраины готовились к схватке. Уверенность Протопопова в том, что забастовка теперь пойдет на убыль, была необоснованной.

Но еще более неожиданными для царского режима оказались последствия стрельбы в народ — моральное состояние солдат запасных батальонов. Отказ 4 роты Павловского полка стрелять «по своим» и нападение солдат на полицию были лишь естественным продолжением того настроения, которое раньше заставляло солдат переговариваться с демонстрантами, а казаков — прогнать полицейских. И все же большинство солдат, повинуясь приказу, стреляли. Некоторые стреляли в воздух или поверх голов, другие, и их было немало, — стреляли в людей. А ведь это были не враги, а свои русские люди, может быть, родственники тех, кто стоял в солдатских цепочках, братья и жены тех, кто сидел в окопах. Вот почему вид убитых и раненых произвел на солдат сильнейшее воздействие. Придя к себе в казармы, солдаты были угнетены и недовольны. Многие страдали от этого морального бремени, говорили между собой, что завтра стрелять не будут. Нужен был только чей-то пример, мощный толчок, чтобы разгорелось и солдатское восстание.

26 февраля заставило задуматься и лидеров Прогрессивного блока. Если до этого дня они явно недооценивали значение движения, видя в нем только «голодные беспорядки», то теперь почувствовали угрозу мятежа. Проявилось желание вновь вступить в компромисс с царской властью, помочь ей в борьбе с народной стихией, вырвав в обмен уступку — часть политической власти. Возобновились разговоры о возможной реорганизации правительства, были предприняты определенные шаги для выяснения настроения правительства. Но последнее, убедившись в успешном разгоне воскресных демонстраций, сделало очередной зигзаг: отказалось от переговоров с лидерами Думы и объявило о перерыве в ее занятиях. Такой поворот событий создавал новую ситуацию и для руководителей Прогрессивного блока. Необходимо было или подчиниться, или вступить на путь открытой борьбы. Много раз и раньше лидеры блока предусматривали такую возможность (еще в конце 1916 г. они предлагали в этом случае не подчиняться царскому указу и обратиться к народу с призывом о поддержке Думы). Но впервые жизнь поставила руководство Думы в это положение не в теории, а на практике.

⁴² Петроградские большевики в трех революциях. Л., 1966, с. 201—202.

В казармах частей петроградского гарнизона в 6 час. утра 27 февраля начался подъем. Солдаты хмуро одевались, завтракали, разбирали винтовки и шли под командой офицеров на места своих застав. На Троицкий мост — павловцы, на Александровский — московцы, на Николаевский — финляндцы. Но в центре города, в учебной команде запасного батальона гвардии Волынского полка, солдаты которой были накануне в заставе на Знаменской площади и стреляли в народ, унтер-офицер Кирпичников сговорился со взводными, чтобы утром не отвечать на приветствие командира и отказываться стрелять. Солдаты поддерживали их. Когда в начале седьмого часа командир учебной команды штабс-капитан Лашкевич построил солдат, то на его приветствие они ответили криком «Ура!». Лашкевич повернулся и быстро отошел от роты, но был настигнут пулей — выстрелом в спину. Убит был также еще один младший офицер. Волынцы ворвались в полковой цейхгауз, разобрали винтовки, боевые патроны и, стреляя в воздух, выбежали из своих казарм на Парадном переулке. Большинство солдат со своими унтер-офицерами быстро пошли по Парадной улице и Кирочной — снимать Преображенский и Литовский полки, расположенные рядом. В роте было всего 1500 человек, но в течение получаса количество восставших увеличилось во много раз. Преображенцы и литовцы примкнули к солдатам Волынского полка и двинулись, продолжая стрелять в воздух, к Литейному проспекту. По дороге они присоединили к себе солдат 6 запасного саперного батальона, квартировавших в казармах на Кирочной ул. К 7 часам утра общее число восставших солдат дошло уже до 25 тыс. человек.

Из подъездов домов выбегали люди и также пополняли ряды восставших. Вскоре весь Литейный от Бассейной улицы до Шпалерной, Кирочная, Фурштатская, Сергиевская, Захарьевская были заполнены людьми. Солдаты заняли Орудийный завод и завод «Старый Арсенал», рабочие помогли им в этом. Немедленно был подожен Окружной суд, занимавший на Литейном квартал между Захарьевской и Шпалерной. Восставшие освободили заключенных из расположенного тут же Дома предварительного заключения. Затем часть солдат направилась на Александровский (Литейный) мост, где путь им преградила застава Московского полка. После непродолжительной заминки московцы расступились и пропустили восставших, которые тут же, в районе Финляндского вокзала, соединились с рабочими Выборгской стороны.⁴³

---

⁴³ В своей книге «IV Государственная дума и свержение царизма в России» Е. Д. Черменский неточно показывает уличные события в Петрограде утром 27 февраля 1917 г. Он пишет, что с Выборгской стороны «колонны рабочих, сметая полицейские заслоны, направились в центр, где соединились с восставшими солдатами и вместе с ними захватили Арсенал на Литейном и разобрали находившиеся там оружие и патроны» (М., 1976, с. 280—281). На самом деле «Арсеналом» или «Старым Арсена-

Выборгская сторона явилась другим центром восстания рабочих, бастовавших еще с 23 февраля. Перед началом утренней смены на большинстве заводов района состоялись митинги, после которых рабочие с лозунгами, с пением революционных песен вышли на улицы. Кое-где громили оружейные магазины и склады, отнимали оружие у полицейских. Среди рабочих появились люди, вооруженные револьверами, охотничьими ружьями и даже казенными трехлинейками. Массы рабочих направлялись к Литейному мосту и Финляндскому вокзалу. Последний был буквально залит толпой и перешел в руки восставших, превратившись в центр движения на Выборгской стороне. На Петроградской стороне большая толпа из рабочих, студентов и других жителей города собралась около въезда на Троицкий мост, но воинская застава долго их сдерживала. Вышли на улицы также рабочие Нарвского района, Петергофского, Александро-Невского и других пролетарских частей Петрограда. Февральское восстание началось. «27 февраля 1917 г. я был разбужен у себя на квартире криками, раздававшимися с улицы (Захарьевской, ныне — Каляева. — В. С.), — вспоминал В. Н. Львов. — Я поспешно вскочил. Было восемь часов утра. Я подошел к окну, поднял штору и увидел массы солдат, шедших с ружьями по Захарьевской в направлении Литейной. Я тотчас понял, в чем дело, быстро оделся и разбудил офицера, ночевавшего у меня. Он посмотрел в окно, схватил шапку и, размахивая ею, вскричал: „Я поведу солдат во дворец и переворот совершится!“... Я вышел из дому. На Литейной против Окружного суда к солдатам, шедшим с оружием, но без офицеров, присоединились рабочие, начался митинг, крики „ура“, и под влиянием зажигательной речи Хрусталя (Г. С. Хрусталева-Носарь, бывш. председатель Петербургского Совета рабочих депутатов в ноябре 1905 г. — В. С.) солдаты и толпа кинулась на Окружной суд и его сожгла, затем ушла освобождать политических заключенных в „Крестах“. Я узнал, что восстали три полка: Волынский, Литовский и запасный саперный батальон, но без офицеров.

лом» (в отличие от «Нового Арсенала» на Арсенальной набережной Выборгской стороны) назывался завод. Рабочие его соединились с солдатами восставших частей и вместе с рабочими Патронного завода, расположенного тут же на Литейном, после поджога Окружного суда и взятия Дома предварительного заключения сами пошли на Выборгскую сторону через Литейный мост, где и соединились с рабочими выборжцами, митинговавшими около своих предприятий. Е. Д. Черменский путает «Арсенал» на Литейном с Арсеналом Петропавловской крепости (Кронверком), откуда действительно после его взятия было захвачено 40 тыс. винтовок, часть которых пошла на вооружение рабочей милиции. Е. Д. Черменский упоминает только занятие Петропавловской крепости и освобождение из нее заключенных. В действительности это была уже четвертая тюрьма, двери которой открылись в этот день. Вначале были взяты Дом предварительного заключения, «Кресты» на Арсенальной набережной, Литовский замок и только потом Петропавловская крепость и тюрьма в Казачьем переулке.

Тут же мне сказали, что Государственная Дума распущена, и я быстро отправился в Таврический дворец».⁴⁴

Милюков буквально проспал начало великих событий, и о том, что Волынский полк «взбунтовался», он узнал от разбудившего его дворника. Огромный дом, где занимал квартиру Милюков, был расположен на углу Бассейной и Парадной улиц. Как и Львов, Милюков наблюдал первые часы революции из окна своего дома. Вспоминая об этом, он рассказывал, что увидел вдруг раскрытые ворота казармы в Парадном переулке, около них — солдат без шапок и приветствующую их небольшую толпу. Значительная часть солдат полка, пишет Милюков, к этому моменту уже покинула казарму. Он оделся и в сопровождении жены пешком по Парадной, Кирочной и Таврической улицам отправился в Таврический дворец. Парадная улица, по которой три часа назад прошли волынцы, сейчас была пуста, но со стороны Литейного доносились отдельные выстрелы. «События 26 и 27 февраля застали нас врасплох, — признавался Милюков 7 августа 1917 г. на заседании Чрезвычайной следственной комиссии, — потому что они не выходили из тех кругов, которые предполагали возможность того или иного переворота, но они шли из каких-то других источников, или они были стихийны».⁴⁵ Да уж, конечно, для Милюкова приятней было думать, что начавшееся восстание есть следствие козней Протопопова и германских агентов, чем видеть корни недовольства народных масс и признавать результаты деятельности подпольных революционных партий.⁴⁶

Приведем еще одно воспоминание — Шульгина, его разговор с Шингаревым по пути в Таврический.

«До последней минуты, — говорил Шингарев, — я все-таки надеялся — ну, вдруг, просветит господь-бог — уступят... Так нет, не осенило — распустили Думу. А ведь это был последний срок, и согласие с Думой, какая она ни на есть, последняя возможность избежать революции...»

— Вы думаете, началась революция?

— Похоже на то...

— Так ведь это конец?

— Может быть, и конец, а может быть, и начало...

— Нет, вот в это я не верю. Если началась революция — это конец.

---

⁴⁴ Волжский день, 1918, 21 авг.

⁴⁵ Милюков П. Н. Воспоминания. Нью-Йорк, 1955, т. II, с. 291—292.

⁴⁶ В. С. Дякин специально исследовал мнение буржуазных общественных деятелей и эмигрантских историков о том, что Протопопов сознательно шел на провоцирование уличных выступлений рабочих, чтобы «потопить их в крови и тем предотвратить революцию». Дякин полагает, и как нам представляется, вполне обоснованно, что это преувеличение и что кроме плана, разработанного для охраны столицы еще в январе 1917 г., у Протопопова никаких других специальных провокационных планов не было (см.: Дякин В. С. Указ. соч., с. 321—323).

— Может быть, если не верить в чудо. А вдруг будет чудо! Во всяком случае Дума стояла между властью и революцией. Если нас по шалке, то придется стать лицом к лицу с улицей...»⁴⁷ Шульгин не вошел во Временное правительство и сразу же перебрался на правый фланг врагов революционной демократии, а Шингарев искренне верил, что революция может привести к установлению в России «нормальной» буржуазной государственности и активно боролся за это. Даже в декабре 1917 г., сидя в камере Петропавловской крепости (куда он был посажен по приказу Совета Народных Комиссаров), за несколько недель до своей трагической гибели, он писал в дневнике: «Душа народа у нас еще пока мало изменилась, но изменилась, а главное раскрылась и до нее дошла государственная жизнь, ее захватила или требует от нее ответа. Рано или поздно начнется постройка новой государственности на единственно возможном и неизбежном фундаменте. Вот почему я приемлю революцию, и не только приемлю, но и приветствую, и не только приветствую, но и утверждаю. Если бы мне предложили начать ее сначала, я не колеблясь бы сказал теперь: „Начнем“».⁴⁸

Многим союзникам по Прогрессивному блоку пришлось вскоре разойтись в разные стороны, но сейчас, утром 27 февраля все они стремились быстрее добраться до Таврического дворца, навстречу неизвестности. Дворец еще находился в стороне от народного движения, которое шло где-то рядом, за два-три квартала, и на другом берегу скованной льдом Невы. Членов Думы еще защищал караул, поставленный царской властью. Собравшиеся обменивались тревожными новостями: знали уже, что на Выборгской стороне восставшими рабочими занят вокзал и там идут какие-то выборы, что взбунтовалось четыре полка, что ловят и убивают полицейских, начались пожары.

По утверждению Шульгина, еще до 11 часов состоялось заседание бюро Прогрессивного блока, но ввиду разногласий в оценке событий никаких решений не было принято. В 11 часов собрался Совет старейшин Государственной думы. На нем также проявились разногласия. Некрасов, Ефремов, Чхеидзе и Керенский предлагали, чтобы Дума не подчинилась переданному правительством накануне поздно вечером царскому указу о перерыве в работе до апреля, а продолжила свою сессию. Но для большинства руководителей фракций и для Председателя Думы Родзянко такое предложение было неприемлемо.⁴⁹ В результате довольно напряжен-

⁴⁷ Шульгин В. В. Указ. соч., с. 126—127.

⁴⁸ Как это было. Дневник А. И. Шингарева. М., 1918, с. 34.

⁴⁹ См.: Ознобишин Д. В. Временный комитет Государственной Думы и Временное правительство. — Исторические записки. М., 1965, т. 75, с. 275. — Е. Д. Черменский, со ссылкой на статью Милюкова 1927 г., ошибочно утверждает, что Родзянко собрал Совет старейшин еще вечером 26 февраля. На самом деле весть о получении царского указа была пере-

ного обмена мнениями было принято два постановления Совета старейшин: 1) «Государственной Думе не расходиться. Всем депутатам оставаться на своих местах» и 2) «Основным лозунгом момента является упразднение старой власти и замена ее новой. В деле осуществления этого Государственная Дума примет живейшее участие, но для этого прежде всего необходимы порядок и спокойствие».⁵⁰ Хотя эта, вторая, и была важной политической резолюцией, но она ничего не говорила о путях осуществления замены одной власти другой и, кроме того, должна была быть утверждена депутатами Думы.

К этому моменту председатель Думы М. В. Родзянко получил от А. А. Брусилова и Н. В. Рузского ответы на свою телеграмму и заверения в том, что они исполнили «свой долг перед Родиной и царем». Стало известно также, что в самом Петрограде к восставшим присоединился Кексгольмский полк, на Выборгской стороне рабочие и солдаты занимают «Кресты» и выпускают политических заключенных, что раздаются призывы идти к Государственной думе. В этой ситуации Родзянко около часу дня послал новую телеграмму, в которой информировал царя о том, что правительство совершенно бессильно подавить беспорядок и «на войска гарнизона надежды нет», что запасные батальоны гвардейских полков «охвачены бунтом», убивают офицеров и присоединяются к «толпе и народному движению», что гражданская война началась и разгорается. Родзянко просил в отмену указа вновь созвать законодательные палаты.⁵¹

Но бил свой час и для Государственной думы. Родзянко доложили, что его желает видеть делегация солдат от восставших полков для «осведомления о позиции, занятой народными представителями». Родзянко передал делегатам текст политической резолюции Совета старейшин, копию своих телеграмм в Ставку от 26 февраля, ответы генералов Рузского и Брусилова. Правда, текст второй телеграммы председателя Думы царю был сообщен делегатам в несколько сокращенном и отредактированном виде: «Положение ухудшается. Надо принять немедленно меры, ибо завтра будет поздно. Настал последний час, когда решается судьба Родины и династии».⁵² События нарастали как снежный ком. Тогда же, около часу дня Родзянко был вызван к телефону Председателем Совета министров кн. Н. Д. Голицыным, сообщившим председателю Думы, что он, Голицын, глава правительства

дана в тот вечер руководителям фракций по телефону. А Совет старейшин собрался в Таврическом дворце только утром в понедельник, 27 февраля (см.: Черменский Е. Д. Указ. соч., с. 281).

⁵⁰ Текст данного постановления взят из сборника материалов, выпущенного в первые дни марта 1917 г. Бюро Российской прессы. — «Великие дни Российской революции». Февраль: 27 и 28-го. Март: 1, 2, 3 и 4-го. Пг., 1917, с. 1—2.

⁵¹ Красный архив, 1927, т. 2 (21), с. 6—7.

⁵² Великие дни Российской революции, с. 3.

подал в отставку. Затем распространился слух, что в отставку вышли все министры, кроме Протопопова.

Во фракциях шли лихорадочные заседания, где обсуждались постановления Совета старейшин, а на Литейный мост уже вступала огромнейшая демонстрация из вооруженных солдат, рабочих, молодежи. Она шла к Таврическому дворцу. После занятия «Крестов» были освобождены члены рабочей группы Центрального военно-промышленного комитета. Именно они — К. А. Гвоздев, Г. Е. Бройдо и другие — обратились к восставшим с призывом идти к Таврическому дворцу, к Государственной думе. Стало известно, что туда же отправилась и солдатская делегация. Солдаты, участвовавшие в штурме «Крестов», охотно подчинились, и тридцатитысячная процессия потянулась на Шпалерную. К двум часам дня они дошли до Думы и, заполнив внутренний сквер, остановились перед главным подъездом Таврического дворца.

Охрана не пускала их. Тогда, извещенные караульным офицером, к народу вышли «левые депутаты» Государственной думы: Чхеидзе, Керенский, Скобелев и другие. У Таврического дворца состоялся митинг. Но рабочие и солдаты не хотели оставаться перед крыльцом Государственной думы. Они хотели пройти во дворец. Как было написано в газетном сообщении, «лица, руководившие восставшими солдатами, сняв караул у Таврического дворца, приняли охрану Гос. Думы на себя, заняли почту и телеграф в здании Гос. Думы и поставили часовых у телефонных аппаратов».⁵³ Государственная дума постепенно теряла контроль над дворцом. Хозяином в этом здании становился народ.

Но в первые часы это осознали еще не все члены Думы. По приглашению Родзянко, в половине третьего депутаты собрались на «частное совещание». Они едва вместились в небольшом Полуциркульном зале за председательской трибуной. Лишь высокая, до потолка, перегородка отделяла их от Белого зала, где они обычно собирались. Совещание открыл Родзянко, призвавший членов Думы проявлять осторожность в отношении династического вопроса, так как соотношение сил, по его мнению, было все еще неизвестно.⁵⁴ Кадет Некрасов, товарищ председателя Думы, выступивший первым, заявил, что он далек от мысли предлагать принципиально новую власть. Его предложение сводилось к тому, чтобы Дума передала ее «какому-либо пользующемуся большим доверием человеку вместе с несколькими представителями Государственной Думы». Это был план военной диктатуры,

---

⁵³ Там же.

⁵⁴ В эмигрантской газете «Воля России», издававшейся в Праге, 15 марта 1921 г. был опубликован «Протокол событий», представляющий собой подробную запись хода частного совещания Думы. Наиболее полно из советских исследователей этот протокол использован Д. В. Озюбишиным, по статье которого мы и излагаем ход совещания.

а в диктаторы Некрасов прочил генерала А. А. Маниковского. Идею военной диктатуры поддержал лидер октябристов Н. В. Савич, выдвинувший другую кандидатуру — бывшего военного министра А. А. Поливанова. По мнению прогрессиста М. А. Караулова, надо было избрать исполнительную комиссию Думы, которой и поручить все организационные вопросы момента. А. П. Сидоров, прогрессист, советовал выслушать мнение «демократических депутатов». В. А. Ржевский выступал против приглашения генерала «из старого правительства» и предлагал избрать комитет для сношения с армией и народом. В. И. Дзюбинский от имени трудовой фракции был против оттягивания решения вопроса о власти и ратовал за то, чтобы Совет старейшин Думы немедленно взял ее в свои руки и тотчас объявил об этом народу. Вновь берет слово Некрасов, замечая, что аппарат власти еще в «старых руках» и что поэтому надо «найти какое-либо среднее решение», против чего меньшевик Чхеидзе резко возражал, назвав план Некрасова «ложным путем» и потребовав создания «народной власти».⁵⁵

В эту минуту в Полуциркульном зале появился А. Ф. Керенский. Членам Государственной думы он казался олицетворением той стихии, которая уже затопила Таврический дворец. Он и вел себя соответственно. Шульгин так передает его слова: «„Происшедшее подтверждает, что медлить нельзя! Я постоянно получаю сведения, что войска волнуются! Они выйдут на улицу... Я еду сейчас по полкам! Необходимо, чтобы я знал, что я могу им сказать. Могу ли я сказать, что Государственная Дума с ними, что она берет на себя ответственность, что она становится во главе движения?..“ Не помню, получил ли ответ Керенский? Кажется, нет. Но его фигура вдруг выросла в „значительность“ в эту минуту. Он говорил решительно, властно, как бы не растерявшись. Слова и жесты были резки, отчеканены, глаза горели... „Я сейчас еду по полкам!“... Казалось, что это говорил „власть имеющий“... „Он у них диктатор“, — прошептал кто-то около меня».⁵⁶

Керенский исчез, так и не дождавшись полномочий Думы, и заседание продолжалось. Кадеты Н. К. Волков и М. С. Аджемов предложили создать особый комитет Государственной думы и передать ему власть. Затем выступил П. Н. Милюков. Он все еще выжидал. Милюков назвал предложение Некрасова «неудобным», а план создания абсолютно новой власти «невозможным», советуя искать что-то «реальное», разделить власть между Думой и представителями династии. Это фактически была старая уста-

---

⁵⁵ Ознобишин Д. В. Временный комитет Государственной думы и Временное правительство.— Исторические записки. М., 1965, т. 75, с. 275—276.— О наличии неуправленной копии этого протокола в ЦГАОР СССР (ф. 5990, оп. 1, д. 3, л. 2) сообщил Е. Д. Черменский (см.: Черменский Е. Д. Указ. соч., с. 283).

⁵⁶ Шульгин В. В. Указ. соч., с. 133.

новка, выработанная в начале января 1917 г. «на случай военного переворота». Дзюбинский, выступая во второй раз, предложил объявить Государственную думу Учредительным собранием, чтобы от имени народа создать новую власть. Его поддержали кв. С. П. Мансырев и трудовик Н. О. Янушкевич. В. В. Шульгин откровенно заявил, что они не могут «быть солидарны во всем с восставшей частью населения...».

Родзянко поставил на голосование четыре предложения: 1) передать власть Совету старейшин, 2) образовать особый комитет, 3) объявить Думу Учредительным собранием и 4) выбрать комиссию, которой передать организацию власти. Большинство высказалось за то, чтобы Совет старейшин избрал особый комитет. Это решение очень устраивало Родзянко и Милюкова, которые надеялись продолжать переговоры со старой властью. Во время короткого перерыва Совет старейшин наметил в состав комитета Родзянко, Некрасова, Коновалова, Дмитрюкова, Керенского, Чхеидзе, Шульгина, Шидловского, Милюкова, Караулова, В. Н. Львова и Ржевского. Затем вновь открылось «частное совещание», и комитет в данном составе был утвержден и назван: «Комитет Государственной Думы для водворения порядка в Петрограде и для сношения с учреждениями и лицами».

Персональный состав комитета представлял собой наиболее активных членов бюро Прогрессивного блока от Государственной думы с добавлением «левых» депутатов, без которых теперь нельзя было воздействовать на народные массы. «Это было расширение блока налево, о котором я когда-то говорил с Шингаревым, — писал Шульгин, — но, увы, при какой обстановке произошло это расширение».⁵⁷ А эта обстановка напоминала о себе буквально на каждом шагу. Солдаты, рабочие, студенты становились полноправными хозяевами в Таврическом дворце, подавленные депутаты жалались по стенкам. Правое (от входа) крыло дворца — особенно большие залы №№ 11 и 13 (помещения финансовой и бюджетной комиссий Думы) явочным путем захватили пришедшие во главе толпы лидеры рабочей группы Военно-промышленного комитета. Вместе с Чхеидзе, Керенским и Скобелевым, журналистами и адвокатами, членами «социалистических партий», которые проникли в Думу вместе с народом, они провозгласили себя около трех часов дня Временным исполнительным комитетом Совета рабочих депутатов. Исполком немедленно составил воззвание к рабочим с призывом избирать и посылать в Таврический дворец депутатов на первое собрание Совета, которое назначалось на 7 часов вечера. Воззвание было размножено на ротаторе и отправлено по рабочим районам. Временный комитет Государственной думы, перешедший в левое крыло Таврического дворца, в комнату № 5 (кабинет Председа-

⁵⁷ Там же, с. 135.

теля Думы), разместился по соседству с Временным исполнительным комитетом Петроградского Совета.

В половине шестого вечера во дворец под конвоем привели бывшего министра юстиции, а в тот момент Председателя Государственного Совета — И. Г. Щегловитова. Вот как обернулись дела. Председатель нижней палаты Родзянко попал в число «революционеров» и к нему привели под арест председателя верхней палаты! Щегловитов стал первым узником министерского павильона Таврического дворца. Вопрос «что делать?» стал во всей своей грозности перед лидерами Думы. А за стенами дворца революция стремительно расширялась. Вся Литейная и Выборгская части были охвачены восстанием. Рабочие и солдаты не давали пожарным тушить огромное здание Окружного суда — горели все его этажи. Возникли и новые пожары: запылала охранка, здание Александро-Невской части, полицейский архив. За Нарвской заставой путиловцы подожгли архив, расположенный в Триумфальной арке, приняв его за архив полиции. Генерал Хабалов сформировал сводный отряд численностью около тысячи человек и послал его на усмирение восставших полков. Отряд под командованием полковника Преображенского полка А. П. Кутепова прошел по Литейному до Кировной и там завяз, натолкнувшись на импровизированные баррикады и плотную стену народа. В 12 часов дня 27 февраля Хабалов телеграфировал в Ставку, что воинские части гарнизона отказываются «выходить против бунтующих».⁵⁸ Военный министр М. А. Беляев был настроен пока более уверенно: в своей телеграмме Алексееву (в 1 час 15 минут) он заявлял о том, что волнениями охвачены только «некоторые части» и что «беспоощадными мерами» они скоро будут подавлены.⁵⁹ Правительственной штаб-квартирой стал дом на Моховой, где жил Председатель Совета министров. Сообщение о его отставке оказалось блефом, Голицын пока еще держался. К двум часам на Моховую прибыл военный министр, доложивший главе правительства, что он назначил в помощь Хабалову генерала М. К. Занкевича. Вскоре приехал и сам Хабалов, находившийся в тяжелом подавленном состоянии. Здесь до 3—4 часов дня министры лишь констатировали развитие событий. К пяти часам решено было всем собраться в Мариинском дворце. Голицын между тем послал в градоначальство (Гороховая, 2) Беляева, который стал свидетелем растерянности военных и полицейских начальников. В градоначальство прибыл и командир Гвардейского флотского экипажа великий князь Кирилл Владимирович. Он посоветовал Беляеву для «успокоения» немедленно сменить министра внутренних дел Протопопова. Когда Беляев вернулся в Мариинский дворец, то все министры были уже в сборе и явно ожидали своего неминуемого ареста. Решено

⁵⁸ Красный архив, 1927, т. 2 (21), с. 8.

⁵⁹ Там же, с. 8—9.

было сменить Протопопова, которому посоветовали сказатьсь больным. По приказу кн. Голицына генерал Тяжелыников напечатал извещение о «болезни Протопопова» и замене его «товарищем по принадлежности». Протопопов смирился с этим и ушел, грозя застрелиться. В 6 часов вечера Совет министров послал за подписью Голицына телеграмму царю, в которой просил объявить Петроград на осадном положении, поставить во главе «оставшихся верными войск» популярного генерала из Действующей армии. Правительство сообщало, что оно не в силах справиться с создавшимся положением и предлагает самороспуск с тем, чтобы император назначил новым Председателем Совета министров «лицо, пользующееся общим доверием», и составил «ответственное министерство». Таков был бесславный конец царского правительства, которое полтора года боролось против этого требования Думы и теперь капитулировало перед ним в момент народной революции. К вечеру в распоряжении правительства оставался только район Зимнего Дворца, Адмиралтейства и Мариинского дворца. В 19 часов 22 мин. военный министр телеграфировал генералу Алексеву, что положение «весьма серьезное», военный мятеж оставшимися верными частями «погасить пока не удастся», многие части сами присоединяются к мятежникам. Беляев просил прислать с фронта «действительно надежные части, притом в достаточном количестве».⁶⁰

Тем временем, после совещания только что избранных членов Временного комитета Государственной думы (без Чхеидзе и Кепенского), было решено направить делегацию в составе Родзянко, Некрасова, Савича, Дмитриюкова для переговоров с великим князем Михаилом Александровичем и кн. Голицыным. Михаил был введен в политическую игру руководителей Государственной думы и Прогрессивного блока еще в начале 1917 г., когда он был назначен регентом при малолетнем Алексее Николаевиче на случай, если военный переворот или какие-либо непредвиденные события позволят провести смену правительства и добиться отречения Николая II от престола. С этим согласны были и члены кружка Милюкова, «будущие члены Временного правительства», и Гучков, собиравшийся со своей группой совершить этот переворот, и Родзянко, которому было предопределено поддерживать контакты с Михаилом. В первые дни января Михаил Александрович тайно приезжал на квартиру Родзянко, а 9 января последний нанес ответный визит великому князю в Гатчину (о чем писали и газеты).⁶¹ Контакты между ними и весьма откровенные разговоры продолжались и далее. 26-го Родзянко вызвал

---

⁶⁰ Изложено по: Блок Александр. Указ. соч., с. 69—75 и кн. «Великая Октябрьская социалистическая революция». Хроника событий, 27 февраля—6 мая 1917 г. М., 1957, т. 1, с. 10.

⁶¹ Клевляпин, 1917, 12 янв.

в Петроград Михаила Александровича.⁶² То, что теперь делегация комитета направлялась именно к нему, показывало намерение буржуазных лидеров прощупать почву для осуществления своего плана.

Во время переговоров, на которых присутствовал и кн. Голицын, представители Думы требовали, чтобы Михаил Александрович объявил себя диктатором в Петрограде, уволил бы своей властью старый Совет министров и объявил о создании «ответственного министерства». Голицын отказывался идти в отставку самовольно, но предложения, направленные к Михаилу, поддержал. Последний колебался и согласился на уговоры предпринять какие-то шаги только в девятом часу вечера. Была составлена телеграмма от имени Михаила Александровича, в которой он убеждал императора пойти навстречу Думе: уволить нынешний состав Совета министров и назначить новым премьером кн. Г. Е. Львова. Эта телеграмма была передана по прямому проводу в Ставку из здания Военного министерства. Но Николай II не пожелал подойти к аппарату на вызов брата и через генерала Алексеева передал о своем отказе принять эти предложения. С Голицыным также не удалось сговориться. К 9 часам вечера делегация вернулась в Таврический дворец.⁶³ Тут они узнали, что в правом крыле начало свою работу первое заседание Петроградского Совета рабочих депутатов, на котором присутствовало около 250 человек: членов Временного исполнительного комитета, делегатов от заводов, представителей подпольных партий (в том числе большевиков), отдельных представителей солдат.⁶⁴ Угроза расширения влияния Совета, огромные масштабы, которые приняло восстание в Петрограде, очевидное разложение царского правительства, соединенное с упрямством его главы — все это вынуждало принимать какие-то срочные меры.

В воспоминаниях членов комитета Государственной думы сохранилось несколько свидетельств о настроениях в момент решения взять власть в свои руки. В. Н. Львов писал: «К этому времени положение дел в Петрограде представлялось в следующем виде: волнение в полках разрасталось так, что ни один полк уже не оставался спокойным. А в Совете министров Протопопов требовал учреждения диктатуры в его лице при поддержке Александры Федоровны, ждали лишь приезда Николая II, чтобы дело это

---

⁶² Официальным поводом для приезда великого князя Михаила Александровича из Гатчины была необходимость его присутствия 26 февраля 1917 г. на панихиде по Александру II в Петропавловском соборе (см.: Центральный Государственный исторический архив СССР [далее — ЦГИА СССР], ф. 516, оп. 239/2868, д. 1, л. 85).

⁶³ См. также: Черменский Е. Д. Указ. соч., с. 286—287.

⁶⁴ См.: Токарев Ю. С. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов и образование Временного правительства. — В кн.: Из истории Великой Октябрьской социалистической революции и социалистического строительства. Л., 1967, с. 32—33.

было решенным. В Петроград высылались войска для подавления мятежа. И несмотря на это был пока лишь солдатский мятеж, а не революция. Но призрак кровавого подавления мятежа, разгона Государственной Думы и диктатуры Протопопова во славу кружка Распутина сжимал сердца членов Временного комитета более, чем призрак революции. С другой стороны, солдатский мятеж мог перекинуться в армию и тогда деморализованная армия могла открыть фронт врагу, дорогу на Петроград к позору России и торжеству Германии. Вот в каком виде представлялся вопрос о положении дел в Петрограде Временному комитету».⁶⁵ Далее Львов присоединяет к этому еще два аргумента: боязнь «пораженческой агитации» со стороны Совета рабочих депутатов и прямое требование со стороны его лидеров к Временному комитету взять власть, чтобы «вся революция пошла под лозунгом войны», и судьба армии, тревогу за которую выразила специальная делегация офицеров.

Примерно то же писал Милюков, обращая внимание на связь решения о взятии власти с предшествующими планами оппозиции: «К вечеру 27 февраля, когда выяснился весь размер революционного движения, Временный комитет Государственной Думы решил сделать дальнейший шаг и взять в свои руки власть, выпавшую из рук правительства. Все ясно сознавали, что от участия или неучастия Думы в руководстве движением зависит его успех или неудача. До успеха было еще далеко: позиция войск не только вне Петрограда и на фронте, но даже и внутри Петрограда и в ближайших его окрестностях далеко еще не выяснилась. Но была уже ясна вся глубина и серьезность переворота, неизбежность которого сознавалась, как мы видели, и ранее. . . кружок руководителей уже заранее обсудил меры, которые должны были быть приняты на случай переворота. Намечен был даже и состав будущего правительства. Из этого намеченного состава кн. Г. Е. Львов не находился в Петрограде и за ним было немедленно послано. Именно эта необходимость вести в состав первого революционного правительства руководителя общественного движения, происходившего вне Думы, сделала невозможным образование министерства в первый же день переворота».⁶⁶

Но решение взять власть далось не без борьбы. Если для Милюкова было уже ясно, что Дума все равно окажется «замешанной», если революция будет подавлена, то Родзянко все еще упрямялся и хотел полностью соблюсти легальные рамки. «Он все допытывался, — вспоминал Шульгин, — что это будет: бунт или не бунт?

„Я не желаю бунтоваться. Я не бунтовщик, никакой революции я не делал и не хочу делать. Если она сделалась, то именно

⁶⁵ Волжский день, 1918, 21 авг.

⁶⁶ М и л ю к о в П. Н. История второй русской революции. София, 1921, т. 1, вып. 1, с. 43.

потому, что нас не слушались. Но я не революционер. Против верховной власти я не пойду, не хочу идти. Но, с другой стороны, ведь правительства нет. Ко мне рвутся со всех сторон. Все телефоны обрывают. Спрашивают что делать? Как же быть?“. Спрашивал он и у меня. Я ответил совершенно неожиданно для самого себя, совершенно решительно: Берите, Михаил Владимирович. Никакого в этом нет бунта. Берите как верноподданный... Берите, потому что держава Российская не может быть без власти... И если министры сбежали, то должен же кто-то их заменить».⁶⁷ По мнению Шульгина, если революция будет подавлена и новое правительство будет назначено царем, то ему и сдаст власть Временный комитет Государственной думы. Если же революция будет разгораться дальше, то власть могут «подобрать другие», т. е. Совет рабочих депутатов.

Поздно вечером, после того как Б. А. Энгельгардт сообщил о переходе на сторону революции Преображенского полка, Родзянко с важностью согласился заявить о том, что комитет и он берут власть в свои руки, требуя при этом «беспрекословного подчинения» себе со стороны всех членов комитета. В ту минуту он как-то забыл даже, что кандидатура будущего премьера князя Львова «согласована» и воображал себя уже главой Российского правительства.⁶⁸

Вновь был пересмотрен список членов Временного комитета. На первом месте остался Родзянко, а на второе и третье соответственно перенесли фамилии Керенского и Чхеидзе. Список был дополнен тринадцатым членом — полковником Б. А. Энгельгардтом, назначенным «комендантом восставшего петроградского гарнизона» и приступившего к исполнению своих обязанностей в час ночи на 28 февраля.⁶⁹ Члены комитета взялись за перо. Тотчас были составлены два обращения к населению, которые в два часа ночи были переданы для опубликования. Первое из них призывало солдат и население Петрограда «во имя общих интересов щадить государственные и общественные учреждения и приспособления», не допускать посягательства на жизнь и здоровье, а также имущество частных лиц. Второе воззвание представляло собой резолюцию о взятии власти. В нем говорилось: «Временный комитет членов Государственной Думы при тяжелых условиях внутренней разрухи, вызванной мерами старого правительства, нашел себя вынужденным взять в свои руки восстановление государственного и общественного порядка. Сознывая всю ответственность принятого им решения, Комитет выражает уверенность, что население и армия помогут ему в трудной за-

⁶⁷ Шульгин В. В. Указ. соч., с. 147—148.

⁶⁸ Эту сцену описывают в своих воспоминаниях Б. А. Энгельгардт и П. Н. Милюков. Последний утверждает, что решающей явилась его личная просьба к Родзянке взять власть (см. также: Черменский Е. Д. Указ. соч., с. 288—290).

⁶⁹ Великие дни Российской революции, с. 6—7.

дате создания нового правительства, соответствующего желаниям населения и могущего пользоваться его доверием».⁷⁰

Итак, сделан был главный шаг на пути вовлечения Думы в водоворот политических событий революции. Одновременно это был первый шаг для создания будущего Временного правительства: оно было обещано населению в этом воззвании. Но оно еще не называлось «временным». Комитет обещал создать правительство, «пользующееся доверием населения». И ни слова не говорилось о тех путях, какими это правительство будет создано. Комитет оставлял за собой полную свободу для переговоров с «верховой властью» и в своих воззваниях ни разу даже не упомянул слова «революция».

МЕРЫ ПО СОЗДАНИЮ НОВОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

В царской Ставке в Могилеве 27 февраля стало днем большого беспокойства и тревог.¹ Высшие офицеры делились между собой новостями и слухами, принесенными из Петрограда. «Была, говорят, сильная стрельба у Казанского собора, много убитых со стороны полиции и среди народа, — записывал в своем дневнике официальный историограф Ставки генерал Д. Н. Дубенский. — Говорят по городу ходят бронированные автомобили. Слухи стали столь тревожны, что решено завтра 28 февраля отбыть в Петроград». У Дубенского состоялся разговор с консультантом начальника штаба Верховного главнокомандующего М. В. Алексеева по военно-судебным вопросам — профессором С. Н. Трегубовым. Тот рассказывал, что, когда он спросил Алексеева, что делается в Петрограде, главнокомандующий ответил: «Петроград в восстании». Сам Трегубов сказал: «Первое, что надо сделать, — это убить Протопопова, он ничего не делает, шарлатан».² К пятичасовому чаю Дубенский решил навеститься к генерал-адъютанту Н. И. Иванову, прикомандированному к Ставке еще 31 марта 1916 г. Иванов жил в своем уютно оборудованном вагоне прямо на вокзале станции Могилев и отказался переехать на квартиру в город. Проходя по улицам, Дубенский был поражен, когда увидел, что дворцовый комендант В. Н. Воейков, беспечно напевая, занимается благоустройством своей новой квартиры: вешает занавески, прибывает картины.

Между тем генерал Алексеев несколько раз совещался с императором, докладывая ему новости. О результатах этих сове-

⁷⁰ Там же, с. 7—8.

¹ Всесторонний и глубокий анализ событий в лагере защитников царизма в момент Февральской буржуазно-демократической революции содержится в монографии Г. З. Иоффе (см.: Иоффе Г. З. Крах российской монархической контрреволюции. М., 1977. Глава первая. В борьбе с Февральской революцией, с. 14—58). Мы касаемся этих вопросов только в связи с разработкой темы исследования — переговоров о создании новой власти после низложения Николая II.

² Падение царского режима. М.; Л., 1926, т. VI, с. 397—398.

щаний можно узнать из письма Николая II Александре Федоровне: «... После вчерашних известий из города я видел здесь много испуганных лиц. К счастью, Алексеев спокоен, но полагает, что необходимо назначить очень энергичного человека, чтобы заставить министров работать для разрешения вопросов: продовольственного, железнодорожного, угольного и т. д. Это, конечно, совершенно справедливо...».³ Дело, следовательно, сводилось к тому, чтобы назначить нового человека над министрами, который мог бы «заставить» их работать. Такого человека нужно было срочно искать. Но случай сам привел его в кабинет царя — генерала-адъютанта Николая Иудовича Иванова.

У него в вагоне за чаем собрались Дубенский и лейб-медик профессор С. П. Федоров. Втроем они горячо обсуждали петроградские события и начали убеждать Иванова «поговорить с государем», чтобы послать в Петроград несколько хороших полков, «внушить действовать решительно, и дело можно еще потушить». Иванов отказывался, но в конце концов обещал. К обеду, т. е. к восьми часам вечера стало известно о происшествии с четвертой ротой Павловского полка 26 февраля, что было расценено как дурной знак. Появился Воейков, которому также была вручена ночная телеграмма Протопопова. По телеграфу были отданы распоряжения о посылке в Петроград войск, артиллерии и кавалерии. В 19 час. 6 мин. царь отправил телеграмму Александре Федоровне: «Выезжаю завтра в 2.30. Конная гвардия получила приказание немедленно выступить из Новгорода в город. Бог даст, беспорядки в войсках скоро будут прекращены».⁴ И тут Николаю доложили о том, что генерал Иванов просит его принять. Иванов находился уже одиннадцать месяцев при Ставке, куда был взят с должности командующего Юго-Западным фронтом. Этим перемещением, как говорили, он был обязан распутинской интриге. 66-летний боевой генерал фактически оказался не у дел. Лишь дважды посылали его на инспекционные поездки. Император видел его каждый день за общим обедом, но почти никогда не разговаривал. Иванов тяготился своим бездействием и 12 декабря просился в отставку. Царь не согласился, но обещал «подумать». С тех пор они два с половиной месяца не разговаривали. И вот теперь Иванов вновь предстал перед императором: «Я считал себя обязанным доложить тогда же... как о причинах усилившегося недовольства, так и о том, что необходимо немедленное принятие мер, которые могли бы удовлетворить разные группы народа. Доложил также и о том, что за последнее время недовольство проникло и в войска».⁵ К неужи-

³ Переписка Николая и Александры Романовых. 1916—1917. М.,; Л., 1927, т. V, с. 221.

⁴ Там же, с. 225.

⁵ Экспедиция генерала Н. И. Иванова на Петроград. — Красный архив, 1926, т. 4 (17), с. 226—227.

данности генерала, царь сказал ему, что тот назначается главнокомандующим войсками Петроградского военного округа и должен завтра же выезжать в Петроград. Туда же направляются войска из армии, на которые Иванов может опереться. Генерал говорил, что не знает этих войск, их настроений, а также предупредил, что «в случае народных волнений» не все войска останутся на стороне правительства.⁶

Николай II, успокаивая генерала, сказал ему, что скоро будет объявлено о создании «ответственного министерства». По свидетельству Иванова,⁷ император в этот момент уже решил пойти на известные уступки Думе. Любопытно, что совет (а может быть разрешение?) сделать этот шаг он получил от императрицы. В 11 часов 12 минут дня она отправила в Ставку первую телеграмму: «Революция вчера приняла ужасающие размеры. Знаю, что присоединились и другие части. Известия хуже, чем когда бы то ни было. Алис», а в 1 час 30 минут — вторую: «Уступки необходимы. Стачки продолжаются. Много войск перешло на сторону революции».⁸

Итак, уступки были необходимы, это поняла, наконец, даже царица. Николай II посылал в Петроград нового главнокомандующего и говорил ему, что дарует «министерство доверия». И в то же время отправлял туда войска, чтобы подавить народное движение. Уступки, как и всегда, делались лишь вынужденно и были половинчатыми и запоздалыми. Когда Дума в 1915 г. почтительно просила царя о «министерстве доверия», ей было отказано, а теперь, когда на улицах Петрограда уже победила революция и победила под лозунгом «Долой самодержавие! Да здравствует демократическая республика!», Николай II собирался «осчастливить» страну явно запоздалой уступкой.

Многие свидетельства говорят за то, что генерал Иванов отличался миролюбивым характером и не подходил к роли кровавого палача. Ему случилось прекращать беспорядки в Харбине, однако он добился этого только «демонстрацией силы», без единого выстрела. Он и теперь собирался не вводить войска в столицу немедленно, а, отправляясь из Ставки, приказал следовавшим на Петроград войскам, поступившим в его распоряжение, остановиться перед городом на последних станциях и высаживаться там, откуда уже походным порядком (после выяснения обстановки) добираться до Петрограда. Серьезным доводом в пользу осмотрительности было для Иванова и сообщение о том, что царь

---

⁶ Эту же мысль Иванов, по свидетельству Дубенского, развивал и за пятчасовым чаем: «Всякая новая часть, которая входит в восставший гарнизон, сейчас же переходит на его сторону». — Падение царского режима, с. 400.

⁷ Экспедиция генерала Н. И. Иванова на Петроград, с. 227.

⁸ Блок Александр. Последние дни императорской власти. Пг., 1921, с. 77—78.

пойдет на соглашение с Думой в вопросе о правительстве. Независимо от того, как относиться к заявлениям генерала Иванова о том, что он не собирался быть карателем, заявлениям, сделанным уже после Февральской революции, нельзя не видеть, что выбор его на роль «диктатора» оказался делом случая и свидетельствовал о растерянности царя и его ближайшего окружения.⁹

Паника в Ставке между тем нарастала. Дубенский считал назначение Иванова в Петроград запоздалым: «Уже определилось Временное правительство, заседающее в Думе под охраной войск, перешедших на сторону революционеров. Войск, верных государю, осталось меньше, чем против него. Гвардейский Литовский полк убил командира. Преображенцы убили батальонного командира Богдановича. Председатель Думы Родзянко прислал в Ставку государю телеграмму, в которой просил его прибыть немедленно в Царское Село, спасти Россию».¹⁰ Примерно к этому же времени относятся переговоры царя с Советом министров и великим князем Михаилом Александровичем. В 10 час. 30 мин. вечера Алексеев сообщил последнему по прямому проводу: «Завтра государь император выезжает в Царское Село». По поводу предложения уволить всех прежних министров и поручить формирование кабинета представителю «общественности» князю Г. Е. Львову, Алексеев от имени царя запретил производить изменения в составе министров до приезда Николая II, сообщил и о том, что 28 февраля в Петроград выедет генерал Иванов и «надежные части» с Северного и Западного фронтов.¹¹ Итак, уступки — уступками, а сдаваться царь еще не собирался. С одной стороны, он, вроде бы, принимал предложение о назначении «министерства доверия». Но назначить Председателем Совета министров князя Львова, рекомендованного Думой, еще отказывался. Во всяком случае, не спешил согласиться. Легко представить себе, с какой радостью встретили бы в Петрограде лидеры буржуазной оппозиции известие о согласии Николая II

⁹ О своем нежелании играть роль карателя и устраивать стрельбу в Петрограде Иванов подробно написал в упоминавшемся нами письме военному министру Временного правительства Гучкову. Это показал и Дубенский на допросе в Чрезвычайной следственной комиссии. Безусловно, здесь был элемент испуга и самооправдания. Иванов, например, рассказывал, как он был недоволен царем вообще и заверял Временное правительство в своей верности, клялся в любви к простолыдину и солдату. С другой стороны, известные качества его характера проявлялись и до Февральской революции, а трезвый расчет, несомненно, предостерегал его от выступления против целого петроградского гарнизона, да еще в момент, когда между Думой и царем должны были состояться переговоры. Нельзя не видеть и естественного преувеличения роли Иванова как возможного карателя со стороны мемуаристов из думского лагеря: они ведь еще не были уверены в окончательной победе и боялись репрессий в случае неудачи революции.

¹⁰ Падение царского режима. М.; Л., 1926. т. VI, с. 400.

¹¹ Красный архив, 1927, т. 2 (21), с. 15—16.

на назначение главой правительства лица, «пользующегося общественным доверием», с какой быстротой переметнулись бы они от революции к правительственному лагерю. Но им было неизвестно, что царь в принципе согласился на это требование, о чем был уже осведомлен Иванов.

После вечернего чая, в 12 часов ночи Николай II простился с высшими офицерами и удалился к себе в сопровождении Воейкова и министра двора, графа В. Б. Фредерикса, которые вскоре вернулись и объявили, что отъезд в Царское Село назначен безотлагательно, в эту же ночь. В 0 час. 55 мин. царь принял генерала Алексеева. Затем все начали собираться и переезжать на вокзал. Готовился к отъезду и генерал Иванов в своем вагоне. Он решил еще раз утром переговорить с царем, чтобы испросить у него полномочий на то, чтобы его указания министрам (земледелия, промышленности и торговли, путей сообщения и внутренних дел) удовлетворялись «без задержек». Но тут ему сообщили, что в 2 ч. 10 мин. на вокзал прибыл и сам Николай II. Иванов тотчас прошел в его вагон и был сразу же принят. Здесь произошла вторая беседа его с императором. Генерал Иванов получил полномочия, о которых просил, причем приказание было отдано в весьма категорической форме: «Чтобы все министры исполняли требования нового главнокомандующего Петроградским военным округом беспрекословно». Царь согласился с предложением Иванова о том, чтобы не вводить новые войска в Петроград впредь «до выяснения окончательного положения дел». Кроме «гуманных» соображений здесь явно проглядывает и стремление уберечь верные войска от влияния революционных частей петроградского гарнизона.

«Затем, — писал Иванов, — по моему краткому напоминанию о необходимости мер для удовлетворения народа, краткий ответ Николая II утвердил меня в том, что он решил перейти к системе управления через министерство общественного доверия. Поэтому, отправляясь 28 февраля в Петроградский военный округ, я был убежден в осуществлении этой реформы».¹² В Царское Село в 4 часа утра отправили свитский поезд, а через час — царский. От Могилева маршрут лежал через Смоленск, Вязьму, Ржев. В Лихославле поезда должны были свернуть на Николаевскую железную дорогу. Генерал Иванов провожал царя у вагона. «Ваше величество, — сказал он, — позвольте напомнить относительно реформ». Царь ответил: «Да-да, мне только что напомнил об этом генерал Алексеев». При этом вновь были произнесены слова об «ответственном министерстве» и «министерстве доверия».¹³ Пропустив царские поезда, Иванов сам покатил в Оршу, где отряд его был усилен, а затем по более короткому пути через Витебск, чтобы опередить царя. 1 марта в Царском

¹² Экспедиция генерала Н. И. Иванова на Петроград, с. 230.

¹³ Блок Александр. Указ. соч., с. 85.

Селё должны были высадиться 13 батальонов пехоты, 16 кавалерийских эскадронов и 4 батареи.

Литерные поезда шли вперед без задержки. В Оршу генерал Алексеев передал для Николая II телеграмму группы членов Государственного Совета, среди которых был и Гучков, с просьбой о безотлагательном даровании «министерства доверия». После этого прямая связь между литерным поездом и Могилевом прекратилась. В 3 часа дня 28 февраля царь дал телеграмму из Вязьмы, в 21 час 27 минут — из Лихославля. Целый день ушел, таким образом, на передвижение по железной дороге. В Лихославле в свитском поезде была получена телеграмма военного министра Беляева, в которой говорилось о том, что в Петрограде создано Временное правительство с Родзянко во главе. В Бологом сообщили, что в Любань из Петрограда прибыли две роты с пулеметами, которые могут не пропустить поезда в Петроград и Царское Село, но поезда проследовали еще дальше, до Малой Вишеры. Царский поезд прибыл на эту станцию только в третьем часу ночи на 1 марта. Разбуженный Николай II согласился «ехать до ближайшего юза», т. е. в Псков, в Ставку Северного фронта. В три часа ночи он принял Воейкова. Поезда повернули обратно и, доехав до Бологого, поехали на Псков, куда они прибыли в 7 часов 5 минут вечера 1 марта 1917 г. Все это время новых сведений почти не поступало, ожидали, что в Пскове все выяснится.

Что же делалось в эти часы в Пскове, где командовал Северным фронтом генерал Н. В. Рузский, по мнению Дубенского, «человек умный, спокойный, имевший большое влияние на государя»? Рузскому и доверились в этот момент и сам государь, и вся его многочисленная свита в надежде, что он что-то придумает и спасет положение. Надо сказать, что надежды эти в значительной степени были необоснованны. Генерал Рузский безусловно сохранял лояльность императору, но был настроен очень оппозиционно. Этому способствовали связи с руководителями либеральной буржуазии, общая озабоченность генерала по поводу дел на фронте и особенно в тылу, а также отдельные случаи неприязненного отношения к нему со стороны царицы и самого царя. Подробно о своих настроениях накануне Февральской революции генерал-адъютант и генерал от инфантерии Николай Владимирович Рузский рассказал в длительной беседе с великим князем Андреем Владимировичем 14 июня 1917 г. в Кисловодске. Великий князь добросовестно и под свежим впечатлением тут же занес рассказ Рузского в свой дневник. Петроград, говорил Рузский, подчиненный ему как командующему Северным фронтом, был для него тяжелой обузой. Постоянные нехватки в продовольствии и снабжении заставляли его отрывать необходимое от армии. После октябрьских и ноябрьских забастовок 1916 г. Рузский познакомился с положением дел на заводах и увидел, что рабочие готовятся к политической борьбе. Уже

тогда он понял, что войска, размещенные в Петрограде, крайне неохотно пойдут на подавление рабочего движения, и специально предупреждал генерала Хабалова (после выделения Петроградского военного округа из подчинения Северному фронту) о том, чтобы тот не отдавал приказа об усмирении «беспорядков силой оружия», так как это может привести к «ужасным последствиям, учесть кои вперед даже нельзя».¹⁴ Особое раздражение вызывал у Рузского и Протопопов. «С 24 февраля стали поступать отдельные слухи, что в Петрограде неспокойно, — продолжал Рузский, — но в чем дело и во что это вылилось, мы не знали. 26¹⁵ февраля я получил от Родзянко телеграмму, где он вкратце излагал беспокойное настроение столицы и считал единственным выходом из создавшегося тяжелого положения просить государя даровать ответственное министерство. Эту телеграмму я передал государю в Ставку и прибавил от себя, как потом просил Родзянко, и свое ходатайство, считая это выходом из тяжелого положения».¹⁶

Сохранился дневник одного из ближайших помощников Рузского, генерала В. Г. Болдырева, исполнявшего обязанности генерал-квартирмейстера Северного фронта, который позволяет уточнить, что именно добавил от себя генерал Рузский к телеграмме Родзянко. Вот что там было написано: «Рузский отправляет телеграмму государю, извещая его о получении телеграммы Родзянко, которую приказано в копии передать в Ставку. Данилов¹⁷ пригласил меня переговорить по поводу этой телеграммы, мы изменили ее в двух частях, носящих характер условности. Д[анилов] говорил, что выход один — выбор 30 доверенных лиц, которые, в свою очередь, выбрали бы кандидата, которому и вручить судьбу России. Теперь важен даже не столько человек, сколько призыв к чувству народа, который помирил бы народ и с надвигающимся голодом. Все это так, но „сам“ (т. е. — Николай II. — В. С.) уверен, что все это бредни, что Россия благоденствует».¹⁸ Эти разговоры, конечно, нельзя назвать революционными, но и лояльными по отношению к царю их назвать нельзя. И таково было мнение высших офицеров Северного фронта, войска которого своим вмешательством могли изменить ход событий в Петрограде. Эти офицеры рассуждали так днем 27 февраля, еще по существу не зная о размахе восстания в Петрограде. Дальше — больше: «Это мнение, по словам Д[анилова], разделяет и великий князь Георгий Михайлович, бывший сегодня

¹⁴ Из дневника А. В. Романова за 1916—1917 гг. — Красный архив, 1928, т. 1 (26), с. 203.

¹⁵ В дневнике ошибочно названо «26» вместо «27».

¹⁶ Из дневника А. В. Романова. . . , с. 203.

¹⁷ Данилов Ю. Н. — генерал, начальник штаба Северного фронта.

¹⁸ Из дневника ген. В. Г. Болдырева. — Красный архив, 1927, т. 4 (23), с. 250.

у главнокомандующего. Верно, что нет большей слепоты у людей, которые ничего не хотят видеть.

Рузский исправил конец телеграммы, указав, что репрессии не достигнут цели умиротворения. Любопытно, какой последует ответ на эту историческую телеграмму. Р[узский] поступил, как велел долг; интересно, писал ли Родзянко другим главнокомандующим?»¹⁹ Таким образом, если офицеры Рузского ослабили воздействие телеграммы Родзянко в смысле «условности», то сам он усилил его добавлением о ненужности репрессий. К исходу суток в штабе Северного фронта знали уже больше. Было принято к исполнению и распоряжение о посылке в Петроград пехоты и кавалерии. Генерал Болдырев задавал себе вопрос: «Учуют ли немцы, что мы на целых две дивизии ослабили себя для новой борьбы, теперь уже со своим, потерявшим и веру, и терпение, народом?»²⁰ 28-го февраля в Ставке Северного фронта знали из полученных телеграмм, что весь Петроград в руках восставших, что создано Временное правительство, а отправление пехоты в Петроград «задерживается недостатком подвижного состава. Так не хотелось бы вовлекать во все это армию! За что еще хотят бороться — за призрак? Ведь кругом тайное и явное сочувствие. . .», — комментировал положение генерал Болдырев. Запись за 28 февраля кончается в его дневнике словами: «Все будет зависеть от того, что удастся сделать генералу Иванову».²¹ И вот туда, к Пскову, и направлялись литерные поезда.

Еще небольшой взгляд на север, на другой берег Финского залива, в Гельсингфорс, где находилась главная база Балтийского флота. Если кто-то еще и мог, кроме Рузского, изменить положение в Петрограде быстрыми и экстренными мерами, то это был адмирал Адриан Иванович Непенин, еще более резко настроенный по отношению к царю, чем Рузский, в его штабе свила себе гнездо целая «декабристская организация», которая склоняла постепенно адмирала на свою сторону. При получении первых известий о событиях 26 февраля в Петрограде, содержащих слово-пароль «немедленно», собрались члены Балтийского кружка кову поручается устроить совещания с общественными деятелями для обсуждения программы, выдвигаемой флотом:²² 1) Созыв „за- в Гельсингфорсе: Черкасский, Ренгартен, Довконт, Житков. Они составили «протокол», в котором говорилось: «События приняли столь грозный оборот, что решения нужны немедленно. К. Г. Жит-

¹⁹ Там же, с. 250—251.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² По утверждению капитана второго ранга А. Лукина, специально исследовавшего деятельность офицерского кружка в Балтийском флоте, капитан второго ранга К. Г. Житков, редактор «Морского сборника» был душой этого собрания и связан с «единомышленниками» в морском штабе Ставки, в лице помощника начальника штаба гр. Капниста, а также и с кружком Гучкова (Капнист, между прочим, был затем назначен адью-

конодательного корпуса" из членов Думы и Совета, исключая назначенных в середине сессии, как назначенных незаконно; 2) увольнение в отставку всех министров, за исключением военного, морского и двора и 3) назначение нового правительства, избранного законодательным корпусом при полном игнорировании придворной камарильи. Совещение должно избрать авторитетных лиц для посещения высших военных начальников на всех фронтах в целях обеспечения спокойствия во время развития действий в тылу».²³ Тотчас после окончания этого совещания, вечером 27 февраля, капитан второго ранга Д. Ю. Довконт отправился к адмиралу Непенину, чтобы сообщить ему о «программе флота». Забегая вперед, скажем, что, видимо, нажим этого кружка на командующего Балтийским флотом явился одной из причин, по которой адмирал Непенин первым из всех высших воинских начальников признал власть Временного комитета Думы.

Программа членов Балтийского кружка была радикальнее предложений генерала Данилова в Пскове (как никак они были почти «заговорщиками!»), но и она даже не ставила вопроса о свержении монархии, об Учредительном собрании. И любопытно, что второй ее пункт совпал почти буквально с теми требованиями, которые 1 марта выставил Думе сам Николай II, как об этом будет рассказано впоследствии. Гнев «декабристов» был направлен не против царя, а против «придворной камарильи», против тех темных сторон самодержавия, которые чернили и самого носителя верховной власти. Как бы то ни было оппозиционность офицеров сделала свое дело: они не стали проявлять рвения для защиты самодержавия и — тайно и явно — радовались его поражению. Уже утром 28 февраля И. И. Ренгартен записал в своем дневнике: «Ура! Только что узнал потрясающую новость: вчера в Государственной Думе образовалось Временное правительство во главе с Родзянко, все министры в Думе, к Временному правительству примкнуло 5 гвардейских полков, о совершившемся донесено в Ставку».²⁴

Не обычной жизнью жил Таврический дворец в ночь на 28 февраля 1917 г. Еще накануне здесь было чисто, светло, безлюдно, только караульные солдаты да вахтеры дремали в своих комнатах. Теперь от всего дворца в распоряжении Думы остался только кабинет Председателя Думы и несколько соседних комнат. Члены Временного комитета бодрствовали, некоторые приткнулись тут же, накрывшись шубами. Во всех остальных помещениях господствовал народ. Прежде всего это была масса сол-

---

тантом Гучкова). Так что «общественных деятелей» предлагалось созывать, очевидно, не в Гельсингфорсе, а в Петрограде или Москве, а программа имела следовательно «всероссийскую направленность» (см. Лукин и А. Бой над Ангерном. — Последние новости, [Париж], 1936, 8 сент.).

²³ Там же.

²⁴ Октябрьская революция в Балтийском флоте. (Из дневника И. И. Ренгартена). — Красный архив, 1927, т. 6 (25), с. 35.

дат — с винтовками, пулеметами, стоявших, сидевших и лежавших вповалку в коридорах и залах. Перед дворцом стояла трехдюймовая пушка и много автомобилей, сюда всю ночь свозили арестованных сановников, министров, жандармов и полицейских. Здесь уже властно хозяйничал Совет рабочих и солдатских депутатов, организация, возникшая всего несколько часов назад.

Еще до вечернего заседания избранных на заводах депутатов 27 февраля Временный исполнительный комитет Совета сформировал «повстанческий штаб» и продовольственную комиссию. Затем состоялось первое заседание Совета, на котором был избран Исполнительный комитет Совета. В 4 часа утра Исполнительный комитет принял постановления: об организации «районных комитетов» (для чего выделил 10 эмиссаров) и организации рабочей милиции. «Повстанческий штаб» вскоре был преобразован в военную комиссию.²⁵ Утром 28 февраля вышел первый номер «Известий» Петроградского Совета рабочих депутатов, где было напечатано его воззвание, принятое на вечернем заседании 27 февраля. В нем кратко излагались события революции, отмечалась роль солдат, которые «не хотели идти против народа». Совет призывал: «Борьба еще продолжается; она должна быть доведена до конца. Старая власть должна быть окончательно низвергнута и уступить место народному правлению. В этом спасение России». Для успешного завершения борьбы «в интересах демократии» провозглашалась необходимость создания «собственной властной организации» народа, которой и должен был стать образовавшийся 27 февраля Совет рабочих депутатов. Задачей Совета объявлялась «организация народных сил и борьба за окончательное упрочение политической свободы и народного правления в России». Петроградский Совет звал рабочих и солдат: «Все вместе, общими силами будем бороться за полное устранение старого правительства и созыв Учредительного собрания, избранного на основе всеобщего равного, прямого и тайного избирательного права».²⁶ Все это явилось крайне неприятной неожиданностью для руководителей Временного комитета Думы. В то время как они ни словом не обмолвились о переменах политического строя страны, говоря лишь о создании «правительства доверия», в воззвании Совета выставлялись требования упрочения политической свободы, «народного правления» и созыва Учредительного собрания. Совет заявлял о своих правах говорить от имени «демократий». Если вчера членам Думы казалось, что они стоят одни против разбушевавшейся народной стихии, анархической, лишенной разумного руководства, то уже в ночь на 28-е оказалось, что у этой

²⁵ Токарев Ю. С. Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов и образование Временного правительства. — Из истории Великой Октябрьской социалистической революции и социалистического строительства в СССР. Л., 1967, с. 35, 36.

²⁶ Известия Петроградского Совета рабочих депутатов, 1917, 28 февр.

«стихий» есть своя голова, своя воля и своя сила. И с этой силой необходимо было считаться. Но пока обе организации сосуществовали в Таврическом дворце, ночи не делая попыток к сближению. Каждая энергично отвоевывала себе сферу влияния, укрепляла свои позиции.²⁷

Деятельность Временного комитета Думы имела 28 февраля 1917 г. как бы две стороны. Одна была внешняя — шумная, сильно смахивающая на парад или торжественный праздник. Другая — менее заметная, но более важная. Первая была направлена на успокоение народа и прямое воздействие на солдатскую массу. Вторая — на то, чтобы бюрократический аппарат правительственной власти, который стал давать неребои с вечера 26 февраля, снова заработал. Остановимся сначала несколько подробнее на внешней стороне деятельности Временного комитета и отдельных его членов. Милюков вспоминал: «На следующий день, 28 февраля положение окончательно выяснилось. Мы были победителями. Но кто — мы? Масса не разбиралась. Государственная Дума была символом победы и сделалась объектом общего паломничества. Дума как помещение — или Дума как учреждение? Родзянко хотел понимать это, конечно, в последнем смысле и уже чувствовал себя главой и вождем свершившегося... Действительно, весь день 28 февраля был торжеством Государственной Думы как таковой. К Таврическому дворцу шли уже в полном составе полки, перешедшие на сторону Государственной Думы с изъявлениями своего подчинения Государственной Думе. Навстречу им выходил Председатель Думы, правда, чередовавшийся с денутатами, из числа которых на мою долю выпала весьма значительная часть этих торжественных приемов и соответственных речей».²⁸

Эти речи, скажем от себя, заслуживают пристального внимания, поскольку в них была выражена самая нервная программа тех людей, которые считали себя уже стоящими у государственной власти. Родзянко выступал в этот день, как можно судить по газетным отчетам, четыре раза: перед юнкерами Михайловского артиллерийского училища, перед Преображенским полком и 9-м запасным кавалерийским. Все речи были примерно одинаковы и содержали следующие тезисы: 1) Благодарность за прибытие полка к Думе, которая решила восстановить норядок, и выражение надежды, что солдаты в этом помогут. 2) Призыв слушаться офицеров, которые дурному не научат и будут распоряжаться в согласии с Думой. 3) Вера в величие и победу России,

²⁷ В последние годы деятельность Петроградского Совета в качестве органа революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства изучена в трудах Э. Н. Бурджалова, Г. И. Злоказова, И. И. Минца, Ю. С. Токарева. О проблеме двоевластия и взаимоотношений Совета с Временным правительством за период с 3 марта по начало мая 1917 г. см. также: Ст ар цев В. И. Революция и власть. М., 1977.

²⁸ М и л ю к о в П. Н. Воспоминания. Нью-Йорк, 1955, т. II, с. 296—297.

«Святой Руси», «матушки-Руси», которой не посрамят «православные воины». 4) Уверенность в том, что армия поможет «организовать власть», которой бы доверяла страна.²⁹

В тактическом смысле наиболее важными были пункты о восстановлении порядка и выполнении приказов офицеров. Но нельзя не видеть и того, что именно в этих речах закладывались основы легенды о «руководящей роли» Думы в революции и в создании новой власти. Эта претензия отражала взгляды Родзянко, но она вовсе не чужда была и Милюкову. В газетных сообщениях имеются сведения о двух выступлениях его перед солдатами в этот день. С утра 28 февраля к Милюкову явилась делегация от офицеров 1 запасного пехотного полка, размещавшегося в казармах у моста Петра Великого (Охтинского) на Новочеркасском проспекте. Офицеры приглашали кадетского лидера для выступления перед солдатами. «Я поехал, — вспоминал впоследствии Милюков. — Меня поместили на вышке, кругом которой столпился весь полк. Мне пришлось кричать сверху, чтобы меня могли услышать. Я поздравил полк с победой, но прибавил, что предстоит ее еще закрепить, что для этого необходимо сохранить единение с офицерами, без которого они рассыпятся в пыль, и воздержаться от всяких праздничных увлечений. Наш праздник — впереди. Прием был самый горячий, и офицеры остались довольны». «Конечно, — скромно добавляет Милюков, — тут действовала не столько моя речь, сколько факт прибытия к полку видного члена Государственной Думы».³⁰ Но дело не только в факте. Газетный отчет показывает, что Милюков и сам прибегал к использованию знамени Думы. Во-первых, он приветствовал офицеров и сказал им, что «в настоящий момент есть единственная власть, которую все должны слушать, — это Временный комитет Государственной Думы. Двоевластия быть не может».³¹ Задача комитета, по мнению оратора, — восстановить порядок и организовать власть, выпавшую из рук старого правительства. Для выполнения этой цели комитет нуж-

²⁹ См.: Великие дни Российской революции. Пг., 1917, с. 11—14.

³⁰ Милюков П. Н. Воспоминания, с. 297.

³¹ Великие дни Российской революции. Пг., 1917, с. 10. — Д. В. Ознобишин на основании фразы «двоевластия быть не может» видел в этом заявлении Милюкова выступление «буржуазного правительства в лице Временного комитета против Советов как органов власти» (см.: Ознобишин Д. В. Временный комитет Государственной Думы и Временное правительство. — Исторические записки, 1965, т. 75, с. 280). Нам кажется, что Д. В. Ознобишин попал здесь под «гнизоз самого термина „двоевластие“ в том смысле, в каком оно употребляется сейчас». Милюков, как явствует из его речи, в качестве второй власти имел в виду царскую администрацию. Да и мог ли он осознать факт настоящего двоевластия уже утром 28 февраля? Как угрозу по адресу Совета рабочих депутатов трактует слова Милюкова о «двоевластии» и Е. Д. Черменский, несмотря на то, что полностью цитирует то место из его речи, где говорится о «власти, выпавшей из рук наших врагов» (см.: Черменский Е. Д. IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976, с. 292—293).

дается в организованной военной силе. Офицеры заверили его в полной готовности подчиняться Временному комитету и «лицу, заведующему военной частью комитета». После этого Милюкова и проводили на плац к солдатам.

Перед ними он начал с призыва быть вместе с офицерами, которые «пойдут рука об руку с Государственной Думой», повиноваться он призывал «члену Государственной Думы» — полковнику Энгельгардту. Восстановление и поддержание порядка позволят, утверждал Милюков, «разделаться с немцем внешним и покончить с немцем внутренним».³² Так что особой разницы между его выступлением и выступлениями Родзянко не видно. «Фикцию победы Государственной думы», в поддержании которой Милюков в своих воспоминаниях обвинял Родзянко, развивал и он сам. Вторая речь Милюкова (перед гренадерами) содержала все те же элементы и те же ссылки на авторитет Думы. Противоречия, которые существовали между двумя самыми влиятельными членами Временного комитета внешне не были заметны, оба они выступали в этот день единым фронтом. И даже Керенский в своих речах старался идти с ними в ногу. Он, конечно, обращался к солдатам со словами «товарищи!», а не «православные воины», брал клятву с юнкеров Михайловского училища, что «Россия будет свободна», обещал, что старый варварский строй падет безвозвратно, но в то же время говорил о необходимости «в три дня создать полное спокойствие в городе», призывал к полному единению солдат и офицеров, убеждал последних быть «старшими товарищами солдат».³³

Во время выступлений Родзянко перед Таврическим дворцом рядом с ним стояли и другие члены Временного комитета и Думы: В. Н. Львов, Н. С. Чхеидзе, М. Е. Скобелев. Некоторые из них тоже выступали с речами. Но вот что симптоматично. 28 февраля на ступенях Таврического дворца и в Екатерининском зале появился и А. И. Гучков, формально — член Государственного Совета, а не Думы. В последние дни перед революцией Гучков находился под пристальным наблюдением агентов охранки. Филера регулярно сообщали, что делает Гучков, куда ходит, с кем встречается. Так, в справке департамента полиции от 15 февраля 1917 г. он назван в числе частых посетителей английского посла Д. Бьюкенена. В. Я. Лаверычев весьма обоснованно предположил, что утверждение Бьюкенена, встречающееся в его мемуарах, о том, что «перед пасхой должна произойти революция», ведет, вероятно, свое происхождение от конфиденциальных бесед с Гучковым.³⁴ После начала работы законодательных учреждений 14 февраля 1917 г. Гучков привлек внимание к своей особе вы-

³² Великие дни Российской революции, с. 11.

³³ Там же, с. 12—15.

³⁴ Лаверычев В. Я. По ту сторону баррикад. М., 1967, с. 170. — Бьюкенен утверждал, что об этом его информировал участник заговора, впоследствии — «член Временного правительства».

ступлением в Государственном Совете в обосновании запроса 35 членов Совета по продовольственному вопросу 20 февраля. За это «Земщина» (22 и 26 февраля) назвала его «неусыпным Катон из Замоскворечья».

Но сей неусыпный Катон все-таки упустил наиболее удобный момент для своего заговора,³⁵ не распознал и начало народной революции. Вечером 25 февраля он участвовал в заседании, проходившем у него «дома» — в Центральном военно-промышленном комитете, куда собрались Керенский, Скобелев и 30 районных работников меньшевиков и эсеров. Совецание обсудило вопрос о возможности использования продовольственных беспорядков для выступления в пользу программы блока Думы. 26 и 27 февраля А. И. Гучков занял выжидательную позицию. Солдатское восстание, вспыхнувшее утром 27 февраля, представлялось ему обреченным на неудачу. Об этом можно судить из следующего места его воспоминаний: «Когда вспыхнул в Петербурге уличный бунт, казалось, что его легко подавить военными мерами, а затем приступить к реформам, в которых ощущалась потребность».³⁶ Это свое представление он проверял в личных беседах с генералом Занкевичем, помощником Хабалова, которому звонил 27 февраля. Лишь на следующее утро он убедился в том, что, пожалуй, подавить «бунт» правительству теми силами, которые у него остались — а их практически и не было — не удастся. Тогда-то Гучков и поспешил в Думу, чтобы не опоздать. Его деятельная натура проявила себя до этого только в составлении упоминавшегося выше специального письма, которое в ночь на 28 февраля отправили 22 члена Государственного Совета в Ставку. В письме революция объявлялась «народной смутой стихийной силы». Члены Государственного Совета верноподданно умоляли императора уволить в отставку старое правительство, которое бессильно справиться с «грозным положением». «Мы почитаем последним и единственным средством, — говорилось в письме, — решительное изменение Вашим императорским величеством направления внутренней политики, согласно неоднократно выраженным желанием народного представительства, сословий и общественных организаций, немедленный созыв законодательных палат, отставку нынешнего Совета министров и поручение лицу, заслуживающему всенародного доверия, представить вам, государь, на утверждение список нового кабинета, способного управлять страной в полном согласии с народным представительст-

---

³⁵ О заговоре Гучкова и других групп буржуазных деятелей см.: Дякин В. С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны (1914—1917). Л., 1967; Лаврычев В. Я. Указ. соч.; Черменский Е. Д. Указ. соч.; Старцев В. И. Русская буржуазия и самодержавие в 1905—1917 гг. (Борьба вокруг «ответственного министерства» и «правительства доверия»). Л., 1977.

³⁶ Из воспоминаний А. И. Гучкова.— Последние новости, [Париж], 1936, 16 сент.

вом».³⁷ Эта телеграмма застала царя в пути. Она имела значение как программа той части членов Государственного Совета, которая примыкала к Прогрессивному блоку. Легко заметить, что эта программа, особенно в пункте о характере «министерства доверия» совпадала с точкой зрения Родзянко, а не Милюкова. Вот почему Гучков присоединился утром к первому, а не к последнему. Но он пока только демонстрировал свое единение, не раскрывая рта перед солдатами, он лишь подписывался под тем, что говорил Родзянко.

Как уже говорилось выше, Гучков не был избран в IV Думу, и поэтому не имел никакого права войти в ее Временный комитет. Но комитет, надо думать, при активной помощи Родзянко, сам привлек его к своей работе. Учитывая «связи» Гучкова с военными, комитет включил его в состав образуемой Военной комиссии Думы. Его энергия, наконец, «пробудилась» и получила для себя первое применение.

Обратимся теперь ко второй, деловой части деятельности Временного комитета Думы 28 февраля. Важнейшим здесь явилось назначение комиссаров в министерства и государственные учреждения. Первым был назначен член Государственной думы А. А. Бубликов (прогрессист) особым комиссаром по Министерству железных дорог. Благодаря его энергичной деятельности, работа железнодорожного транспорта не была нарушена в ходе революции, не прерывалось даже пассажирское сообщение между Петроградом и Москвой. Пользуясь сетью железнодорожного телеграфа, Бубликов послал воззвание, подписанное Родзянко, где от имени Временного комитета извещал железнодорожников о событиях в Петрограде и призывал к работе «с удвоенной энергией». Во многих местностях России телеграммы Бубликова от 28 февраля явились первой весточкой о революции. Они были также одним из поводов к принятию решения царя в Малой Вишере в ночь на 1 марта о повороте на Псков. В тот же день Бубликов напечатал официальное сообщение о положении на железных дорогах, адресованное к жителям Петрограда, в котором сообщалось о движении большого числа хлебных грузов. «...теперь уже нет никаких оснований тревожиться — утверждалось в сообщении, — за обеспечение столицы продовольствием, и населению в отношении снабжения хлебом надлежит с полным спокойствием и доверием взирать на будущее».³⁸

Контроль над аппаратом Министерства путей сообщения сразу же позволил Временному комитету овладеть информацией о передвижении грузов и войск, что особенно пригодилось для установления места пребывания царских поездов и экспедиции генерала Иванова.

Большое значение имела также оперативная отправка комис-

³⁷ Великие дни Российской революции, с. 6.

³⁸ Там же, с. 25.

саров на Почтамт (А. А. Барышников и К. К. Черносвитов), на телеграф (П. П. Пронский и М. Д. Калугин), в Петроградское градоначальство (П. В. Герасимов и В. Н. Пепеляев). По четыре комиссара было послано в Министерство внутренних дел и Министерство земледелия, три — в Министерство юстиции, по два — в Военное и Морское министерства, в Министерство финансов и в Министерство торговли и промышленности.³⁹ Большинство комиссаров отправились по своим ведомствам уже 28 февраля.

В самом Таврическом дворце Временный комитет быстро обростал импровизированным аппаратом: создавались комиссии — продовольственная, военная, по связи с провинцией и «по принятию и задержанию военных и высших гражданских чинов».⁴⁰ В дни революции работа последней комиссии была особенно горячей: в Таврический дворец непрерывно приводили под конвоем царских министров и чиновников, некоторые явились сами. В 11 часов 15 минут 28 февраля во дворец явился А. Д. Протопопов и обратился с просьбой о сдаче первому попавшемуся студенту. Министерский павильон Государственной думы быстро превратился в место предварительного заключения.

Важное значение имело поручение Временного комитета гласному Петроградской городской думы архитектору М. А. Крыжановскому организовать городскую милицию. Однако ее организаторы столкнулись с тем, что в рабочих районах уже была создана своя милиция по призыву Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов.⁴¹

Итак, насколько можно судить из этого перечня, Временный комитет Государственной думы пытался по возможности овладеть аппаратом государственного управления и охраны порядка, внести организованность в движение в интересах подчинения его строго ограниченными политическим задачам буржуазной оппозиции в Думе. Эта деятельность в известной мере была успешной, поскольку члены комитета сознательно использовали авторитет Государственной думы, стоявшей весьма высоко в глазах широких народных масс, впервые приобщавшихся к открытой политической жизни. Вместе с тем Временный комитет сталкивался и с нежелательными для него факторами. Их было по меньшей мере два. Во-первых, незавершенность самой революции, которая неизбежно вовлекала в нее все более широкие слои народа. И, во-вторых, целенаправленная деятельность Совета рабочих и солдатских депутатов, который стремился закрепить за собой политическое руководство восставшими.

Утром 28 февраля состоялось настоящее сражение на Сампсониевском проспекте, где в результате обстрела самокатный ба-

³⁹ Список см. там же, с. 23—24.

⁴⁰ См.: Ознобишин Д. В. Указ. соч., с. 284—285.

⁴¹ Подробнее см.: Старцев В. И. Очерки по истории петроградской Красной гвардии и рабочей милиции. М.; Л., 1965.

тальон вынужден был сложить оружие. Войска (почти без офицеров) столпились у входа в Петропавловскую крепость, и только благодаря вмешательству специально командированного сюда члена Временного комитета В. В. Шульгина удалось прекратить возможное кровопролитие и добиться сдачи крепости без боя. Около полудня было занято Адмиралтейство, где нашли последнее прибежище несколько тысяч верных царскому правительству войск. После переговоров войска сдались. В Адмиралтействе и в Зимнем дворце встали революционные караулы. В Петроград через Балтийский вокзал и Петергофское шоссе входили части из пригородов, в частности знаменитый впоследствии 1 пулеметный запасный полк. Их выезжали приветствовать члены Государственной думы И. Н. Ефремов, В. Н. Пепеляев и Н. В. Титов. Хотя депутатов и встречали приветствиями, слышались возгласы: «Да здравствует республика!», «Долой Николая!».⁴²

Весь день раздавались винтовочные выстрелы и даже пулеметные очереди. Подвергались обстрелам войска, рабочие, прохожие на улицах. Солдаты совершали обыски, арестовывали переодетых городских, были случаи самосудов над пойманными участниками обстрела. Все еще дымился остов Окружного суда, пылали новые полицейские участки. На улицах было опасно.

На дневном заседании Петроградского Совета был принят ряд важных решений, направленных на расширение революции и закрепление ее результатов. В частности Совет направлял своих эмиссаров для создания районных комиссариатов милиции, районных комитетов, комиссаров на почту и телеграф. Продовольственная и военная комиссии Совета активно работали и вскоре вошли в соприкосновение с аналогичными комиссиями Временного комитета Государственной думы. Последнему удалось слить комиссии Совета со своими и возглавить их. Вместе с тем Комитет потерпел поражение в попытке издать приказ по войскам гарнизона, в котором приказывал командирам «водворить порядок» в частях. По требованию Совета этот приказ Родзянко был отменен. Это заставило на дневном заседании Совета поднять вопрос об отношении к Временному комитету Государственной думы вообще. Раздавались требования о создании контрольной комиссии, но определенного решения не было принято, а обсуждение вопроса перенесено на следующий день.⁴³ Двоевластие уже начало обнаруживаться, однако в полной мере оно проявилось несколько позже.

Официальное положение Временного комитета Думы между тем укреплялось. Заявили о его фактическом признании послы союзных с Россией держав — Великобритании и Франции. В их заявлениях говорилось, что «правительства Англии и Франции

⁴² Великие дни Российской революции, с. 19; Большевизация Петроградского гарнизона. Л., 1932, с. 31—32.

⁴³ См.: Токарев Ю. С. Указ. соч., с. 39—41.

вступают в деловые сношения с Временным комитетом Государственной Думы, выразителем истинной воли народа и единственным законным Временным правительством России». ⁴⁴ От имени комитета Родзянко послал две телеграммы командующим Балтийским и Черноморским флотами и главнокомандующим фронтами, а также начальнику штаба Верховного главнокомандующего генералу Алексееву в Ставку. В первой из них объявлялось, что «ввиду устранения всего состава бывшего Совета министров, правительственная власть перешла в настоящее время к Временному комитету Государственной Думы». Во второй телеграмме войска призывались к продолжению борьбы «против внешнего врага». Комитет обещал водворить порядок в тылу, «восстановить правильную деятельность правительственных установлений» и создать «новую правительственную власть». ⁴⁵

События 28 февраля в Петрограде показали, таким образом, что революция достигла решающего успеха, сопротивление организованных защитников старого строя было сломлено, царское правительство арестовано. Временный комитет Государственной думы объявил себя «правительственной властью» и в качестве таковой был признан служащими государственного аппарата и войсками гарнизона. Одновременно в своей деятельности Комитет столкнулся с самостоятельной ролью Петроградского Совета рабочих депутатов.

Хотя Временный комитет Государственной думы и объявил себя «правительственной властью», а в заявлении послов именовался даже «Временным правительством», в действительности он таковым еще не был. Созданный как комитет *ad hoc* в связи с чрезвычайными обстоятельствами, он не отвечал признакам правительственной власти ни по своей структуре, ни по эффективности реальной власти. Большинству его членов он был не нужен как власть, они рассматривали комитет как неизбежную, но очень кратковременную промежуточную форму на пути создания настоящего правительства. Во Временном комитете наметилось два течения относительно его дальнейших задач. Первое было представлено П. Н. Милюковым и его единомышленниками. Оно предусматривало скорейшее образование правительства, которое правило бы страной без всякой формальной связи с Государственной думой и ее комитетом. Второе течение возглавлял М. В. Родзянко, которому хотелось сохранить комитет подольше и представить его в виде некоей высшей инстанции даже по отношению к будущему правительству. Точку зрения Родзянко разделял В. В. Шульгин, а из влиятельных представителей «общественности» — А. И. Гучков, который с 28 февраля стал принимать активное участие в переговорах о создании правительства. К этому примешивалось и личное соперничество между Предсе-

⁴⁴ Великие дни Российской революции, с. 22.

⁴⁵ Там же, с. 22—23.

дателем Думы и лидером Прогрессивного блока, упорно проводившим в премьеры кандидатуру кн. Г. Е. Львова.

Милюков так впоследствии выражал свое отношение к планам Родзянко: «Родзянко остался вне власти. Но он продолжал быть Председателем Думы, не распушенной, а только отсроченной царским указом. Он пытался считать Думу не только существующей, но и стоящей выше правительства. Но это была Дума „третьего июня“, Дума, зажата в клещи прерогативами „самодержавной“ власти, апрельскими „Основными законами“ 1906 года, „пробкой“ Государственного Совета, превратившегося в кладбище думского законодательства. Можно ли было признавать это учреждение фактором политического положения? Дума была тенью своего прошлого».⁴⁶ Но и Родзянко, и Милюкову, и их ближайшим сподвижникам сам приход их к власти, создание в России именно буржуазного правительства на смену царскому казался естественным и логичным. Более того они считали, что «заслужили» право на власть своей «борьбой» с самодержавием.

«Цели и стремление Гучковых, Рябушинских, Милюковых, — по характерному замечанию Н. Н. Суханова, — сводились к тому, чтобы ликвидировать распутинский произвол при помощи народного движения (а гораздо лучше — без его помощи), закрепить диктатуру капитала и ренты на основе полусвободного, „либерального“ политического режима — „с расширением политических и гражданских прав населения“ и с созданием полномочного парламента, обеспеченного буржуазно-цензовым большинством. На этом цензовая Россия должна была стремиться остановить революцию, превратив государство в орудие своего классового господства, а страну в олигархию капиталистов, — подобно Англии и Франции, которые именуются „великими демократиями Запада“».⁴⁷ Все это было верно в своей критической части. Но как же сам Суханов, как его единомышленники из меньшевиков всех мастей представляли себе организацию власти? Может быть они предлагали устранить буржуазию? Нет, по тем догмам, которые меньшевики в России выдавали за марксизм, на очереди стоял именно буржуазный переворот, в результате которого к власти должны были прийти именно «цензовики». Рабочий класс в стране, по их мнению, был еще слишком малочисленным и малокультурным, чтобы претендовать на завоевание политической власти. Но из этой общей для всех меньшевиков (добавим, и эсеров) посылки, разные направления и фракции делали различные выводы. Правые меньшевики, вроде А. Потресова, заявляли, что нужно просто устранить и передать власть буржуазии безо всяких условий. Второе же течение, к которому принадлежал сам Суханов, предполагало, что надо сначала «поторговаться» и выр-

⁴⁶ Милюков П. Н. Воспоминания, с. 303.

⁴⁷ Суханов Ник. Записки о революции. Берлин, 1922, кн. 1, с. 225—226.

вать у буржуазии максимум уступок для дальнейшего развития страны по буржуазно-демократическому пути.⁴⁸

Только одна политическая партия большевиков отвергала на-чисто путь передачи власти буржуазному правительству в момент свержения самодержавия. Большевики, в согласии с принципами, разработанными в предшествующий политический период, выдвигали лозунг создания временного революционного правительства. В манифесте, изданном в прибавлении к первому номеру «Известий Петроградского Совета рабочих депутатов» от 28 февраля, большевики заявляли: «Задача рабочего класса и революционной армии — создать временное революционное правительство, которое должно встать во главе нового нарождающегося республиканского строя».⁴⁹ Манифест призывал рабочих и солдат «немедленно выбрать своих представителей во временное революционное правительство, которое должно быть создано под охраной восставшего революционного народа и армии». Многие рабочие и солдаты, посылая своих представителей в Петроградский Совет, полагали, что он и станет временным революционным правительством, а некоторые даже его так и называли.

В Петроградском Совете и его Исполнительном комитете большевики сразу же выступали против передачи дела образования правительства буржуазии.⁵⁰ Резкие возгласы недовольства Временным комитетом Думы прозвучали уже на дневном заседании Совета 28 февраля. Так, рабочий Чернев, принимавший активное участие в организации рабочей милиции, заявлял: «При той силе, которой обладал Совет, он может хладнокровно справиться с реакцией. Поручить Чхеидзе заявить в Думском комитете, чтобы не только не распространяли [воззвание Родзянко], но и не печатали подобные бумаги. Не спрашивать, а требовать. Сохранить больше хладнокровия. В этом сила». Говорилось также о необходимости «диктовать Думскому комитету», некоторые требовали «арестовать Родзянко». Керенский, сам входивший в Комитет, назвал его на этом заседании «шайкой политиканов».⁵¹ Однако большинство Совета, несмотря на эту критику, не согласилось даже с требованием установления немедленного контакта с Временным комитетом, не говоря уже о предложении взять власть в свои руки.

В силу малочисленности большевистской части Совета и Исполкома и общего недостаточного уровня сознательности депутатов идея о создании временного революционного правительства и

⁴⁸ См. там же, с. 228—230.

⁴⁹ Правда, 1917, 5 марта.

⁵⁰ Суханов говорит о третьем течении в Исполкоме: «Согласно этому взгляду, денежного правительства вообще быть в революции не должно» (см.: Суханов Ник. Указ. соч., с. 228).

⁵¹ См.: Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства Ленинграда (далее — ЦГАОР Ленинграда), ф. 1000, оп. 73, д. 1, л. 1—15.

устранения от власти представителей буржуазии не получила поддержки в решающие дни 1—2 марта. На общем собрании Совета днем 1 марта Н. Д. Соколов проповедовал «умеренность к кадетам во имя доведения до конца борьбы с царизмом». Но мысль о том, что надо потребовать от Комитета определенных уступок, стала преобладающей и прозвучала очень резко. Ф. Ф. Линде, будущий герой апрельской демонстрации, заявил: «Мы добились кровью некоторых свобод. Не дадим обойти себя. Минимум дадут. Мы хотим самого большего». В этом заседании впервые участвовало довольно много делегатов от воинских частей и было решено пополнить Совет солдатскими депутатами. В речах вчерашних «нижних чинов», впервые сознававших себя полноправными гражданами, звучала ненависть к офицерам, ко всему старому строю. В лице солдат Совет рабочих депутатов получал мощную поддержку, они были силой, и силой вооруженной. Эта сила отворачивалась теперь от Временного комитета Государственной думы, открыто вставшего на сторону офицерства, и отдавала себя в руки Совета.

Но последний не собирался воспользоваться ею, чтобы отбросить буржуазию от власти. Меньшевистско-эсеровское большинство Исполкома собиралось только «попугать» силой деятелей Временного комитета, добиться уступок и милостиво разрешить им сформировать правительство. Выражая эти настроения, Суханов писал: «Не надо отнимать у буржуазии надежду выиграть эту борьбу», в связи с чем, чтобы «не сорвать комбинацию», не нужно было выставлять далеко идущие требования, а ограничиться минимумом.⁵² Наиболее дальновидные политики из буржуазного лагеря понимали, что люди, которые руководят Советом, не будут им мешать создать правительство. Ведь по их теории, власть в «буржуазной революции» должна перейти к буржуазии. Военный комитет поэтому не спешил вступать в переговоры с Советом рабочих депутатов и вплоть до 1 марта ограничивался случайными контактами через посредничество Керенского и Чхеидзе.

Все силы руководства Комитета были направлены теперь на спешное формирование правительства. Причем лидеры тех двух течений, которые обозначились среди его членов, действовали теперь особенно энергично. Получив сведения о том, что царский поезд в ночь на 1 марта повернул назад и сейчас находится на пути к Пскову, Родзянко утром решил немедленно сам выехать в Псков. По утверждению Милюкова, Николай II направил с дороги телеграмму, в которой поручал лично Родзянко представить ему новый состав правительства.⁵³ Текст этой телеграммы пока не опубликован, но факт ее отправки, очевидно, имел место. Когда после 7 часов вечера 1 марта генерал Рузский встретил

⁵² Суханов Ник. Указ. соч., с. 231.

⁵³ Милюков П. Н. Воспоминания, с. 296.

в Пскове Николая II, последний сказал ему во время обеда, что «ждет сюда Родзянко».⁵⁴ Но о приготовлениях Родзянко к отъезду для встречи с царем узнал и Исполнительный комитет Петроградского Совета. Было решено немедленно воспрепятствовать этому, чтобы не допустить сговора Думы с императором. Около 12 часов дня Родзянко было заявлено, что Совет не разрешает отправку его поезда.⁵⁵ Так впервые Совет продемонстрировал то, что, несмотря на все разговоры «о правительственной власти», которая перешла в руки Временного комитета, реальная-то власть находится у Петроградского Совета. Деятели Исполкома действовали здесь в интересах революции и из опасений перед возможным контрреволюционным движением. Но одновременно они помогли планам Милюкова. Ведь если бы Родзянко уехал к царю, то, безусловно, был бы назначен его указом новым Председателем Совета министров, а следовательно формирование правительства ускользнуло бы из рук лидера Прогрессивного блока. Тогда пришлось бы либо подчиниться, либо в поисках поддержки идти в объятия «левых». Во всяком случае Родзянко получил удар, а шансы на формирование правительства с князем Г. Е. Львовым во главе повышались.

Но ни в Могилеве, ни в Пскове об этом инциденте не знали вплоть до ночи на 2 марта, и документы показывают, насколько серьезно делалась ставка на Родзянко. В дневнике генерала В. Г. Болдырева за 1 марта записано содержание его разговора со своим непосредственным начальником, генерал-квартирмейстером Ставки генералом от инфантерии В. Н. Клембовским: «Из разговора выяснилось, что Ставка, при поддержке вел. кн. Сергея Михайловича, уже ставит точки над „i“, указывая на Родзянку, как на человека, пользующегося доверием и способного стать во главе правительства. Дай бог удачи Родзянке, про него много говорят, и в добродушно-шутливом тоне, но судьба его вынесла — и исполать ему!»⁵⁶

Между тем обстановка в Петрограде переменялась. Родзянко потерпел неудачу, но все еще продолжал бороться, используя свою главную позицию — пост Председателя Думы — для того, чтобы оставаться в центре событий. Утром 1 марта приехал, наконец, Г. Е. Львов и после 12 часов сумел пробиться в Таврический дворец. Милюков пишет, что после этого руководство блока почувствовало себя «в полном составе». «Временный комитет и правительство, — продолжает он, — собрались для обмена мнений. Я не помню содержания беседы, едва ли она и сосредоточивалась на специальных вопросах. Но хорошо помню произведенное на меня и вероятно и на других впечатление. Мы не чувствовали перед собой вождя. Князь был уклончив и осторожен;

⁵⁴ Красный архив, 1928, т. 1 (26), с. 204.

⁵⁵ Су х а н о в, Ник. Указ. соч., с. 243—244.

⁵⁶ Красный архив, 1927; т. 4 (23), с. 252.

он реагировал на события в мягких, расплывчатых формах и отделялся общими фразами. В конце совещания ко мне нагнулся И. П. Демидов и спросил на ухо: „Ну что? ну, как?“ Я ему с досадой ответил одним словом, — тоже на ухо: „Шляпа!“. Не знаю, выражало ли это то, что я чувствовал. Я, во всяком случае, был сильно разочарован. Я знал князя очень мало и поверхностно, другие знали еще меньше и поверили моему выбору на слово». ⁵⁷ Но делать было нечего, отступить было поздно. Сам Милюков не хотел вваливать на себя ответственность по руководству правительством. И хотя с годами Милюков сожалел, что Временное правительство возглавил не Родзянко, но тогда-то он понимал, что в сложившейся обстановке, да еще при конфликте с Советом, кандидатура Родзянко была совершенно неприемлема. В итоге «князь Львов, о котором я лично не имел никакого понятия, вспоминал Шульгин, — „общественность“ твердила, что он замечательный, потому что управлял „Земгором“, непрерываемо въехал в милюковском списке на пьедестал премьера». ⁵⁸ Шульгин не скрывал, что он лично стоял за Родзянко, как и другие «некадеты», но он был совершенно неприемлем для «левых», т. е. Петроградского Совета. Дальше были названы и другие кандидатуры: министр иностранных дел П. Н. Милюков, военный министр — А. И. Гучков. Сам Гучков на этом заседании не присутствовал (так как разъезжал по городу, чтобы лично убедиться в состоянии гарнизона и поставить охрану на вокзалах на случай прибытия войск генерала Иванова прямо в Петроград), но с ним столько раз говорили об этом, что согласие его подразумевалось.

Кандидаты на другие министерские посты также были давно намечены. ⁵⁹ Они были «обкатаны» на заседаниях кадетского ЦК, в бюро Прогрессивного блока, не раз названы в печати, чтобы приучить к ним «общественность», им создавалась популярность на приемах в союзных посольствах. Министром торговли и промышленности намечался А. И. Коновалов, земледелия — А. И. Шингарев, путей сообщения — Н. В. Некрасов, обер-прокурор Синода — В. Н. Львов. Но были и неожиданности. Блоком намечался в свое время на пост министра юстиции В. А. Маклаков. Вот и сейчас он был в числе комиссаров Временного комитета, посланных в Министерство юстиции. Но теперь решено было пожертвовать Маклаковым, правым кадетом, и пригласить

⁵⁷ Милюков П. Н. Воспоминания, с. 299.

⁵⁸ Шульгин В. В. Дни. Л., 1927, с. 182.

⁵⁹ В. В. Шульгин неоднократно подчеркивает, что списка министров заранее не было, но что он рождался импровизированно, где-то на клочке бумаги и на краешке стола, после его, Шульгина, неоднократных настояний перед Милюковым. Это не соответствует действительности. Шульгин не мог не читать газет, где печатались «проекты» министерств «общественного доверия» или «национальной обороны», он участвовал в работах бюро Прогрессивного блока.

на «освободившееся» место А. Ф. Керенского, который уже доказал свою влияние среди восставших рабочих и солдат, умение воздействовать на массы и был бы полезен буржуазным лидерам. Кроме того, именно он, в силу обстоятельств, стал распоряжаться судьбами арестованных царских министров и сановников: к нему их приводили, его распоряжений спрашивали. Для расширения блока «налево» собирались просить Н. С. Чхеидзе войти в правительство на новую должность Министра труда. Такого министерства не было в составе прежнего правительства, но возможность его создания неоднократно обсуждалась в левокадетских кругах и о ней кстати вспомнили.

Неожиданностью для многих была рекомендация Гучкова, переданная, очевидно, до начала заседания, — назначить на один из министерских постов М. И. Терещенко. Оставался пост министра финансов, который и был оставлен для него. Мало кто знал, даже из членов Комитета, этого молодого человека из очень богатой семьи. Терещенко был председателем Киевского областного военно-промышленного комитета. С конца 1916 г. он практически жил все время в Петрограде, официально помогая Гучкову в ЦВПК, а неофициально — в подготовке военного заговора. Тогда же он сблизился с Некрасовым, тоже членом гучковской группы, завел знакомство и с Керенским. «Увлечение революцией» было для него чем-то вроде спорта и азартной игры. Для его влиятельных друзей Терещенко был «своим человеком» в создавшемся министерстве. Ну, а «доверие общественности»? О нем в данном случае постарались забыть.

Таким образом, персональный состав Временного правительства был согласован на расширенном заседании Временного комитета Государственной думы во второй половине дня 1 марта. Тогда же составлен был и список министров с распределением портфелей. Вероятно, на этом же заседании говорилось и о необходимости отречения императора. Этот вопрос встал на повестку дня у лидеров буржуазной оппозиции в конце 1916 г., когда все попытки найти на компромисс с Николаем II исчерпали себя. Дальше других цеплялся за сохранение царя на престоле Родзянко.

Нельзя не видеть, что 26—27 февраля он понытался требованием энергичных и скорых уступок сохранить Николаю II трон. Но тот опять оказался глух к советам «толстяка Родзянко». 1 марта, особенно после инцидента с поездом, Родзянко окончательно понял, что Николаю II все-таки придется отречься. Замена ему предполагалась также по разработанному ранее плану: отречение должно было состояться в пользу Алексея, регентом при котором до его совершеннолетия должен был быть назначен великий князь Михаил Александрович. Последний также был посвящен в эти планы, хотя, может быть, и без подробностей. Как говорилось выше, он уже с 26 февраля находился в Петрограде; хотел, правда, уехать в ночь на 28-е, но просто не смог физи-

чески выбраться из города. Вот эти-то планы решения «династического вопроса» и были подтверждены на заседании комитета 1 марта. О них были проинформированы даже послы союзных стран. Во всяком случае Дж. Бьюкенен в телеграмме Бальфуру от 1 марта писал: «Дума посылает делегатов для предъявления его величеству своих условий. Они предъявляют императору требование отречься от престола в пользу своего сына, а великому князю Михаилу Александровичу принять регенство на время войны. Должно быть назначено ответственное министерство из 12 членов Думы во главе с князем Львовым и с Милюковым в качестве министра иностранных дел».⁶⁰

Пока в Таврическом дворце шло это заседание, улицы Петрограда по-прежнему оставались во власти революционного народа. То там, то тут воздух оглашался звуками военных оркестров — это воинские части продолжали шествие к Государственной думе. Можно было стать свидетелем поразительных вещей. Утром в Таврический дворец явился весь «собственный его величества конвой» и заявил о своем переходе на сторону революции. Конвойцы бросили свои посты в Царском Селе; в Александровский дворец, резиденцию царской семьи, вошли солдаты местных стрелковых полков.

В 4 часа дня на своем автомобиле, который он уже вчера одалживал для поездок членов Государственной думы, прибыл командир Гвардейского морского экипажа великий князь Кирилл Владимирович. На его шинели красовался алый бант. Вызвав Родзянко в Екатерининский зал, князь заявил ему, что отдает себя и весь экипаж в распоряжение Думы. Затем в полном порядке подошли и матросы. Это была та самая часть, которая была введена в Петроград по требованию царя для возможного подавления революции. Сейчас они вслед за конвойцами демонстративно переходили на ее сторону. Количество воинских частей, заявивших о своей поддержке нового порядка, росло с каждым часом. Во многих из них стали заявлять о своей приверженности революции и офицеры.

В Кронштадте 1 марта произошло настоящее восстание. Был убит адмирал Вирен и несколько высших офицеров, свыше ста офицеров было арестовано и посажено на гауптвахту. Как пожарные команды, металась по городу бригада членов думы. В 8 часов вечера на Якорной площади состоялся первый митинг, где матросы и солдаты заявили депутатам, что «переходят на сторону Государственной Думы». Члена Думы В. Н. Пепеляева назначили комендантом крепости Кронштадт вместо Вирена.

А в правой части Таврического дворца заседал Исполнительный комитет Петроградского Совета рабочих и солдатских депу-

---

⁶⁰ Иностранные дипломаты о революции 1917 г. — Красный архив, 1927, т. 5 (24), с. 111.

татов. В полном объеме, наконец, обсуждался вопрос о власти и об отношении к попытке Временного комитета организовать правительство. Вначале говорили о самом характере будущей правительственной власти. Были отвергнуты как предложение правых меньшевиков и эсеров об участии представителей Совета в правительстве, т. е. о создании коалиционного кабинета, так и предложение большевиков о сформировании самостоятельного Временного революционного правительства силами демократии. Большинством голосов (13 против 7) Исполнительный комитет постановил своих представителей в правительство не посылать и участия в нем не требовать.⁶¹

Затем перешли к обсуждению тех условий, которые надо предъявить формирующемуся правительству. «Какие же именно конкретные условия передачи власти, — вспоминал впоследствии об этом моменте Н. Н. Суханов, — могли создать такого рода статус, необходимый для революции и демократии? То есть на каких же именно конкретных условиях должна быть вручена власть правительству Милюкова? В сущности таким условием я считал одно: обеспечение полной политической свободы в стране, абсолютной свободы и организации и агитации... это условие не могло не быть принято противной стороной. Всякие иные требования, несомненно менее важные по существу — могли „сорвать комбинацию“. На многие и многие из них Милюков и К[~] не могли бы пойти перед лицом своего классового, персонального положения, перед лицом общественного мнения Европы. Но этого требования — не покушаться на принцип свободы, — они не могли не принять, если они вообще были готовы принять власть в данных обстоятельствах с соизволения советской демократии».⁶² Эти софизмы озаменовали собой начало падения меньшевиков в Февральские дни. Они успокаивали себя сознанием своей силы и упивались самим парадоксом момента. Они, ничтожная группа, с точки зрения их участия как в подпольном революционном движении, так и в легальном «освободительном», могли диктовать свои условия новому правительству России, составленному из людей с европейской известностью, целое десятилетие готовивших себя к этому моменту.

Но в той обстановке будущему правительству не составляло труда согласиться на это условие: требование самых широких политических свобод отвечало программам большинства партий, входивших в Прогрессивный блок, и в первую очередь партии кадетов. К тому же ему приходилось согласиться: свобода была фактически завоевана народом, вооруженная сила была на стороне революции. Суханов сформулировал и следующие два пункта требований: «Во-первых, — это ясно само собой, — была необходима полная и всесторонняя амнистия. Во-вторых, революция

⁶¹ См.: Токарев Ю. С. Указ. соч., с. 42—43.

⁶² Суханов Ник. Указ. соч., с. 232, 234.

должна была дать не только хартию вольностей, но и конституционную форму, способную воплотить в себе идею народовластия, народной воли и народного права. Надо было санкционировать и закрепить в законных формах работу временного катастрофического периода и сделать новый статус постоянным, „органически развиваемым“, углубленным, доводимым до конца. Надо было обеспечить скорейший созыв полновластного и всенародного Учредительного собрания на основе демократичнейшего избирательного права. Тень столыпинской Государственной Думы, жаждущей получить какие-то формальные права на революцию, была лишним фактором, заставлявшим немедленно поставить во весь рост идею Учредительного собрания».⁶³ Таково было неременное условие меньшевиков. Требование решить аграрный вопрос, рабочий и другие рассматривалось как нежелательное, так как оно могло «испугать буржуазию», оттолкнуть ее от принятия власти. Необходимо было «не соглашение на платформе, а свобода борьбы». Надо сказать, что и второе из выдвинутых условий было вполне приемлемым для Временного комитета. Ведь аналогичные требования включались в программы и планы Прогрессивного блока — кадеты и в 1915 г. требовали столь же широкой амнистии. Это октябристы и националисты не соглашались на освобождение «террористов и бомбистов», потому что последние направляли свои действия против монархии и ее слуг. Но теперь положение изменилось: самодержавная власть находилась при последнем издыхании, амнистию вполне могли принять и правые партии блока.

Исполком мог беспокоиться только по поводу созыва Учредительного собрания, поскольку эту идею (хотя и вкладывая в нее несколько другой смысл) поддерживали кадеты и в 1905 г., и (вместе с прогрессистами) с конца 1916 г., но неизвестно было, как к этому отнесутся октябристы.

Суханов высказал свои соображения по пунктам и Исполком согласился с ними, дополнив их требованиями представителей от солдат: распространить на военнотружущих политические права, не выводить из Петрограда полки, принимавшие участие в восстании, чтобы иметь вооруженную силу против контрреволюционных попыток. Появилось и еще одно требование. В сухановских пунктах полностью обходился вопрос о судьбе монархии. Теперь решено было его поставить в такой осторожной форме, чтобы правительство «не предпринимало никаких других шагов, предвещающих будущую форму правления». На основе этого пункта руководители Совета предполагали развернуть агитацию за введение в России республиканского образа правления.

Последним обсуждался вопрос о составе правительства. Поскольку еще раньше было решено, что Совет своих представителей в правительство не посылает, то и формирование его личного

⁶³ Там же, с. 235.

состава отдавалось теперь целиком на откуп самой буржуазии. К 12 часам ночи текст условий был полностью готов, и делегация Исполнительного комитета Совета в составе Н. С. Чхеидзе (избранного к тому времени Председателем Петроградского Совета) и членов исполкома Н. Д. Соколова, Н. Н. Суханова, Ю. М. Стеклова и В. Н. Филипповского отправилась в кабинет Председателя Государственной думы для переговоров с Временным комитетом. Текст условий, записанный на отдельном листе бумаги, нес Ю. М. Стеков.

В те же часы пытался сказать свое слово по вопросу о власти и царь. После 8 часов вечера он остался вдвоем с Н. В. Рузским и имел с ним длительную беседу. Рузский спросил, какой же будет ответ на просьбу Родзянко о даровании ответственного министерства? «Государь на это ответил, — рассказывал потом Рузский, — что не знает как решить, что скажет юг России, казачество. Тогда я стал доказывать государю необходимость даровать ответственное министерство, что уже, по слухам, собственный его величества конвой перешел на сторону революционеров, что самодержавие есть фикция при существовании Государственного Совета и Думы и что лучше этой фикцией пожертвовать для общего блага».⁶⁴ В этот момент пришла телеграмма от ген. Алексеева, в которой он умолял Николая II для блага родины и династии немедленно объявить о назначении правительства, «пользующегося доверием страны». По утверждению Рузского, после получения этой телеграммы царь сказал, что согласен и сейчас напишет соответствующий ответ. Командующий Северным фронтом удалился, и вскоре ему принесли текст ответной телеграммы. «Прочитав ее, — говорил Рузский, — я увидел, что там ни слова об ответственном министерстве. Телеграмма была отредактирована так. После слов: „признав за благо“ и т. д. стояло: „поручаю Вам [Родзянко] сформировать новый кабинет и выбрать министров, за исключением военного, морского и иностранных дел“».⁶⁵

Рузский считал эту уступку недостаточной. И не в смысле изъятия из свободного выбора ряда важнейших министерских постов, а в смысле отсутствия какого-либо указания на «ответственность» нового правительства. Он сказал об этом В. Н. Воейкову, который принес ему телеграмму, и тот, нехотя, ушел обратно к царю. Только в первом часу ночи, после двухчасового ожидания, Рузский был вновь вызван к Николаю II. «Там был граф Фредерикс, и государь передал мне вновь составленную телеграмму, где уже было прямо сказано о даровании ответственного министерства, без ограничения военного, морского и ин. дел, и поручается Родзянко сформировать кабинет». Этот манифест предполагалось отправить в Ставку, чтобы оттуда передать на Петроград, но за-

⁶⁴ Красный архив, 1928, т. 1 (26), с. 204.

⁶⁵ Там же.

тем решили передать прямо в столицу Родзянко: около часу ночи на 2 марта он будет у аппарата прямой связи в Главном штабе.⁶⁶

Тем временем в кабинете Родзянко в Таврическом дворце началось совместное заседание членов делегации Исполнительного комитета Петроградского Совета и Временного комитета Государственной думы, а по существу и формирующегося Временного правительства. Милюков, в руки которого перешло фактическое руководство «думско-правительственным» лагерем, прекрасно понимал, что из всех выделенных им «факторов положения» (Дума, Совет, царь) Совет является самым реальным и соглашение между ним и Временным комитетом является настоятельной потребностью для обеих сторон. Немедленно было приступлено к обсуждению условий Петроградского Совета.

Что же увидел перед собой Милюков? Насколько можно судить по воспоминаниям Суханова, опубликованному тексту декларации Временного правительства и работам самого Милюкова, принесенный Стекловым первоначальный проект не очень отличался от окончательного текста. В нем было восемь пунктов. Первый требовал полной и немедленной амнистии по политическим и религиозным делам, второй — свободы слова, печати, союзов, собраний и стачек, с распространением политических свобод на военнотружущих. В третьем пункте говорилось об отмене всех сословных, вероисповедных и национальных ограничений. Четвертый пункт был посвящен скорейшему созыву Учредительного собрания и содержал заявление о том, что «вопрос о форме правления остается открытым». Пятый требовал замены полиции народной милицией с выборным начальством. Шестой указывал на необходимость перевыборов органов самоуправления на началах всеобщего избирательного права. В седьмом — оговаривалось право солдат Петроградского гарнизона на невывод полков, принимавших участие в революции, из столицы. И, наконец, последний восьмой пункт снова говорил о правах солдат и требовал установления выборности командного состава армии.⁶⁷

Предъявленные требования совершенно не затрагивали социальных вопросов и вопроса о войне, во многом шли за программой кадетской партии и декларацией Прогрессивного блока. Нельзя без улыбки читать самодовольные ремарки Суханова в его воспоминаниях: «Амнистия разумеется сама собой. Милюков, не делая активно ни шагу и лишь уступая, не считая приличным спорить против амнистии и терпел ее до конца, не очень охотно, но вполне послушно записывая... „по всем преступлениям: аграрным, военным, террористическим“». ⁶⁸ То же самое было

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ См.: Милюков П. Н. История второй русской революции. София, 1921, т. 1, с. 45—47.

⁶⁸ В подлинном тексте Декларации Временного правительства: «... в том числе: террористическим покушениям, военным восстаниям и

со вторым пунктом — политическими свободами, отменой сословных, вероисповедных ограничений и т. д. От Милюкова требовали, и он уступал». ⁶⁹ Да и как же было не уступать! Наивные «хитрецы» из Исполкома требовали от Милюкова того, что, повторяем, было записано в его собственных программах, того, что он сам вчера требовал от царского правительства. Действительно, укажем для примера на милюковский проект «Программы министерства общественного доверия», написанный в середине августа 1915 года. «Амнистия лиц, осужденных за политические и религиозные преступления, возвращение с.-д. депутатов. Коренное изменение приемов управления (в том числе отмена национальных ограничений). Законодательная программа организации страны для победы. Меры для поддержания социального мира. . .» ⁷⁰ Что же касается программы кадетской партии, то там политическим правам граждан был посвящен специальный раздел из восьми пунктов. Даже в программе октябристов декларировались гражданские свободы и отмена ограничений. ⁷¹

Не мудрено поэтому, что «уступавший под давлением требований» Милюков так оцепивал представленный ему проект: «За исключением п. 7, имевшего очевидно временный характер, и применения начала выборов к началству милиции в п. 5, все остальное в этом проекте ⁷² не только было вполне приемлемо или допускало приемлемое толкование, но и прямо вытекало из собственных взглядов вновь сформированного правительства на его задачи. С другой стороны, необходимо отметить, что здесь не заключалось ничего такого, что впоследствии было внесено социалистическими партиями в понимание задач революционной власти, и что послужило предметом долгих прений и неоднократных разрывов между социалистической и несоциалистической частью коалиционных кабинетов следующих составов». ⁷³ Эта оценка условий Совета как очень «приемлемых» сохранилась у Милюкова на многие годы. И в своих воспоминаниях он писал о том же. «Но были и пункты существенных разногласий, — писал Милюков, — по которым завязался продолжительный спор, закончившийся соглашением только в четыре часа утра». ⁷⁴

По каким же пунктам имел место спор? Во-первых, это был вопрос о будущей форме правления. Милюков отказывался связывать правительство обещанием не предпринимать «ничего,

---

аграрным преступлениям и т. д.» (см.: Революционное движение в России после свержения самодержавия. Документы и материалы. М., 1957, с. 419).

⁶⁹ Суханов Ник. Указ. соч., с. 277.

⁷⁰ Красный архив, 1932, т. 50—51, с. 158.

⁷¹ См., например: Сборник программ русских политических партий. Пг., 1917, с. 24—25, 30—31.

⁷² Милюков имеет в виду здесь вторую редакцию проекта декларации, о которой будет сказано несколько ниже.

⁷³ Милюков П. Н. История второй русской революции, с. 46—47.

⁷⁴ Милюков П. Н. Воспоминания, с. 306.

чтобы предопределяло будущую форму правления». Исполнительный комитет настаивал, но в конце концов уступил, и в результате была принята следующая формулировка: «Немедленная подготовка к созыву... Учредительного собрания, которое установит форму правления и конституцию страны».⁷⁵

Эта позиция делегации Исполнительного комитета фактически означала ее согласие на то, что до Учредительного собрания Россия формально остается монархией. Совет получал свободу агитировать за республику, но вплоть до решения Учредительного собрания, монарх оставался на троне. Большевикам это казалось несущественным, поскольку правительство соглашалось на «свободы», но Милюков связывал с сохранением монархии определенные политические надежды.⁷⁶

После долгих и «кровавых» переговоров, в которых, по утверждению В. В. Шульгина, принимал участие и А. Ф. Керенский, делегация согласилась снять требование о выборности офицеров.⁷⁷ Были «отредактированы» и пункты о правах солдат. «Я ограничил „пределами, допускаемыми военно-техническими условиями“ осуществление солдатами гражданских свобод и отстоял „строгой военной дисциплины в строю и при несении военной службы“, при введении равенства солдат „в пользовании общественными правами“».⁷⁸

Любопытен был сам ход переговоров. Наибольшую активность проявляла делегация Исполнительного комитета, вернее три ее члена: Н. Д. Соколов, Н. Н. Суханов (Гиммер) и Ю. М. Стеклов, отчего, например, В. В. Шульгин только их троих и запомнил. Со стороны правительства, переговоры вел фактически один Милюков, остальные пребывали почти все время в состоянии протрации. Керенский вбегал и выбегал, Шульгин и Энгельгардт изредка вставляли свои замечания. Милюков забрал у Стеклова лист с требованиями Исполнительного комитета и слово за словом читал его, обсуждал и снова записывал уже на новом листке своей рукой.

---

⁷⁵ См.: Революционное движение в России после свержения самодержавия, с. 419.

⁷⁶ Изложение переговоров делегации Исполнительного комитета Петроградского Совета с Временным комитетом Государственной думы в последней книге Е. Д. Черменского имеет неточности и ошибки. Большевик Н. С. Чхеидзе почему-то назван в одном ряду с Сухановым и Стекловым «интернационалистом», хотя В. И. Ленин всюду называл его центристом и сторонником ОК меньшевиков. Редакция текста дает основание для заключения, что переговоры были прерваны из-за несогласия Думского комитета на введение республики. На самом деле меньшевики и эсеры пошли здесь на уступки буржуазии. Причиной перерыва были разногласия в вопросе о правах солдат. Необходимо также подчеркнуть, что пункт о созыве Учредительного собрания находился в проекте с самого начала и был согласован еще в ночь на 2-е, а не на 3 марта, как неточно указал Е. Д. Черменский (см.: Черменский Е. Д. Указ. соч., с. 300, 306).

⁷⁷ Шульгин В. В. Указ. соч., с. 187—191.

⁷⁸ Милюков П. Н. Воспоминания, с. 307.

Неожиданностью для делегации явилось встречное требование Временного комитета выпустить от имени Совета обращение к солдатам о сохранении дисциплины и подчинении офицерам. Делегаты составили проект, но так как он показался Милюкову неудовлетворительным, тот переписал его. Любопытно, что, если декларацию будущего правительства составлял Исполком Совета, то автором воззвания Совета был один из министров. К концу этого совместного заседания, вероятно, около трех часов ночи, когда Родзянко, удовлетворенный ходом переговоров, отправился в Главный штаб для разговора с Псковом по прямому проводу, в Таврический дворец прибыл А. И. Гучков, в тот момент, когда делегация Исполнительного комитета еще не ушла. Когда Н. Д. Соколов в числе членов Чрезвычайной следственной комиссии допрашивал Гучкова 2 августа 1917 г., они припомнили оба, что Гучков принял участие в обсуждении условий. «Я помню, возражал по некоторым вопросам, касающимся армии и смертной казни», — признал Гучков после долгих наводящих вопросов.⁷⁹ О смертной казни ничего в условиях Исполкома, ни в возражениях Милюкова, как видели, не говорилось. Может быть он сам предлагал сохранить смертную казнь на фронте? Но вот о правах солдат он, очевидно, действительно возражал. В своей «Истории второй русской революции» Милюков указывает, что «возражения Гучкова по поводу уже состоявшегося соглашения побудили оставить весь вопрос открытым».⁸⁰ В других источниках о срыве соглашения в результате вмешательства Гучкова ничего не говорится. Вероятно, перерыв в переговорах понимался как естественная пауза, необходимая для получения одобрения от общего собрания Петроградского Совета. А члены Временного комитета, проводив делегацию Совета, решили этот вопрос для себя отдельно.

Такое предположение выглядит обоснованным в свете сообщения Суханова о том, что он через Керенского узнал, что Временный комитет еще не считал соглашение окончательным. Уже с утра 2 марта, по настоянию Родзянко, переговоры были возобновлены, и ночной эпизод с Гучковым не имел последствий для Исполкома.

Но для членов Временного комитета появление Гучкова создало проблему и привело к ряду дискуссий. Во-первых, было подтверждено включение Гучкова в правительство на пост военного министра. Он сначала возражал, противясь тому, что к обсуждению вопроса о составе правительства привлечен Петроградский Совет. «Для меня было неожиданностью, — показывал Гучков в Чрезвычайной следственной комиссии, — что явился при создании этой новой комбинации еще третий фактор (кроме Государственной думы и царя. — В. С.) — Исполнительный комитет р. и

⁷⁹ Падение царского режима, М.; Л., 1926, т. IV, с. 272—273.

⁸⁰ Милюков П. Н. История второй русской революции, с. 48.

с. депутатов. Это была для меня новость, но раз и с его стороны было выражено согласие на мое назначение. . . Повторяю: я против воли шел, особенно, когда выяснилась вся комбинация. Мне она рисовалась безнадежной. Но когда выяснилось, что я поставил бы в затруднение это новое правительство, которому едва-едва удалось составиться, я согласился на время». ⁸¹

Во-вторых, к этому же моменту относится знакомство ряда членов Временного правительства с приказом № 1, о котором рассказывал в своих воспоминаниях лета 1918 г. В. Н. Львов. Приказ № 1 Петроградского Совета по войскам петроградского гарнизона был выработан комиссией солдат под руководством Н. Д. Соколова после окончания общего собрания Совета 1 марта. Потом он был отредактирован и сдан в типографию. Вероятно, это произошло тогда, когда члены Исполкома уже удалились на свое заседание по выработке условий Временному комитету. Затем Соколов присоединился к прочим членам Исполкома, и, как мы знаем, участвовал в переговорах с 12 часов ночи до 4 часов утра 2 марта. Причем во время этих переговоров о приказе № 1 не было никакой речи. А затем, по-видимому, Соколов еще раз вернулся во Временный комитет Государственной думы и показал там текст приказа, о чем писал и В. Н. Львов: «Дверь в комнату, где мы сидели, отворяется и быстрыми шагами к нашему столу подходит Н. Д. Соколов — меньшевик, видный член Совета рабочих депутатов — и просит нас познакомиться с содержанием принесенной им бумаги, которую Совет, как он говорит, желал, чтобы издана была от имени Временного правительства. Это был знаменитый приказ номер первый. Соколов сел рядом с нами и принялся читать. После его прочтения Гучков немедленно заявил, что этот приказ для опубликования от имени Временного правительства немислим и вышел из комнаты. Милюков стал убеждать Соколова в совершенной невозможности опубликования этого приказа, но доводы его оставались для понимания Соколова тщетными. Наконец, и Милюков в изнеможении встал и отошел от стола. Во все время этой сцены, я молча наблюдал, и когда Милюков отошел, я вскочил со стула и со свойственной мне горячностью закричал Соколову, что эта бумага, принесенная им, есть преступление перед родиной, ибо внесет в армию разложение. Услыхавши крики, Керенский проснулся из своей полудремы, вскочил, подбежал ко мне и закричал: „Владимир Николаевич, молчите, молчите!“, затем схватил Соколова за руку, увел его быстро в другую комнату и запер за собой дверь». ⁸²

⁸¹ Падение царского режима, т. VI, с. 272.

⁸² Львов В. Н. Приказ № 1-й. Волжский день, 1918, 15 авг. — Автор воспоминаний относит это событие к вечеру 2 марта. Но в этот день утром приказ № 1 был уже напечатан в «Известиях» и следовательно должен был быть ему известен. С другой стороны, если бы Соколов принес этот документ до начала совещания с Временным комитетом, его обсуждение неизбежно отразилось бы на ходе переговоров. Сам же Львов

Позже некоторые члены Исполкома, в частности Суханов, пытались отрицать свою причастность к составлению приказа № 1, но, не говоря уже о том, что его редактором был член Исполкома Соколов, современные историки обратили внимание на ряд фактов, свидетельствующих об участии Исполнительного комитета в его составлении. Это, во-первых, сходство положений приказа с проектом резолюции общего собрания Совета от 1 марта, во-вторых, признания сего членов Исполкома на его заседании 28 марта 1917 г. Так, Ю. М. Стеклов заявил, что приказ этот их «заставили принять представители армии», а М. И. Скобелев, хотя и признавал, что издали его «исключительно солдаты», но был утвержден Исполкомом и что с его стороны это «был стратегический ход во время самого горячего боя».⁸³

Во всяком случае, ясно, что издание подобного приказа одним махом ставило солдатские массы всего Петрограда под знамя Совета, а следовательно и под непосредственное руководство Исполнительного комитета. Отныне Совету было обеспечено многократное превосходство в вооруженной силе по сравнению с любой третьей стороной — будь то царь с его карательными батальонами или Государственная дума с ее офицерами. И совершенно ясно, что члены Исполкома знали о приказе в момент переговоров с Временным комитетом, но раньше времени не показывали этого своего аргумента.⁸⁴

Приказ № 1, которым были опарашены члены Временного комитета, был дополнен рассказом Гучкова о поездке по войскам. По его словам, власть офицеров практически исчезла, многие из них сидят под арестом, в некоторых частях прошли самосуды. Автомобиль, в котором ехал Гучков со своими помощниками, был обстрелян неизвестными солдатами, и князь Д. Л. Вяземский, ближайший соратник Гучкова по подготовке неосуществленного военного заговора, был убит. После того очевидного факта, что революционное движение в войсках пойдет под руководством Петроградского Совета, Гучков снова поставил вопрос о судьбе

писал в этой статье: «Вскоре я узнал, что в утро 2 марта приказ № 1 по постановлению Совета рабочих депутатов был уже отпечатан, следовательно Соколов явился к нам *post factum*».

⁸³ Обзор исследований советских историков по этому вопросу см. в кн.: З л о к а з о в Г. И. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в период мирного развития революции. М., 1969, с. 58—62.

⁸⁴ Нет никаких оснований для того, чтобы согласиться с мнением Е. Д. Черменского о том, что приказ № 1 был уже известен членам Временного комитета Государственной думы в ночь на 2 марта и был предметом обсуждения между ними и делегацией Исполнительного комитета Петроградского Совета. Цитируемые Черменским отрывки из заявлений В. В. Шульгина или взяты из последующих воспоминаний, или не имеют прямого упоминания о приказе. Ошибочно и утверждение о том, что приказ № 2 был выработан Милоковым, Соколовым и Сухановым в ночь на 2 марта и закончен в 5 час. утра. Составление приказа № 2 относится к дням 5—6 марта 1917 г. (см.: Черменский Е. Д. Указ. соч., с. 296—297).

Николая II. «Что Николай II больше не будет царствовать, было настолько бесспорно для самого широкого круга русской общест-венности, — вспоминал Милюков, — что о технических сред-ствах для выполнения этого общего решения никто как-то не ду-мал. Никто, кроме одного человека: А. И. Гучкова».⁸⁵ Гучков же теперь, учтя момент, предложил свой план. «Необходимость ско-рейшего отречения Николая II для меня была очевидна потому, что я боялся, что в противном случае он будет низложен Советом рабочих и солдатских депутатов, и вопрос о преемственности вла-сти будут тогда решать отдельные воинские части», — писал впо-следствии Гучков.⁸⁶ Он заявил, что, коль скоро Родзянко не пустили к царю, необходимо предпринять еще одну попытку про-рваться в Псков, и эту попытку предпримет он сам. Гучков ска-зал: «Будучи убежден в необходимости этого шага, я решил пред-принять его во что бы то ни стало, и если мне будут даны полно-мочия от думского комитета, я готов сделать это за свой страх и риск, поеду, как политический деятель, как русский человек. я буду советовать и настаивать, чтобы этот шаг был сделан».⁸⁷

К этому времени вернулся и Родзянко из Главного штаба с телеграфной лентой своего разговора по прямому проводу с ге-нералом Рузским. Сведения из Пскова были совсем неутешитель-ными. Рузский выразил в начале разговора сожаление, что Род-зянко не смог приехать для встречи с императором, и осведо-мился о причинах этого. Родзянко правду не сказал, сославшись только на то, что «мой отъезд может повлечь за собой нежела-тельные последствия и невозможность остановить разбушевав-шиеся народные страсти без личного присутствия, так как до сих пор верят только мне и исполняют только мои приказания». Так Родзянко сам себе подсластил пилюлю. Главнокомандующий передал затем, что царь вначале хотел поручить Родзянко соста-вить министерство, «ответственное перед его величеством», но за-тем пришел к решению о даровании ответственного перед законо-дательными учреждениями министерства и поручает его соста-вить тому же Родзянко. «Если желание его величества найдет в вас отклик, — продолжал Рузский, — то спроектирован мани-фест, который я мог бы сейчас же передать вам».⁸⁸

Родзянко согласился с тем, чтобы узнать манифест, но одно-временно сообщил о действительном положении дел в Петрограде, в котором, видимо, ни Рузский, ни сам император не отдавали

---

⁸⁵ Милюков П. Н. Воспоминания, с. 309.

⁸⁶ Из воспоминаний А. И. Гучкова. — Последние повести, [Париж], 1936. 16 сент.

⁸⁷ Падение царского режима, т. VI, с. 262—263.

⁸⁸ Революционное движение в России после свержения самодержавия, с. 406. (Текст манифеста был составлен генерал-квартирмейстером Ставки Лукомским и дипломатическим агентом Ставки Базили в Могилеве и был передан в Псков в 23 часа 1 марта. Впоследствии был использован как материал при составлении манифеста об отречении Николая II).

себе отчета. Он сказал даже, что боится, как бы самому не оказаться в Петропавловской крепости вслед за арестованными царскими министрами, доложил, что предлагаемая мера уже недостаточна и встал ребром «вопрос династический» — «отречение в пользу сына при регенстве Михаила Александровича». Последовала передача текста манифеста. Его наиболее существенное место гласило: «Я признал необходимым призвать ответственное перед представителями народа министерство, возложив образование его на Председателя Государственной Думы Родзянко, из лиц, пользующихся доверием всей России». Тут было и «ответственное министерство» и «министерство доверия» вместе. Если бы это было «даровано» буржуазным деятелям полтора года тому назад, даже год, даже двадцать дней! Теперь же Родзянко вынужден был заявить, что всего этого уже недостаточно. Сохранить престол Николаю II нельзя было теперь и при «ответственном министерстве».

«Вы, Николай Владимирович, — ответил Родзянко, — истерзали вконец мое и так растерзанное сердце. По тому позднему часу, в который мы ведем разговор, Вы можете себе представить, какая на мне лежит огромная работа, но, повторяю Вам, я сам вишу на волоске, и власть ускользает у меня из рук; анархия достигает таких размеров, что я вынужден сегодня ночью назначить Временное правительство. К сожалению, манифест запоздал, его надо было издать после моей первой телеграммы немедленно, о чем я горячо просил государя императора; время упущено и возврата нет».⁸⁹ Все же Родзянко не возражал, чтобы манифест был передан в Ставку, а оттуда опубликован.

Близился шестой час утра. Большинство членов Временного комитета в полном изнеможении дремали в креслах и на диванах. Лишь наиболее активные из них бодрствовали. Стало ясно, что ехать к царю просто необходимо. Предложение Гучкова в принципе было принято. А наладившийся контакт с Советом давал основания полагать, что посланцу Комитета удастся вырваться из города. Были тут и свои щекотливые проблемы, но их следовало обсудить уже утром. Пока же было решено, что Гучков поедет не один. В свидетели акта отречения будет дан ему член Государственной думы В. В. Шульгин, который с радостью согласился на это.

ОТРЕЧЕНИЕ НИКОЛАЯ II И ФОРМИРОВАНИЕ СОСТАВА ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Если Исполнительный комитет Петроградского Совета выбил почву из-под ног у Временного правительства в военном вопросе и нанес ему мощный удар приказом № 1, то и Временное пра-

⁸⁹ Там же, с. 408.

вительство заготовило теперь кое-что для Исполнительного комитета. Оно решило форсировать отречение императора и взять всю эту процедуру в свои руки. Утром 2 марта Гучков и Шульгин получили дополнительные инструкции. «Полномочия были мне даны, — рассказывал Гучков на допросе в Чрезвычайной следственной комиссии, — причем вы знаете, как обрисовалась дальнейшая комбинация: государь отречется в пользу своего сына Алексея с регентством одного из великих князей, скорее всего Михаила Александровича».¹ Это подтверждается и воспоминаниями П. Н. Милюкова: «Непреклонность решения и настроение, которое немцы называют *schadenfreude*, хорошо известны из политической карьеры Гучкова. Низложение государя было венцом этой карьеры. Правительство не возражало... Поручение комитета и правительства было дано путешественникам в форме, предусмотренной блоком».²

Гучков и Шульгин покинули Таврический дворец и на автомобиле доехали до его квартиры на Фурштатской, 36. Дома Гучков, по его словам, набросал проект манифеста об отречении царя.³ Шульгин в изнеможении не смог даже прочесть его и повалился в кресло, но Гучкову сознание важности дела, которое именно ему выпало на долю совершить, придавало силы... Через несколько часов они выехали в Военное министерство. По пути Гучков заехал в несколько воинских частей, его видели, а в газетах даже появились потом сообщения, что он весь день 2 марта «объезжал полки».⁴

По телеграфу, расположенному в Военном министерстве, он сообщил генералу Рузскому, что выезжает к нему в Псков

¹ Падение царского режима. М.; Л., 1926, т. VI, с. 263.

² Милюков П. Н. Воспоминания. Нью-Йорк, 1955, т. II, с. 310.

³ Этот факт извлечен из воспоминаний А. И. Гучкова («Последние новости», [Париж], 1936) и вызывает некоторые сомнения. Известно, что В. В. Шульгин со своей стороны, утверждал в «Днях», что проект манифеста был написан им. Проект А. И. Гучкова до сих пор не обнаружен. А вот манифест, сочиненный В. В. Шульгиным и М. С. Аджемовым, сохранился. Он был опубликован еще в первом номере журнала «Огонек» в апреле 1923 г. Там помещено факсимиле документа, написанного на бланке Таврического дворца. Рукопись носит на себе следы редакторской правки. Ниже приводим окончательный текст шульгинского проекта манифеста об отречении Николая II: «Отречение. В тяжелую годину ниспосланных тяжких испытаний на Россию, мы, не имея сил вывести империю из тяжелой смуты, переживаемой страной перед лицом внешнего врага, за благо сочли, идя навстречу пожеланиям всего русского народа, сложить бремя врученной нам от бога власти. Во имя величия возлюбленного русского народа и победы над лютым врагом призываем благословение бога на сына нашего, в пользу которого сим отречаемся от престола нашего, [а до] совершеннолетия [его назначаем] регентом брата нашего Михаила Александровича. — Из современных историков только Е. Д. Черменский в своей последней книге упомянул о наличии данного документа (см.: Черменский Е. Д. IV Государственная Дума и свержение царизма в России. М., 1976, с. 305).

⁴ Великие дни Российской революции. Пг., 1917, с. 55.

по «важному делу», однако суть своего «дела» в этой телеграмме не раскрыл. Точно также он послал телеграмму генералу Н. И. Иванову, предлагая встретиться с ним по дороге в Псков. В ней говорилось: «Еду Псков, примите все меры повидать меня либо в Пскове, либо на обратном пути из Пскова в Петроград. Распоряжение дано о пропуске Вас этом направлении».⁵

Тут уместно сказать несколько слов о судьбе экспедиции генерала Иванова, поскольку о его приближении в городе ходили самые невероятные слухи, попавшие даже в газеты. Весть о возможном приходе карательного отряда генерала Иванова нервировала обе стороны, участвующие в переговорах о создании Временного правительства, и Милюков, например, полагает, что это было одной из причин уступчивости делегации Исполнительного комитета. Со своей стороны, он признается, что эта же перспектива заставила его согласиться на требование о невыводе петроградского гарнизона.⁶ Иванов со своим батальоном георгиевских кавалеров прибыл в Царское Село примерно в полночь 1 марта. Первым его распоряжением было отцепить паровоз и перевезти его в хвост состава на случай возможного отъезда. В Царском Селе он получил шифрованную телеграмму от генерала Алексеева, в которой тот извещал о прибытии царя в Псков и вызове к нему Родзянко для переговоров. Поэтому Иванов со своим батальоном немедленно решил отойти назад, на станцию Вырица, где и выжидать дальнейшего развития событий. 2 марта он собирался оставить Вырицу, чтобы повидать на ст. Александровской Варшавской железной дороги приданный ему 67-й Тарутинский полк и переговорить с Гучковым по его вызову (Вырица находилась на Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороге). Но телеграфисты станции немедленно донесли об этом в Министерство путей сообщения, и Бубликов грозной телеграммой запретил Иванову покидать станцию. Последний подчинился и послал Гучкову в Псков следующую телеграмму: «Рад буду повидать Вас, но на станции Вырица. Если то для вас возможно, телеграфируйте о времени прибытия».⁷ Иванов был деморализован и сбит с толку, в телеграммах в Ставку он просил приостановить движение эшелонов на Петроград и жаловался, что железнодорожные служащие «несомненно получают директивы Временного правительства».⁸ Между тем с Варшавского вокзала в три часа дня 2 марта отошел экстренный поезд, состоявший из одного вагона

⁵ Блок Александр. Последние дни императорской власти. Пг., 1921, с. 102—103.

⁶ Милюков П. Н. Воспоминания, с. 307.

⁷ См.: Экспедиция генерала Н. И. Иванова на Петроград. — Красный архив, 1926, т. 4 (17), с. 227—228; Блок Александр. Указ. соч., с. 103. — Надо сказать, что эшелон Иванова тронулся из Вырицы и сумел доехать только до ст. Сусанино (около 10 км), где был поставлен в тупик. Там генералу и принесли телеграмму Бубликова.

⁸ Блок Александр. Указ. соч., с. 104.

и паровоза. В вагоне было только два пассажира: А. И. Гучков и В. В. Шульгин. В других купе разместилось пять солдат охраны. На их шинелях красовались красные банты. . .

Таврический дворец по-прежнему оставался центром политической жизни. Утром М. В. Родзянко, совсем терявший голову от бесконечной вереницы событий, от многотысячных митингов солдат, на которых ему приходилось выступать, от напористости Исполкома, который ему лично не дал даже поезда для поездки к царю, попросил Милюкова немедленно восстановить контакты с Петроградским Советом. Деятели Исполкома ответили, что сначала они должны дать отчет о переговорах на общем собрании Совета, а затем продолжат переговоры. Они ничего не имели против начала работы Временного правительства.

Во многих официальных распоряжениях и документах началом его деятельности, когда Временное правительство заявляет уже о себе наряду с Временным комитетом Государственной Думы, считается 2 марта. Подписи Родзянко, как правило, еще предшествуют упоминанию о Временном правительстве, но часто уже называется фамилия князя Львова. В качестве примера приведем телеграмму Родзянко начальнику штаба верховного главнокомандующего генералу М. В. Алексееву с просьбой назначить командующим Петроградским военным округом Л. Г. Корнилова. В начале телеграммы давалась ставшая уже официальной версия перехода власти в новые руки: «Временный комитет Государственной Думы, образовавшийся для восстановления порядка в столице, принужден был взять в свои руки власть ввиду того, что под давлением войска и народа власть никаких мер для успокоения населения не предприняла и совершенно устранена».⁹ Дальше в телеграмме сообщалось об образовании Временного правительства: «В настоящее время власть будет передана Временным комитетом Государственной думы Временному правительству, образованному под председательством князя Георгия Евгеньевича Львова». (Указывалось на то, что новая власть обладает реальной силой: «Войска подчинились новому правительству, не исключая состоящих в войске, а также находящихся в Петрограде лиц императорской фамилии, и все слои населения признают только новую власть».)

Таким образом, это сообщение подчеркивало, что Государственная дума как бы возглавила народное движение и явилась источником власти для самого Временного правительства. Члены его не были согласны в душе с этой версией, однако в тех условиях не спорили против подчеркивания авторитета Думы и в какой-то мере подыгрывали Родзянко.¹⁰ Приглашение Л. Г. Корни-

⁹ Революционное движение в России после свержения самодержавия. Документы и материалы. М., 1957, с. 409.

¹⁰ В проекте, составленном 1 марта 1917 г. присяжным поверенным Ивановым и подписанном великими князьями Михаилом Александровичем, Кириллом Владимировичем и Павлом Александровичем, говорилось: «Осеняя

лова было согласовано с членами Временного правительства, однако в тех же целях оно было отправлено от имени Родзянко. В телеграмме содержалась просьба сообщить о времени прибытия Корнилова в Петроград. До его приезда командующим округом назначался командир 19-й пехотной запасной бригады генерал Аносов.

Получив согласие от Исполнительного комитета Петроградского Совета на персональный состав правительства,¹¹ Временный

себя крестным знаменем, мы предоставляем государству Российскому конституционный строй и повелеваем продолжать прерванные указом нашим занятия Государственного Совета и Государственной думы, поручая Председателю Государственной думы немедленно составить временный кабинет, опирающийся на доверие страны...» (Огонек, 1923, № 1; см. также: Черменский Е. Д. Указ. соч., с. 303—304). Именно с этим проектом Родзянко собирался выехать 1 марта в Псков на встречу с царем. В проекте о введении «ответственного министерства», составленном в Ставке 1 марта и переданном поздно вечером этого дня в Псков, также говорилось: «Стремясь сильнее сплотить все силы народные для скорейшего достижения победы, я признал необходимым призвать ответственное перед представителями народа министерство, возложив образование его на Председателя Государственной думы Родзянко из лиц, пользующихся доверием всей России» (см.: Красный архив, 1927, т. 2 (21), с. 53). Генерал Рузский в разговоре по прямому проводу с Родзянко около 3 час. ночи на 2 марта указал, что Николай II в беседе с ним вначале предполагал поручить Родзянко образовать правительство, ответственное перед императором, но, отпуская Рузского, окончательно решил образовать ответственное правительство и дать это поручение именно Родзянко. Манифест об этом, как сказал Рузский (цитированный выше проект Ставки), мог бы быть немедленно обнародован с пометой «Псков, 2 марта». Родзянко, узнав содержание манифеста, уклонился от прямого ответа на вопрос, можно ли его публиковать, но не возражал против того, чтобы Рузский в соответствии с приказанием царя передал его в Могилев для немедленного напечатания (см.: Красный архив, 1927, т. 2 (21), с. 56—59). Таким образом, в своих контактах с великими князьями, Ставкой и царем Родзянко вел в эти дни свою личную игру, намереваясь получить пост Председателя Совета министров из рук Николая II. Этим он нарушал согласованное еще 1 марта 1917 г. во Временном комитете Государственной думы решение добиваться назначения на пост главы правительства князя Г. Е. Львова.

¹¹ Среди документов, опубликованных в факсимильном виде в журнале «Огонек» в 1923 г., имеется и составленный на бланке Таврического дворца рукописный список министров Временного правительства. Это, вероятно, один из самых первых списков будущего министерства и скорее всего дату его составления следует отнести к 1 марта 1917 г. Зачеркивание и вписывание фамилий отразило политическую борьбу среди буржуазных лидеров за министерские посты. Первым в качестве Председателя Совета министров назван кн. Г. Е. Львов. Ниже вписано: «министр внутренних дел», Далее «Иностр. дел... Миллоков, военным и морским министром — Гучков», причем слово «морским» вставлено позднее. Пятым назван министр путей сообщения Некрасов, шестым — Коновалов, министр торговли и промышленности, седьмым — Мануилов, министр просвещения. Фамилия министра финансов «Терещенко» вписана над зачеркнутым «Гримм Д. Д.» (профессор, член кадетской партии). Государственным контролером намечался Ржевский, затем его фамилия была зачеркнута, и вместо него вписан, потом дважды зачеркнут и вновь вписан Годнев.

комитет Государственной думы решил опубликовать список новых министров, о чем было принято специальное постановление, переданное затем по телеграфу. Это постановление отличается от включенного затем в декларацию Временного правительства списка министров тем, что после каждой фамилии нового министра указано членство его в Думе, губерния, от которой он избран, «должность» в «общественных организациях». Другой здесь и порядок упомянутых фамилий. Первым в списке назван кн. Г. Е. Львов, причем о нем сказано, что он был членом I Государственной думы, а ныне — председатель Главного комитета Всероссийского земского союза. Вторым шел П. Н. Миллюков, член Думы от Петрограда — министр иностранных дел. Третьим, и это симптоматично, назывался А. Ф. Керенский, член Думы от Саратовской губернии, на пост министра юстиции. Буржуазия так нуждалась в Керенском, что поместила его имя третьим в министерском списке, сразу после «спасителей отечества» Львова и Миллюкова. Вопрос с ним был сложен, поскольку Керенский был товарищем председателя Совета, а Исполком постановил своих представителей во Временное правительство не посылать. Не спрашивая разрешения у Совета, Керенский дал свое согласие авансом, а Временное правительство оценило его «подвиг» по заслугам. Следующим в списке шел Н. В. Некрасов, занимавший в тот момент пост товарища Председателя Государственной думы, депутата от Томской губернии. Шестым называлась фамилия А. И. Коновалова, депутата Думы от Костромской губернии, товарища Председателя Центрального военно-промышленного комитета. Некрасов назначался министром путей сообщения, а Коновалов — министром торговли и промышленности.

Только седьмым по порядку шел А. И. Гучков, член Государственного Совета, председатель Центрального военно-промышленного комитета. О нем говорилось: «военный министр и временно — морской». А. И. Шингарев — член Государственной думы от Петрограда — становился министром земледелия. О прежних занятиях нового министра финансов в сообщении не говорилось ничего, просто значилось: «9. М. И. Терещенко — министр финансов». На пост Государственного контролера назначался член Государственной думы от Казанской губернии И. В. Годнев. Одиннадцатым в списке являлся В. Н. Львов, депутат Думы от Самарской губернии, рекомендованный Обер-прокурором Священного Синода.¹²

Этот документ от 2 марта 1917 г. знаменовал собой формальное рождение Временного правительства. В нем подчеркивалась

Прокурором Синода сразу же был намечен В. Н. Львов, а министром земледелия — сначала Шидловский, затем зачеркнут и рядом стояло «Шингарев». 12-м министром юстиции значился Керенский, но также его фамилия была зачеркнута и рядом вписан «В. А. Маклаков» (Огонек, 1923, № 1).

¹² Вестник Временного правительства, 1917, 5 марта.

все та же преемственность власти от Государственной думы. Извещение и издавалось от имени ее Исполнительного комитета.

По принятым решениям — о создании правительства и вызове генерала Корнилова в Петроград — была составлена еще одна телеграмма, предназначавшаяся для рассылки по стране и подписанная М. В. Родзянко как Председателем «в квадрате» — Временного комитета Думы и самой Думы.

Телеграмма начиналась следующими словами: «Тяжелое переходное время кончилось. Временное правительство образовано. Народ совершил свой гражданский подвиг, и перед лицом грозящей Родине опасности свергнул старую власть. Новая власть, сознавая свой ответственный долг, примет все меры к обеспечению порядка, основанного на свободе, и к спасению страны от разрухи внешней и внутренней. Неизбежное замешательство, к счастью, весьма кратковременное приходит к концу». Далее следовал призыв к войскам и населению «вернуться к нормальной жизни».¹³ В этом обращении мы находим первый намек на программу-минимум нового правительства: установить и обеспечить порядок, «основанный на свободе». Однако вся программа в целом была еще запретной темой для договаривающейся стороны, так как окончательное утверждение правительства должно было состояться на новом совещании с делегацией Петроградского Совета.

А пока избравшее себя Временное правительство притулилось под крылышком Исполнительного комитета Думы, и тот еще вплоть до второй половины дня 2 марта считал себя главным распорядителем. В Комитет, а также к «начальнику петроградского гарнизона» полковнику А. Н. Энгельгардту явились военные агенты и дипломатические представители союзных держав — Англии, Франции и Италии, заявившие о своей готовности вступить в сношения с Комитетом.

Позднее приехала целая итальянская делегация из посольства, встреченная в Екатерининском зале овациями и возгласами: «Да здравствует Италия!». В Комитет же прислал свою телеграмму из Тифлиса дядя царя, великий князь Николай Николаевич, главнокомандующий Кавказским фронтом, что «в согласии с мнением генерала Алексеева» он обратился «к государю императору с верноподданнической мольбой» отречься от престола.¹⁴ Как и в первые дни революции к Таврическому дворцу властно шествовал вооруженный народ. Несколько воинских частей и три юнкерских училища подходили в течение дня к Государственной думе, и Родзянко вынужден был опять приветствовать их своей дежурной речью. Раздавались крики «Ура!»: призыв защищать «матушку-Русь», как отмечал В. В. Шульгин, всякий раз действовал безотказно.

¹³ Там же.

¹⁴ Великие дни Российской революции, с. 53.

Энергично работали комиссары Временного комитета. В Министерстве юстиции В. А. Маклаков и М. С. Аджемов распорядились разрешить свободный проезд членов большевистской фракции IV Государственной думы в Петроград, как бы давая им откупную за то, что те были принесены в жертву в начале войны. Предупреждая закон об амнистии, комиссары потребовали освободить политических заключенных, к которым в качестве меры пресечения на время следствия было применено тюремное заключение. Прокурорам судебных палат запрещалось делать новые привлечения по политическим делам.¹⁵ М. А. Караулов издавал приказ за приказом о правилах производства обысков и арестов приверженцев старого режима. Министерский павильон пополнялся новыми узниками. Пришлось спешно перевозить их под ненадежной охраной в Петропавловскую крепость. Комиссар Думы Титов созвал совещание представителей банков, призывая их оказать доверие «новому правительству». Последние заявили, что всецело подчиняются Временному комитету Государственной думы и готовы оказать ему содействие. Решено было 3 марта открыть банки для денежных операций с 11 часов утра до часу дня. Эмиссары Временного комитета И. П. Демидов и В. А. Степанов ездили в Царское Село для установления сношений с местным гарнизоном. В придворных каретах, поданных к вокзалу, они прибыли в Царскосельскую ратушу, где под их наблюдением состоялось избрание гарнизонного комитета, взявшего временную власть в городе. Делегаты несколько раз выступали в ратуше и в ряде воинских частей царскосельского гарнизона. Дворцовая охрана заявила им о своей полной лояльности.

Временный комитет по мере своих сил и возможностей старался всячески облегчить положение офицеров, которое теперь, после издания приказа № 1 казалось многим совершенно невыносимым. Под эгидой Родзянко в одной из комнат Государственной думы состоялось собрание офицеров. Оно приняло воззвание к солдатам, в котором заверяло последних в преданности офицеров делу революции и посылало проклятия на голову «старого самодержавного строя». Офицеры зывали к примирению: «К величайшему нашему прискорбию, как среди солдат, так и среди офицеров были предатели народного дела и от их предательской руки пало много жертв среди честных борцов за свободу. Но приложим общие усилия для нашего совместного объединения, для окончательной победы над врагом как на фронте, так и внутри России. Да здравствует Свободная и Великая Россия!»¹⁶

Но что бы ни делали члены Временного правительства и члены Временного комитета Думы, как бы ни храбрились перед собой, какие бы бумаги не сочиняли, все они напряженно ждали.

¹⁵ Там же, с. 56.

¹⁶ Там же, с. 41—42.

Ждали, прислушивались к тому гулу голосов, который по временам доносился из зала бюджетной комиссии Думы, где теперь по-хозяйски расположились представители рабочих и солдат. Солдатские делегаты впервые в это утро собрались на свое совещание. Многие были избраны только-только. Ведь приказ № 1 теперь предписывал каждой роте выбрать своего представителя для участия в работе Петроградского Совета. Соколов, Мстиславский, Филипповский выступали перед солдатами и говорили о тех огромных правах, которые дает солдату-гражданину приказ № 1.¹⁷

На общем собрании рабочих и солдатских представителей в порядке дня стоял доклад Исполнительного комитета Совета о переговорах с Временным комитетом Государственной думы об образовании правительства и об отношении к нему Совета рабочих и солдатских депутатов. «С напряженным вниманием был прослушан доклад Стеклова, — вспоминают участники этого заседания. — С его слов выходило, что одержана была большая победа над буржуазией, которая долго не хотела сдаваться, что уступки были необходимы, но они незначительные и в сущности никакой поддержки правительству не обещано, и серьезные обязательства не даны».

В целом, по их мнению, доклад производил впечатление «дипломатического и уклончивого по своему стилю».¹⁸ Действительно, сохранившийся протокол, где имеется запись доклада Ю. М. Стеклова, оправдывает эту характеристику. Стеклов назвал итоги переговоров с Временным комитетом «колоссальным историческим завоеванием», говорил о том, что делегации удалось «связать этих людей торжественной декларацией».¹⁹ Далее шло изложение двух основных требований Исполкома Совета: амнистии и демократических свобод, которые распространялись и на солдат. Отмечалось, что оба эти пункта были приняты Думским комитетом. Не принят был пункт о выборном начале в армии, или, как дипломатически выразился докладчик, «об устройении армии на началах самоуправления», «так как Думский комитет считал невозможным в момент войны вводить в армии порядок, не испробованный ни в одной армии мира». Говоря о замене милицией старой полиции и о выборах новых органов самоуправления на основе всеобщего избирательного права, Стек-

¹⁷ Приказ требовал создания солдатских комитетов, выборов представителей в Совет, подчинения солдат в политическом отношении Петроградскому Совету. Приказы Военной комиссии Думы выполнялись только, если они «не противоречили» приказам Совета. Все оружие передавалось под контроль комитетов и офицерам не должно было выдаваться «ни в коем случае». Отменялись вставание во фронт и отдавание чести, титулование офицеров и обращение с солдатом на «ты» (см.: «Известия», 1917, 2 марта).

¹⁸ Заславский Д. О., Канторович В. А. Хроника Февральской революции. Февраль-май. Пг., 1924, т. 1, с. 44.

¹⁹ Изложение хода заседания ведется по отчету «Известий» от 3 марта 1917 г. и протоколу: ЦГАОР Ленинграда, ф. 1000, оп. 73, д. 3.

лов сказал, что делегация не была уверена, что этот пункт будет принят, но возражал против всеобщего избирательного права только В. В. Шульгин.

Временный комитет отверг требования о немедленном введении в России республики, ссылаясь на то, что форма правления будет установлена Учредительным собранием, созыв которого — «ближайшая цель учреждаемого Временного правительства».

В отличие от прежней либеральной оппозиции, Совет, почувствовав силу, не собирался ограничиваться только ролью критика. В докладе ясно было сказано: «на три четверти солдаты наши, на одну четверть — их».

Материал доклада Стеклова имеет отношение и к истории определения состава Временного правительства. Он, в частности, привел список министров, в котором расположение фамилий отличается от того, которое было принято в объявлении думского комитета. Это, очевидно, указывает на более раннее происхождение списка, оглашенного Стекловым. Он читал: «...министрами следующих лиц: председатель Совета министров и министр внутренних дел — кн. Львов (Всероссийский земский союз), министр иностранных дел — Милюков, министр военный и морской — А. И. Гучков (председатель Центрального военно-промышленного комитета), министр путей сообщения — Некрасов, министр торговли и промышленности — Коновалов, народного просвещения — Мануилов, финансов — Терещенко, юстиции — ?, контролер — Годнев, обер-прокурор — В. Н. Львов (Государственная Дума), министр земледелия — Шингарев».²⁰ Через несколько минут члены Совета узнали и о том, кто будет министром юстиции, пост которого в момент оглашения данного списка еще оставался незамещенным. В докладе Исполнительного комитета сообщалось также о предложениях, сделанных Н. С. Чхеидзе и А. Ф. Керенскому вступить в правительство, и о том, что Исполком на это своей санкцией не дал. «Предполагаемый манифест вновь образуемого правительства» предлагалось принять к сведению и обратиться к населению с воззванием о поддержке Временного правительства «постольку, поскольку оно идет по линии осуществления намеченных задач». Так впервые была предложена эта формула «постольку-поскольку», которая стала знаменитой в ходе революции 1917 г. Двоевластие, обнаружившееся в действиях Совета и Временного комитета уже 28 февраля и 1 марта, получало здесь свою юридическую форму. Доверие к Временному правительству объявлялось условным *ab initio*. Хотя Исполком и принял решение о невхождении в правительство своих представителей, оно было тут же нарушено самым бесцеремонным способом одним из кандидатов в министры — Керенским.

Сразу же после окончания доклада он вышел из-за спины Стеклова, вскочил на стол и попросил слова для чрезвычайного

²⁰ Заславский Д. О., Канторович В. А. Указ. соч., с. 45.

сообщения. «Товарищи, доверяете ли вы мне? — начал Керенский и, услышав слова одобрения и рукоплескания, продолжал, — Я говорю, товарищи, от всей глубины моего сердца, я готов умереть, если это будет нужно. Товарищи, в настоящий момент образовалось Временное правительство, в котором я занял пост министра. Товарищи, я должен был дать ответ в течение пяти минут и потому не имел возможности получить ваш мандат».²¹ Далее следовали столь же импровизированные по форме, но в действительности весьма продуманные и логичные доводы в пользу вхождения его, Керенского, в правительство. А именно, что в его руках представители старой власти, которых нельзя выпустить, что он уже приказал освободить всех политических заключенных немедленно, вернуть с почетом большевиков, членов социал-демократической фракции IV Государственной думы, что пост министра юстиции он занял до Учредительного собрания, чтобы гарантировать свободу агитации за республиканскую форму правления в России. Ну, как тут не согласишься!

Потом следовали целые фейерверки клятв в верности народу, из которых Керенский, как опытный фокусник, извлекал «доверие народа». Он слагал с себя звание товарища Председателя Совета, так как принял министерский пост до получения «от вас» этих полномочий. «Но для меня жизнь без народа немыслима! И я вновь готов принять на себя это звание, если вы признаете это нужным. („Просим! Просим!“ — шумели в зале). Товарищи! Войдя в состав Временного правительства, я остался тем же, кем был — республиканцем (шумные аплодисменты). В своей деятельности я должен опираться на волю народа. Я должен иметь в нем могучую поддержку. Могу ли я верить вам, как самому себе? (Возгласы: „Верь, верь, товарищ!“). Я не могу жить без народа, и в тот момент, когда вы усомнитесь во мне — убейте меня! (Новый взрыв оваций)».

Все это было внове не только для сотен простых солдат и рабочих, собравшихся в зале, но и для опытных «социалистов», годами писавших статьи и листовки, выступавших с «рефератами» и лекциями в небольших кружках единомышленников и «своих» рабочих. «Век масс» только начинался, и уловить его требования могли еще немногие. Керенский от природы обладал возбудимой эмоциональной натурой, актерскими способностями, умением держать большие массы слушателей в напряжении. Это удавалось ему даже в Государственной думе. Тем более это удалось здесь перед лицом неопытной и доверчивой массы простого народа. Исполнительный комитет с его решением, строго обоснованным «теоретически», с его дисциплиной был смят и отброшен в сторону. И его лидеры смолчали, примирившись с той особой ролью, которую на их глазах завоевал себе Керенский.

---

²¹ Великие дни Российской революции, с. 50—51.

Теми же приемами и эффектами Керенский получил для себя особые полномочия и во Временном правительстве: «Я заявляю Временному правительству, что я являюсь представителем демократии, но что Временное правительство должно особенно считаться с теми мнениями, которые я буду отстаивать в качестве представителя народа, усилиями которого была свергнута старая власть». (Аплодисменты, возгласы: «Да здравствует министр юстиции!»). Не дожидаясь формального голосования, он сообщил, что возвращается к Временному правительству и объявит ему: «Я вхожу в его состав с вашего согласия, как ваш представитель. (Бурные аплодисменты, возгласы: „Да здравствует Керенский!“)».

Все встали, десятки людей подхватили Керенского и на руках внесли в кабинет, где расположился Временный комитет Государственной думы. Было это около часу дня, может быть в начале второго. Теперь все формальности с личным составом правительства были улажены. Правда, не было Гучкова, но его согласие вступить в должность военного министра имелось. Можно было объявить создание нового правительства народу. Это было поручено П. Н. Милюкову. Около трех часов дня он вышел в Екатерининский зал и с листком в руках взобрался на небольшой помост, со всех сторон окруженный солдатами, рабочими, студентами.

Милюков начал свою первую министерскую речь. Какой контраст представляла она с только что прозвучавшей речью Керенского. У того — прямые обращения к слушателям, у Милюкова — ровный тон лектора, у Керенского — апелляции к чувствам, здесь — к рассудку. И Милюков не был чужд некоторой патетики, но она была явно недостаточна для того момента. «Мы присутствуем при великой исторической минуте, — начал министр. — Еще три дня назад мы были в скромной оппозиции, а русское правительство казалось всемогущим. Теперь это правительство рухнуло в грязь, с которой сроднилось, а мы и наши друзья слева выдвинуты революцией, армией и народом на почетное место членов первого русского общественного кабинета. (Шумные, продолжительные аплодисменты)». ²² Потом он говорил о грехах прежней власти, о том, что перед новой — «народной» стоит задача организовать победу, призывал к единству солдат и офицеров. Милюков внушал: «Армия сильна своим внутренним единством: потерявшая это единство и раздробленная, она обращается в беспорядочную толпу, и всякая горсть вооруженных, организованных людей может взять ее голыми руками. Сохраните же это единство для себя и для нас и покажите, что после того, как мы так легко свергнули всемогущую старую власть, — докажите, что первую общественную власть, выдвинутую народом, не так легко будет низвергнуть. (Шумные и продолжитель-

²² Там же, с. 44—45.

ные рукоплескания)». Милюкову хватало ума и политического опыта на то, чтобы в первый же день существования Временного правительства увидеть как в волшебном зеркале всю его судьбу. Но он наивно полагал, что увиденную им картину можно рассеять, что у него хватит сил выиграть эту борьбу с внутренними законами революций.

Общее благоприятное расположение слушателей к докладчику вскоре изменилось. Милюков услышал возгласы: «Кто вас выбрал?» и ответил, что выбрала их «русская революция». Слово это действовало лучше, чем родзянковская «матушка-Русь», и Милюков еще раз получил аплодисменты. «Так посчастливилось, — пояснил министр, — что в минуту, когда ждать было нельзя, нашлась такая кучка людей, которая была достаточно известна народу своим политическим прошлым и против которой не могло быть и тени тех возражений, под ударами которых пала старая власть». Но он не сказал, как долго ждала эта «кучка» своего момента, как торговалась со «старой властью» и пыталась получить министерские портфели именно из ее рук. И что теперь пропустить эту минуту значило бы для «кучки» навсегда расстаться с мечтами о власти.

Трудным моментом для Милюкова стало оглашение списка министров. Он давал краткую характеристику каждому и выслушал немало резких выкриков. После характеристики князя Львова, как главы «общественности», раздались возгласы «цензовой», и спасти положение Милюкову удалось только спекуляцией на имени Керенского, представителя «нецензовой» общественности. «Я только что получил согласие моего товарища А. Ф. Керенского, — сказал он, — занять пост в первом русском общественном кабинете. (Бурные аплодисменты). Мы бесконечно рады были отдать в верные руки этого общественного деятеля то министерство, в котором он отдаст справедливое возмездие прислужникам старого режима, всем этим Штюрмерам и Сухомлиновым. (Рукоплескания)». Эта тема, как видим, эксплуатировалась Милюковым не с меньшим успехом, чем самим Керенским, однако он хотел ограничить деятельность Керенского одним министерством юстиции. Пользуясь благодушным настроением, которое вернулось к слушателям после лести в адрес популярного имени, Милюков попытался вывести на арену А. И. Гучкова, хотя и предвидел «возражения» против его имени. Они действительно раздались, но он сумел справиться со своей задачей: «Мы с Гучковым люди разного типа. Я — старый профессор, привыкший читать лекции, а Гучков — человек действий. И вот теперь, когда я в этой зале говорю с вами, Гучков на улицах столицы организует победу». Раздались аплодисменты, крики «верно!». Затем Милюков назвал и всех других министров. А дальше, как вспоминал сам Милюков, «очередь дошла до самого рогатого вопроса о царе и династии». Он сказал: «Я знаю наперед, что мой ответ не всех вас удовлетворит. Но я его скажу. Старый деспот, доведший

Россию до грани гибели, добровольно откажется от престола или будет низложен. (Аплодисменты). Власть перейдет к регенту, великому князю Михаилу Александровичу. (Продолжительные, негодующие крики, возгласы: „Да здравствует республика!“, „Долой династию!“). Жидкие аплодисменты, заглушенные новым взрывом негодования). Наследником будет Алексей. (Крики: „Это старая династия“).

«Я излагал с уверенностью позицию, занятую блоком, — комментировал этот эпизод позднее Милюков, — но эти выкрики меня несколько взволновали. Я продолжал повышенным тоном». Продолжая, он сказал, что старую династию не любит и он сам, но в данный момент оставить без ответа вопрос о государственном строе России нельзя. «Мы, т. е. Прогрессивный блок, представляем себе его как конституционную монархию, другие — иначе. Но если спорить об этом сейчас — Россия окажется в состоянии гражданской войны. Поэтому пока будет конституционная монархия, а затем в Учредительном собрании решится вопрос об окончательной форме правления». «Признаюсь, — вспоминал Милюков, — в этом заключительном аккорде было немного логики. Но настроение значительной части собрания было на моей стороне. Меня проводили оглушительными аплодисментами и донесли на руках до министерского помещения».²³ Был задан вопрос Милюкову и о программе будущей власти. Но он сказал, что «бумажка», на которой она написана, находится сейчас в Совете, который ее «окончательно рассматривает».

Милюков вовсе не ушел победителем после встречи с массой. Наоборот, после его ухода настроение собравшихся, особенно солдат, резко повысилось. Как сообщали газеты, солдаты говорили: «Это что ж? Мы работали-работали, а он опять на шею нам монархов?! Волнение из Таврического дворца перекинулось на улицу и был момент, когда что-то зловещее носилось в воздухе».²⁴ Особенно взволнованы были офицеры. Они окружили Родзянко и потребовали от него немедленно идти к Милюкову и просить его отказаться от своих слов, иначе они боятся возвращаться в свои части. Некоторые офицеры были пьяны. Эта сцена тяжело подействовала на Милюкова и нанесла ему первый ощутимый удар. «Отказаться я, конечно, не мог, но видя поведение Родзянко, который отлично знал, что я говорил не только от своего имени, но и от имени блока, я согласился заявить, что я высказывал свое личное мнение. Я знал особенность Родзянки — теряться в трудных случаях; но такого проявления трусости я до тех пор не наблюдал».²⁵ Родзянко не был единственным ходатаем за это предложение: в газетах отмечалось, что к Милюкову «бросились представители общественных и воинских организа-

²³ Милюков П. Н. Воспоминания, с. 312.

²⁴ Великие дни Российской революции, с. 47.

²⁵ Милюков П. Н. Воспоминания, с. 313.

ций». И, видимо, настроением Родзянко несколько заразился и сам Милюков, так как он «немедленно разъяснил, что его слова о временном регентстве великого князя Михаила Александровича и наследовании Алексея являются его личным мнением. После такого разъяснения солдаты мало-помалу успокоились: личное мнение „помещика“ облюбованной ими форме правления — республике — не угрожало».²⁶

В зале бюджетной комиссии между тем продолжалось общее собрание Петроградского Совета. В жарких прениях только большевики выступали против сдачи власти Временному правительству. Они предлагали Совету создать Временное революционное правительство. Были и противоположные мнения: послать своих представителей во Временное правительство с тем, чтобы они составили там не меньше половины министров. В итоге требования к Временному правительству, изложенные в докладе Исполнительного комитета, были приняты с четырьмя дополнениями: «1) Временное правительство оговаривает, что все намеченные мероприятия будут проводиться, несмотря на военное положение. 2) Манифест Временного правительства должен быть одновременно за подписью М. Родзянко и Временного правительства. 3) Включить в программу Временного правительства пункт о предоставлении всем национальностям прав национального и культурного самоопределения. 4) Образовать наблюдательный комитет за действиями Временного правительства».²⁷ Заседание окончилось около семи часов вечера. С полученными полномочиями делегация Исполнительного комитета вновь отправилась на переговоры с Временным правительством.

Последнее считало свое положение несколько укрепившимся. Хотя эпизод с речью Милюкова в какой-то степени и напугал членов Временного комитета, все же список министров явно встретил одобрение, вхождение Керенского в правительство обеспечивало известную поддержку со стороны Совета. Впрочем, первые сообщения о поддержке «слева» пришли не из Совета, а со стороны тех групп, с которыми был связан именно Керенский. В Таврический дворец было доставлено воззвание Трудовой группы Государственной думы, лидером которой был Керенский. Это же воззвание расклеивалось на улицах. В нем говорилось: «Рука об руку и плечом к плечу должны сочувствующие делу народного освобождения идти на штурм последних твердынь власти, самоотверженно повинаясь Временному правительству, организованному Государственной думой. В рядах нового правительства есть лица с репутацией непреклонных и мужественных защитников народных интересов: новое правительство установило тесную связь с создавшимся, для представительства интересов трудового народа, Советом Рабочих депутатов. Повиновение по-

²⁶ Великие дни Российской революции, с. 48—49.

²⁷ Известия, 1917, 3 марта.

вому центру власти, выдержка и дисциплина — непременный залог скорой и неизбежной народной победы».²⁸

Эсеры, о вступлении в партию которых объявил ставший министром юстиции Керенский, в тот же день, 2 марта, обсудили вопрос об отношении к Временному правительству. Если трудовики обещали правительству безусловную поддержку, то эсеры повторили формулу, прозвучавшую в докладе Стеклова на дневном заседании Петроградского Совета: «Конференция считает настоятельно необходимой поддержку Временного правительства, поскольку оно будет выполнять объявленную им программу, состоящую в осуществлении амнистии, личных свобод, отмене словесных, вероисповедных ограничений и в подготовке Учредительного собрания, оставляя за собой право изменить свое отношение к нему при отклонении Временного правительства от выполнения намеченной им программы». Вместе с тем конференция делала крен в сторону действительной поддержки правительства, поскольку объявляла борьбу «всяким попыткам, подрывающим организационную работу Временного правительства» и приветствовала вступление в правительство А. Ф. Керенского.²⁹

Поздно вечером снова сошлись делегация Исполнительного комитета Петроградского Совета и Временное правительство. Теперь надлежало окончательно принять текст декларации и отправить ее в печать. Делегация Исполкома имела наказ, принятый на общем собрании Совета, включить в правительственную программу новые пункты. Кроме того, она принесла с собой и дополненный текст воззвания к населению, того самого, в составлении которого принял участие Милюков прошедшей ночью. Это дополнение было написано Стекловым и содержало следующее важное положение: «Новая власть, создающаяся из общественно-умеренных слоев общества, объявила сегодня о всех тех реформах, которые она обязуется осуществить частью еще в процессе борьбы со старым режимом, частью по окончании этой борьбы. Среди этих реформ некоторые должны приветствоваться широкими демократическими кругами. Политическая амнистия, обязательство принять на себя подготовку Учредительного собрания, осуществление гражданских свобод и устранение национальных ограничений. И мы полагаем, что в той мере, в какой нарождающаяся власть будет действовать в направлении осуществления этих обязательств и решительной борьбы со старой властью, — демократия должна оказать ей свою поддержку».³⁰ Это положение было реализацией формулы «постольку-поскольку», принятой в качестве руководящего принципа в вопросе об отношении к Временному правительству на дневном заседании Петроградского Совета. Оно базировалось на трезвом учете соотношения

²⁸ Великие дни Российской революции, с. 36—37.

²⁹ Известия, 1917, 4 марта.

³⁰ Великие дни Российской революции, с. 60.

сил, которое изменилось в сторону революции и Совета: карательная экспедиция больше не грозила, члены Временного комитета явно напуганы ростом солдатского движения и приказом № 1. Но в то же время это положение уже нарушило договоренность, достигнутую в ночь на 2 марта, так как там обе стороны выступали еще в качестве равноправных партнеров. Теперь же Совет занимал положение контролера.

Все это очень не понравилось Милюкову, но большинство членов Временного комитета и Временного правительства готово было идти на любые уступки, лишь бы скорее достигнуть «успокоения». Милюков, рассказывая о трусости Родзянко, проявленной после его речи в Екатерининском зале, писал: «С тем же настроением в тот же вечер он настаивал, чтобы я как можно скорее нашел соглашение (уже испорченное вмешательством Гучкова) с Советом р. и с. д.»³¹ Все же Милюкову удалось добиться того, что пункт о «национальном и культурном самоопределении» для всех национальностей не был включен в декларацию. Зато оговорку о военном времени пришлось включить. «Программа была уже ночью записана Милюковым, — писал Суханов. — Мы прочитали ее снова, и Милюков под диктовку послушно приписал в конце ее: Временное правительство считает своим долгом присовокупить, что оно отнюдь не намерено воспользоваться военными обстоятельствами для какого-либо промедления в осуществлении вышеизложенных реформ и мероприятий».³² Других дополнений или изменений в результате переговоров в ночь на 3 марта сделано не было. Текст программы, написанный «на клочке бумаги неправильной формы», как описывает его Суханов, был подклеен к другому листку, содержавшему список министров, и отдан в типографию одновременно с воззванием Совета.

Появление этих документов знаменовало собой окончательную договоренность между Временным правительством и Петроградским Советом, однако форма этого соглашения показывала, что Совет обладает не меньшей, а пожалуй, большей властью, чем само Временное правительство. Милюков так комментировал суть воззвания Петроградского Совета: «Здесь, как видим, не только не отразился тот факт, что текст правительственных обязательств в основе своей составлен самими делегатами Совета, а текст их декларации — Временным комитетом Государственной думы, но и принята впервые та знаменитая формула „постольку-поскольку“, которая заранее ослабляла авторитет первой революционной власти среди населения».³³ Еще резче он выражался в своих воспоминаниях: «Все соотношение между нашими обязательствами, сформулированными ими и добровольно принятыми нами — и их обязательствами, сформулированными мною и при-

³¹ Милюков П. Н. Воспоминания, с. 313.

³² Суханов Ник. Указ. соч., с. 341.

³³ Милюков П. Н. История второй русской революции. София, 1921, т. 1, вып. 1, с. 49.

нятыми ими, таким образом затушевывалось и менялось в сторону классовой подозрительности».³⁴ Этим замечаниям нельзя отказать в справедливости. Действительно, как видно из текста воззвания Совета, власть объявлялась там вышедшей из «общественно-умеренных слоев», а об обязательствах правительства говорилось так, будто Совет к ним никакого отношения не имел: «Среди этих реформ некоторые должны приветствоваться широкими демократическими кругами!» Но ведь все реформы были сочинены самими представителями Исполнительного комитета. Затушевывался не только действительный ход переговоров, но и сами переговоры вождей «революционной демократии» с лидерами буржуазии, переговоры, откровенно носившие характер сговора. Из людей, которые услужливо подсказали буржуазии минимальную программу уступок и больше всего боялись того, как бы буржуазия не «отказалась» взять власть, лидеры Совета на глазах всей страны стремились превратиться в бдительных консулов, могущественных контролеров, которые внимательно следят за «цензовиками» и «общественно-умеренными» и в любой момент призовут их к порядку.

На самом же деле меньшевистско-эсеровские лидеры Исполкома уже в этот момент объективно играли роль пособников буржуазии, помогая ее правительству укрепиться. Это наглядно видно на примере их отношения к вопросу о сохранении монархии. 2 марта симпатии широких демократических кругов к республиканской форме правления были достаточно ярко выявлены и на общем собрании Петроградского Совета, и на митинге в Екатерининском зале во время речи Милюкова. Тем не менее, делегаты Исполкома не потребовали пересмотра правительственной декларации, не настояли на отказе от монархии, а по-прежнему соглашались с тем, что им предлагало правительство. Это обстоятельство как-то ускользает от внимания наших исследователей. Слишком короток тот отрезок времени, в течение которого произошла масса важнейших событий. В 12 час. ночи на 2 марта начался первый этап переговоров Исполкома и Временного комитета Государственной думы, а менее чем через 40 часов великий князь Михаил Александрович уже отрекся от престола, переданного ему Николаем II. Но при тщательном хронологическом разграничении событий можно уловить этот штрих в позиции меньшевиков и эсеров и твердо установить, что и в ночь на 3 марта они не возражали против того, что Временное правительство в качестве формы правления Российского государства установило до Учредительного собрания конституционную монархию. Отражение этого факта мы видим в книге двух бывших меньшевиков, в 1917 г. близких к лидерам Совета, Д. О. Заславского и В. А. Канторовича, которые писали: «Милюков однако твердо стоял на своем. Для него конституционная монархия была основ-

³⁴ Милюков П. Н. Воспоминания, с. 308.

ным догматом политической системы, и в защите монархии он был более непримирим, чем вчерашние поклонники самодержавия. И редактируя, — уже после памятного своего дебюта, — вместе с Сухановым декларацию Совета рабочих депутатов и объявление об образовании Временного правительства, он упорно отстаивал право правительства провозгласить конституционную монархию». ³⁵

Конечно, представители Исполкома были против монархии, собирались высказать свои симпатии республике в виде агитации за нее (даже была написана в эту ночь статья для «Известий», осуждавшая Милюкова), но они не пытались навязать буржуазии угодное для народа решение этого вопроса на прямых переговорах с буржуазными лидерами, не оспаривали «право правительства провозгласить» конституционную монархию. А значит у Милюкова и его немногочисленных сторонников могло создаться впечатление, что еще не все потеряно.

Как же выглядел окончательный текст декларации Временного правительства от 3 марта? Он начинался с обращения к народу: «Граждане!» и содержал далее короткую преамбулу. В ней говорилось: «Временный комитет членов Государственной Думы при содействии и сочувствии столичных войск и населения достиг в настоящее время такой степени успеха над темными силами старого режима, который позволяет ему приступить к более прочному устройству исполнительной власти. Для этой цели Временный комитет Государственной Думы назначает министрами первого общественного кабинета следующих лиц, доверие к которым страны обеспечено их прошлой общественной и политической деятельностью». ³⁶

Судя по примененной здесь терминологии, Исполнительный комитет Петроградского Совета не имел отношения к составлению этой преамбулы. Ее терминология совпадает с милюковской (в его речи от 2 марта). Там есть и «члены первого русского общественного комитета», и «люди», которые достаточно известны народу «своим политическим прошлым». Скорее всего, именно Милюков и составил текст этой части декларации. Преамбула несла на себе известную политическую и пропагандистскую нагрузку.

Далее в декларации следовал список министров. Он отличался от того, который был опубликован днем от имени Временного комитета Государственной думы, отсутствием указания на прежнюю общественную деятельность министров и их членство в законодательных учреждениях, а также порядком перечисленных фамилий. Здесь они располагались так: Г. Е. Львов, П. Н. Милюков, А. И. Гучков, Н. В. Некрасов, А. И. Коновалов, М. И. Терещенко, А. А. Мануилов, В. Н. Львов, А. И. Шингарев, А. Ф. Ке-

³⁵ Заславский Д. О., Канторович В. А. Указ. соч., с. 46—47.

³⁶ Революционное движение в России после свержения самодержавия, с. 419.

ренский. Список, напечатанный в тексте «Известий» за 3 марта, на этом кончается. Однако в тексте декларации, опубликованном в первом номере официального «Вестника Временного правительства» от 5 марта 1917 г., он имеет следующее продолжение: «Государственный контролер — И. В. Годнев, Министр по делам Финляндии — Ф. И. Родичев».

После списка министров шел текст условий Исполнительного комитета с добавлениями, принятыми на втором этапе переговоров. Отметим, что текст документа избегает выражения «Временное правительство». Говорится об «общественном кабинете», просто «кабинете», князь Г. Е. Львов назван «Председателем Совета министров», т. е. в декларации повторено название царского правительства. И лишь в добавлении, написанном вечером 2 марта, в самых последних строках документа говорится «Временное правительство». Вероятно, это связано с тем, что будущие министры все еще хотели формально отделить себя от революции. Лозунг «Временного правительства» или «Временного революционного правительства» не принадлежал к числу собственных лозунгов либерально-буржуазной оппозиции. Давняя литературная и политическая традиция связывала этот лозунг с рядом революционных партий и групп. Такое правительство должно было создаться для революционной замены царской власти, введения ряда немедленных законов о свободах и для обеспечения созыва Учредительного собрания. Лозунгом вождей буржуазии было создание правительства либо в результате «мирной» парламентской победы, либо в результате уступки царской властью части своих прерогатив. Назваться «Временным правительством» значило для них признать, что полномочия свои они получили от народной революции, а не от Государственной думы. И хотя в ряде документов 1 и 2 марта, исходивших от Думы, термин «Временное правительство» упоминался, официально же вводить его все еще не спешили.

Впрочем, напрашивался и известный компромисс. Ведь Временный комитет Думы назвали «временным», что, правда, отвечало не революционной традиции, а его точному назначению. Так почему же не назвать так и новое правительство? Обывателю будет так удобнее и понятнее. Но сознательное решение вопроса о названии правительства было еще впереди, а в текст декларации оно попало по описке, недосмотру, а строго говоря, в результате «диктовки» соответствующего пункта постановления Петроградского Совета от 2 марта, где название «Временное правительство» употреблено.

Декларацию и воззвание спешно отправили в типографию. Но в Таврическом дворце членов Временного правительства и членов Временного комитета томило тягостное ожидание: что делается там, в Пскове?

События, которые привели к созданию формального акта отречения императора Николая II, развивались следующим обра-

зом. Около четырех часов утра 2 марта 1917 г., после разговора генерала Н. В. Рузского с Председателем Государственной Думы М. В. Родзянко по прямому проводу, в ставке Северного фронта закипела работа. Генерал В. Г. Болдырев вместе с адъютантом начальника штаба Северного фронта Ползиковым составил краткое изложение разговора и текст его был представлен на просмотр Рузскому: «В набросанной мной телеграмме, — записывал Болдырев в своем дневнике, — Рузский вычеркнул подробности по династическому вопросу — „подумают еще, что я был между ними посредником в этом вопросе“». ³⁷ В исправленном виде телеграмма тотчас была передана в Ставку Верховному главнокомандующему генералу Алексееву. Алексеев немедленно направил ее текст другим главнокомандующим фронтами: генералам А. Е. Эверту (Западный фронт), А. А. Брусилову (Юго-Западный фронт), В. В. Сахарову (Румынский фронт) и великому князю Николаю Николаевичу (Кавказский фронт). Вскоре в Могилев стали приходить ответы, а генерал Сахаров направил свой ответ прямо в Псков. Остальные ответы командующих передал в специальной телеграмме генерал Алексеев. ³⁸

Телеграмма Сахарова была чрезвычайно любопытна. «Верный подданный его величества», как сам себя торжественно именовал генерал, начинал «во здравие», а кончил — «за упокой». В тексте телеграммы значилось: «Генерал-адъютант Алексеев передал мне преступный и возмутительный ответ Председателя Государственной Думы на высокомилостивое решение государя императора даровать стране ответственное министерство и пригласил главнокомандующих доложить его величеству через Вас (т. е. генерала Рузского. — В. С.) о положении данного вопроса в зависимости от создавшегося положения... Я уверен, что не русский народ, никогда не касавшийся царя своего, задумал это злодейство, а разбойная кучка людей, именуемая Государственной Думой». «Рыдая», генерал Сахаров тем не менее наиболее безболезненным выходом для страны считал «решение пойти навстречу уже высказанным условиям», чтобы не поставили, как он выразился, еще более «гнуснейших». ³⁹

³⁷ Красный архив, 1927, т. 4 (23), с. 255.

³⁸ Н. В. Рузский в беседе с великим князем Андреем Владимировичем рассказывал, что первой пришла телеграмма Эверта, а затем Сахарова. Но, как ясно из публикации В. Н. Сторожева, телеграмма Эверта была включена в общую телеграмму генерала Алексеева вместе с ответами Николая Николаевича и Брусилова. Так, либо что-то напугал великий князь, либо запомнил генерал Рузский. Кстати, в беседах с корреспондентами Рузский отмечал, что когда он пошел к царю утром 2 марта, у него были «ответы генерала Алексеева, Николая Николаевича, Брусилова и Эверта», которые действительно все включены в одну телеграмму (см.: Из дневника А. В. Романова за 1916—1917 гг. — Красный архив, 1928, т. 1 (26), с. 206; Сторожев В. Н. Февральская революция 1917 года. — В кн.: Научные известия. М., 1922, с. 136—138; Яковлев С. Последние дни Николая II. Официальные документы, рассказы очевидцев. Пг., 1917, с. 15).

³⁹ Сторожев В. Н. Указ. соч., с. 138.

В половине десятого Рузский с текстом разговора с Родзянко и телеграммой Сахарова пришел на доклад к царю. «Утром пришел Рузский, — писал сам Николай II в дневнике, — и прочел свой длинейший разговор по аппарату с Родзянко. По его словам, положение в Петрограде таково, что теперь министерство из Думы будто бессильно что-либо сделать, так как с ним борется социал-демократическая партия в лице рабочего комитета. Нужно мое отречение. Рузский передал этот разговор в Ставку, а Алексеев — всем главнокомандующим».⁴⁰

Командующий Северным фронтом рассказывал, что царь внимательно слушал, читал, но ничего не отвечал. После этого Рузский был отпущен и ему было приказано явиться вновь в два часа. За это время прибыли новые известия из Петрограда, в частности официальное подтверждение перехода на сторону Думы царского конвоя и Гвардейского флотского экипажа во главе с великим князем Кириллом Владимировичем. В начале третьего часа пришла и телеграмма от генерала Алексеева с текстом ответов командующих фронтами (кроме Сахарова) и собственным мнением. С этими материалами генерал Рузский вновь пришел в царский поезд. Приближался решительный момент. Рузский был твердо намерен склонить царя в пользу отречения. Ведь до сего момента тот все еще молчал. Кроме телеграммы командующий захватил с собой еще и живые аргументы — своих помощников генералов Данилова и Савича. «Обоих я вызвал утром к себе, — вспоминал позднее генерал, — и передал им ход событий и переговоров, не высказывая своего мнения. Я просил их ехать к государю со мной, потому что мне было ясно, за эти оба дня, да и раньше я это чувствовал, что государь мне не доверяет».⁴¹

Царь начал читать все телеграммы. Что же советовали ему командующие фронтами, высшие воинские начальники страны? Николай Николаевич непреклонно молил, «осенив себя крестным знамением», передать престол наследнику. Генерал Брусилов признавал единственный исход в том, чтобы «отказаться от престола в пользу государя наследника цесаревича при регентстве великого князя Михаила Александровича». Генерал Эверт умолял «принять решение, согласованное с заявлением Председателя Государственной Думы, выраженным им генерал-адъютанту Рузскому». Сам генерал Алексеев, взывая к патриотизму, советовал: «Соизволите принять решение, которое может дать мирный и благополучный исход из создавшегося, более чем тяжкого положения».⁴² Этот хор шести высших командиров армии, в том числе собственного дяди, согласно требовал: «От-

⁴⁰ Там же, с. 135.

⁴¹ Красный архив, 1928, т. 1 (26), с. 206. — В камер-фурьерском журнале записано, что приняты были Рузский, Данилов, Савич и Фредерикс (ЦГИА СССР, ф. 516, оп. 1 (дополнительная), д. 25, л. 9).

⁴² С т о р о ж е в В. Н. Указ, соч., с. 136—138.

рекайся!» Почтительные по форме телеграммы были полны страха перед дальнейшим ростом революции, перед развалом армии, полны угрозами, что будет еще хуже. Разговор шел в своем кругу. Царю давали совет люди, «им поставленные», которых он знал и которым должен был доверять. И все же он медлил принять решение.

Тогда Рузский вывел из укрытия свой последний резерв. «Ваше величество, — сказал он, — я чувствую, что Вы мне не доверяете, позвольте привести сюда ген. Данилова и Савича, и пусть они оба изложат свое мнение. Государь согласился...»⁴³ Воспоминания генерала Данилова опубликованы, в них содержатся дополнительные сведения об этом разговоре. «Дав время государю для внимательного ознакомления с содержанием телеграмм, — пишет Данилов, — генерал Рузский высказал твердо и определенно свое мнение, заключавшееся в невозможности для государя при данных условиях принять какое-либо иное решение кроме того, которое вытекало из советов всех опрошенных лиц». Царь однако возражал, ссылаясь на мнение «Юга», на мнения казачества. «Ген. Данилов в длинной речи, — вспоминает уже Рузский, — изложил свое мнение, которое сводилось к тому, что для общего блага России необходимо отречься от престола. Примерно то же, но короче, сказал ген. Савич».⁴⁴ Наступило гробовое молчание, писали свидетели этой сцены. Потом император подошел к столу, машинально взглянул несколько раз в окно вагона, губы его дернулись, резким движением он повернулся к стоявшим трем генералам и сказал: «„Я решил отказаться от престола в пользу своего сына Алексея...“». При этом он перекрестился широким крестом. Перекрестились и мы. „Благодарю вас всех за доблестную и верную службу. Надеюсь, что она будет продолжаться и при моем сыне“. Обняв генерала Рузского и тепло пожав нам руки, император медленными шагами прошел в свой вагон». В три часа он вернулся в салон и передал Рузскому для немедленной отправки в Ставку телеграмму об отречении в пользу сына.⁴⁵

⁴³ Красный архив, 1928, т. 1 (26), с. 206.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Яковлев С. Последние дни Николая II..., с. 15. Текст (факсимиле) собственноручной телеграммы Николая II Председателю Государственной думы в Петроград гласит: «Нет той жертвы, которую я не принес бы во имя действительного блага и для спасения родимой матушки России. Посему я готов отречься от престола в пользу моего сына с тем, чтобы [он] (слово «он» вписано между словами позднее. — В. С.) оставался при нас до совершеннолетия — при регентстве брата моего Великого Князя Михаила Александровича, Николай». Одновременно царь написал следующую телеграмму в Могилев: «Наштаверх. Ставка. Во имя блага, спокойствия и спасения горячо любимой России я готов отречься от престола в пользу моего сына. Прошу всех служить ему верно и нелицемерно. Николай» (цит. по: Мартынов. Царская армия в февральском перевороте. Л., 1927, с. 158—159).

Но придя в свой штаб, Рузский нашел телеграмму от Гучкова с сообщением, что в 3 часа 35 минут дня они с Шульгиным выезжают в Псков «по важному делу». Тогда в 4.30 он вернулся к царю и предложил пока телеграммы не посылать, а выждать приезда Гучкова и Шульгина и переговорить с ними. «Было очень важно знать, — говорил Рузский, — настроение столицы и соответствует ли решение государя действительно мнению Думы и Временного правительства».⁴⁶

Рузский, несомненно, хотел тем самым подкрепить принятое решение авторитетом Государственной Думы и Временного правительства. Но его заминка на самом деле привела к непредвиденным последствиям. Хотя никто из членов Думы не присутствовал в момент принятия решения об отречении и решающим для царя явились не настоящие Родзянко, которыми он великодушно пренебрегал, а мнения командующих фронтами, тень Думы и ее активных руководителей все же чувствовалась в Пскове. Родзянко ничего не значил для Николая II, но не для генералов. По существу вся деятельность Государственной думы, направленная на улучшение снабжения армии, на устранение недостатков власти, от которых генералы сами немало страдали, наконец, обличение язв царизма, громко звучавшее с ее трибуны с конца 1916 г., подготавливали почву для их решительного выступления. Точно также переписка Гучкова с Алексеевым, «подпольные речи и беседы», революционные материалы, услужливо посылавшиеся для осведомления полицией, — все это распатывало верность высших военных начальников царю, вызывало в них раздражение и апатию. Когда же к этому присоединились события Февральской революции и страх перед народным гневом, то надежда, что Дума «спасет положение», заставила генералов покинуть царя в решительную минуту.

И тут генерал Рузский несколько «перестарался». Задержав телеграмму, он задержал тем самым опубликование решения царя отречься в пользу сына, т. е. в точности выполнить пожелания лидеров Прогрессивного блока. Рузский хотел доставить удовольствие посланцам Временного правительства, дать им отречение, так сказать, в собственные руки и из первых рук. Но вышло так, что этим он как раз лишил сторонников конституционной монархии лишнего козыря в их борьбе с «республиканцами». Разумеется, судьба монархии была все равно решена: революционные рабочие и солдаты уже подписали ей свой приговор.

Узнав о прибытии в скором времени делегатов из Петрограда, царь начал нервничать. «Данилов сообщил, — записывал

⁴⁶ Красный архив, 1928, т. 1 (26), с. 206. — Однако в Могилев генералу Алексею телеграмма Николая II была все-таки отослана, так как уже в 19 час. 40 мин. в Пскове был принят новый текст манифеста об отречении в пользу сына, составленный на основе старого текста от 1 марта об «ответственном министерстве».

в дневнике генерал Болдырев, — что государь был особенно неприятно поражен, что это решение придется выполнить в присутствии, а может быть и под давлением ненавистного ему А. И. Гучкова, который вместе с Шульгиным экстренным поездом выехал в Псков». ⁴⁷ Через полчаса после ухода Рузского от царя к нему пришел флигель-адъютант и передал просьбу царя вернуть телеграмму об отречении. «Я чувствовал, что государь мне не доверяет и хочет вернуть телеграмму обратно, — рассказывает Рузский о последовавшем вслед за этим новым визитом к царю, — почему прямо заявил: „Ваше величество, я чувствую, что вы мне не доверяете, но позвольте последнюю службу все же сослужить и переговорить до вас с Гучковым и Шульгиным и выяснить общее положение“. На это государь сказал: „Хорошо, пусть останется, как было решено“. Я вернулся к себе в вагон с телеграммой в кармане и еще раз предупредил коменданта, чтоб, как только приедут Гучков и Шульгин, вести их прямо ко мне в вагон». ⁴⁸ Поздно вечером царь еще раз попросил Рузского вернуть телеграмму, но в этот момент как раз и приехали Гучков и Шульгин. Было около половины десятого вечера.

Если телеграмма о состоявшемся уже решении отречься в пользу сына не была отправлена, то другая — о том, что «ради пользы родины» он «не остановится ни перед какой жертвой» — была отправлена, по приказанию Николая II, генералу Алексееву. Справедливо расценив это, как согласие на отречение, Алексеев немедленно дал распоряжение об изготовлении текста манифеста. Он был передан в Псков вечером, в 19 часов 40 минут, еще до приезда делегатов Думы. В тот же вечер царю была доложена телеграмма Родзянко Алексееву с просьбой назначить генерала Л. Г. Корнилова главнокомандующим войсками Петроградского военного округа. По просьбе генерала Алексеева царь подписал назначение Корнилова. ⁴⁹

Рузский проворонил прибытие Гучкова и Шульгина. Когда они в сопровождении своих пяти «телохранителей» выходили из вагона, к ним подошел царский флигель-адъютант и попросил немедленно пройти в вагон Николая II. Хотя они и сами собирались прежде повидать генерала Рузского, но подчинились и пошли прямо к царскому поезду. Сцена отречения Николая II в своих общих чертах достаточно хорошо известна по воспоминаниям очевидцев. Поэтому мы остановимся лишь на тех ее сторонах, которые имеют существенное значение для нашей темы. Заметим кстати, что с фактической стороны наиболее точное изложение событий содержится в протоколе генерала Нарышкина, который впервые был опубликован в 1922 г. В. Н. Сторожевым.

⁴⁷ Красный архив, 1927, т. 4 (23), с. 254.

⁴⁸ Красный архив, 1928, т. 1 (26), с. 206.

⁴⁹ Там же, 1927, т. 4 (23), с. 254.

Итак, в 9 час. 40 мин. вечера 2 марта 1917 г. в салон-вагоне встретились Николай II, Гучков, Шульгин, Рузский, министр двора Фредерикс и начальник походной канцелярии свиты, генерал-майор К. А. Нарышкин. Первым, как явствует из протокола,⁵⁰ говорил Гучков. Его речь известна по собственным показаниям Гучкова в Чрезвычайной следственной комиссии и в пересказе Шульгина, но протокольная запись отражает ее полнее и, главное, передает такие оттенки в восприятии Гучковым тогдашнего положения, которые ему невыгодно было воскрешать при последующих рассказах. Вначале он коснулся событий в Петрограде, причем подчеркнул, что революция — «это не есть результат какого-нибудь заговора или заранее обдуманного переворота, а это движение вырвалось из самой почвы и сразу получило анархический отпечаток, власти ступшевались».⁵¹ Гучков признался, что лично ездил к заместителю Хабалова генералу Занкевичу (это было 28 февраля), и тот сказал, что войск в распоряжении правительства не имеется. «Так как было страшно, что мятеж примет анархический характер, — продолжал Гучков, — мы образовали так называемый Временный комитет Государственной Думы и начали принимать меры, пытаюсь вернуть офицеров к командованию нижними чинами; я сам лично объехал многие части, убеждал нижних чинов сохранять спокойствие». Кроме их Комитета, пояснял он, в Таврическом дворце заседает «комитет рабочей партии» (вот откуда этот «комитет» затем появился на страницах дневника Николая II), под чьей «властью и цензурою» они находятся.

Гучков указал на опасность, что их, «умеренных, сметут», так как движение под лозунгом «социальной республики» и передачи земли крестьянам, охватывает низы, солдат и грозит перекинуться на фронт. Он сообщил, в частности, о том, что лично принимал заявление «собственного его величества конвоя» о присоединении к «движению».

Далее в протоколе следующим образом записана суть предложений делегатов Думы: «В народе глубокое сознание, что положение создано ошибками власти, и именно верховной власти, а потому нужен какой-нибудь акт, который подействовал бы на сознание народное. Единственный путь — это передать бремя верховного правления в другие руки. Можно спасти Россию, спасти монархический принцип, спасти династию. Если Вы, Ваше величество, объявите, что передаете свою власть Вашему маленькому сыну, если Вы передадите регентство великому князю Михаилу Александровичу и если от Вашего имени или от имени регента будет поручено образовать новое правительство, тогда, может быть, будет спасена Россия...».

⁵⁰ ЦГИА СССР, ф. 516, оп. 1 (дополнительная), д. 25, л. 9 об.

⁵¹ Сторожев В. Н. Указ. соч., с. 139.

В этот момент генерал Рузский, сидевший рядом с Шульгиным, сказал ему на ухо: «Это уже дело решенное», — и с этими словами вынул из кармана сложенный вдвое листок с текстом телеграммы об отречении в пользу сына Алексея. Он протянул этот листок Николаю II, но тот, к удивлению Рузского, сложил листочек еще раз пополам и убрал в свой карман.⁵² Гучков, между тем, продолжал: «Я говорю, может быть, потому, что в настоящее время Родзянко, меня и других умеренных членов Думы крайние элементы считают предателями; они, конечно, против этой комбинации, так как видят в этом возможность спасти наш исконный принцип. Вот, Ваше величество, только при этих условиях можно сделать попытку водворить порядок. Вот что нам, мне и Шульгину, было поручено Вам передать». Он прибавил, что решение должно последовать не позже завтрашнего дня.

Гучков в продолжение всей речи заметно волновался, не смотрел на царя, говорил, опершись локтем о маленький столик, и по своей привычке поглаживал лоб рукой. После того как он кончил, начал говорить император. Его речь поразила собравшихся ровным, спокойным голосом, как бы безразличным к тому, что происходило. Но еще больше поразило их то, что именно сказал Николай II: «Ранее вашего приезда и после разговора по прямому проводу генерал-адъютанта Рузского с Председателем Государственной Думы, я думал в течение утра, и во имя блага, спокойствия и спасения России, я был готов на отречение от престола в пользу своего сына, по теперь, еще раз обдумав положение, я пришел к заключению, что, ввиду его болезненности, мне следует отречься одновременно и за себя, и за него, так как разлучаться с ним я не могу».⁵³

По словам Рузского, все были «огорошены» этими словами. Гучков сказал, что они не подготовлены к такому решению и попробовал было возразить: «Мы учли, что облик маленького Алексея Николаевича был бы смягчающим обстоятельством при передаче власти». Рузский пояснил, что царь, видимо, боится, что будет разлучен с наследником после отречения. Очень определенно выразился Шульгин: «Я не могу дать на это категорического ответа, так как мы ехали сюда, чтобы предложить то, что мы передали». Николай II высказывал опасение, как бы из-за его

⁵² Красный архив, 1928, т. 1 (26), с. 207.

⁵³ Сторожев В. Н. Указ. соч., с. 140. — В черновом камер-фурьерском журнале речь Николая II записана следующим образом: «Я все это обдумал, решил отречься. Но отрекаюсь не в пользу своего сына, так как я должен уехать из России, раз я оставляю верховную власть. Покинуть же в России сына, которого я очень люблю, оставить его на полную неизвестность, ни в коем случае не считаю возможным. Вот почему я решил передать престол моему брату Михаилу Александровичу». Здесь обращает на себя внимание намерение царя уехать за границу вместе с сыном. Далее в журнале записано: «Представители Временного правительства просили Его величество еще раз обдумать свое решение» (см.: ЦГИА СССР, ф. 516, оп. 1 (дополнительная), д. 25, л. 9 об.).

отречения не началась гражданская война, но Гучков и Шульгин горячо убеждали его, что за него никто не вступится, ни казаки, ни Юг России; опасность не здесь — вот, когда объявят республику, тогда возникнет междоусобица. Шульгин пытался объяснить смысл предлагаемой меры: «Нам придется вступить в решительный бой с левыми элементами, а для этого нужна какая-нибудь почва. Относительно Вашего проекта разрешите нам подумать хотя бы четверть часа. Этот проект имеет то преимущество, что не будет мысли о разлучении, и, с другой стороны, если Ваш брат, великий князь Михаил Александрович, как полноправный монарх присягнет конституции одновременно с вступлением на престол, то это будет обстоятельством, содействующим успокоению».⁵⁴ Любопытен еще один аргумент Гучкова. Он говорил, что если восстановится старая власть, то рабочие и солдаты, «принимавшие участие в беспорядках», воспримут это как близкую расправу с ними. И поэтому нужна полная перемена, «нужен на народное воображение такой удар хлыстом», который сразу бы все переменял, в частности, царь должен назначить Председателем Совета министров князя Г. Е. Львова. И здесь сразу Гучков и Шульгин решились принять те условия, которые поставил им царь. Вот соответствующее место из протокола: «Член Г[осударственного] С[овета] Гучков: Нет, Ваше величество, казаки все на стороне нового строя. Ваше величество, у Вас заговорило чувство отца и политике тут не место, так что мы ничего против Вашего предложения возразить не можем. Член Г[осударственной] Д[умы] Шульгин: Важно только, чтобы в акте Вашего величества было указано, что преемник Ваш обязан дать присягу конституции. Его величество: Хотите еще подумать? Член Г[осударственного] С[овета] Гучков: Нет, я думаю, что мы можем сразу принять Ваши предложения. А когда бы Вы могли совершить самый акт? Вот проект, который мог бы Вам пригодиться, если бы Вы пожелали что-нибудь из него взять». Николай II ответил, что проект у него уже есть собственный, остается только исправить в том смысле, что престол передается не Алексею, а Михаилу Александровичу, после этого он удалился, а депутаты остались.⁵⁵

Это новое решение, на которое теперь согласились посланцы Государственной Думы, шло вразрез с полномочиями, полученными от Временного правительства. Оно нарушало тот стройный план, который был разработан за много дней до самого этого момента, план, который предлагал наилучший вариант для сохра-

⁵⁴ Там же, с. 140—141.

⁵⁵ В черновом камер-фурьерском журнале записано: «Государь император удалился в соседнее отделение салон-вагона, в котором происходила беседа. Через 20 минут он вышел оттуда с текстом манифеста в руках и, передавая его, сказал: „Решение мое твердо и непреклонно.“ (см.: ЦГИА СССР, ф. 516, оп. 1 (дополнительная), д. 25, л. 9 об.—10).

нения в России монархического строя. В этот момент Гучков не смог совершить «морального насилия» над царем, которое он так давно собирался учинить вместе со своими единомышленниками, и проявить политическую дальновидность, как ее понимали, разумеется, лидеры буржуазии. Только один выход был для деморализованного царя — отречение. И делегаты имели полную возможность добиться такой его формы, которая устраивала Временное правительство.

С ними было только пять вооруженных с красными бантами, но тут же, в Пскове, можно было в один момент найти роту, которая в полном порядке с офицерами и оружием подошла бы к царскому вагону. А по первому телеграфному вызову в Петроград оттуда явились бы 50, 100, 200 тысяч солдат из гарнизона. Понимал ли достаточно хорошо сам Гучков, какую ответственность он принимает на себя новым решением? Вот что говорил он позднее сам: «Я лично ту комбинацию, на которой я, по поручению некоторых членов Думского комитета, настаивал, находил более удачной, потому что, как я уже говорил, эта комбинация малолетнего государя с регентом представляла для дальнейшего развития нашей политической жизни большие гарантии; но настаивая на прежней комбинации, я прибавил, конечно, государю не придется рассчитывать при этих условиях на то, чтобы сын остался при нем и при матери, потому что никто, конечно, не решится доверить судьбу и воспитание будущего государя тем, кто довел страну до настоящего положения. Государь сказал, что не может расстаться с сыном и передаст престол своему брату. Тут оставалось только подчиниться, но я прибавил, что в таком случае необходимо сейчас же составить акт об отречении, что должно быть сделано немедленно, что я остаюсь всего час или полтора в Пскове и что мне нужно быть на другой день в Петрограде, но я должен уехать, имея акт отречения в руках».⁵⁶ И так, он понимал, что та комбинация лучше, но «подчинился». Уже сравнение этого рассказа, сделанного на допросе в Чрезвычайной следственной комиссии, с протоколом генерала Нарышкина показывает, что Гучков задним числом подправлял события. Пояснение о том, что царь не сможет остаться с Алексеем, было уже сделано после того, как он объявил свое решение в пользу Михаила Александровича. Что касается принятия этого условия, то Гучков не «подчинился», а «согласился», отказавшись даже от предложения царя «еще раз подумать». Протокол кроме того показывает, что именно Гучков был инициатором принятия нового варианта: Шульгин сначала был в полной растерянности и не мог «категорически ответить».

Дальше — больше. В своих воспоминаниях А. И. Гучков излагает обстоятельства согласия принять отречение уже так: «Мы с Шульгиным пробовали возражать, но у нас сложилось впечат-

⁵⁶ Падение царского режима, т. VI, с. 265.

ление, что наши доводы на него совершенно не действуют и что принятое им решение окончательно. Это решение мне не нравилось. Мне казалось, что Михаил фигура не царственная, что ему могут поставить в вину подчинение известным влияниям, отсутствие правительственного и царственного блеска». ⁵⁷ И так, оказывается Гучков понимал и то, что и Михаил в цари не годится. Оправдываясь через много лет перед друзьями и врагами, он писал: «С маленьким Алексеем в качестве законного государя еще можно было спасти положение. Он явился бы не только символом, но и воплощением монархической власти, и нашлось бы не мало людей, готовых умереть за маленького царя». ⁵⁸

Действительно, в протоколе есть упоминание о «смягчающих обстоятельствах» передачи трона маленькому Алексею. Но почему же тогда Гучков, непреклонный в решениях и их выполнении, согласился? Неужели его так тронули «чувства отца», о которых так много писал Шульгин в своих воспоминаниях? Ведь сразу же им было указано на известное недоразумение, возникающее при новой «комбинации». «На мой вопрос, — рассказывал Рузский о своей беседе с делегатами после удаления императора к себе, — как, по основным законам, может ли государь отречься за сына, они оба не знали. Я им заметил, как это они едут по такому важному государственному вопросу и не захватили с собой ни тома основных законов, ни даже юриста. Шульгин ответил, что они вовсе не ожидали такого решения государя. Потолковав немного, Гучков решил, что формула государя приемлема, что теперь безразлично, имел ли государь право или нет». ⁵⁹ Этот юридический порок принятого Николаем II решения тотчас был замечен даже в Ставке генерала Рузского. Болдырев записывал в дневнике: «Манифест производил несколько смутное впечатление, явно нарушался закон о престолонаследии и возникал серьезный вопрос о супружестве нового государя. Д[анилов] мне говорил, что вопрос этот возникал и на совещании в вагоне, там был указан, правда, не совсем подходящий прецедент с Александром II, женатым второй раз на княжне Долгорукой, но дело в том, что Александр II женился, уже будучи государем». ⁶⁰ И действительно, Михаил Александрович еще 17 октября 1912 г. тайно, без разрешения своего брата, обвенчался с Натальей Сергеевной Вульферт (девичья фамилия которой была Шереметьевская, а по первому браку Мамонтова). Только в 1915 г. она была признана Николаем II и ей дан был титул «графини Брасовой» по названию одного из имений Михаила Александровича. После этого супруги возвратились из-за границы. Молва приписывала Михаилу Александровичу подчинение своей жене,

⁵⁷ Последние новости, [Париж], 1936, 16 сент.

⁵⁸ Там же, 20 сент.

⁵⁹ Красный архив, 1928, т. 1 (26), с. 207.

⁶⁰ Там же, 1927, т. 4 (23), с. 255.

или, как деликатно выражался Гучков, «известным влиянием». Так что в глазах монархистов Михаил Александрович был фигурой нецарственной и по этой причине.

И все же Гучков согласился, да еще торопил с подписанием отречения. Им руководило, на наш взгляд, все то же чувство, которое Милюков назвал *schadenfreude*. Именно он поехал за отречением и именно он должен был его привезти. Ведь если бы дело затянулось, переговоры могли перейти в другие руки, к Временному правительству, которое еще неизвестно кого бы назначило, а, стало быть, и вся слава перешла бы куда-то в другое место, и этот фантастический случай «не увенчал» бы политической карьеры Гучкова. И так он был страшно уязвлен тем, что, как ему показалось, Николай II не понял всей торжественности минуты и отнесся очень буднично и как-то нейтрально ко всей процедуре отречения. Гучков, как показали дальнейшие события, надеялся поэтому взять реванш при торжественном оглашении манифеста из своих уст.

Из текста манифеста об отречении, который был подписан и принесен делегатами в 11 час. 40 мин. вечера 2 марта, нас интересует только формула передачи власти. Во-первых, там отмечалось, что решение об отречении принято «в согласии с Государственной Думой». Во-вторых, Михаил обязывался быть в единении с той же Думой. Царь и здесь не написал слова «конституция». Формула гласила: «Заповедуем брату Нашему править делами государственным в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях на тех же началах, кои будут ими установлены, принеся в том ненарушимую присягу горячо любимой Родине».⁶¹ Следовательно, Думе и Государственному Совету передавались учредительные функции по выработке договора с верховной властью, и новый царь должен был подчиниться ему и присягнуть.

Одновременно царь подписал указы о назначении князя Г. Е. Львова Председателем Совета министров и великого князя Николая Николаевича — верховным главнокомандующим. По просьбе Гучкова и Шульгина указы были датированы двумя часами дня, а само отречение — тремя. Затем изготовлен был дубликат акта отречения, который был оставлен в штабе Северного фронта у Рузского «на всякий случай». После этого царь, теперь уже «бывший», простился с Гучковым и Шульгиным, а затем с генералами Рузским и Даниловым. Дело было сделано. Но не так, как хотелось бы Милюкову там, в Петрограде, в Таврическом дворце.

После получения на руки экземпляра отречения Гучков отправил две телеграммы: одну Родзянко в Петроград, излагающую суть принятого решения (передача престола Михаилу Александровичу), а вторую в Вырицу, генералу Н. И. Иванову («Тороп-

⁶¹ Великие дни Российской революции, с. 68.

люсь Петроград, очень сожалею, не могу захватить. Свидание окончилось благополучно». ⁶²). Затем около трех часов ночи ⁶³ специальный поезд Гучкова и Шульгина отправился в Петроград, а литерный поезд отрекшегося императора — в Могилев.

Центр событий с этой минуты вновь переместился в Петроград. Как вспоминал впоследствии Милюков, «в Петербурге ночь на 3 марта в ожидании отречения прошла очень тревожно. Около трех часов ночи мы получили в Таврическом дворце первые известия, что царь отрекся в пользу великого князя Михаила Александровича. Не имея под руками текста манифеста императора Павла о престолонаследии, мы не сообразили тогда, что самый акт царя был незаконным. Он мог отречься только за себя, но не имел права отречься за сына... замена сына братом была несомненно тяжелым ударом, нанесенным самим царем судьбе династии — в тот самый момент, когда продолжение династии вообще стояло под вопросом. К идее о наследовании малолетнего Алексея публика более или менее привыкла, эту идею связывали, как сказано выше, с возможностью эволюции парламентаризма при слабом Михаиле. Теперь весь вопрос открывался вновь, и все внимание сосредоточивалось на том, как отнесется великий князь к своему назначению». ⁶⁴

Среди большинства членов Временного комитета возникла паника. Резкая оппозиция династии, проявившаяся днем 2 марта в Таврическом дворце, уже тогда напугала многих вчерашних монархистов. Когда же они узнали, что через несколько часов будет провозглашен в России император Михаил, то положение стало казаться им совсем безнадежным. Родзянко вместе с князем Львовым немедленно выехали в Военное министерство, чтобы по прямому проводу поговорить с генералом Рузским.

Вызвав его к аппарату, Родзянко потребовал, чтобы царский манифест пока не публиковался. Свое требование он объяснил так: «Дело в том, что с великим трудом удалось удержать в более или менее приличных рамках революционное движение, но положение еще не пришло в себя, и весьма возможна гражданская война. С регентством великого князя и воцарением наследника цесаревича помирились бы может быть, но воцарение его как императора абсолютно неприемлемо. Прошу принять все зависящие от вас меры, чтобы достигнуть отсрочки». ⁶⁵

Генерал Рузский был весьма раздосадован и не мог удержаться, чтобы не высказать своего неудовольствия поведением Гучкова и Шульгина: «Очень сожалею, что депутаты, присланные вчера, не были в достаточной мере освоены с той ролью и

⁶² Блок Александр. Указ. соч., с. 111.

⁶³ По записи в камер-фурьерском журнале — в 2 часа ночи (см.: ЦГИА СССР, ф. 516, оп. 1 (дополнительная), д. 25, л. 12).

⁶⁴ Милюков П. Н. Воспоминания, с. 315.

⁶⁵ Революционное движение в России после свержения самодержавия..., с. 417.

вообще с тем, для чего они приехали». Родзянко вступился за них, говоря, что винить депутатов нельзя — ведь революция! И дальше в его словах содержится свидетельство того, что сам Родзянко в этот момент уже отказался от мысли отстаивать монархию и решил пожертвовать Михаилом: «После долгих переговоров с депутатами рабочих удалось прийти, только к ночи сегодня, к некоторому соглашению, которое заключалось в том, чтобы было созвано через некоторое время Учредительное собрание для того, чтобы народ мог высказать свой взгляд на форму правления. . .

Войска мало-помалу приводятся в порядок, но провозглашение императором Михаила Александровича подольет масла в огонь и начнется беспощадное истребление всего, что можно истребить. Мы потеряем и упустим из рук всякую власть, и усмирить народное волнение будет некому. . . При предложенной форме возвращение династии не исключено. И желательно, чтобы примерно до окончания войны продолжал действовать верховный совет (Родзянко имел в виду Временный комитет Думы. — В. С.) и ныне действующее [назначенное] нами Временное правительство». ⁶⁶ Со всем этим соглашался и тишайший князь Львов, который сам от себя не произнес ни слова.

Что же предпринять? — спрашивал Рузский. Делая вид, что манифеста не было, равно как и дарованного царем назначения князя Львова, Родзянко отвечал: «Сегодня нами сформировано правительство с князем Львовым во главе, о чем всем командующим фронтами посланы телеграммы. Все остается в таком виде: верховный совет, ответственное министерство и действия законодательных палат до разрешения вопроса о конституции учредительным собранием. Против распространения указов о назначении верховным главнокомандующим ничего не возражаем. До свидания.

— Скажите, кто во главе верховного совета?

— Я ошибся, не верховный совет, а временный комитет Государственной Думы под моим председательством». ⁶⁷ Итак, Родзянко, высказавшись против передачи императорской власти Михаилу Александровичу, прочил себя чуть ли не в президенты. «Верховный совет», сиречь Временный комитет Думы, ставился им на место верховной власти, т. е. царя, перед ним должно было быть ответственно Временное правительство. А работа нынеш-

---

⁶⁶ Там же, с. 418. — Оговорка тем не менее любопытна. «Верховный Совет народов России» — так называлась действовавшая с 1912 г. тайная политическая организация карбонарского толка. Как нам кажется, этой оговоркой Родзянко выдает свою осведомленность о ее существовании. В руководстве «Верховного совета» были А. Ф. Керенский, М. И. Терещенко, Н. В. Некрасов, А. И. Коновалов, Г. Е. Львов и др. (см. об этом подробнее: Ст ар цев В. И. Революция и власть. М., 1979, с. 204, 207, 254).

⁶⁷ Революционное движение в России после свержения самодержавия. . ., с. 418—419.

них Думы и Государственного Совета продолжалась бы до конца войны. Видимо, после войны мыслилось ему и Учредительное собрание.

Пока шел этот разговор, в Таврическом дворце разыгрывалась своя драма. Новоиспеченные министры и члены Временного комитета ожесточенно спорили о том, что делать. В каком направлении воздействовать на великого князя: упрашивать ли его принять корону, или отговаривать от нее? За этим стоял еще более серьезный вопрос — быть ли России республикой, или оставаться монархией? «Один ночной эпизод меня в этом окончательно убедил, — вспоминал Милюков. — Мы сидели втроем в уголке комнаты: я, Керенский и Некрасов. Некрасов протянул мне смятую бумажку с несколькими строками карандашом, на которой я прочел предложение о введении республики. Керенский судорожно ухватился за кисть моей руки и напряженно ждал моего ответа. Я раздраженно отбросил бумажку с какой-то резкой фразой по адресу Некрасова. Керенский грубо оттолкнул мою руку. Он еще вечером объявил себя республиканцем в Совете р. и с. д. и подчеркнул свою роль „заложника демократии“. Начался нервный обмен мыслей. Я сказал им, что буду утром защищать вступление великого князя на престол. Они заявили, что будут настаивать на отказе. Выяснив, что никто из нас не будет молчать, мы согласились, что будет высказано при свидании только два мнения: Керенского и мое — и затем мы предоставим выбор великому князю. При этом было условлено, что, каково бы ни было его решение, другая сторона не будет мешать и не войдет в правительство».⁶⁸

Вероятно, это джентльменское соглашение было достигнуто часов в шесть утра, потому что уже в начале седьмого Керенский звонил на квартиру князя Путятина, где, как выяснилось, ночевал великий князь Михаил Александрович. Адъютант, по требованию Керенского, немедленно разбудил великого князя, который, узнав в чем дело, сказал, что ждет членов Временного правительства и Временного комитета Государственной думы. Он еще не знал, что со станции Сиротино Николай II послал ему телеграмму, титулуя «его императорским величеством Михаилом». В телеграмме говорилось: «События последних дней вынудили меня решиться бесповоротно на этот крайний шаг. Прости меня, если огорчил тебя и что не успел предупредить. Остаюсь навсегда верным и преданным братом. Возвращаюсь в Ставку и оттуда через несколько дней надеюсь приехать в Царское Село. Горячо молю бога помочь тебе и твоей Родине. Ники».⁶⁹

Итак, утром 3 марта на квартире князя Путятина в доме № 12 по Миллионной улице состоялось это совещание, которое формально покончило с монархией в России и оставило Времен-

⁶⁸ Милюков П. Н. Воспоминания, с. 315—316.

⁶⁹ Блок Александр. Указ. соч., 110.

ное правительство один на один с революционным народом. В подъезде и на лестнице стоял караул из солдат Преображенского полка, казармы которого были как раз рядом. Мимо них проходили члены Временного правительства, которых еще плохо знали в лицо. Войдя в квартиру, Милюков столкнулся с самим великим князем, который был внешне в веселом расположении духа. «А что, хорошо ведь быть в положении английского короля? — обратился он к Милюкову, — очень легко и удобно!» Тот ответил: «Да, Ваше величество, очень спокойно править, соблюдая конституцию».⁷⁰ Кроме Милюкова сюда прибыли князь Г. Е. Львов, А. Ф. Керенский, Н. В. Некрасов, М. И. Терещенко, И. В. Годнев, В. Н. Львов. Были также М. А. Караулов, И. Н. Ефремов и, разумеется, М. В. Родзянко. В это время А. И. Гучков и В. В. Шульгин еще отсыпались в поезде, который вез их в Петроград.

Собрались все в большой комнате, гостиной Путятиных, и Родзянко открыл заседание. В своей вступительной речи он доказывал необходимость отречения Михаила Александровича, вернее его отказа от престола, передаваемого ему Николаем II. Милюков мог теперь причислить Председателя Думы к своим противникам, к противникам сохранения монархии. И как быстро состоялась эта перемена! Еще несколько месяцев назад Родзянко протестовал, когда в его доме заходил разговор о необходимости заставить Николая II отречься от престола в пользу сына. «Я присягал!» — кричал он тогда. А сейчас этот «убежденный монархист» первым уговаривал великого князя поставить крест на романовской династии.

Затем выступил Керенский. Краткое содержание его речи дошло до нас в двойной передаче, правда, очень близко отстоящей от самого события. 31 марта 1917 г. великий князь Андрей Владимирович встретился в Кисловодске с Карауловым, который подробно рассказал князю об этом эпизоде. Андрей Владимирович немедленно занес его рассказ в свой дневник: «Керенский наиболее ярко характеризовал момент. Он заявил, что поступил всеми своими партийными принципами ради блага отечества и лично явился сюда. Его могли бы партийные товарищи растерзать, но вчера ему удалось „творить волю партии“ и ему доверяют. Вчера еще он согласился бы на конституционную монархию,⁷¹ но сегодня после того, что пулеметы с церковью расстреливали народ, негодование слишком сильное, и Миша, беря корону, становится под удар народного негодования, из-под которого вышел Ники. Успокоить умы теперь нельзя, и Миша может погибнуть, с ним и они все».⁷²

⁷⁰ Милюков П. Н. Воспоминания, с. 316.

⁷¹ Это является еще одним доказательством того, что лидеры Петроградского Совета соглашались в переговорах с Временным правительством на сохранение конституционной монархии.

⁷² Красный архив, 1928, т. 1 (26), с. 200.

За ним выступил Милюков, единственный в тот момент защитник монархии. «П. Н. Милюков, — писал он о себе в третьем лице, — развил свое мнение, что сильная власть, необходимая для укрепления нового порядка, нуждается в опоре привычного для масс символа власти. Временное правительство одно, без монарха, говорил он, является „утлой ладьей“, которая может потонуть в океане народных волнений, стране при таких условиях может грозить потеря всякого сознания государственности и полная анархия раньше, чем соберется Учредительное собрание; Временное правительство одно до него не доживет и т. д.»⁷³ Дело было не в том, что для Милюкова монархия была лучше республики, и не в том, что он был монархистом «по убеждению». Им, как нам кажется, руководил трезвый политический расчет.

Действительно, зачем до Февраля разрабатывались планы замены на престоле Николая II малолетним Алексеем при регентстве Михаила? Для того чтобы не допустить революционного взрыва, близость которого ощущалась всеми. Для того, чтобы мирным путем устранить вопиющие пороки режима, устранить те тормоза в развитии общественной и государственной жизни, которые казались лидерам буржуазной оппозиции особенно заметными в сравнении с «великими демократиями» Запада. Пример Англии был особенно близок Милюкову. Он как будто доказывал, что парламентский строй может утвердиться и без свержения монархии, путем ее приспособления к конституционному строю и современным требованиям. Эволюционный путь обещал меньшие издержки для государства, особенно ведущего войну. Продолжение же войны для Милюкова и его соратников было основой дальнейшего развития Российского государства, рассматривалось ими как первейшая жизненная потребность.

Теперь планы идеологов и политиков империалистической буржуазии изменились. Революцию предотвратить не удалось. Она стала фактом. В этих условиях сохранение монархии должно было, по мысли этих людей, затормозить дальнейшее развитие народной революции, обуздать движение масс, или «анархию», на милюковском языке, помочь сохранению власти в руках империалистической буржуазии. Если раньше лидеры оппозиции опирались в своих планах на широкое общественное недовольство, на сочувствие и поддержку буржуазии и либеральной интеллигенции, надеясь привлечь на свою сторону армию и даже часть рабочих, то теперь громадные общественные группы, и прежде всего демократические, сразу отшатнулись от идеи сохранения монархии, народные же массы показали к тому же и свое антибуржуазное лицо. Теперь Милюков, а с ним и Гучков, могли в своих планах опереться на отсталые

⁷³ Милюков П. Н. История второй русской революции, с. 54.

слои общества, которые раньше ими же третировались как черносотенные, на самые темные элементы среди казачества и солдат, которых собирались связать присягой на верность новому императору. Царь, хоть и лишенный атрибутов самодержавия, представлял «привычный символ власти» и должен был служить зонтиком, прикрывающим Временное правительство от революционного ливня, от все расширяющихся требований «социалистов».

Но большинство коллег Милюкова оказались лишенными той доли пронизательности и политического расчета, которые проявлял в данном случае он сам. Страх перед революцией, встававшей перед ними в виде рыжих солдатских шинелей, заполонивших Таврический дворец, оказался сильнее доводов рассудка. Им хотелось скорее загнать эту массу назад, в казармы, а иного способа, кроме как подчиниться на время ее воле, они не видели. Для этого они готовы были теперь пожертвовать Михаилом, как только что пожертвовали Николаем и его сыном. Милюков оказался в одиночестве. Как он вспоминал: «Вопреки нашему соглашению, за этими речами полился целый поток речей — и все за отказ от престола».⁷⁴

В это время на Варшавский вокзал прибыли Гучков и Шульгин. Их уже ждали и заставили выступать на митингах перед солдатами и рабочими. Вдруг к Шульгину подошли и сказали, что его требует к телефону Милюков. Дело в том, что Милюков считал текст манифеста неудовлетворительным, поскольку в нем не было упоминания об Учредительном собрании. Потому-то он и разыскивал Гучкова и просил его немедленно приехать на Миллионную 12, где уже собралось правительство и великий князь Михаил Александрович. Шульгин отправился за Гучковым, которого тем временем едва не растерзали рабочие за провозглашение здравицы новому императору. С трудом удалось им уйти из железнодорожных мастерских, сесть в присланный за ними автомобиль и уехать. По пути они видели расклеенные по городу плакаты с извещением об образовании Временного правительства. Из них Гучков узнал, что он не только военный министр, но и морской. Когда делегаты входили в квартиру князя Путятина, там шел ожесточенный спор. Милюков, видя, что в числе сторонников отказа от престола все, кроме него, попросил слова второй раз. Керенский убеждал Родзянко слова ему не давать. После долгих препираций решено было все-таки дать ему возможность защитить свою точку зрения еще раз.

«Я был поражен тем, — вспоминал Милюков, — что мои противники вместо принципиальных соображений перешли к запугиванию великого князя. Я видел, что Родзянко продолжает праздновать труса. Напуганы были и другие происходящим. Все это было так мелко в связи с важностью момента. Я признавал, что говорившие, может быть, правы. Может быть участникам и

⁷⁴ М и л ю к о в П. Н. Воспоминания, с. 316.

самому великому князю грозит опасность. Но мы ведем большую игру — за всю Россию — и мы должны нести риск, как бы велик он ни был. Только тогда с нас будет снята ответственность за будущее, которую мы на себя взяли».⁷⁵ Но Милюков в запальчивости предлагал фантастический план — взять автомобили и ехать в Москву, где провозгласить Михаила императором, собрать войска и под его знаменами двинуться на Петроград.

Предложение начать гражданскую войну (а именно это по существу предлагал Милюков) не встретило сочувствия. Наоборот, он еще больше напугал собравшихся. Лишь прибывший на заседание Гучков выступил на его стороне, но выступил как-то вяло. Позднее он писал в своих воспоминаниях: «У меня были еще надежды спасти положение, когда мы с Милюковым убеждали Михаила Александровича не отказываться от переданного ему братом престола».⁷⁶ Но оба этих вождя буржуазной оппозиции оказались в тот момент в одиночестве, и великий князь не мог не согласиться с мнением большинства.

До этого момента он молчал, а после того, как высказались все, попросил время подумать и удалился в соседнюю комнату вместе с М. В. Родзянко и Г. Е. Львовым. Вскоре они вышли оттуда, и великий князь объявил, что решил не принимать верховную власть до решения Учредительного собрания. Многие участники совещания возликовали. Керенский, как известно, подбежал к великому князю, затряс его руку и сказал примерно так: «Ваше величество, Вы благородный человек, я всем буду рассказывать это». Н. В. Некрасов немедленно сел писать проект нового акта. Но на сей раз решено было послать и за юристами.

Милюков заявил, что, согласно предварительной договоренности, он из состава Временного правительства выходит. Его примеру последовал и Гучков. Они покинули совещание и вместе уехали. Когда в 3 часа дня Набоков, вызванный для редактирования манифеста Михаила Александровича, приехал на квартиру князя Путягина, он застал в одной из комнат Шульгина и Г. Е. Львова. Последний рассказал о всех событиях. «Тут же кн. Львов прибавил, — писал впоследствии Набоков, — что в результате этого решения Милюков и Гучков выходят из состава Временного правительства. „Что Гучков уходит, это не беда: ведь оказывается (sic!), что его в армии терпеть не могут, солдаты его просто ненавидят. А вот Милюкова непременно надо уговорить остаться. Это уж дело ваше и ваших друзей, помочь нам“».⁷⁷

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Из воспоминаний А. И. Гучкова. — Последние новости, [Париж], 1936, 20 сент.

⁷⁷ Набоков В. Д. Временное правительство. (Воспоминания). М., 1923, с. 27.

Набоков и барон Нольде принялись за составление акта, отвергнув черновик Некрасова как неподходящий.⁷⁸ Часа через три проект был готов. В этом документе впервые открыто говорилось об Учредительном собрании: «Одушевленный со всем народом мыслью, что выше всего благо Родины нашей, принял я твердое решение в том лишь случае воспринять верховную власть, если такова будет воля великого народа нашего, которому и надлежит всенародным голосованием через представителей своих в Учредительном собрании установить образ правления и новые основные законы государства Российского».⁷⁹ Акт этот находился, таким образом, в соответствии с уже опубликованной декларацией Временного правительства. Для тех из российских граждан, которые еще находились в плену традиционного монархизма, он разрешал последние сомнения: от имени верховной власти освящалась идея Учредительного собрания и всеобщих выборов. Такое же благословение получало и само Временное правительство: «...прошу всех граждан державы Российской подчиниться Временному правительству, по почину Государственной Думы возникшему и облеченному всей полнотой власти, впредь до того, как созданное на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования Учредительное собрание своим решением об образе правления выразит волю народа».⁸⁰

Это место акта было ударом по притязаниям Родзянко на верховную власть. Здесь, конечно, признавалась роль Думы: правительство именовалось «возникшим по почину Государственной Думы», но только за Учредительным собранием признавалась «вся полнота власти». А ведь Родзянко собирался сделать правительство ответственным перед Временным комитетом Думы. Любопытна реакция Николая II на отказ Михаила от верховной власти, запечатленная в его «дневниковой» записи от 4 марта: «Алексеев пришел с последними известиями от Родзянко. Оказывается, Миша отрекся. Его манифест кончается четыреххвосткой для выборов через 6 месяцев Учредительного собрания. Бог знает, кто надоумил его подписать такую гадость». Вот какова была «любовь к России» у отрекшегося самодержца, если даже элементарное правило нормальной государственной жизни — всеобщие выборы — он называл «гадостью»! Видно спохватившись, он продолжил: «В Петрограде беспорядки прекратились, лишь бы так продолжалось дальше».⁸¹

Акт об отречении Михаила Александровича был подписан и отправлен в государственную типографию. Весть об этом вскоре облетела весь город. Толпы народа, все так же заполнявшие улицы, с ликованием читали экстренный выпуск «Известий Пет-

⁷⁸ Этот проект до сих пор не обнаружен.

⁷⁹ Великие дни Российской революции, с. 74—75.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Сторожев В. Н. Указ. соч., с. 136.

роградского Совета рабочих и солдатских депутатов», где крупными буквами было написано, что Николай II отрекся в пользу Михаила, а «Михаил отрекся в пользу народа».

Временное правительство переживало в этот момент свой первый кризис. Два главных министра — иностранных дел и военный — заявили о своей отставке. По просьбе князя Г. Е. Львова все влиятельные друзья обоих политических деятелей отправились к ним на квартиры, чтобы уговорить их вернуться в состав Временного правительства.

Милюков в это время после четырех бессонных ночей спал мертвым сном. В седьмом часу вечера его едва добудились. «Передо мной была делегация от Центрального комитета партии: Винавер, Набоков, Шингарев. Все они убеждали меня, что в такую минуту я просто не имею права уходить и лишать правительство той доли авторитета, которая связана с занятой мной позицией. Широкие круги просто не поймут этого. Я уже и сам чувствовал, что отказ невозможен, — и поехал на вечернее заседание министров. Там я нашел и Гучкова».⁸² Того в свою очередь «обрабатывали» его ближайшие сподвижники. Около 7—8 часов вечера 3 марта 1917 г. Временное правительство снова собралось в своем полном составе в Таврическом дворце. Теперь были выяснены отношения ко всем «факторам» революции: Дума с Родзянко была отодвинута в сторону, хотя за ней и признавалась роль организации, положившей «почин» созданию Временного правительства; Совет рабочих депутатов согласился с созданием нового правительства, обещая ему условную поддержку; Николай II свергнут, а Михаил был вынужден отречься от престола, не взойдя на него.

---

⁸² М и л ю к о в П. Н. Воспоминания, с. 318.

II. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

«ЧЕРТОГИ ВЛАСТИ» И ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ

В царской России даже буржуазная «общественность» не могла полностью развернуть свои силы. Самая сильная кадетская партия не имела крепкой опоры в массах. Партия октябристов раздиралась внутренними противоречиями и еще в меньшей мере, чем кадеты, могла претендовать на звание настоящей политической партии. Прогрессисты представляли собой немногочисленный кружок депутатов Государственной думы и сочувствующих им буржуа в Москве и Петрограде. Поэтому сильной и регулярной связи между парламентскими фракциями партий и самими партиями в западноевропейском смысле в России до Февральской революции не было. В значительной мере вес той или иной общественной фигуры определялся не ее местом в своей партии, а личными качествами или личной известностью в «обществе». Само представление об этих фигурах складывалось под влиянием участия их в той оппозиционной борьбе, которую русская буржуазия стала вести с царским правительством особенно с лета 1915 г. Дума была неплохой ареной для оппозиционных буржуазных лидеров, но и она развивала в них главным образом качества ораторов и полемистов, может быть, в ущерб деловому опыту управления государством. Поэтому политическая известность и опыт, приобретенные буржуазными лидерами в Думе, на городских и земских съездах, еще не служили гарантией того, что данный лидер будет вести себя точно так же и в правительстве, где требовались качества не только политиков, но и организаторов. А слабость партийных уз и партийной дисциплины в буржуазных политических группах давала большой простор для проявления личных качеств, симпатий и антипатий. Поэтому, попадая в правительство, получая ту или иную толику власти, буржуазный лидер вел себя не так, как ему «полагалось бы», или как этого ожидали от него различные партии и группы.

Все это необходимо иметь в виду при попытке разобраться в действительном соотношении сил во Временном правительстве первого состава, которое, на первый взгляд, было удивительно однородным и откровенно буржуазным.

Надо сказать, что в первых документах Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов Временное правительство,

несмотря на обещание ему условной поддержки, именовалось буржуазным. В обращении Совета, опубликованном одновременно с декларацией Временного правительства, оно именовалось как «новая власть, создающаяся из общественно-умеренных слоев общества».¹ Но меньшевистские лидеры Петроградского Совета скоро разобрались в действительном соотношении сил в правительстве, и, проявляя неуступчивость и подозрительность в отношении одних министров, — прежде всего Милюкова и Гучкова — с симпатией относились к другим буржуазным деятелям, проводившим более гибкую политику приручения «второго правительства». А некоторые из лидеров Совета знали о противоречиях внутри правительства еще больше и встречались с отдельными министрами неофициальным образом.

Нельзя поэтому характеристику партийной принадлежности министров Временного правительства автоматически переносить на распределение политических сил внутри его. Некоторые из старых связей и союзов, заключенных в процессе политической борьбы с царским правительством, разрушились; некоторые стали еще сильнее. Возникали новые комбинации и сочетания, невозможные еще 26 февраля 1917 г., комбинации, которые невозможно объяснить, исходя из традиционного числа буржуазных политических партий в России. Эти противоречия раздирали Временное правительство первого состава, ослабляли и без того небольшую его реальную власть. Они, следовательно, играли на руку революционному пролетариату, создавая дополнительные предпосылки для обеспечения его конечной победы.

Задача историка-марксиста, на наш взгляд, разобраться не только во внешней, формальной расстановке политических сил во Временном правительстве, но и попытаться, строго придерживаясь имеющихся источников, понять скрытую механику взаимоотношений членов правительства, которая, впрочем, весьма скоро в той или иной форме стала проявлять себя более отчетливо.

Итак, с внешней стороны состав Временного правительства выглядел следующим образом. Из 12 членов правительства (считая и Родичева — «министра по делам Финляндии») 9 было членами Думы. Это, казалось бы, было свидетельством ее большого авторитета. Между тем бывшие члены IV Государственной думы, на словах этот авторитет признавая, всячески старались помешать Думе вырваться на арену новой политической жизни. Состав Временного правительства 1—3 марта 1917 г. был объявлен от имени Временного комитета Думы.² В декларации Временного правительства отмечалось, что именно Временный комитет «достиг успеха» в борьбе с «темными силами старого режима» и приступает к «более прочному устройству исполнительной власти». Как следствие этого и было объявлено о «назначении ми-

¹ См.: Вестник Временного правительства, 1917, 5 марта.

² Там же.

нистров первого общественного кабинета». Версия о высокой роли старой Государственной думы в разворачивающихся событиях поддерживалась и рядом органов печати. Так, в Москве «Утро России» вышло 2 марта 1917 г. под лозунгом «Да здравствует освобожденная Россия! Да здравствует Народное Представительство! Да здравствует Армия и Флот!» В передовой статье этой газеты от 3 марта говорилось: «Верховная власть перецела сейчас временно к народному представительству в лице Государственной Думы. Если раньше не всегда одобряли политику третьиюньской Думы, то теперь принимают ее и признают, как носительницу верховной власти». Основания для такой трактовки имелись и в правительственной декларации, поскольку там говорилось, что Временный комитет, назначив правительство, приступил лишь к более прочному устройству исполнительной власти. Законодательная власть и вообще вся верховная власть после отречения царя, должна была сосредоточиться согласно воззванию, в руках IV Государственной думы.

Однако все это нисколько не устраивало Временное правительство и его активных членов. Как известно, Милюков приложил максимум усилий для того, чтобы не допустить вхождения во Временное правительство Родзянко. Большинство Думского комитета и близких к нему общественных деятелей, под влиянием убеждений Милюкова, склонилось к выдвижению на пост главы председателя Г. Е. Львова, как и предполагалось по многочисленным «диспозициям» Прогрессивного блока с августа 1915 г. Точно так же были отмечены и претензии Думы на роль носителя верховной власти после неизбежного отречения императора.

В этом отношении весьма важное значение имеет протокол первого заседания Временного правительства от 2 марта 1917 г. История самого этого документа достаточно интересна. Он был опубликован проф. В. Н. Сторожевым в журнале «Научные известия» еще в 1922 г., но до сих пор как-то не привлекал еще внимания историков и не был подвергнут источниковедческому изучению. Сторожев предпосылает ему такое введение: «От 2 марта имеется еще один документ апокрифического характера, но уже более определенного происхождения. Это — черновик журнала Совета министров Временного правительства, найденный в портфелях министерства иностранных дел в папке „Россия и союзники. Внутреннее положение“. На нем карандашная пометка такого содержания: „Мне представлен прилагаемый первый журнал заседания Вр. Правительства, составленный секретариатом Гос. Думы. Он, по-моему, никуда не годится, но так как я не присутствовал, то могу его исправить, только если мне указана будет канва и сущность мнений“».³ Далее следует полный текст жур-

³ Сторожев В. Н. Февральская революция 1917 г. — Научные известия. М., 1922, сб. 1, с. 142—143. — Об этом см. также: Старцев В. И. Революция и власть. М., 1978, с. 17—18.

нала. Расшифровать инициалы «В. Н.» публикатор не пробовал. Между тем нет никаких сомнений, что перед нами воспроизведение подлинного протокола первого заседания Временного правительства. Это явствует из сравнения данного Сторожевым описания документа со свидетельством первого управляющего делами Временного правительства Набокова. В своих воспоминаниях, которые он начал писать очень рано, в апреле 1918 г., Набоков, в частности, пишет о первом протоколе так: «В первые дни существования Временного правительства (четверг, 2-го, и пятницу, 3 марта) не могло быть, конечно, и речи ни о каком организованном делопроизводстве. Но какое-то подобие канцелярии пришлось импровизировать немедленно, причем дело это было поручено Я. Н. Глинке, заведующему делопроизводством Государственной думы. Он воспользовался силами канцелярии Думы. Должен, однако, указать, что запись первого — чрезвычайно важного заседания Временного правительства, в котором оно установило основные начала своей власти и своей политики, была сделана совершенно неудовлетворительно и даже невразумительно. Когда я ознакомился с этой записью, то пришел в некоторое недоумение и сказал об этом Милюкову. Прочитав запись, он квалифицировал ее гораздо резче меня. Тогда же было установлено, что он возьмет эту запись и восстановит по памяти ход и решение первого заседания, после чего Временное правительство, проверив в полном составе журнал, подпишет его. Запись П. Н. действительно взял, но за два месяца своего пребывания на посту министра иностранных дел не имел, по-видимому, необходимого досуга, чтобы выполнить эту работу. Сколько раз я ему о ней ни напоминал, он всегда смущенно улыбался и обещал в ближайшие дни заняться ею, — да так и не исполнил своего обещания. Так и осталась запись неиспользованной, — кажется, он и не вернул ее. Этим объясняется, что журналы (печатные) заседаний Временного правительства начинаются с № 2».⁴

Из этой цитаты можно заключить, что речь идет именно о том протоколе, который опубликовал Сторожев. Карандашная помета с инициалами «В. Н.» принадлежит Владимиру Набокову, а то, что протокол обнаружен в делах Министерства иностранных дел Временного правительства, красноречиво свидетельствует, что запись была передана именно Милюкову. В пометке Набокова упоминается и то, что журнал составлен секретариатом Государственной думы, о чем он говорит и в своих воспоминаниях. Если, на взгляд Набокова, отличавшегося вообще любовью к аккуратности и педантизму, журнал и имел неудовлетворительное содержание с делопроизводственной точки зрения, зато для историка он представляет гораздо больший интерес, чем выхолощенные пе-

---

⁴ Набоков В. Д. Временное правительство. Воспоминания. М., 1924, с. 39—40.

чатные журналы Временного правительства, построенные по стандартному образцу «слушали—постановили».

Что же говорится в этом журнале по интересующему нас вопросу о государственном-правовом статуте Временного правительства и его отношению к Думе? Журнал фиксирует следующую дискуссию. «Министр-председатель возбудил вопрос о необходимости точно определить объем власти, которой должно пользоваться Временное правительство до установления Учредительным собранием формы правления и основных законов Российского государства, равным образом, как о взаимоотношениях Временного правительства к Временному комитету Государственной думы. По этому поводу высказывались мнения, что вся полнота власти, принадлежавшая монарху, должна считаться переданной не Государственной думе, а Временному правительству, что, таким образом, возникает вопрос о дальнейшем существовании Комитета Государственной думы, а также представляется весьма сомнительной возможность возобновления занятий Государственной думы IV созыва. Нет оснований полагать, что Временное правительство во время перерывов занятий Государственной думы может издавать меры законодательного характера, применяя порядок, установленный ст. 87 Основных законов, так как после происшедшего переворота Основные законы Российского государства должны считаться недействительными и Временному правительству надлежит установить как в области законодательства, так и управления те нормы, которые оно признает соответствующими в данный момент».⁵

Следовательно, Временное правительство отвергло домогательства Думы и Родзянко уже на своем первом, так сказать, неофициальном заседании. Речь шла фактически об установлении неограниченной законом и парламентом диктатуры Временного правительства, диктатуры буржуазии. Вот как далеко простирались аппетиты членов Временного правительства! Связывая решения первого заседания Временного правительства с содержанием акта об отречении великого князя Михаила Александровича, мы можем утверждать, что фраза о пределах полномочий власти появилась там неслучайно. Призывая российских граждан повиноваться правительству, Михаил называл его «облеченным всею полнотою власти».⁶ Нольде и Набоков, редактировавшие текст отречения Михаила, действовали, таким образом, уже на основании принятого правительством решения. Выходит, что 9 депутатов IV Государственной думы в составе членов Временного правительства не способствовали укреплению позиций самой этой Думы. Наоборот, в первом же столкновении с новой властью, вышедшей из ее недр и «по почину» ее возникшею, Дума потерпела поражение и была немедленно отодвинута на задворки поли-

⁵ Сторожев В. Н. Указ. соч., с. 143.

⁶ Вестник Временного правительства, 1917, 5 марта.

тической жизни. И хотя Временное правительство первого состава оказывало временами Думе и ее Временному комитету знаки внимания, судьба Думы была предрешена именно 2—3 марта.

Теперь рассмотрим вопрос о партийном составе Временного правительства. Из 12 его членов 6 — П. Н. Милюков, Г. Е. Львов, Н. В. Некрасов, А. А. Мануилов, А. И. Шангарев и Ф. И. Родичев — были членами партии народной свободы, т. е. кадетами. А. И. Коновалов принадлежал к партии прогрессистов. А. И. Гучков и И. В. Годнев были октябристами, В. Н. Львов входил в Думу во фракцию центра. Хотя М. И. Терещенко был беспартийным, все знали, что он член богатейшего клана сахарозаводчиков и его личное состояние составляет около 70 млн. рублей. Представителем «революционной демократии» в правительстве был один А. Ф. Керенский, трудовик, а фактически эсер, в первые дни революции формально возобновивший свое членство в партии социалистов-революционеров. Следовательно, буржуазный характер состава первого Временного правительства не мог вызвать никаких сомнений. В нем были именно представители крупной и средней буржуазии, помещики. Политическая гегемония в правительстве, если исходить из данных о его партийном составе, несомненно должна была принадлежать кадетской партии. В руках ее представителей были сосредоточены посты Министра-председателя, министра внутренних дел, министра иностранных дел, путей сообщения, просвещения и земледелия. Вместе с эсером Керенским они могли бы составить «левое» большинство в правительстве, аналогичное блоку в I Государственной думе. Но больше вероятности было ожидать от кадетов блокирования с правыми элементами — прогрессистами и октябристами, с которыми они вступили в политический союз еще в августе 1915 г. в Государственной Думе. Таким образом, после революции России грозила диктатура буржуазного правительства «правого центра», если бы это правительство сумело сосредоточить в своих руках полноту власти, которой так жаждало.

Но действительное соотношение сил в правительстве несколько отличалось от его партийной характеристики. Министры, живые люди, не вполне отвечали тем партийным ролям, которые предписывали, казалось, им вполне жесткое и заранее запланированное поведение. Определяющее влияние получили во взаимоотношениях между министрами личные качества и привязанности, симпатии и антипатии, непартийные, хотя и носившие политический характер, связи. В действительности, уже в первом составе Временного правительства сложился буржуазный радикально-демократический блок, который вел весьма успешную борьбу с право-центристскими элементами в правительстве и парализовал чисто партийную кадетскую гегемонию.

С точки зрения интересов кадетской партии, крайне неудачным оказался выбор главы правительства: князя Г. Е. Львова,

числившегося Председателем Всероссийского земского союза. Именно на его назначении так горячо настаивал Милюков, с первых же минут глубоко разочаровавшийся в нем, а затем и его ролью в правительстве. Милюков так суммировал свои впечатления: «Мы не знали, „чьим“ он будет, но почувствовали его не „нашим“».⁷

О слабости и безволии князя Львова много писал в своих воспоминаниях и Набоков. Он в частности отмечал, что Г. Е. Львов не справлялся ни с одним из двух полученных им постов — ни с обязанностями Председателя Временного правительства, не сумев стать объединяющей силой для противоборствующих сил в правительстве, ни с обязанностями министра внутренних дел, в результате чего деятельность этого важнейшего для русских условий ведомства, да еще в период ломки и переустройства, была пущена фактически на самотек. «В избрании Львова для занятия должности министра-председателя, — указывает Набоков, — и в отстранении Родзянко — деятельную роль сыграл Милюков, и мне пришлось впоследствии слышать от П. Н., что он нередко ставил себе мучительный вопрос, не было ли бы лучше, если бы Львова оставили в покое и поставили Родзянко, человека, во всяком случае, способного действовать решительно и смело, имеющего свое мнение и умеющего на нем настоять... Тяжелое впечатление производило на меня и отношение кн. Львова к Керенскому. Мои помощники по канцелярии нередко им возмущались, усматривая в нем недостаточное сознание своего достоинства как главы правительства. Часто было похоже на какое-то робкое заискивание. Конечно, здесь не было никаких личных мотивов. У кн. Львова абсолютно они отсутствовали, он чужд был честолюбия и никогда не цеплялся за власть. Я думаю, он был глубоко счастлив в тот день, когда освободился от ее бремени.⁸ Тем удивительнее, что он не умел использовать тот нравственный авторитет, с которым он пришел к власти. Тонем власть имеющего говорил во Временном правительстве не он, а Керенский».⁹

Вторым нарушителем кадетского фронта во Временном правительстве оказался Некрасов. Еще в 1915—1916 гг. он внутри руководства кадетской партии стал склоняться к ее левому крылу и часто выступал в оппозиции к Милюкову. И в частных разговорах он весьма умело подрывал авторитет этого признанного своей партией лидера. Перед самой революцией вес Некрасова значительно возрос в связи с избранием его заместителем Председателя Государственной думы (на место переметнувшегося

⁷ Милюков П. Н. Воспоминания. Нью-Йорк, 1955, т. II, с. 301.

⁸ Сразу после своей отставки в июле 1917 г. Г. Е. Львов уехал в подмосковный санаторий, где и прожил безвыездно до самой Октябрьской революции, почти не вмешиваясь совершенно в политическую жизнь.

⁹ Набоков В. Д. Указ. соч., с. 67—68.

в правительственный лагерь А. Д. Протопопова). Милюков в своих воспоминаниях крайне резко отзывается о Некрасове. Несомненно, он не мог ему простить демонстративный выход из партии кадетов в июле 1917 г. и особенно его работу в Советской России после Великой Октябрьской социалистической революции. «Из трех моих политических единомышленников¹⁰ я тогда имел основание считать Н. В. Некрасова попросту предателем, хотя формального разрыва у нас еще не было, — заявляет Милюков. — Я не мог бы выразиться так сильно, если бы речь шла только о политических разногласиях. Мы видели, что он вел по существу республиканскую линию. Это было его дело.¹¹ Не упоминаю и о той „подземной войне“ против меня во фракции, которая оставалась мне неизвестной и о которой рассказывал Набокову Шингарев. Хуже было то, что Некрасов, видя быстрый рост влияния Керенского, переметнулся к нему из явно личных расчетов. Он был, конечно, умнее Керенского, и, так сказать, обрабатывал его в свою пользу».¹²

Наиболее последовательным сторонником Милюкова во Временном правительстве первого состава только оставался Шингарев. Министр просвещения Мануилов предреволюционные годы провел несколько в стороне от главной линии кадетской партийной жизни и оказался во Временном правительстве весьма незаметен. К тому же он приехал из Москвы только 3 марта 1917 г., когда соотношение сил уже достаточно выявилось. Таким образом, на деле кадетской гегемонии во Временном правительстве не получилось. Не было возможности Милюкову опереться и на большинство министров, стоявших по своей партийной принадлежности правее кадетов. Октябрист Годнев не проявлял никакого стремления к политической самостоятельности. Вот какую характеристику дает ему Набоков: «Как политическая величина он держался совершенно пассивно; и так же волновался во всех случаях, когда в среде правительства происходили какие-нибудь резкие пререкания и несогласия. Человек безусловно чистый, исполненный самых лучших намерений и заслуживающий самого нелицемерного уважения, он был — в среде Временного правительства — воплощенным недоразумением, и, по-видимому, оставался на своем месте только по инерции и потому, что на это место не было желательных кандидатов. Как только выяснилась кандидатура Кокошкина (в июле), Годнев, безропотно сидевший с Церетели и Скобелевым, так же безропотно и, наверное с об-

---

¹⁰ Милюков не берет в расчет Г. Е. Львова и Ф. И. Родичева (последний уже через неделю вышел из состава Временного правительства, так и не приступив по существу к своей работе).

¹¹ Милюков имеет в виду инцидент в Таврическом дворце в ночь на 3 марта 1917 г., когда Некрасов составил проект декрета об объявлении России республикой. Вместе с Керенским он пытался оказать давление на Милюкова с целью заставить его принять этот декрет (см. выше).

¹² М и л ю к о в П. Н. Воспоминания, с. 331.

лёгченным сердцем передал Кокошкину свою должность».¹³ Бывший «центрист» из Государственной думы В. Н. Львов на месте прокурора святейшего Синода оказался совершенным политическим младенцем. Вместе с тем он обнаружил, по свидетельству Набокова, радикализм и искренность. Ясно, что в серьезных вопросах кадетскому лидеру нельзя было опереться на него.

Что касается прогрессиста Коновалова и беспартийного Терещенко, то, соблюдая по отношению к Милюкову необходимый такт и оказывая ему знаки уважения, они постепенно все больше обнаруживали близость между ними, Некрасовым и Керенским. Ближайшие сотрудники Гучкова по Военно-промышленному комитету в недавнем прошлом, они не стремились теперь поддерживать и его. Это в полной мере обнаруживалось в спорах о судьбе династии Романовых вечером 2 марта, в ночь на 3 марта, и, наконец, днем 3 марта в присутствии великого князя Михаила Александровича.

Касаясь образования радикально-демократической буржуазной группы в составе Временного правительства, Милюков спустя два с половиной десятилетия после событий Февральской революции намекал на существование некоей «политико-моральной связи» между рядом министров — между Керенским и Некрасовым, Терещенко и Коноваловым. «Все четверо, — писал Милюков, — очень различны и по характеру, и по своему прошлому, и по своей политической роли, но их объединяют... как бы даже взаимные обязательства, исходящие из одного и того же источника. В политике оба последние министры — новички, и их появление в этой среде вызывает особые объяснения. Киевлянин Терещенко известен Набокову как меломан в петербургских кругах; другой „министр-капиталист“, почти профессиональный пианист, ученик Зауэра, — на линии московского мецената. Терещенко берет, по ассоциации со своими капиталами, портфель министерства финансов; потом, столь же неожиданно, он становится дипломатом, без всякой предварительной подготовки. Природный ум и хорошее воспитание его выручают. Мой антагонист и преемник, он потихоньку ведет мою же политику, успешно надувая Совет рабочих депутатов, но к концу постепенно освобождается от своего левого гипноза и даже разрывает с Керенским. Фабрики фирмы Коноваловых славятся блестящей постановкой рабочего вопроса, и А. И. Коновалов с большим основанием занимает пост министра торговли и промышленности, но он еще скорее рвет с марксистским социализмом, переходит к нам, к к.-д., — в момент крайней опасности для Керенского, вдруг оказывается (в третьей коалиции) на посту его заместителя, не имея для этого поста ни личных, ни политических данных. Дружба идет за пределы общей политики».¹⁴

¹³ Набоков В. Д. Указ. соч., с. 73—74.

¹⁴ Милюков П. Н. Воспоминания, с. 332, 333.

«Успешно надували», таким образом, и самого Милюкова, который в бытность свою министром еще не догадывался о том, что руководящая группа в правительстве — Керенский, Некрасов, Г. Е. Львов, Коновалов — была связана старыми масонскими узами с многими лидерами Исполкома Петроградского Совета.¹⁵

¹⁵ Вопрос о соотношении сил во Временном правительстве, связанный с историей политического масонства в России в начале XX в., уже поднят нашей историографией (подробнее см.: Старцев В. И. Революция и власть. М., 1978, с. 204—207, 254). Напомним читателю, что в обстановке спада первой русской революции идея создания масонских лож получает известную популярность среди части буржуазных либералов. В 1907—1909 гг. создаются ложи и в Петербурге, и в Москве. Туда входят многие известные адвокаты, литераторы, ученые, артисты. По своим взглядам — это кадеты или деятели правее кадетов. «Левые» насчитывают в первых ложах единицы. Масоны пытаются издавать свой журнал и другую литературу, читают публичные лекции. Столыпин организует слежку за русскими масонами как в России, так и во Франции, в ложи внедряются осведомители. Все это приводит к тому, что в 1911 г. ложи в Петербурге и Москве объявляют о своем распуске. Полиция через некоторое время также закрывает это «дело».

Однако, как выяснилось впоследствии, роспуск лож оказался только маневром. Эмигрантский историк С. П. Мельгунов в своей книге «На путях к дворцовому перевороту (Заговоры перед революцией 1917 года)», вышедшей в Париже в 1931 г., попытался обобщить опубликованные к этому времени и собранные им лично сведения о «тайне русского масонства». Ему удалось назвать много имен членов лож за период с конца XIX в. по 1917 г., участие которых в этих организациях подтвердилось впоследствии. Однако сами названные Мельгуновым хранили молчание. В 30—50-е гг. проходило медленное пополнение фактического материала о русском политическом масонстве. В этой связи надо указать на мемуары И. В. Гессена и П. Н. Милюкова (см.: Гессен И. В. В двух веках. Жизненный отчет. Архив русской революции. Берлин, 1937, т. XXII; Милюков П. Н. Воспоминания, Нью-Йорк, 1955, т. 1—2). Появление последних, в частности, встревожило некоторых, оставшихся еще в живых русских масонов. В 1956 г. Е. Д. Кускова и А. Ф. Керенский встретились и договорились о согласованной форме публикаций отдельных сведений о масонской организации в России, воссозданной в 1912 г. уже без всякой связи с «Великим Востоком Франции». В соответствии с этим планом Кускова написала 2 письма, которые затем были опубликованы, а Керенский включил соответствующую информацию в свои воспоминания, вышедшие в свет в 1965 г. В том же году Леопольд Хаймсон сообщил о содержании интервью Н. С. Чхеидзе и А. Я. Гальперна Б. Н. Николаевскому, в которых оба меньшевика заявляли, что являлись членами организации «Верховный Совет народов России» (см.: Haimson Leopold. The Problem of Social Stability in Urban Russia, 1905—1917 (Part Two). — Slavic Review. March, 1965, vol. XXIV, N. 1, p. 1—22). В 1966 г. появилась публикация Б. Элькина, содержащая факсимиле подлинных списков с подписями и масонскими клятвами ложи «Возрождение» в Москве и «Полярная звезда» в Петербурге за 1906—1908 гг. В списках имеются имена М. Ковалевского, Н. Баженова, В. Немировича-Данченко, С. Котляревского, В. Маклакова, Е. Кедрина, И. Сахарова, кн. С. Урусова, В. Обнинского, С. Балавинского, А. Сумбатова-Южина, гр. А. Орлова-Давыдова, М. Маргулиса, Л. Переверзева, А. Колубакина, Н. Павлова-Сильванского, П. Щеголева, В. Теплова, Н. Морозова, Д. Бебутова, Л. Лутугина, А. Булата, А. Шингарева и др. (см.: Elkin Boris. Attempts to Revive Freemasonry in Russia. — The Slavonic and East European Review. London, July, 1966, vol. XLIV, N. 103, p. 454—472). Обе ложи подчинялись «Великому Востоку Франции» и были распу-

Эти связи осуществлялись в рамках созданной в 1911 г. организации «Верховный Совет народов России», ставившей своей целью объединение оппозиционных царизму сил (независимо от партийных разногласий) для свержения самодержавия и провозглашения в России демократической Республики.

Можно считать доказанным наличие отделений «Верховного Совета» в Петрограде, Москве, Киеве. Возможно, они имелись и в других городах. В Петрограде имелось несколько лож: в Думе, среди журналистов и пр. Особенно успешной была деятельность «Верховного Совета» в IV Государственной думе. Думская ложа объединяла не только членов кадетской фракции (Шингарев, Некрасов), прогрессистов (Коновалов, Ефремов), но и трудовиков (Керенский), и меньшевиков (Чхеидзе, Чхенкели, Скобелев). Таким образом, соглашательство будущих лидеров Исполкома Петроградского Совета с буржуазией уходило своими организационными корнями в контакты, завязанные в рамках «Верховного Совета народов России» еще в 1912—1914 гг. Они особенно усилились в годы первой мировой войны. Члены этой организации встали у руководства Всероссийского земского союза (кн. Г. Е. Львов), Центрального Военно-промышленного комитета (Коновалов, Терещенко). «Верховный Совет» проводил ежегодные конгрессы, на которых избиралось его руководство, генеральный и исполнительные секретари. На рубеже 1916—1917 гг. фактическое руководство «Верховным Советом» осуществляли Некрасов, Керенский, Терещенко, Коновалов. Все это объясняет тесную связь указанных лиц во Временном правительстве, известную общность их позиции, несмотря на принадлежность к разным политическим партиям.

Разумеется, не следует преувеличивать влияние руководства «Верховного Совета народов России» на политическую жизнь страны, а тем более на массовое революционное движение. Однако сведения о деятельности «Верховного Совета народов России» интересны и с позиции борьбы русской буржуазии с военно-полицейской машиной самодержавия, и в плане рассмотрения ее

щены в 1911 г., но как показывают другие источники, многие из поименованных лиц вошли и в организации «Верховного Совета народов России». В 1968 г. Натан Смит добавил к документам о русских масонах в XX в. публикацию отрывков из воспоминаний кадета кн. В. А. Оболенского, являвшегося в 1913—1916 гг. ответственным лицом «Верховного Совета народов России» и председателем одной из петроградских лож (см.: Smith Nathan. The Role of Russian Freemasonry in the February Revolution. Another scrap of Evidence. Slavic Review. December, 1968, vol. XXVII, N. 4, p. 606—608).

Наконец, ко всем зарубежным публикациям достоверных свидетельств о «Верховном Совете» надо теперь добавить и первую советскую: отрывки из показаний Н. В. Некрасова, приведенные Н. Н. Яковлевым в его книге «1 августа 1914». (М., 1974). Последние ценны тем, что даны дважды в 20-е и 30-е годы и совершенно независимо от зарубежных публикаций. Тем не менее они почти во всем совпадают со свидетельствами Е. Д. Кусковой, А. Ф. Керенского, Н. С. Чхеидзе, А. Я. Гальперна и В. А. Оболенского.

подпункте подчинить своему влиянию революционное движение в стране. И в этом смысле меньшевики и трудовики вполне поддались на эту удочку русских капиталистов. Повторяем, соглашательство русских меньшевиков и эсеров в марте—апреле ведет свое организационное начало еще от конгрессов «Верховного Совета». Любопытен в этом смысле состав контактной комиссии Петроградского Совета и делегации Временного правительства для переговоров с нею. Эта комиссия на 75% состояла из «масонов».

Но «масонские» связи быстро рвались под влиянием могучего дыхания революции. Рост массового движения, борьба за влияние заставили разойтись по партийным станам даже бывших членов руководства «Верховного Совета». Подлинным вождем рабочих, солдатских и крестьянских масс стала большевистская партия. Однако при анализе конкретной истории двоевластия нельзя сбрасывать со счетов и многолетние контакты и связи, палаженные в рамках «Верховного Совета народов России» в 1912—1917 гг.¹⁶

Основные направления внутренней политики по Декларации Временного правительства от 3 марта 1917 г. сводились к проведению амнистии лиц, преследовавшихся старым режимом; введению гражданских свобод независимо от сословий и национальности (с распространением этого правила и на военнослужащих); уничтожению полиции и введению народной милиции с выборным начальством, подчиненной не центральной власти, а местному самоуправлению; перестройке самого этого местного самоуправления на демократических началах всеобщих выборов; подготовке выборов в Учредительное собрание, которое должно было вынести окончательное решение по вопросу о форме правления в России.¹⁷ Декларация ничего не говорила о пределах власти самого Временного правительства, о судьбе таких учреждений, как Государственная дума и Государственный Совет. Наоборот, преамбула декларации и порядок подписей под этим актом да-

¹⁶ В интересной статье акад. И. И. Минца «Метаморфозы масонской легенды» (История СССР, 1980, № 4) утверждается, с одной стороны, что в России между двумя революциями «масонских организаций не существовало» (с. 114), а с другой — говорится, что к масонству принадлежали «отдельные представители или даже целые демократические группировки» (с. 122). И. И. Минц цитирует наши выводы о том, что масонство не оказало влияния на массовое революционное движение, но неточно утверждает, что факты о существовании в России политического масонства в 1905—1917 гг. заимствованы нами главным образом из зарубежных публикаций. Он игнорировал извлеченные из советских архивов показания Н. В. Некрасова 20—30-х гг., воспроизведенные в книге Н. Н. Яковлева. Необоснованна и оценка И. И. Минцем поисков русского политического масонства. Сам же он приходит к выводу (с. 121), что масонской темы «касаться стоит». Разумеется, тема эта заслуживает самостоятельного и кропотливого изучения, которое и позволит окончательно выяснить скромное, но реальное место политического масонства в истории русского революционного и освободительного движения.

¹⁷ См.: Знаменский О. Н. Всероссийское Учредительное собрание. Л., 1976.

вали основание думать, что Дума, во всяком случае, останется на своем месте. Правительство, имсновавшееся «первым общественным кабинетом», назначалось Временным комитетом Государственной думы.

Эта двусмысленность, вероятно, и побудила Временное правительство на первом же своем заседании внести ясность и заявить, что вся полнота и законодательной, и исполнительной власти в стране должна принадлежать только Временному правительству, а Дума устраняется от дел. Основные законы признаются утратившими силу. Это были важнейшие внутривластные решения, однако они оставались секретными и не были включены в это время в какой-либо публично оглашенный документ. В протоколе этого заседания содержится любопытное постановление: «Было обращено внимание, что по обстоятельствам текущего времени Временному правительству приходится считаться и с мнением Совета рабочих депутатов. Однако такое вмешательство в действия правительства являлось бы недопустимым двоевластием».¹⁸ Как же Временное правительство собиралось выйти из этого затруднительного положения? Разогнать Совет? Увы, сил для этого у Временного правительства не было, после издания приказа № 1 Петроградский гарнизон перешел на сторону Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Дилемма решалась старым канцелярским способом: «впредь именовать...». «Поэтому членам Временного правительства, — рекомендовалось в протоколе, — надлежало бы ознакомиться с предложениями Совета рабочих депутатов в своих частных совещаниях до рассмотрения этих вопросов в официальных заседаниях Совета министров». Для изучения правовых вопросов отношений к думскому комитету и Петроградскому Совету правительство создавало свою первую комиссию в составе известных юристов — кадетов Кокоркина, Лазаревского, бар. Нольде, Аджемова и Маклакова (будущее ядро юридического совещания при Временном правительстве).

В вопросе о форме правления в итоге двухдневной политической борьбы правые силы во Временном правительстве, возглавляемые Милюковым и Гучковым, потерпели полное поражение. И забота о сохранении монархии как фактора стабильности в будущей внутренней политике Временного правительства отпала.

Понимая недостаточность декларации правительства от 3 марта для разъяснения его внутренней и внешней политики, министры решили составить новый документ. Милюков дал Набокову поручение — написать «первое воззвание Временного правительства ко всей стране, излагающее смысл происшедших политических событий и *profession de foi* Временного правительства, а также политическую программу, более определенную и полную, чем та,

¹⁸ Цит. по: Сторожев В. Н. Указ. соч., с. 142—143.

которая заключалась в первой декларации, сопровождающей самое образование Временного правительства».¹⁹

После двух часов дня 5 марта Набоков вместе с Лазаревским и членом Государственной думы, кадетом Добровольским встретились с Некрасовым и, получив у того соответствующие указания и разъяснения, к вечеру того же дня подготовили проект нового правительственного документа.²⁰ Этот проект, как писал Набоков, был Временным правительством отвергнут, а на следующий день оно приняло новый текст, написанный Винавером. Он начинался с обращения к «гражданам Российского государства». Далее следовало перечисление антинародных деяний старого правительства, которое, начиная с 3 июня 1907 г., пядь за пядью отнимало у народа «все завоеванные им права». Временное правительство изображалось в этом документе как возникшее по воле народа. «Единодушный революционный порыв народа, проникнутого сознанием важности момента, — говорилось в обращении, — и решимость Государственной Думы создали Временное правительство, которое и считает священным и ответственным долгом осуществить чаяния народные и вывести страну на светлый путь свободного гражданского устройства».²¹

В чем же состояли, по мнению правительства, эти «чаяния»? Прежде всего в доведении «войны до победного конца». В декларации 3 марта о войне ничего не говорилось, обстоятельства военного времени были оговорены только в том смысле, что они не могут служить препятствием для проведения внутренних реформ. Здесь же, в обращении, впервые рождалась официальная, «милюковская», версия толкования революции для лучшего ведения войны.

Далее в обращении говорилось об обязательстве правительства созвать «в возможно кратчайший срок» Учредительное собрание для выражения народной воли «относительно образа правления». Новым положением декларации было сообщение о том, что Учредительное собрание издаст также основные законы. Впервые говорилось и о законодательной программе власти на переходный период. Правительство «сочтет необходимым немедленно, еще до созыва Учредительного собрания, обеспечить страну твердыми нормами, ограждающими гражданскую свободу и гражданское равенство, дабы предоставить всем гражданам свободно проявлять свои духовные силы в созидательной работе на благо родины». Отмечалась необходимость издания нового избирательного закона для выборов органов местного самоуправления. Касаясь ликвидации последствий старого режима, правительство заявляло, что «сочтет радостным долгом вернуть с почетом из

¹⁹ Набоков В. Д. Указ. соч., с. 49.

²⁰ Набоков утверждает, что этот проект сохранился в его бумагах, но текста данного документа не привел. Он до сих пор еще не найден и не опубликован.

²¹ Революционное движение в России после свержения самодержавия, с. 425.

мест ссылки и заточения всех страдальцев за благо родины». Заканчивалось обращение призывом к народу поддержать правительство в «честном стремлении обеспечить счастье России».²²

Дополнения к правительственной программе, внесенные данным обращением, затрагивали только сферу внутривластных реформ: круг деятельности Учредительного собрания, избирательную реформу, задачи правительства в законодательной области. Важным было дополнение о доведении войны до победного конца. Но на этот пункт правительственной программы тогда, в момент всеобщего упоения победой над самодержавием, не было обращено достаточно внимания со стороны Петроградского Совета.

И декларация Временного правительства от 3 марта, и обращение от 6 марта полностью обходили все социальные проблемы революции: аграрный вопрос, меры по улучшению условий труда и быта рабочих. Эти документы не упоминали даже о тех куцых шагах, которые предлагала в свое время программа Прогрессивного блока в августе 1915 г.

Основные направления внутренней политики Временного правительства выглядели в итоге на основе этих документов и журнала первого заседания правительства так. Во-первых, правительство выделяло проведение всеобщей амнистии и возвращение ссыльных и политических заключенных. Правительство обязалось также уничтожить ненавистную народу старую полицию. Во-вторых, подготовка Учредительного собрания и выработка положения о выборах в него. В-третьих, издание нового закона о выборах в органы местного самоуправления и проведение этих выборов. В-четвертых, выработка и немедленное опубликование закона об обеспечении гражданских свобод для всего населения, включая и военнослужащих.

В отношении собственно государственно-правового статуса Временное правительство заявляло, что ему принадлежит вся полнота власти как законодательной, так и исполнительной. Оно не считало себя связанным наличием законодательных учреждений старого времени — Думы и Государственного Совета. Действие старых основных законов считалось остановленным. Новые — должно было принять Учредительное собрание. До этого момента юридически провозглашалась полная диктатура Временного правительства, существовавшая, конечно, только в теории. На практике, как это хорошо известно, она была ограничена революционно-демократической диктатурой рабочего класса и крестьянства, которую осуществлял Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Обстановка двоевластия и создавала условия, в которых протекала деятельность Временного правительства по осуществлению главных направлений его внутренней политики. С 6—10 марта начала работать «контактная комиссия» из делегаций Исполкома Совета и Временного правительства. Со-

²² Там же, с. 426.

вет осуществлял контролирующие функции по отношению к Временному правительству.²³ Он сосредоточил свое внимание в основном на обеспечении своего реального права в распоряжении военной силой, а затем в определении целей внешней политики России. В вопросы, непосредственно относящиеся к внутренней политике правительства в узком смысле, Совет практически не вмешивался, передоверив их полностью соответствующим ведомствам правительства. И это дает возможность изучить эти вопросы, отвлекаясь, насколько это возможно, от параллельного изучения постоянного противоборства Совета и правительства.

Рядовому российскому гражданину в марте месяце 1917 г. Временное правительство представлялось неким монолитом, составленным из достойнейших общественных деятелей, денно и нощно работающих над укреплением «добытой свободы». Над созданием такой легенды, такого общественного мнения неослабно трудились сами члены Временного правительства, органы печати, тысячи добровольных агитаторов и помощников правительства.

Видя разбушевавшееся море народной революции, крушение старой власти, министры испытывали страх и сомнение в успехе своей миссии. Об этих настроениях поведал в одной из своих книг бывший министр продовольствия Временного правительства, народный социалист А. В. Пешехонов. Он, правда, стал министром только в коалиционном Временном правительстве, но был весьма близок и к министрам первого состава, знал об их настроениях и трудностях. Вот что он писал: «27 февраля 1917 года старая государственная власть была низвергнута. Явившаяся ей на смену Временное правительство государственной властью в истинном смысле этих слов не было: это был только символ власти, носитель ее идеи, в лучшем случае ее зародыш. Воплотить в себе истинную государственную власть Временное правительство не смогло или не сумело, — считайте, как хотите, факт тот, что при нем государственная власть не была восстановлена. . . Вместе с низвержением старой власти началось быстрое разрушение и того механизма, при посредстве которого она осуществляла себя и при отсутствии которого никакой государственной власти быть не может. В Петрограде это произошло одновременно с низвержением самодержавия. Аппарат государственного управления был сразу же испорчен, а в тех его частях, которые с точки зрения осуществления государственной власти являлись наиболее необходимыми, он и вовсе был разрушен. Суд, полиция и другие органы государственного принуждения были сметены без остатка. Вместе с тем исчез и другой устой государственной власти: петроградские войска в том виде, в каком они вышли из переворота, никак уже не могли служить для нее опорой, а скорее являлись угрозой. Этот разрушительный процесс быстро рас-

---

²³ Подробнее об этом см.: Старцев В. И. Революция и власть. М., 1978.

прострапился па все местные органы, вплоть до самых пизших, и на всю армию, как в тылу, так и па фронте».²⁴ Копстатируя задним числом эти факты и даже песколько сгущая отрицательный фон, на котором происходила деятельность Временного правительства, Пешехонов в то же время подмечает важную психологическую особенпость в пастроениях широких слоев народа в пачальный период революции в марте—апреле 1917 г.

«До широких масс паселения, — пишет он, — сознание, что государственная власть исчезла, дошло, конечно, не сразу. В деревнях оно дало себя знать только в мае, в глухих местах и того позже, а на фронте оно обнаружилось с полной паглядпостью во второй половине июня. Если хоть какой-нибудь порядок и продолжал еще держаться, то, главным образом, по иперции. Сил, чтобы поддерживать его припудительно, уже не было... Будучи членом Временного правительства, я со страхом думал об этой задаче, которая была, конечно, одной из самых неотложных. Кто и как заставит паселение выполнять веления власти? Кто и как припудит его впосить подати и выполнять повинности? Одними увещаниями этого не сделаешь. Нужна систематическая, не остапавливающаяся перед репрессиями пастойчивость. Найдется ли у повой власти суровая решимость за это грязное дело взяться? Или, вот, она так и будет со дня па день его откладывать? Ну а в таком случае, ясно ведь, пикогда она пастоящей властью не будет».²⁵

В эти заявления бывшего министра необходимо внести поправки. Временное правительство имеппо с июня 1917 г., когда Пешехонов занимал свое министерское кресло, перешло к репрессиям спачала против апархистов в Петрограде, потом против большевиков, затем против рабочих, Красной гвардии, против солдатской массы па фронте. Что же касается периода марта—мая 1917 г., то отсутствие репрессий объяснялось не тем, что Временное правительство не хотело их применять, а тем, что оно не могло их применять. Тех самых отрядов вооруженных людей, которые выполняли бы любое поручение правительства, в его распоряжении еще не было. Войска петроградского гарнизона, пародная милиция подчинялись в политическом отношении не Временному правительству, а Петроградскому Совету.

Честь воссоздания русской государственности Пешехонов отдавал большевикам: «Да, большевики сделали большое дело и я прямо назову его: они восстали пили русскую государственность».²⁶

Как же действительно держалось Временное правительство? Ведь не в одной же иперции власти и косности мышления было

²⁴ Пешехонов А. В. Почему я не эмигрировал. Берлин, «Обелиск», 1923, с. 51—52. — Надо сказать, что А. В. Пешехонов несколько преувеличивает ломку старого аппарата государственной власти, произведенную при Временном правительстве (см. об этом ниже).

²⁵ Там же, с. 59.

²⁶ Там же, с. 51.

дело? Ключ к пониманию этого вопроса дают нам произведения В. И. Ленина. В своей брошюре «Задачи пролетариата в нашей революции» он писал: «Всемирный опыт буржуазных и помещичьих правительств выработал два способа удержания народа в угнетении. Первый — насилие. Николай Романов I — Николай Палкин и Николай II — Кровавый показали русскому народу максимум возможного и невозможного по части такого, палаческого, способа. Но есть другой способ, лучше всего разработанный английской и французской буржуазией, „проученных“ рядом великих революций и революционных движений масс. Это — способ обмана, лести, фразы, миллиона обещаний, грошовых подачек, уступок неважного, сохранения важного.

Своеобразие момента в России — головокружительно быстрый переход от первого способа ко второму, от насилия над народом к лести народу, к обманыванию его обещаниями».²⁷

Составной частью этой кампании обмана и лести народу была пропагандистская шумиха вокруг Временного правительства, умело поставленная и с самым широчайшим размахом осуществляемая реклама правительства и каждого из министров. Эта кампания была беспрецедентной в России, где с конца XVIII в. лучшие и образованные представители общества и его интеллигентных слоев всегда противопоставляли себя правительству, критиковали его. Теперь, после Февральской революции, большинство буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции добровольно предложили свои услуги Временному правительству для пропаганды и внушения самым широким слоям народа мысли о том, что именно это правительство выстрадано всей трагической историей страны, именно оно является лучшим защитником народа, отстоит его интересы и доведет Россию до Учредительного собрания, «хозяина земли Русской».

Кампания доверия и поддержки направлялась и стимулировалась самим Временным правительством, которое при отсутствии у него вооруженной силы и полиции видело в добровольном подчинении граждан единственное средство для возможности своего нормального функционирования. В эту кампанию включились «мозговые центры» главнейших буржуазных и мелкобуржуазных партий, буржуазных «общественных организаций», популярные деятели, писатели, художники, ученые. Ее проводили органы печати большинства буржуазных и мелкобуржуазных партий. Были использованы приемы западноевропейских политических кампаний и чисто русские способы воздействия на массы, например, православная церковь. Использовались и новые формы работы с массами, порожденные самой революцией: митинги, собрания, торжественные заседания и концерты, парады, приемы, демонстрации. Все это создавало восторженный бум вокруг Временного правительства, оказывало несомненное

²⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 158.

воздействие на широкие слои городского населения, включая сюда и часть рабочего класса. Армия, до момента революции тщательно оберегаемая от политики, стала объектом правительственной пропаганды; эта же пропаганда широким потоком шла и в русскую деревню. Все это создавало розовую, слащавую обстановку вокруг Временного правительства и его членов, несомненно способствовавшую укреплению на известное время авторитета правительства. С ним широкие массы народа связывали надежды на осуществление решительных перемен в своей жизни, свою радость по поводу падения царского режима, режима ненавистного полицейского, жандарма, земского начальника, зверя-офицера.

Пропагандистская кампания доверия и поддержки Временному правительству еще не была в нашей исторической литературе предметом самостоятельного исследования. Между тем вопрос этот не только интересен и поучителен, но и важен с точки зрения объяснения ряда социальных процессов в первые месяцы революции. Он объясняет, в частности, причины известного увлечения революцией, «мартовских настроений» единства и всеобщего «братства», известной неразвитости и скрытости социальных противоречий и классовой борьбы в первый месяц революции.

Конкретно-историческое изучение форм и методов этой кампании, получившей наибольшее развитие в марте 1917 г. и тогда же оказывавшей наибольшее воздействие на население, поможет, таким образом, пополнить и уточнить наши представления о начальном периоде революционных событий 1917 г. в России.

На первом месте надо поставить пропагандистскую работу самих министров, их публичные выступления и встречи с членами большого числа общественных организаций, специальные пропагандистские поездки в другие города, прежде всего в Москву. Эта деятельность широко освещалась газетами всех направлений, печатавшими речи министров, отчеты о восторженных встречах, приветствия, телеграммы.

7 марта 1917 г. первым приехал в Москву министр юстиции Временного правительства Керенский. Со своими первыми и темпераментными речами, которые так очаровывали поначалу современников, Керенский выступил сразу же на Николаевском вокзале, потом в Московском окружном суде, затем на съезде мировых судей, на солдатском митинге в кинотеатре «Арс», в Комитете общественных организаций в Английском клубе, в Политехническом музее...²⁸ И всюду зажигательные речи, обещания, клятвы, просьбы о поддержке. Все это было так ново и необычно. Вчерашний «левый»; почти «революционер» — а сегодня министр. И он несколько не переменился, такой же доступный, такой же демократичный! Естественно, что все это imponировало представителям всех слоев населения, всюду Керенский срывал

²⁸ Утро России. 1917, 8 марта; Русские ведомости, 1917, 8 марта.

в этот день аплодисменты, а благожелательное отношение к Временному правительству укрепились.

8 марта 1917 г. в Александровском зале Петроградской городской думы собрались представители Центрального военно-промышленного комитета, Совета съездов представителей промышленности и торговли, ряда других буржуазных организаций. Это был парад победы русской буржуазии. Еще недавно помещение ЦВПК называлось Протопоповым гнездом оппозиции, куда внедрялись провокаторы и доносчики, а лидеры Центрального Военно-промышленного комитета Гучков, Коновалов, Терещенко рассматривались царским правительством чуть ли не как революционеры. Сегодня их чествовали как министров Временного правительства. Главное ответное слово было предоставлено Гучкову, который, анализируя отношения старой власти и военно-промышленных комитетов, так объясняет, почему они встали в оппозицию к правительству: «Мы не были революционной организацией, когда мы создавались, вы были не правы, когда преследовали нас: и организацию в ее совокупности, и отдельные группы наших членов, и, наконец, отдельных наших членов, как государственных преступников и революционеров. Но мы сделались таковыми... И вот каким образом, мы, мирная, деловая, промышленная, хотя и военно-промышленная, организация, вынуждены были включить в основной пункт нашей программы переворот, хотя бы и вооруженный».²⁹ Признавшись здесь в своих планах государственного переворота, который он готовил вместе с рядом сидевшим Терещенко, Гучков попытался замазать это невольное вырвавшееся слово, взвалив вину на царское правительство: «Заговорщиками были не мы — русское общество и русский народ, — заговорщиками были представители самой власти...». И далее о главном: «Мы должны заставить проникнуть не только в наше индивидуальное сознание, но и постараться всеми средствами, которые есть в нашем распоряжении, — ораторскими, трибуной, прессой, просто беседой за чашкой чая — внедрить в общественное сознание убеждение, твердое и глубокое, что наша позиция пезыблемо прочна...» Закончил Гучков тем, что просил «могучей помощи» и «нравственной поддержки». Речи Гучкова, Коновалова, Терещенко на собрании 8 марта 1917 г. были перепечатаны газетами сотен названий. Для всех представителей капиталистов и буржуазных организаций они стали сигналом в оказании помощи и поддержки Временному правительству, программой ближайших действий.

В тот же день перед началом упоминавшегося выше заседания в Александровском зале городской думы Коновалов выступил перед собранием оптовых и розничных торговцев, 9 марта он принял делегацию Совета съездов горнопромышленников, 12 и

²⁹ Гучков А. И. Речи по вопросам государственной обороны и об общей политике. 1908—1917. Пг., 1917, с. 113—114.

13 марта — ещё несколько делегаций торгово-промышленников.³⁰ Настоящие буржуа приглядывались, приценились к Временному правительству. Произносились речи о поддержке, лились рекой пожертвования. Буржуазное правительство давало заверения в обеспечении прибылей капиталистов, капиталисты в ответ обещали ему свое «доверие».

За капитанами российской промышленности потянулись и другие «верхи», которые вначале испытали шок от крушения романовской династии. 9 марта князь Волконский от имени петроградского дворянства вручил Временному правительству постановление губернского дворянского собрания о готовности служить новой власти и отдать ей все силы. 10 марта министру-председателю князю Г. Е. Львову была вручена резолюция Совета объединенного дворянства. Совет торжественно обещал, что российское дворянство сплотится вокруг Временного правительства.³¹

Священный синод 9 марта постановил присвоить Временному правительству имя «благодарного». В молитвах, там, где раньше упоминался «благодарный император», теперь надлежало упоминать «Благодарное Временное правительство».³²

Большим пропагандистским мероприятием был прием так называемой «Черноморской делегации», осуществленный 15 марта 1917 г. 30 матросов, солдат и офицеров, все ярые оборонцы по своим убеждениям, были посланы от кораблей и частей Черноморского флота, чтобы выразить доверие Временному правительству и заявить о поддержке его курса на продолжение войны.³³

Правительство в этот период все больше обращало свое внимание в сторону Действующей армии, поскольку стало уже совершенно ясно, что на петроградский гарнизон оно рассчитывать не может. Керенскому было поручено разведать настроение войск ближайших подступов к столице и постараться произвести благоприятное впечатление. И он побывал в Гельсингфорсе, в воинских частях и на кораблях Балтийского флота, вместе с Гучковым, Милюковым, Шингаревым и Некрасовым выезжал в Ставку Верховного главнокомандующего в Могилев. Специальные поездки в Действующую армию предпринял Гучков.³⁴

30 марта состоялся второй коллективный выезд министров в Ставку. На сей раз в Могилев ездили Г. Е. Львов, Некрасов, Шингарев и Милюков. Если во время первого посещения Ставки речь шла об обеспечении снабжения армии, то на этот раз — о работе транспорта и обеспечении всех военных перевозок. Внешняя сторона дела была обставлена также пышно: речи, оркестры, встречи с общественностью. Любопытно, что заместителем

³⁰ Речь, 1917, 9, 10 и 14 марта.

³¹ Утро России, 1917, 11 марта.

³² Речь, 1917, 10 марта; Утро России, 1917, 12 марта.

³³ Биржевые ведомости, 1917, 16 марта.

³⁴ Подробнее об этом см.: Ст ар цев В. И. Революция и власть, с. 81—

министра-председателя на время отсутствия князя Г. Е. Львова был назначен А. Ф. Керенский.

Если отношения буржуазного Временного правительства с капиталистами, командным составом и высшим офицерством в армии в этот период налаживались превосходно, а солдаты придерживались, мягко говоря, благожелательного нейтралитета, а в ряде случаев относились к правительству даже восторженно, то этого никак нельзя было сказать о рабочих. Внимательное изучение материалов об отношении рабочего класса к Временному правительству показывает, что контакта с рабочими министрам наладить не удалось. Рабочий класс в целом проявил сдержанность к буржуазному Временному правительству первого состава, не поддавался обывательским восторгам и розовым надеждам. Разумеется, нельзя отрицать распространения оборонческих настроений, доверчивого отношения к Временному правительству и среди рабочих. Но повторяем, это проявлялось опосредствованно, через политику эсеро-меньшевистского руководства Советов, которым большинство рабочих в те дни безусловно доверяло.

Правда, нельзя сказать, что не предпринималось попыток со стороны министров установить прямой контакт с рабочей аудиторией. Так, еще 7 марта 1917 г., когда рабочие Экспедиции изготовления государственных бумаг собрались на митинг, чтобы решать вопрос о продолжении февральско-мартовской забастовки, туда неожиданно нагрянул министр финансов Терещенко. Присутствующие были польщены: это был первый случай в истории завода, когда министр финансов лично посетил Экспедицию (заметим в скобках, что это был первый и единственный факт такого рода и в биографии самого министра финансов). Восторженно встреченный Терещенко произнес речь и добился перелома в настроениях рабочих: забастовку решено было немедленно прекратить. Случай этот был тут же раздут буржуазной печатью.³⁵

Более систематические попытки наладить отношение с рабочими предпринимал министр торговли и промышленности Коновалов. Не вдаваясь здесь в существо политики Временного правительства по рабочему вопросу,³⁶ перечислим только важнейшие шаги Коновалова, носившие прежде всего пропагандистский, рекламный характер и рассчитанные на то, чтобы успокоить и задобрить рабочий класс обещаниями уступок. Уже 9 марта 1917 г. газеты сообщили о том, что в министерстве торговли и промышленности разрабатывается законопроект о создании отдела труда. На следующий день отмечалось, что это предложение исходит лично от Коновалова, и в «частном совещании» Совета министров оно получило одобрение. 9 марта 1917 г. было опубликовано специаль-

³⁵ Речь, 1917, 8 марта.

³⁶ Об этом подробнее см.: Волобуев П. В. 1) Экономическая политика Временного правительства. М., 1962; 2) Пролетариат и буржуазия в 1917 г. М., 1964.

ное воззвание Коновалова к «трудящимся». Оно опять-таки было посвящено созданию отдела труда, причем сообщалось, что вскоре будет создано специальное Министерство труда, а пока его функции будет выполнять упомянутый отдел, опирающийся на «свободную самодеятельность и организацию трудящихся». Широкое развитие профессиональных союзов рассматривалось в воззвании как одно из важнейших условий экономического возрождения России. Было обещано быстрое развитие рабочего законодательства.³⁷ Проповедь классового мира, попытки разрешения конфликта между рабочими и капиталистами в капиталистических рамках, эксперименты, которые тогда ставил Коновалов с прирученной частью меньшевиков-оборонцев из рабочей группы ЦВПК, внушали ему надежду, что так же можно будет приручить и весь рабочий класс страны.³⁸ Известно, что из этой попытки ничего не получилось. 19 марта по телеграфу было передано обращение к рабочим Донецкого бассейна. Шахтеров призывало правительство капиталистов повысить производительность труда ради снабжения армии, ради продолжения империалистической войны. Аналогичные воззвания были отправлены к рабочим металлургических предприятий Юга России и Урала, но и они не имели успеха. Слишком велика была пропасть между российской буржуазией и рабочим классом. Проповедь повышения производительности труда, обязательных сверхурочных работ, как правило, проходила мимо рабочих, увлеченных борьбой за свои права, легальными возможностями для революционной партийной и профсоюзной работы. Как курьез отметим сообщение газеты «Русский инвалид», официоза Военного министерства, которая писала 23 марта: «Рабочие Казанской адмиралтейской слободы, в ознаменование назначения Гучкова военным министром единогласно постановили сверхусиленной работой на оборону надбавить производительность работ заводов и назвать эту надбавку „гучковским процентом“».³⁹ Правда, подобный «трудовой почин» не был подхвачен широко, но зато появились слова о «плехановской прибавке» к жалованью железнодорожников, а потом и «скобелевские циркуляры», запрещавшие рабочим проводить собрания своих фабрично-заводских комитетов в рабочее время.

23 марта 1917 г. Петроград хоронил жертвы Февральской революции. Огромные процессии людей двигались со всех сторон города к Марсову полю, где были вырыты четыре обширные могилы. Это были не только похороны, день скорби, но и праздник свободы. Хоронили людей, погибших в дни смертельной схватки со старым режимом, которые, как казалось, умерли для того, чтобы весь народ познал теперь вкус свободной и счастливой жизни.

³⁷ Утро России, 1917, 9 марта.

³⁸ См.: Старцев В. И. Взгляды А. И. Коновалова по рабочему вопросу. — В кн.: Пролетариат России и его положение в эпоху капитализма. Львов, 1972, с. 159—163.

³⁹ Русский инвалид, 1917, 23 марта.

Решающее слово в оформлении политической стороны похорон принадлежало Петроградскому Совету рабочих и солдатских депутатов. Но здесь уместно напомнить, что похороны были государственными. Почти весь состав Временного правительства прибыл на Марсово поле. С траурными речами выступали и руководители Совета и министры. Это была единственная демонстрация в истории бурного 1917 г., где Временное правительство было в одном строю с представителями трудящихся, с рабочими, с солдатами, с Советом рабочих и солдатских депутатов. Это был действительно всенародный траур, но это была и наивысшая точка в той пропагандистской кампании доверия и поддержки, которая проводилась самим правительством и подавляющим большинством политических партий и группировок. С конца марта в общем восторженном хоре появляются диссонирующие ноты, обозначаются первые симптомы общественной настороженности и недоверия. Они шли со стороны трудовых слоев населения и прежде всего рабочих, которые, как известно, подверглись именно в эти дни травле со стороны буржуазной печати за введение восьмичасового рабочего дня.

Все это подстегивало министров. Они еще больше стали показываться на публике. Специальные поезда из Петрограда отправлялись со всех вокзалов. Но чаще всего в Москву. Этот центр оппозиции старому режиму явно рассматривался буржуазным правительством первого состава как свой резерв первой линии, как источник связи с буржуазными и интеллигентскими слоями. В Москве не так чувствовалась еще нарастающая напряженность в отношениях между пролетариатом и капиталистами, там все еще с тем же восторгом встречали посланцев Временного правительства. 23 марта 1917 г. в Москву для инспекции московского железнодорожного узла прибыл министр путей сообщения Некрасов. Он скромно остановился у родственников. Однако пышная встреча никак не соответствовала этой скромности. Некрасов нанес визит командующему Московским военным округом. Затем он прибыл на съезд по вопросам развития железнодорожного хозяйства, устроенный Главным комитетом Земгора.⁴⁰ 26 марта 1917 г. в Москву для участия в съезде кооператоров приехал Шингарев, вечером он появился в Большом театре и ему была устроена овация. В начале апреля в Москве побывали министр просвещения Мануилов, обер-прокурор Синода В. Н. Львов.

7 апреля 1917 г. в Москву впервые после революции выехал министр иностранных дел Милюков. Он прибыл в старую столицу не как министр, а как лидер кадетской партии. Только что в Петрограде закончился VII съезд партии, и Милюков должен был отчитаться перед московскими кадетами. Но ореол министерского поста следовал теперь за кадетским лидером повсюду. Он был торжественно встречен на собрании членов партии народной

⁴⁰ Русские ведомости, 1917, 24 марта.

свободы. В своей речи ему пришлось говорить не только о вопросах внешней политики, но и о вопросах политики внутренней. Уже задавался ему каверзный вопрос об отношениях с Советом. Но он дипломатически ответил, что отношения складываются «вполне удовлетворительно». На этом же собрании присутствовал и Шингарев, сделавший доклад о современном политическом моменте.

Одновременно в Москве проходил очередной пироговский съезд врачей (эти съезды всегда использовались буржуазной оппозицией для вынесения политических резолюций). И теперь он вынес резолюцию в поддержку правительства, от имени которого врачей приветствовал Шингарев.

Керенский тем временем съездил в Ревель и Гельсингфорс. В Ревеле он так много пожимал рук, что приехал оттуда с рукой на перевязи: так сказать, пострадал «через свою доступность». Нечего и говорить, что это вызвало бурю слащавых восторгов. Еще более пикантный случай произошел с Керенским в момент возвращения из Гельсингфорса. В Белоострове пограничники потребовали у него документы, которых, увы, у министра юстиции не оказалось. Когда недоразумение выяснилось, стражи границы были смущены, а министр благодарил их за службу. Кстати такой же случай произошел несколько ранее и с Гучковым, в момент выхода после митинга из Народного дома. Его не узнал постовой казак. Оба эти случая были расписаны в газетах как свидетельства скромности и демократичности новых министров. Впрочем, эпизод с Керенским получил большой резонанс. Керенский вообще привлекал все больше внимания со стороны буржуазной прессы. Подробно расписывался день министра юстиции, который начинался с того, что в 9 час. утра он пожимал руку старейшему курьеру Министерства юстиции. Указывалось, когда он принимает просителей, когда разбирает бумаги, как поздно засиживается в своем рабочем кабинете, а иногда и ночует в министерстве. Из всех министров Временного правительства Керенский рекламировался на самом высоком уровне и явно затмевал собой прежнего кумира — Милюкова.

Посещая публичные собрания и съезды (а нужно назвать еще съезд Союза городов, Всероссийский учительский съезд, открытие Вольного экономического общества), министры не забывали и о приемах в Мариинском дворце, куда по-прежнему стекались многочисленные делегации, приветствовавшие правительство. 21 марта 1917 г. во время заседания правительства во дворец явился полный состав совета присяжных поверенных Петрограда во главе с его председателем Карабчевским. В тот же день министр-председатель князь Г. Е. Львов принял женскую делегацию, в составе которой были В. И. Фигнер, А. С. Милюкова и др. В своих приветственных речах они высказали уверенность, что на выборах в Учредительное собрание избирательное право будет предоставлено и женщинам. Львов подтвердил это.⁴¹

⁴¹ Речь, 1917, 22 марта.

29 марта в 4 часа дня в Марининский дворец явились представители 10-й армии. Временное правительство прервало свои заседания, министры вышли в аван-зал, где состоялся прием и обмен речами. На следующий день после окончания заседания Временного правительства Керевский, исполнявший в тот день в связи с отъездом князя Львова в Ставку обязанности министра-председателя, принял делегацию Бердичевского гарнизона, которая привезла целый ящик георгиевских крестов и медалей, золотых и серебряных монет, собранных среди солдат. 31 марта Временное правительство приняло делегацию от офицеров и солдат гвардии саперного полка, от 5-го драгунского Каргопольского полка и от общего собрания офицерских и классовых чинов Петроградской интендантской приемной комиссии. Тогда же Временное правительство посетила делегация военных врачей 9-го армейского корпуса. Как видим, отказа не было никому. Все годилось для демонстрации всенародной поддержки Временного правительства. В канцелярии министра-председателя, в министерствах росли пухлые пачки телеграмм с выражением доверия правительству от имени самых разнообразных организаций и групп граждан. Тысячи этих телеграмм и резолюций печатались в газетах всех направлений. «Поток приветствий» стал ослабевать только со второй половины апреля 1917 г.

Многие видные общественные и политические деятели как в России, так и за границей выступили со специальными заявлениями, в которых приветствовали создание Временного правительства и его программу. Эти высказывания немедленно публиковались и вносили свою лепту в создание благоприятного для Временного правительства общественного мнения. Так, 21 марта 1917 г. «Утро России» напечатало заявление Бориса Савинкова. «Мой девиз в настоящее время, — заявил Савинков корреспонденту газеты, — Свобода и Победа. Я лично намерен без всяких оговорок примкнуть к русскому Временному правительству, в состав которого вошли избранные представители России».⁴² Из Лозанны Временное правительство приветствовала семья А. И. Герцена, князь Львов отправил наследникам великого эмигранта благодарственное послание.⁴³ Герман Лопатин, известный народо-волец, одобрил состав первого Временного правительства, но выразил сожаление, что в него не вошли такие деятели либерального толка из прежних царских правительств, как бывший министр иностранных дел Н. Н. Покровский и военный министр А. А. Поливанов.⁴⁴ С заявлениями о поддержке Временного правительства выступили В. Г. Короленко, П. А. Кропоткин, Г. В. Плеханов, Е. К. Брешко-Брешковская, другие видные политические деятели, писатели и художники.

---

⁴² Утро России, 1917, 21 марта.

⁴³ Речь, 1917, 30 марта.

⁴⁴ Утро России, 1917, 3 марта.

Существенным элементом пропагандистской кампании в пользу Временного правительства были интервью и встречи с представителями печати, которые устраивали министры. Что ни день, то печатались новые сообщения о беседах министров с корреспондентами. Особенно часто давали интервью министр-председатель князь Г. Е. Львов и министры Керенский, Шингарев, Некрасов, Терещенко, Коновалов. В этих интервью они избегали говорить о конкретной программе социальных и политических мероприятий, зато не скупились на общие слова о падении старого режима, о свободе и необходимости ее защиты, о достижении победы над внешним врагом. Беседа с корреспондентом была и средством выражения собственного мнения, полемики с другими министрами. Однако многие намеки, понятные теперь, тогда были еще скрыты от широкой публики.

Наконец, хотелось бы назвать еще одну важную форму активизации общественного мнения в направлении, желательном для правящих кругов страны. Речь идет об использовании внешнеполитического значения образования Временного правительства. Признание Временного правительства западными державами, надежды на более тесные отношения с союзниками утилизировались и во внутриполитическом отношении. Так, 9 марта 1917 г. Временное правительство в полном составе принимало в Мариинском дворце посла США Д. Френсиса, официально заявившего о признании Соединенными Штатами нового режима. От имени правительства посла и в его лице США приветствовал князь Г. Е. Львов. В тот же день и с той же миссией Милюкова посетил французский посол Морис Палеолог, итальянский посол маркиз Андреа Карлотти и советник английского посольства Г. Линдлей (по причине болезни английского посла Дж. Бьюкена). Во всех газетах за 14 марта сообщалось, что дипломатические представители Норвегии, Персии, Сиамы также заявили о вступлении в деловые отношения с Временным правительством. 21 марта Временное правительство в Мариинском дворце посетили японский посол и посланники Бельгии, Португалии и Сербии со всеми сотрудниками посольств и миссий. Русская печать перепечатывала высказывания государственных и общественных деятелей из-за рубежа, в которых содержались благожелательные отзывы о Временном правительстве. В газете «Утро России» за 21 марта были помещены материалы об обмене приветствиями между французскими министрами и министрами Временного правительства. Так, Рибо по случаю образования нового кабинета приветствовал князя Львова и выражал надежду, что «доверие, выраженное Вам русским народом, является счастливым предзнаменованием общей для нас твердой решимости довести войну до победного конца». Г. Е. Львов отвечал, что «освобожденная Россия объединяет все силы для отражения неприятеля в большем, чем когда-либо, единении с французскими братьями». Министр финансов Терещенко обратился к французскому министру

фицапсов Тьерри с телеграммой, в которой говорилось, что новый демократический строй, установленный в России, сделает еще более тесными узы экономического и политического характера, связывающие обе страны. Жозеф Тьерри, в свою очередь, благодарил за телеграмму и выражал уверенность, что с установлением в России демократического строя окрепнет сотрудничество обеих стран и принесет успех их армиям.⁴⁵

В передовой «Утра России» от 22 марта использовался материал выступлений английского посла Бьюкенена и известного писателя Бернарда Шоу. Они «разъясняют русскому обществу точку зрения союзников на замечательнейшее событие — крушение монархии», — так комментировала их заявления буржуазная газета. В чем же состоял смысл «разъяснения»? «Все для войны, все для победы» — так кончалась эта статья. И так, выполняя советы А. И. Гучкова, данные им 8 марта, используя все средства — ораторскую трибуну, беседы, речи, пропагандистские вояжи по городам страны, газетные страницы, выступления общественных и политических деятелей, представителей союзных держав — русская буржуазия стремилась создать обстановку, при которой подчинение действиям Временного правительства и его указаниям должно было стать моральной обязанностью и гражданским долгом населения. Не имея вооруженной силы для принуждения масс к действию в интересах класса капиталистов, Временное правительство надеялось компенсировать это организацией, мощной и не имеющей себе равных в истории России, кампании доверия и поддержки. Оно действовало, по выражению В. И. Ленина, лезть и обманом.

ОТНОШЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ К ВРЕМЕННОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ

Временное правительство, как мы уже отмечали, руководило этой кампанией, успехи которой способствовали укреплению власти буржуазного Временного правительства и в конечном счете всего класса буржуазии в России. Но одно правительство никогда не могло бы добиться таких результатов при отсутствии помощи со стороны общественных и политически организованных сил страны. Как же отнеслись к нему политические партии и группировки? Кто участвовал в этом впечатляющем по масштабам руссоистском эксперименте создания нового «общественного договора»? За исключением единственной партии, партии большевиков, все остальные политические партии в России в марте 1917 г. открыто заявили о своей поддержке нового правительства и прилагали активные усилия к тому, чтобы осуществить эту поддержку на деле: через деятельность своих членов, устные и печатные выступления, через свои органы печати. Но, разуме-

⁴⁵ Утро России, 1917, 21 марта.

ется, в этом отношении были и свои оттенки, семена будущих разногласий и раздоров, в которых скрывалась близкая гибель самого Временного правительства первого состава.

Рассмотрение отношения политических партий и групп к Временному правительству мы начнем с правого фланга русской политической жизни того времени. Известно, что во Временное правительство вошли представители главных группировок бывшего Прогрессивного блока IV Государственной думы. Однако уже при образовании правительства ряд правых фракций Думы оказался за его пределами. Так, В. В. Шульгин, член фракции «прогрессивных националистов», сам отказался войти в правительство, которое казалось ему слишком «левым». Но, оставшись в стороне, Шульгин в первое время выступал с заявлениями о поддержке правительства. Такой же позиции придерживалась и издаваемая им газета «Киевлянин». В передовой «Киевлянина» от 5 марта говорилось, что все силы надо отдать на поддержку и укрепление нового правительства. Главное — все для войны, продолжать которую вызвалось правительство. Вместе с тем в статье предупреждались намерения А. И. Гучкова провести смену командного состава. «Никаких перемен в командном составе» — таков был лозунг газеты. В статье самого Шульгина, продиктованной по телеграфу из Петрограда и опубликованной в том же номере газеты, давался совет: не будем задумываться, «временно признаем эту власть». Шульгин чутьем угадывал главную опасность для новой власти — эта опасность коренилась в рабочем классе. Комментируя приводившийся выше факт о посещении М. И. Терещенко рабочего митинга в Экспедиции заготовления государственных бумаг, он не предавался восторгам. Смотрите, как бы говорил он, они скоро будут диктовать свою волю всей России. «Единственно правильный путь для рабочих, — поучал Шульгин, — если они не хотят рубить сук демократии, на котором сидят, — это признать, что они представляют только небольшую часть русского народа».

В передовой статье этой газеты от 8 апреля Шульгин призывал Временное правительство не стесняться показать свою власть и пугал его «катастрофой безвластия», а 16 апреля определенно высказывался за Временное правительство, если оно выведет Россию из тупика и победит немцев.

Политические группировки, правее «прогрессивных националистов», — националисты, черносотенцы, питавшиеся тайно или скрыто из «рептильных фондов» департамента полиции, в марте 1917 г. попрытались и временно затаились. Органы печати черносотенцев были закрыты Петроградским Советом в первые дни революции, что, правда, вызвало лицемерные вздохи буржуазных газет по поводу нарушения свободы печати.¹ Что касается пра-

¹ Запрет этот продержался всего две недели: 15 марта было сообщено, что Исполком Совета «пересмотрел свое решение о выходе газет и поста-

вых октябристов, то их лидер М. В. Родзянко очень хотел сам войти во Временное правительство, но был признан фигурой одиозной. Сыграло роль и личное соперничество между Родзянко и Милюковым, о чем подробно говорилось в предыдущей части. Теперь Родзянко, возглавляя Временный комитет Государственной думы, изображал из себя контролирующую и верховную инстанцию по отношению к Временному правительству, которое с каждым днем все меньше и меньше считалось с Государственной думой и самим Родзянко.

Газета Рябушинского (фактически орган московской группы партии прогрессистов) «Утро России» с первых дней революции безоговорочно поддержала буржуазное Временное правительство. В передовой статье от 14 марта она призывала всю страну сплотиться вокруг правительства. Вместе с тем газета давала свое толкование задачам, в частности предостерегала его от каких-либо серьезных реформ. «Задача нынешнего Временного правительства точно предопределена. Помимо текущих неотложных дел, во главе коих, конечно стоит первенствующая надо всем остальным забота об обороне страны и о доведении войны до победного конца, правительство князя Г. Е. Львова обязуется довести страну до Учредительного собрания», — говорилось в передовой. «Утро России» не допускало и «малейшего намека на двоевластие» и заявляло, что полный объем исполнительной власти принадлежит исключительно Временному правительству. Передовая кончалась призывом: «Не осложняйте ничем работу Временного правительства! Спокойно ждите Учредительного собрания!»²

Передовая статья «Утра России» от 21 марта 1917 г. также была целиком посвящена Временному правительству. Поводом для нее было заявление князя Львова журналистам, где он между прочим прозрачно намекнул на то, что Петроградский Совет должен знать свое место и не посягать на прерогативы исполнительной власти. «Мы придаем серьезное значение этим словам нашего министра-председателя, — говорилось в газете. — В них мы слышим призыв, направленный к рабочим и солдатам, объединившимся в первый момент народного движения в военно-технический аппарат революции, Совет рабочих и солдатских депутатов. Мы слышим в словах князя Львова призыв к спокойствию, сдержанности, доверию. В этом призыве правительство, впервые за тысячелетнюю историю России присягнувшее на верность народу, с доброй совестью ищет, требует безусловного доверия к себе». То, о чем Шульгин писал в своем «Киевлянине» грубо и прямо, предупреждая рабочих и грозя им, «Утро России» стремилось высказать дипломатично, с поклоном в сторону

новил допустить беспрепятственный выход всех периодических изданий без различия направления» (Речь, 1917, 15 марта).

² Утро России, 1917, 14 марта.

рабочих и солдат, «объединившихся в военно-технический орган революции в первые дни». Но дни эти, дескать, уже прошли, теперь не надо больше мешать правительству. Кулак, облаченный в лайковую перчатку, оставался кулаком. И его показывали теперь потихоньку тем, кто, совершив революцию, привел к власти Временное правительство. Что же касается последнего, то оно, по мнению газеты, по-прежнему, заслуживало только всяческих похвал.

«Присяга, принесенная первым русским народным правительством,³ — продолжал автор передовой, — это неизбежная гарантия для народа. Она равно обязывает как тех, кто ее принес, так и тех, кому она приносилась. Для того чтобы правительство могло выполнить свою присягу, оно должно быть сильным в своих решениях и свободным в своих законных действиях. Сильная власть не терпит рядом с собой иной власти. Власть сильна единовластием. Двувластие — синоним анархии. Только объединившись вокруг единого Временного правительства, в полном доверии к нему, сможет свободная Россия готовиться к народодержавному решению своих грядущих судеб».

Естественно, что наиболее полную и всеобъемлющую поддержку Временному правительству оказывали кадеты, партия, которая получила больше всего мест во Временном правительстве. Еще 2 марта партия народной свободы обратилась к жителям Петрограда с листовкой, в которой, делая упор на общенациональный характер революции, призывала довериться Временному правительству, забыть различия партий, сословий и национальностей. Освобожденная от внутреннего врага, Россия

³ Имеется в виду широко разрекламированный акт принятия присяги членами Временного правительства первого созыва, состоявшийся 15 марта. Текст ее гласил: «По долгу члена Временного правительства, волею народа по почину Государственной Думы возникшего, обещаюсь и клянусь перед всемогущим богом и своею совестью служить верою и правдою народу Державы Российской, свято оберегая его свободу и права, честь и достоинство, ненарушимо соблюдая во всех действиях и распоряжениях моих начала гражданской свободы и гражданского равенства и всеми предоставленными мне мерами подавляя попытки, прямо или косвенно направленные к восстановлению старого строя.

Клянусь приложить все разумение мое и все мои силы для осуществления в полноте всех обязательств, Временным правительством всенародно на себя принятых.

Клянусь принять все меры для созыва в возможно кратчайший срок, на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, Учредительного собрания, передать в руки его полноту власти, мною совместно с другими членами Временного правительства осуществляемую, и преклониться пред выраженной сим Собранием народной волею об образе правления и основных законах Российского Государства. В исполнении сей моей клятвы да поможет мне бог» (ЛГАКФФД, Е—47. Фотокопия подлинника присяги). Нетрудно заметить, что составители текста присяги руководствовались в основном формулировками и содержанием акта отречения Михаила Александровича. По существу же присяга была чисто моральным обязательством, поскольку не существовало органа, контролирующего деятельность министров, а созыв Учредительного собрания не был гарантирован назначенным точно сроком.

удесятерит свои силы в борьбе с врагом внешним, — писала «Речь» 5 марта и, все еще не умаляя значения Государственной думы в организации разгрома старой власти, явно преувеличивала значение Временного правительства как общенационального органа власти.

В передовой статье этой газеты от 7 марта подчеркивалась связь декларации Временного правительства с актами об отречении Николая II и Михаила Александровича. Все население без различия партий и классов призывалось сплотиться вокруг Временного правительства. В статье «Основы организации» в качестве главных политических лозунгов выдвигались следующие: «Поддержка Временного правительства», «Осуществление гражданских свобод», «Подготовка к Учредительному собранию». В том же номере «Речь» поместила специальную статью «Первые шаги Временного правительства». «Революция, почин Думы и переданный старым режимом легальный титул — таковы три источника „полноты власти“ Временного правительства», — заявляла газета. По мысли кадетских теоретиков, эта формула должна была примирить всех. Революционные партии должны были удовлетвориться упоминанием о революции, подчеркивание «почина Думы» удовлетворяло либеральную часть общества, а ссылка на легальный титул — консерваторов и приверженцев старого режима, которых теперь сам царь и его брат убеждали повиноваться во всем Временному правительству.

В статье выдвигалась и точка зрения на задачу Временного правительства: «Не перестроить всю русскую жизнь, а дать возможность перестройки ее самим народом — вот сущность этой задачи». Временное правительство на пути подготовки Учредительного собрания должно было лишь снять элементарные препятствия с пути осуществления народной свободы. Провести амнистию, отменить религиозные и национальные ограничения. В то же время нельзя допустить и анархии: «Дело Временного правительства будет тут заключаться лишь в том, чтобы установить те пределы, за которыми свобода превращается в своеволие». Как видим, прогрессисты из «Утра России» были очень близки к кадетской «Речи» и ее пониманию задач Временного правительства: только политический переворот, отказ от социальных преобразований со ссылкой на волю грядущего Учредительного собрания. Но что касается сдерживания законных требований рабочих и солдат, то тут кадеты были еще мягче, чем прогрессисты. Они произносили общие слова об «ответственности демократии», напоминали об общенациональном характере революции. Они тоже видели угрозу слева, но в отличие от более правых группировок еще не теряли надежды справиться с революционной стихией и овладеть ею. В этом смысле характерна статья «За порванной завесой» («Речь» от 11 марта). «С первого взгляда может показаться, — говорилось там, — будто вся Россия превратилась в сплошную социалистическую массу и никого кроме социали-

стов-революционеров, социал-демократов и анархистов разных толков в ней нет. Эти партии теперь наверху, на гребне волны». Кадеты сожалели о прошлом, это несомненно. Действительно, еще недавно именно они претендовали на роль выразителей интересов всего русского народа. Съезды земств и городов, учительские и пироговские, военно-промышленные комитеты — всюду кадеты были фактически самыми левыми из допущенной полицией «общественности». А социалисты в это время сидели в тюрьмах и ссылках, нелегально жили под чужими паспортами, тратили многие недели на нересылку простейших сообщений. Теперь все изменилось, и кадеты были несколько «обижены» этим разгулом «социалистической массы». Но, новторяем, в те дни они еще не теряли надежды. «Вглядитесь даже в это бушующее море Совета рабочих и солдатских депутатов, — уснокаивала в той же статье «Речь» своих читателей, — и вы увидите, что и оно начинает расчленяться, что тут уже заметны разные течения. Если большевики стоят за немедленное прекращение войны, то солдаты, вошедшие в Совет, на такую платформу не встанут. Нечувствительно для них самих в них говорит русский государственный инстинкт. Если крайние эсеры и большевики из интеллигентов и городских рабочих кричат о разделе всех земель, то солдаты, недавно только оторвавшиеся от земли и знакомые с чувством мелкого земельного собственника, с восторгом встречают предложение о прирезке, но приходят в негодование при мысли о необходимости нустить в раздел их собственные участки».

Революция — это хаос, во время которого совершается творческая работа, философски заключала газета, надо вырваться из хаоса и организовать стихию.

На сходных позициях стояли и московские кадеты. Их орган, газета «Русские ведомости» уже 5 марта поместила статью «Новое правительство и Учредительное собрание». В ней говорилось, что все наболевшие вопросы общественного развития России решит только Учредительное собрание, а пока надо, «ничем не ослаблять деятельность нового правительства, всеми силами поддерживать его». Редакционная статья этой газеты от 7 марта была посвящена декларация Временного правительства от 6 марта. Она подчеркивала те ее места, в которых говорилось, что еще до Учредительного собрания будут установлены твердые нормы гражданских нрав и свобод, проведена коренная реформа органов местного самоуправления. «Верой в светлое будущее России дышит эта декларация, — натетически писала газета, — надо помочь этим людям и ответить им такой же верой». Одобрение первых шагов Временного правительства и новый призыв к его поддержке содержался в редакционной статье «Русских ведомостей» от 15 марта.

Кадетская газета «Киевская мысль» в передовой от 5 марта призывала к недопущению анархии, к введению революционного движения в организованное русло. В лице Временного прави-

тельства газета видела законную, авторитетную и сильную власть. «Ростовская речь» писала в номере от 4 марта: «Образовано новое правительство в составе всех выдающихся политических деятелей России, во главе с самым популярным общественным деятелем князем Георгием Львовым». Провинциальные кадетские газеты часто уступали интеллектуальному блеску «Речи», зато они иногда формулировали идеи партии и ее пожелания с большей откровенностью и прямоотой, да так, что и «Речи» завидно было. 23 марта центральный орган кадетской партии перепечатал из одесской газеты «10 заповедей», разработанных местным комитетом кадетской партии для распространения среди населения. Этот примечательный документ стоит привести целиком:

1. Цени свободу, равенство и братство.
2. Содействуй укреплению добытой свободы.
3. Ради укрепления свободы блюди порядок.
4. Повинуйся Временному правительству.
5. Верховная воля народа — Учредительное собрание.
6. Долой классовую вражду перед лицом внешнего врага.
7. Работай не покладая рук на доведение войны до победного конца.
8. Помни, что Свободная Россия не может изменить свободным народам Франции, Англии и другим союзникам.
9. Помни, что победа Вильгельма приведет к разгрому нашей свободы.
10. Да не восторжествует германский милитаризм!»

Этот кадетский катехизис напоминал урок словесности в армии при царском режиме и ярко характеризовал империалистическую сущность как самой кадетской партии, так и защищаемого ею Временного правительства. С полной поддержкой внутривнутриполитического и внешнеполитического курса Временного правительства выступил VII съезд кадетской партии и собрания крупнейших организаций партии в Петрограде, Москве и других городах. В период существования Временного правительства первого состава кадетская партия в полной мере заслужила наименование главной правительственной партии.

В политическом спектре русских партий и группировок имелись такие, которые занимали промежуточное положение между буржуазной кадетской партией и мелкобуржуазными партиями меньшевиков и эсеров. Это прежде всего — социал-демократы, объединившиеся вокруг газеты «День», «органа социалистической мысли»; группа «Единство» во главе с Г. В. Плехановым, начавшая издавать с конца марта 1917 г. газету под тем же названием. Среди народнических политических группировок аналогичное место занимала партия народных социалистов и Трудовая группа, впоследствии объединившиеся в «трудовую народно-социалистическую партию». Ближе к ним примыкали и правые эсеры-оборонцы во главе с Е. К. Брешко-Брешковской, вскоре начавшие

издавать свою газету «Воля народа». Все перечисленные политические партии и группировки сходились на платформе признания Временного правительства даже в его первом буржуазном составе, но обставляли свое доверие к нему рядом малосущественных оговорок.

Уже в первом номере газеты «День» (5 марта 1917) в одной из статей говорилось, что перед правительством стоят тяжелые задачи, которые «усугубляются его составом», так как правительство состоит из октябристов и кадетов. В то же время газета «День» признавала, что «Временное правительство оказалось на высоте своей задачи. Надо надеяться, что оно в самом ближайшем будущем упорядочит продовольствие армии, столиц и городов, вообще восстановит нормальную жизнь страны, насколько это возможно во время войны, и докончит дело разрушения старого строя», как и другие газеты, призывая «сплотиться вокруг Временного правительства и поддержать его как в его разрушительной, так и в его созидательной работе».

12 марта «День» приветствовал создание «контактной комиссии» Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, агитируя за тесное сотрудничество этих двух центров движения. Вместе с тем, взвешивая политическое значение каждого из этих органов, газета явно отдавала предпочтение Временному правительству. Образцом казуистики «Дня» является, пожалуй, статья П. Юшкевича в номере от 14 марта под названием «О тактике и такте». Автор с притворной слезой признавал тот неприятный факт, что Временное правительство сплошь состоит из «вождей либеральной буржуазии». Но в то же время он хвалил и вождей Совета: «Отказ Совета от полновластия — продукт зрелой и продуманной тактики». Это не трусость, рассуждал Юшкевич, не боязнь взвалить на свои плечи ответственность в тяжелый момент. Наоборот, Совет ликвидировал монархию, обезвредил «бывшего царя», добился введения в Петрограде восьмичасового рабочего дня. Но все же он взял власть в свои руки, а значит «часть ее передал Временному правительству». Автор заявлял: «Эта тактика продиктована объективными условиями момента и вся демократическая Россия может это только приветствовать». И тут же Юшкевич осуждал Петроградский Совет за нетактичное отношение к Временному правительству — за опубликование отчетов о заседаниях, где допускались такие выражения как: «Совет принудил Временное правительство» и пр. «Нельзя дискредитировать ту власть, которую предлагают в целом поддерживать», — заключал автор.

Как бы испугавшись критики Совета, «День» в номере от 16 марта пожурил теперь Временное правительство. В статье, хлестко названной «Пора платить», газета напоминала Временному правительству о недопустимости промедления с изданием закона об отмене национальных и вероисповедных ограничений. В том же номере, в статье «Авторитет власти» выражалось со-

жаление по поводу несогласованности действий Временного правительства и Петроградского Совета на примере подготовки текста присяги. Газета убеждала правительство и Совет в будущем выступать солидарно. Очередное назидание Петроградскому Совету содержалось в статье В. Канторовича «Неправильный курс» (22 марта). Автор предостерегал Совет от риска превратиться во второе правительство. Юшкевич выступил в «Дне» 26 марта со статьей «Трения», в которой сожалел о непрочности компромисса между Советом и правительством, так удачно найденного в первые послереволюционные дни. Линия поддержки Временного правительства особенно отчетливо видна в его статье «О Красной гвардии» (28 марта), в которой он осуждает попытки создания вооруженной силы помимо Временного правительства. Нельзя поддерживать Временное правительство и одновременно выступать с проектами, направленными против него, — говорил автор. Выход из постоянных трений между Временным правительством и Советом виделся многим журналистам «Дня» в создании коалиционного министерства. Это предложение было высказано в частности Ст. Ивановичем в его статьях, опубликованных в газете «День» 1 и 6 апреля.

В целом позицию группировки правых социал-демократов меньшевиков и бундовцев, объединившихся вокруг газеты «День», по отношению к Временному правительству можно определить так. Они выступали за безусловную поддержку Временного правительства, хотя на словах и признавали его классовую, буржуазную ограниченность. «Социалисты» из «Дня» требовали от Петроградского Совета большего уважения и почтения к Временному правительству, раз уж они согласились в Февральские дни на передачу ему государственной власти. Совет, по их мнению, не должен был афишировать свою контролирующую роль. Поскольку отношения между Советом и правительством по дальновидному анализу журналистов «Дня» были чреватые острым конфликтом, они предлагали найти выход в образовании коалиционного министерства. Однако к этому исходу в начале марта не была готова еще ни та, ни другая сторона. Буржуазное Временное правительство еще полагало, что сможет управлять страной одно, без помощи представителей «социалистической массы», а меньшевистско-эсеровские вожди Петроградского Совета в своем большинстве еще считали для себя зазорным заседать за одним столом с представителями буржуазии и предпочитали сохранить удобную позицию контролирующей стороны, опиравшейся при этом на подавляющее превосходство в реальной вооруженной силе.

Первый номер «Единства» вышел 29 марта, когда уже давно определилось соотношение сил, выявились как сторонники Временного правительства, так и его противники. Тем не менее «Единство» сразу же вступило в число друзей Временного правительства и за короткий срок доказало свою преданность интересам русской буржуазии и столь же определенную враждеб-

ность интересам революционного рабочего класса. В передовой статье первого номера газета указывала на недостаточное развитие капитализма в России, что якобы делает невозможным установление диктатуры пролетариата и крестьянства как пролога к социалистической революции. Это привело бы, по мнению «Единства», лишь к анархии. Отсюда следовал вывод: решительная поддержка правительства, передача ему всей полноты власти. «Совет рабочих депутатов, — говорилось в данной статье, — должен искренне и всемерно поддерживать Временное правительство, пока оно честно делает необходимое реформаторское дело и пока оно твердо держит в своих руках знамя Учредительного собрания». Передовая статья «Единства» от 6 апреля 1917 г. анализировала соотношение сил после Февральской революции. Это соотношение, по мнению газеты, быстро менялось в ходе событий в пользу Совета рабочих депутатов. Газета предупреждала против двоевластия. Если «День» признавал правильность передачи власти в руки буржуазии со стороны Совета, виляя и извиняясь, то «Единство» писало об этом положительно и определенно, со всей «марксистской» терминологией, которую так странно было видеть в «Единстве» примененной к понятиям, с прямо противоположных позиций, толкуемых в «Правде». «И историческая заслуга пролетариата, — докторально вещала газета, — в том, что он, став в этот момент решающей силой, не вырвал власти у буржуазии, но обещал свою поддержку, поставив определенные условия».⁴ Исходной позицией для безоговорочной поддержки группой «Единство» буржуазного Временного правительства был тезис Г. В. Плеханова о том, что в России даже капитализм недостаточно развит, тем более рано говорить о возможности социалистической революции.

«О социалистическом перевороте, — писал Плеханов в одной из своих статей в «Единстве» 12 апреля 1917 г., — не могут говорить у нас люди, хоть немного усвоившие учение Маркса. Мы еще не достигли ступени, когда „капитализм мешает развитию производительных сил“». Таким образом, в лице Плеханова и его группы Временное правительство получило наиболее стойких сторонников во всем правосоциалистическом лагере.

Примерно такую же позицию занимали и самые правые народнические группы. Среди опубликованных газетой «Дело народа» (тогда у народных социалистов еще не было собственной газеты) резолюций Московской конференции народно-социалистической партии, проходившей 23—25 марта 1917 г., была и резолюция о Временном правительстве. Там говорилось о необходимости «энергично поддерживать Временное правительство в его программе». Народные социалисты решительно возражали против двоевластия. Они заявляли, что «пагубны для успеха революции и для защиты страны попытки каких бы то ни было организаций

⁴ Единство, 1917, 6 апр.

присваивать себе функции правительственной власти».⁵ О поддержке Временного правительства заявили и делегаты Всероссийского трудового съезда 8 апреля 1917 г. Что касается правых эсеров, то оформление их программы произошло несколько позднее, чем рассматриваемые нами здесь события. Письмо 36 правых эсеров было помещено в «Деле народа» только 22 апреля 1917 г., когда весь Петроград переживал события апрельского кризиса, первого кризиса Временного правительства. В письме был специальный пункт об отношении к буржуазному Временному правительству. Правые эсеры рассматривали его как «орган революции», представителя всей нации в целом. Они, как и некоторые другие правосоциалистические группы, считали необходимым вхождение во Временное правительство представителей социалистических партий. Это положительное отношение к Временному правительству было связано с общим курсом правых эсеров по отношению к войне (до заключения общего, а не сепаратного мира), по отношению к другим партиям (тесное сближение с народными социалистами и трудовиками). Таким образом, эта программа правых эсеров ретроспективно показывает их политическую позицию и в марте—апреле 1917 г., однако нужно иметь в виду, что в связи с поздним организационным оформлением своего движения, эта группа практического влияния на ход событий до апрельского кризиса оказывать еще не могла.

Если теперь окинуть общим взглядом все группы, занимавшие промежуточное положение между кадетской партией и мелкобуржуазными партиями меньшевиков и эсеров, то можно заметить, что их объединяло желание добиться полновластия Временного правительства и уменьшить или уничтожить вовсе влияние Петроградского Совета на внутреннюю и внешнюю политику страны. Оттенки этой единой позиции были незначительными. «Левее» всех, пожалуй, была группировка «Дня», самой правой — группа «Единство». Правых меньшевиков, правых народников и эсеров объединяло также отношение к войне. Они были уже не просто оборонцами, но фактически уже «социал-империалистами», выступая за достижение военного разгрома Германии в тесном союзе со странами Антанты.

Перейдем теперь к изучению отношения к Временному правительству со стороны главных партий мелкой буржуазии, меньшевиков и эсеров, руководивших в те дни деятельностью Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов и большинства Советов страны. Их позиция была связана с общей позицией самого Петроградского Совета. Разумеется, политическое мнение большинства депутатов Совета формировалось теми же господствующими партиями. Но сам Совет был нечто большее, чем просто арифметическая сумма входивших в него представителей партий и беспартийных депутатов. Действия Совета в ходе револю-

⁵ Дело народа, 1917, 18 марта.

ционных событий, где он выступал как целое, как орган революционных классов, подняли авторитет Совета на очень большую высоту. Его слово определяло поведение и политические позиции большинства рабочих и солдат Петрограда и всей страны в течение ряда революционных месяцев. Поэтому позиция руководящих деятелей Совета, безусловно, в свою очередь, оказывала воздействие на политические позиции самих этих партий, в определенном отношении связывала их. Наконец, то одобрение, которое высказывали Петроградскому Совету рабочие и солдаты Петрограда, придавало определенный вес и его тогдашним руководителям. За ними была сила, и она наполняла значение их слов. Другое дело, что меньшевики и эсеры не воспользовались силой, предоставленной капризом истории в их распоряжение, в интересах рабочего класса и крестьянства России. Наоборот, они старались сдерживать проявления этой силы, хотели разоружить морально пролетариат и солдатские массы, подвести их к «почетному миру» с российской буржуазией. Это обстоятельство, объективно показывающее предательство меньшевиками и эсерами интересов рабочего класса и крестьянства России, разумеется, не умаляет значение того факта, что с Февральского восстания и до событий апрельского кризиса вооруженная сила была в распоряжении Петроградского Совета.

Эта сила, кажущаяся легкость в ее использовании льстила сознанию меньшевиков и эсеров. Она давала им оружие в торге с буржуазным Временным правительством. Для отношения к нему меньшевиков и эсеров были обязательными несколько пунктов решений Петроградского Совета. Во-первых, это постановление Исполкома и общего собрания Совета от 2 марта, которое гласило: «Исполнительный комитет предлагает Совету рабочих депутатов, приняв к сведению предполагаемый манифест вновь образуемого правительства, обратиться к населению с призывом к организации сил, к отказу от бесчинств и к поддержке Временного правительства «постольку, поскольку оно идет по линии осуществления намеченных задач».⁶ Второе решение было принято 10 марта и касалось контактной комиссии, создаваемой для предварительного согласования вопросов с Временным правительством. Таким образом, априори позиция как меньшевиков, так и эсеров включала в себя признание закономерности самой инициативы в создании правительства за российской буржуазией и следовательно правильности уступки власти Петроградским Советом, а также подчеркивание условного характера этой поддержки, оказываемой буржуазному Временному правительству, установление фактического контроля за деятельностью Временного правительства со стороны Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов.

⁶ Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, 1917, 3 марта.

Но эти «обязательные элементы» не исключали различия в оттенках отношения к правительству как между партиями меньшевиков и эсеров, так и среди отдельных течений внутри этих партий.

В частности, для эсеров отношение к Временному правительству усложнялось тем, что А. Ф. Керенский, объявивший о своей принадлежности к партии социалистов-революционеров, единственный из представителей руководства Петроградского Совета, вступил в состав буржуазного Временного правительства. Как бы ни относились поэтому эсеры к правительству, и в частности к идее «коалиционного министерства», инициативу Керенского они вынуждены были одобрять. Еще 2 марта эсеры, работавшие в Петрограде, как находившиеся на легальном положении, так и только что выпущенные из тюрем, собрались на свою первую городскую конференцию. В резолюции конференции указывалось: так как опасность контрреволюции еще не устранена и необходимо закрепление завоеваний революции, партия считает необходимым «поддерживать Временное правительство, поскольку оно будет выполнять» намеченную программу. Эсеры оговаривали за собой право изменить политику по отношению к правительству в случае изменения его курса. Вместе с тем в настоящий момент они выступали против любых попыток, подрывающих органическую работу Временного правительства. Во втором пункте резолюции признавалась необходимость «контроля трудящихся масс за Временным правительством». Как своеобразная форма этого контроля трактовалось и вступление Керенского в правительство. Эта же резолюция с некоторыми добавлениями (не касавшимися пунктов о Временном правительстве) была принята 4 марта 1917 г. на первой областной конференции партии эсеров в Петрограде.⁷

Днем раньше конференция эсеров прошла в Москве. В принятой ими резолюции содержалось требование поддержки Временного правительства в борьбе с остатками старого порядка и за укрепление нового демократического строя. Одновременно подчеркивалась необходимость давления на правительство со стороны трудящегося народа. 15 марта вышел первый номер центрального органа эсеровской партии газеты «Дело народа». В передовой статье этого номера специально говорилось и об отношении партии к Временному правительству: «Наша партия поддерживает Временное правительство, ведущее войну и развернувшее программу широких демократических реформ... мы поддерживаем вместе с тем и Совет рабочих и солдатских депутатов, явившийся выборным центром революционных сил народа и армии, сваливших монархию... Обращая внимание русских граждан на то, что Временное правительство является результатом соглашения между Исполнительным комитетом Государственной думы

⁷ Дело народа, 1917, 15 марта.

и Советом рабочих и солдатских депутатов, мы считаем необходимым повсюду организовать местные комитеты из рабочих, солдат и революционной интеллигенции. Они могут и должны явиться орудием постоянного воздействия и давления на правительство и самого деятельного участия в предстоящих выборах в Учредительное собрание».

Партия эсеров всегда отличалась крайней неоднородностью политических воззрений ее членов. Эта дифференциация бурно проявлялась уже в марте 1917 г. В результате в газете «Дело народа» появлялись статьи и сторонников правого крыла, и левого, материалы о разногласиях на партийных собраниях и конференциях. 28 марта газета поместила статью известного социолога Питирима Сорокина «Возможные конфликты и необходимые выводы». Он высказывал там соображения, близкие к журналистам «Дня», к народным социалистам. «Для того, чтобы завоевания революции могли быть закреплены и расширены далее, — писал автор, — необходимо полное согласие между этими силами (армией, рабочим классом и Временным правительством, буржуазией — В. С.), по крайней мере между первыми тремя». Сорокин утверждал, что армия настроена «воинственно». «Рабочие — к станкам!» — требование армии, проявление массовой психологии солдат. Рабочие должны подчиниться, капиталисты «должны поделиться»: первые свои классовые интересы должны подчинить общенациональным, вторые отдать часть своих прибылей государству и трудящимся. Отсюда прямо вытекало требование безоговорочной поддержки Временного правительства.

Но статья Питирима Сорокина не отражала мнение центристского и тем более левого крыла партии. 31 марта «Дело народа» напечатало большую передовую статью под названием «Временное правительство и Совет рабочих депутатов», в которой утверждалось, что позиции узкого легализма ими не принимаются, что эсеры не задаются вопросом, какой орган выше: Совет или Временное правительство, что Временное правительство есть орудие революции, и эсеры поддерживают его не только за страх, но и за совесть, пока оно не отклоняется от своей задачи. Но оно не есть правительство социалистическое, в нем представлена буржуазия. Тем не менее это буржуазное Временное правительство развернуло настолько демократическую программу, что и партия революционного социализма может оказать ему искреннюю поддержку.

В Совете же, писала газета, представлены «лучшие люди, голова и сердце», они концентрируют напор трудовых и социалистических элементов, но «именно поэтому для социалистов не может и существовать вопрос о двоевластии, на каждом шагу возбуждаемого робеющей буржуазией и наивными подголосками ее среди межеумочной „прогрессивной интеллигенции“».

Но Временное правительство утратило бы свой реформаторский пыл, рассуждали теоретики из «Дела народа», если бы не

напор Совета. Тогда оно стало бы испытывать напор реакции. На горизонте возникли бы тогда «июльские дни» Французской революции 1848 г. в российском варианте, т. е. возвращение контрреволюции. «Реформирующая власть Временного правительства и контролирующая деятельность Совета рабочих и солдатских депутатов — так ставится вопрос о взаимодействии этих двух учреждений и об отношении к ним передовых демократов и последовательных социалистов». Эта ребяческая логика вряд ли могла кого-нибудь убедить. Отодвигая в сторону неприятное слово о «двоевластии», эсеры фактически признавали его, так как считали обязательным элементом сложившегося политического статута «контролирующую деятельность» Совета, и понимали, что при отсутствии давления со стороны Совета его место займет реакция. Разумеется, они не собирались отказываться от этой выгодной позиции.

Положения только что цитированной статьи были повторены на второй петроградской конференции эсеровской партии, открывшейся 3 апреля 1917 г. В докладе Н. С. Русанова говорилось и о том, что Временное правительство является орудием революции, и о его реформаторской деятельности, и о контролирующей деятельности Совета рабочих и солдатских депутатов. Особое место в докладе занял вопрос о возможности создания «коалиционного правительства». Докладчик в принципе высказывался против создания такого правительства. «Мы в коалиционное правительство западного толка не пойдем», — говорил он. В случае перехода правительства на сторону реакции докладчик предусматривал возможность создания «власти демократии» из среды Всероссийского Совета рабочих и солдатских депутатов.⁸ Большинство этих положений были приняты конференцией и отражены в ее резолюции об отношении к Временному правительству. В ней подчеркивалось, что буржуазное правительство вынуждено проводить революционную программу. Партия оказывает поддержку правительству в его борьбе за демократизацию внутренней жизни, за ликвидацию войны. Специально оговаривалась недопустимость участия в коалиционном министерстве. Конференция требовала от правительства полного устранения из государственного аппарата и армии «слуг старого режима». Она призывала оказывать постоянное давление на Временное правительство, в интересах дальнейшей демократизации страны, противодействия контрреволюционным попыткам. Массы должны были спланиваться вокруг Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.⁹

Эсеры, следовательно, напористо предъявляли Временному правительству требования о соблюдении обещанной программы

---

⁸ Дело народа, 1917, 6 апр.

⁹ Там же, 7 апр.

революционных преобразований в политическом строе страны. Они одобряли ряд проведенных мер правительства, в частности в аграрном вопросе, оказывали ему на этом пути поддержку. Вместе с тем эта поддержка была обусловлена признанием со стороны правительства своего подчиненного положения, контролирующей деятельности Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Естественно, что в этот период большинство членов правительства должно было рассматривать партию эсеров как своих политических противников, а поддержку, оказываемую ему партией, чисто номинальной.

Меньшевики уже в своем первом воззвании, опубликованном в «Известиях» 1 марта 1917 г., убеждали рабочих войти в соглашение с буржуазией. «В этот момент, — говорилось в обращении ОК РСДРП, — нам нужно дорожить каждым отрядом революции, как бы ни скромна была его роль во всенародном движении. И, помня уроки 1905 г., будем спланировать народные массы во имя всенародной цели: окончательного разгрома старой власти и образования Временного правительства, которое создаст условия для организации свободной России». 6 марта, уже после шести бурных дней революции, после образования Временного правительства меньшевики в Петрограде собрались для объединения своих разрозненных организаций. На этом собрании участвовало около 200 человек, в том числе делегаты из Москвы. Последние привезли с собой и наказ, который сводился к двум пунктам: поддержка Временного правительства, неприемлемость лозунга «Долой войну», Собрание, одобряя тактику поддержки Временного правительства, высказалось в то же время за оказание постоянного давления на него «в пользу мира».¹⁰

7 марта 1917 г. вышел первый номер «Рабочей газеты» центрального органа меньшевистской партии. Большое место в ее материалах занял вопрос об отношении к Временному правительству. В редакционной статье «Временное правительство» отмечалось, что оно должно действовать только до Учредительного собрания, а создано оно революцией «для окончательного укрепления ее приобретений и низвержения старого порядка». Газета, с одной стороны, подчеркивала, что правительство «обладает всею полною властью», а с другой, указывала на источник этой власти, состоявший в том, что оно опиралось «на революционную армию и народ». Главной задачей правительства объявлялась демократизация политического строя страны. «Рабочие и армия, — утверждала газета, — готовы, сохраняя свою самостоятельность, идти вместе и говорят: действуй, ломай и строй». Если Временное правительство выполнит свой долг, то будет неизменно пользоваться доверием народа, заключал меньшевистский орган. В другой статье этого же номера «Рабочая газета» пыта-

¹⁰ Рабочая газета, 1917, 8 марта.

лась оправдать действия руководителей Исполнительного комитета Петроградского Совета, отказавшихся от взятия всей власти в свои руки. Это была бы «призрачная власть, которая привела бы к немедленному возникновению гражданской войны». Оказывать давление на Временное правительство — единственный путь в данной обстановке, «и в то же время единственный путь для того, чтобы двинуть революцию вперед, чтобы подготовить в будущем замену теперешнего правительства более демократическим, более отвечающим интересам народа».

В редакционной статье «1905—1917», напечатанной в номере за 9 марта, «Рабочая газета» отмечала буржуазный характер революции, указывала, что в России теперь впервые вводится «западноевропейский строй». Газета обещала поддержать «ту власть, которая установит и закрепит эти свободы». Статья «Временное правительство и рабочий класс» в «Рабочей газете» от 12 марта пыталась внушить рабочим, что незрелость экономического развития России и недостаточный уровень капиталистических отношений исключают всякую возможность для пролетариата взять государственную власть в свои руки. Да, заявляли меньшевики, рабочие низвергли старый строй, а власть захватила буржуазия. Но «это неизбежно должно было случиться на той ступени политического и экономического развития, на которой стоит Россия». Правительство должно сделать все, что оно обещает, значит надо поддержать его «постольку, поскольку». Нужный путь — организованное давление на него, а не захват власти. С горячей поддержкой Временного правительства выступил И. Г. Церетели, бывший председатель социал-демократической фракции II Государственной думы, 10 лет проведенный в ссылке в Восточной Сибири. 18 марта 1917 г. он приехал в Петроград и сразу занял одно из ведущих мест в руководстве меньшевистской партии и Исполнительном комитете Петроградского Совета. Его речи отличались такой симпатией к Временному правительству, что Церетели стали нахвалять даже самые консервативные из буржуазных газет.

Так, «Биржевые ведомости» (от 22 марта) посвятили его речам редакционную статью, утверждая, что Церетели призвал забыть разногласия и поддерживать во имя победы революции Временное правительство. Церетели квалифицировал действия Временного правительства как «революционные» и заявил, что они должны быть поддержаны «армией, рабочими, всей российской демократией». Отсюда Церетели выдвигал лозунги дисциплины и целесообразной организации демократии. «Он нашел слова, отвечающие моменту», — восторженно комментировала речь Церетели газета. 20 марта с участием Церетели было проведено заседание ОК меньшевиков. Оно еще раз выразило доверие Временному правительству, однако в связи с известным воззванием к народам мира, выпущенным Петроградским Советом 14 марта, постановило оказывать на него постоянное давление

с целью побудить его сделать заявление об отказе от завоевательных стремлений.¹¹

Таким образом, меньшевики в целом относились к Временному правительству более лояльно, без той словесной заносчивости, которая была характерна для эсеров, руководствуясь «марксистским» тезисом о том, что в России существуют предпосылки только для буржуазной революции, а потому, дескать, власть по праву должна принадлежать буржуазии. Однако и меньшевики разделяли требование оказывать давление на Временное правительство для того, чтобы выторговать у него больше реформ для улучшения политического и экономического положения рабочего класса в рамках капиталистического строя.

Своеобразную позицию по отношению к Временному правительству заняли анархисты. В листовке «Объединенной организации петроградских анархистов», обвиняя большевиков за издание манифеста ЦК РСДРП от 28 февраля 1917 г. в попытке «сохранить капиталистический строй в неприкосновенности и не допустить социального переворота», они заявляли: «Ввиду исключительных условий момента, чтобы не вносить деморализации и сохранить единство движения, пойдем совместно с революционным правительством в его борьбе со старой властью, пока наш враг не будет сокрушен».¹²

Совершенно особую позицию по отношению к буржуазному Временному правительству с момента его создания занимала большевистская партия, выражающая интересы рабочего класса России и большинства солдат и крестьян. Она не имела в своей основе ничего общего с политикой уступки власти буржуазии, которую проводили мелкобуржуазные партии меньшевиков и эсеров. Даже внешнее сходство отдельных положений в резолюциях и решениях партии в Петрограде в марте и начале апреля с рядом тезисов Петроградского Совета объяснилось совершенно иными, чем у меньшевиков и эсеров, причинами. Большевики были вооружены ленинской теорией перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, теорией, прошедшей первую проверку в дни революции 1905—1907 гг. По этой теории пролетариат в союзе со всем крестьянством должен был совершить демократическую революцию. Завершающим этапом такой революции было бы создание Временного революционного правительства из представителей революционных партий. После этого начался бы период перерастания демократической революции в социалистическую, которую пролетариат должен был совершить уже в союзе с беднейшим крестьянством. При этом предполагалось использовать и такой фактор, как власть Временного революционного правительства.

¹¹ Рабочая газета, 1917, 25 марта.

¹² Библиотека Львовского государственного университета им. И. Франко. Собрание А. Прусевича. Тип. экз.

С этими исходными теоретическими и тактическими положениями встретили большевики в России Февральскую революцию. Как видим, они коренным образом отличались от ревизионистских взглядов меньшевиков и от путаных воззрений эсеров, не видевших различия между демократическим и социалистическим этапами революции, смазывавших классовые различия между рабочим классом и буржуазной интеллигенцией, затушевывавших расслоение российского крестьянства.

В манифесте РСДРП(б) от 28 февраля 1917 г. главная задача рабочих и солдат формулировалась в строгом соответствии с теоретическими построениями большевистской партии периода первой русской революции: «... создать Временное революционное правительство, которое должно встать во главе нового нарождающегося республиканского строя».¹³ В манифесте далее определялись задачи такого правительства, а рабочие и солдаты призывались выбирать в него депутатов. Вполне возможно, что при этом имелся в виду Совет рабочих депутатов, меры для создания которого были уже приняты во второй половине дня 27 февраля 1917 г.

Войдя в Петроградский Совет и в его Исполнительный комитет, большевики боролись против предложения меньшевиков о признании за Временным комитетом Государственной думы права на создание Временного правительства. Однако сил партии оказалось в тот момент в Совете недостаточно, чтобы воспрепятствовать принятию меньшевистского предложения о переговорах с Думским комитетом и о признании Временного правительства. Для позиции большевиков по вопросу об организации власти в дни 1—2 марта характерна листовка общего собрания большевиков Выборгского района. В ней печаталась резолюция собрания, первым пунктом которой значилось: «Для победоносного довершения великого дела революции необходимо немедленное образование Временного революционного правительства из недр восставших рабочих и войск». Это был старый лозунг. Но, как показывает третий пункт резолюции, большевики сумели сочетать его с реально возникшей обстановкой, главными факторами которой были Петроградский Совет и Временный комитет Государственной думы, действовавший в Таврическом дворце с 27 февраля. «Возникший Совет рабочих и солдатских депутатов, — говорилось там, — непрерывно вовлекая новые кадры восстающих народа и армии, должен объявить себя Временным революционным правительством и неотложно провести следующие мероприятия: поставить Временный комитет, составившийся из 12 членов Государственной Думы, в непосредственное подчинение Временному революционному правительству».¹⁴ По существу это было требо-

¹³ Революционное движение в России после свержения самодержавия. Документы и материалы. М., 1957, с. 3—4.

¹⁴ Там же, с. 6.

вание установления власти Петроградского Совета, хотя оно и было облечено в привычную тогда форму лозунга Временного революционного правительства.

2 марта на общем собрании Совета во время обсуждения вопроса о переговорах с Временным комитетом большевики настаивали на полном разрыве с Думским комитетом и на образовании Петроградским Советом Временного революционного правительства.¹⁵ Однако большинство депутатов одобрило линию меньшевистско-эсеровского большинства Исполкома и условия для дальнейшего продолжения переговоров с Временным исполнительным комитетом Государственной думы. Тогда же была принята и ставшая известной формула о поддержке Временного правительства «постольку, поскольку оно идет по линии осуществления намеченных задач». Перед большевиками в Петрограде встала трудная задача определения своей тактики перед лицом осуществленного уже компромисса между Исполкомом Петроградского Совета, поддержанным беспартийной массой депутатов, и Временным правительством, создание которого стало совершившимся фактом. Таким же фактом стало явное нежелание меньшевиков из Исполнительного комитета вести серьезные переговоры о возможном сформировании Временного революционного правительства.

В условиях слабой еще организационной связи между отдельными партийными организациями, находившимися в периоде быстрого перехода к легальности, только что сформированный Петербургский комитет РСДРП(б) и Русское бюро ЦК решили эту задачу по-разному, ПК из боязни оказаться за бортом сплотившихся в Совете революционных партий, считая себя до известной степени связанным общим решением Петроградского Совета от 2 марта 1917 г., высказался 3 марта за принятие формулы Совета о поддержке Временного правительства «постольку-поскольку». Как можно судить по протоколу заседания Петербургского комитета от 4 марта, при этом имелось в виду обещанное Исполкомом на собрании Петроградского Совета 2 марта создание «наблюдательного комитета для контроля действия Временного правительства». Вполне вероятно, что большевики трактовали это постановление как гарантию верховных прав Совета по отношению к Временному правительству, которое он мог заменить по своему желанию. В резолюции по поводу забастовки, принятой на том же заседании ПК 4 марта, говорилось, в частности: «В случае прекращения забастовки предложить Совету рабочих и солдатских депутатов, не расходясь, бдительно следить за всеми тайными и явными шагами как сверженного самодержавия, так и заменившего его Временного правительства, в целях осведомления масс и быстрого решения вопросов о выступлениях, что может быть осуществлено только при реорганизации исполнительного органа Совета рабочих и солдатских депута-

¹⁵ Известия, 1917, 3 марта.

тов».¹⁶ По нашему мнению, ЦК, даже соглашаясь по форме с решением Совета об условной поддержке Временного правительства, вовсе не считал вопрос о создании правительства решенным окончательно: борьба продолжалась, Совет должен был бдительно следить за буржуазной властью и призвать массы к новым выступлениям. Реорганизацией Исполкома большевики стремились добиться большего представительства своей партии в руководящем органе Совета, чтобы использовать его в борьбе за победу своих лозунгов.

Более широко, с точки зрения долговременных задач партии, подошло к вопросу о Временном правительстве Русское бюро ЦК. В принятой им 4 марта резолюции «Тактические задачи» говорилось: «Теперешнее Временное правительство по существу контрреволюционно, так как состоит из представителей крупной буржуазии и дворянства, а потому с ним не может быть никаких соглашений. Задачей революционной демократии является создание Временного революционного правительства демократического характера (диктатура пролетариата и крестьянства)».¹⁷ Эта резолюция правильно определяла классовое значение создания Временного правительства, как диктатуру буржуазии. Большевики резко отделяли себя от меньшевиков и эсеров, которые путем разных уловок пытались внушить рабочим и солдатам созданное из представителей крупной буржуазии Временное правительство... «революционно!» Нет, оно контрреволюционно, четко определяло Русское бюро ЦК.

Резолюция, однако, не давала столь же четкого ответа на другой вопрос: а как же быть с позицией Петроградского Совета, как оценивать совершившееся уже соглашение Совета с правительством? Поэтому Петербургский комитет, обсудив 5 марта 1917 г. доклад представителя Русского ЦК, нашел, что его старая резолюция дополняет решение бюро ЦК, и оставил ее в силе в следующей редакции: «Петербургский комитет РСДРП, считаясь с резолюцией о Временном правительстве, принятой Советом рабочих и солдатских депутатов, заявляет, что не противодействует власти Временного правительства постольку, поскольку действия его соответствуют интересам пролетариата и широких демократических масс народа, и объявляет о своем решении вести самую беспощадную борьбу против всяких попыток Временного правительства восстановить в какой бы то ни было форме монархический образ правления».¹⁸

Сходство этой резолюции с резолюцией Совета от 2 марта было чисто внешним, так сказать, грамматическим, общими были только слова «постольку-поскольку». Содержание же резолюции

¹⁶ Революционное движение в России после свержения самодержавия, с. 24.

¹⁷ Там же, с. 19.

¹⁸ Там же, с. 24.

отличалось от тона резолюции Петроградского Совета. Там говорилось о «поддержке» Временного правительства, здесь — о «непротиводействии». В решении Совета упоминалась только декларация Временного правительства и содержащиеся в ней программные обязательства, в резолюции ПК — «интересы пролетариата и широких демократических масс народа». Ничего не говорилось в резолюции Совета и о беспощадной борьбе с контрреволюционными попытками Временного правительства. Следовательно, резолюция Петербургского комитета от 5 марта отвечала ближайшей задаче представителей большевистской партии в Петроградском Совете. В этом смысле она не противоречила, как нам кажется, резолюции бюро ЦК.

Основание для такого вывода дает протокол заседания Русского бюро ЦК от 8 марта, где специально обсуждался вопрос о Петроградском Совете. Вот что там говорится: «По вопросу об отношении к Совету р. и с. д. указывалось, какую силу представляет в настоящее время Совет, и на необходимость поддерживать его, как орган, могущий и долженствующий создать Временное революционное правительство. Но далее было сообщено, что Исполнительный комитет является значительно более оппортунистическим, чем самый Совет, что поэтому желательно его переизбрание и расширение. Члены Исполнительного комитета и Совета рассказывали, что делалось в этом направлении, и так как вопрос этот не решен окончательно Исполнительным комитетом и Советом, то предложено употребить все усилия товарищам с.-д. большевикам для оказания необходимого давления на Совет в этом направлении».¹⁹ Хотелось бы подчеркнуть, что большевики четко понимали, что «Временное революционное правительство» может быть создано только Петроградским Советом, и собирались вести борьбу для завоевания Совета и его руководящего органа на свою сторону. Соответственно этому лозунг «Временного революционного правительства» после 2 марта не мог рассматриваться как лозунг ближайшего шага, непосредственной задачи большевиков и революционного пролетариата. Он был теперь целью, тактической перспективой, для достижения которой предстояла еще длительная борьба.

Важный документ большевистской партии по вопросу о власти был принят в связи с обсуждением на общем собрании Петроградского Совета 10 марта 1917 г. вопроса об учреждении контактной комиссии Исполкома для сношения с Временным правительством. Этот документ представляет собой как бы синтез прежних резолюций ПК и Русского бюро ЦК, причем линия Русского бюро является преобладающей. Документ был оглашен как проект резолюции Петроградского Совета, предложенный большевистской фракцией. Резолюцию вносил Демьянов (К. И. Шутко), член Петербургского комитета РСДРП(б). В преамбуле резолюции дава-

¹⁹ Там же, с. 45.

лась характеристика классовой сущности Временного правительства, как «представительства крупной буржуазии и крупного землевладения», стремящегося «к замене одной правящей клики другой кликой», а поэтому неспособного «осуществить основные требования революционного народа». Большевики предлагали Совету заявить, что «главнейшей задачей является борьба за создание Временного революционного правительства, которое только и сможет осуществить эти основные требования». Совет должен был «оставить за собой полную свободу в выборе средств осуществления основных требований революционного народа и, в частности, в выборе способов воздействия на Временное правительство». Установление же контроля Совета в виде особой контрольной комиссии «является паллиативной мерой и не достигает поставленной цели контроля над осуществлением основных требований революционной демократии».²⁰ Итак, с одной стороны, здесь Временное правительство характеризовалось в духе резолюции Русского бюро ЦК от 4 марта, хотя и в несколько смягченной форме, а с другой — правомерность постановки вопроса о «способах воздействия на Временное правительство» не подвергалась сомнению, отрицалась лишь такая форма, как контактная комиссия. Это положение восходило к точке зрения ПК.

Однако многие члены ПК не соглашались в это время с однозначной оценкой (содержавшейся в документах Русского бюро ЦК) Временного правительства как контрреволюционного. В связи с этим на заседании ПК 13 марта 1917 г. большинство собравшихся высказалось за то, что формулировка в резолюции ПК от 3 марта, подтвержденная 5 марта, является правильной (о непротиводействии Временному правительству). Это было разъяснено специальной фразой: «Постольку, поскольку Временное правительство борется против старого режима, оно не контрреволюционно».²¹

И на заседании ПК, и на заседании бюро ЦК РСДРП(б), состоявшемся в тот же день перед заседанием Петербургского комитета, была оглашена телеграмма от В. И. Ленина, в которой, в частности, говорилось: «...полное недоверие, никакой поддержки новому правительству; Керенского особенно подозре-

---

²⁰ См. там же, с. 60. — Составители сборника «Революционное движение в России после свержения самодержавия» приводят этот документ по Центральному партийному архиву (ф. 82, оп. 1, д. 26, л. 1—2, подлинник), снабдив его заголовком «Проект резолюции Бюро ЦК РСДРП(б) об отношении Петроградского Совета к Временному правительству». Это не совсем точно, это не проект резолюции Русского бюро ЦК, а проект резолюции Петроградского Совета, внесенный большевистской фракцией. Текст этого проекта записан (с небольшими редакционными изменениями) в стенограмме общего собрания Петроградского Совета от 10 марта 1917 г. (см.: ЦГАОР Ленинграда, ф. 1000, оп. 73, д. 11, л. 18—29, правленая стенограмма).

²¹ Революционное движение в России после свержения самодержавия, с. 67.

ваем...».²² Эта телеграмма говорила в пользу позиции Русского бюро ЦК. Но, надо сказать, что в связи с получением этой телеграммы немедленных корректив в тактику и в отношении к Временному правительству внесено еще не было. Очевидно, было решено несколько подождать до получения новых, более подробных материалов от В. И. Ленина.

За возникшее вновь разногласие между ПК и Бюро ЦК уцепился Л. Б. Каменев, пытавшийся после возвращения из ссылки взять на себя роль главного теоретика в партии. На заседании ПК 18 марта Каменев выступил с докладом о текущем моменте, в котором полемизировал с оценкой Временного правительства как контрреволюционного. Или «надо свергнуть его и основать новое — революционное», «или же надо занять к этому правительству иное положение», — говорил Каменев. Он осудил как «нейтралистскую» и формулировку Петербургского комитета «не противодействует», предлагая прямо заявить об условной поддержке Временного правительства. Позиция его смыкалась с меньшевистской, а предложения выглядели следующим образом: «1) не объявляем войну Временному правительству открыто, 2) предоставляем ему исчерпать себя в процессе революции, 3) организуя в то же время силы, которые дадут нам поддержку в борьбе с Временным правительством — (разумеется общий Всероссийский Совет рабочих и солдатских депутатов). Требование к Временному правительству: не хотим войны — немедленное прекращение ее, приступить к переговорам с германским правительством о мире».²³ Видимо, выступление Каменева смутило многих, но какого-либо отпора он в этот момент еще не встретил, так как в заключительном слове «констатировал приятное нерасхождение в общем и целом с Петербургским комитетом».²⁴

Каменевская позиция встретила решительное осуждение со стороны Бюро ЦК РСДРП(б). 22 марта оно приняло две резолюции для намечавшегося Всероссийского совещания Советов. Первая из них специально посвящалась Временному правительству. Хотя термин «контрреволюционное» там не упоминался, в целом характеристика правительства оставалась прежней: «Временное правительство, выдвинутое умеренными буржуазными классами общества и связанное по своим интересам с англо-французским капиталом, неспособно разрешить задачи, выдвинутые революцией».²⁵ Решительно отмежевываясь от политики условной поддержки Временного правительства, от позиции «непротиводействия», Русское бюро ЦК выдвигало в качестве главной задачи укрепление Советов рабочих и солдатских депутатов, рассматривая их в качестве органов давления на Временное пра-

²² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 7.

²³ Революционное движение в России после свержения самодержавия, с. 87.

²⁴ Там же, с. 88.

²⁵ Там же, с. 106.

вительство. Необходимость давления на Временное правительство повторялась и в резолюции «О войне и мире».²⁶

Резолюции ЦК РСДРП(б) от 22 марта 1917 г. знаменовали собой высший этап в выработке партийной линии по отношению к Временному правительству до приезда В. И. Ленина. Они частично уже отразили влияние отдельных произведений Ленина, доставленных к этому периоду в Россию. В частности, влияние телеграммы В. И. Ленина от 6 марта 1917 г. Не было больше никакой речи об «условной поддержке» или «непротиводействии» Временному правительству. Недоверием правительству проникнута вся резолюция Бюро ЦК от 22 марта. Уточнилось понимание роли Советов рабочих и солдатских депутатов. Под прямым влиянием ленинских предложений в конце резолюции Бюро ЦК от 22 марта «о Временном правительстве» появился лозунг всеобщего вооружения народа и, в частности, создания Советами Красной гвардии по всей стране, как единственной гарантии победы над контрреволюцией и дальнейшего развития и углубления революции. Он как бы новторял слова из ленинской телеграммы: «вооружение пролетариата — единственная гарантия».²⁷

На Всероссийском совещании партийных работников, проходившем в Петрограде 27 марта—2 апреля 1917 г. И. В. Сталин сделал доклад об отношении к Временному правительству, после чего была зачитана резолюция Бюро ЦК от 22 марта. Большинство депутатов высказалось за эту резолюцию и отклонило проекты Красноярской и Московской организаций, в которых говорилось об условной поддержке Временного правительства.²⁸ В отредактированном виде резолюция подчеркивала необходимость сплочения вокруг Советов и призывала революционную демократию осуществлять «бдительный контроль над действиями Временного правительства в центре и на местах, побуждая его к самой решительной борьбе за полную ликвидацию старого режима».²⁹ Эта резолюция, принятая 31 марта, должна была на другой день быть предложена от имени большевиков делегатам Всероссийского совещания Советов. Но Каменев, выступивший как руководитель фракции, при голосовании снял большевистский проект и присоединился к резолюции президиума совещания, которая, хотя и учитывала некоторые положения большевистского проекта, в целом исходила из эсеро-меньшевистской концепции условной поддержки Временного правительства.³⁰

Таким образом, характеризуя позицию большевиков по отношению к Временному правительству, высказанную в документах партийных организаций в Петрограде до приезда В. И. Ленина,

²⁶ Там же, с. 107, пункт 3 резолюции.

²⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 7.

²⁸ Революционное движение в России после свержения самодержавия, с. 131—141.

²⁹ Там же, с. 147—148.

³⁰ См. там же, с. 375—376.

необходимо сказать, что под руководством Русского бюро ЦК была выработана линия, дававшая правильную оценку Временному правительству как органу буржуазии и помещиков, пытавшемуся осуществлять свою диктатуру. Подчеркивалась исключительная роль Советов как органов революции и сплочения масс. Была преодолена старая схема о создании Временного революционного правительства» как задаче пролетариата. Вместе с тем, сняв этот лозунг во второй половине марта, Бюро ЦК еще не смогло выдвинуть однопорядковый лозунг власти Советов, хотя руководящие деятели партии и понимали, что Временное революционное правительство, в частности, могло быть создано только Советами. Допускались известные колебания в сторону непротодействия Временному правительству, особенно в позиции Петербургского комитета РСДРП(б). Эта линия в деятельности Каменева перерастала в полуменьшевицкую политику «условной поддержки» Временного правительства. Колебания в сторону условной поддержки Временного правительства и признания его действий в ряде случаев «объективно революционными» проявлялись и в позициях местных партийных комитетов (особенно Московского, Киевского, Красноярского, Тифлисского и ряда других).³¹ Настоятельной необходимостью для партии был приезд В. И. Ленина.

После первых же известий о революции в России и об образовании Временного правительства В. И. Ленин занял по отношению к нему твердую и ясную классовую позицию. Она была сформулирована кратко в той телеграмме большевикам в России, которую мы цитировали выше.

В «Письмах из далека» В. И. Ленин выступил с критикой тех меньшевицских взглядов, которые оправдывали поддержку Временного правительства. «Кто говорит, что рабочие должны *поддерживать* новое правительство в интересах борьбы с реакцией царизма (а это говорят, по-видимому, Потресовы, Гвоздевы, Чхенкели, а также несмотря на всю *уклончивость*, и Чхеидзе), — писал В. И. Ленин, — тот изменник рабочих, изменник делу пролетариата, делу мира и свободы. Ибо на деле *именно* это новое правительство *уже* связано по рукам и ногам империалистическим капиталом, империалистической *военной*, грабительской политикой, *уже* начало сделки (не спросясь народа!) с династией, *уже* работает над *реставрацией* царской монархии, уже приглашает кандидата в новые царьки, Михаила Романова, уже заботится об укреплении его трона, о замене монархии легитимной (законной, держащейся по старому закону) монархией бонапартистской, плебисцитарной (держащейся подтасованным народным голосованием)».³²

³¹ См., например, постановления этих комитетов, приведенные в первом разделе сборника документов и материалов «Революционное движение в России после свержения самодержавия».

³² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 19—20.

В. И. Ленин выдвинул задачу перехода революции ко второму этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейшего крестьянства. Для подготовки к нему Ленин призывал рабочих проявить чудеса организации, вооружаться, чтобы не дать восстановить монархии, не дать восстановить полиции и армии, направленных против народа. Конкретные пути перехода революции ко второму этапу еще трудно было наметить с необходимой точностью, так как информация, поступавшая за границу о событиях в России, не была подробной. Но и тогда В. И. Ленин говорил о двух возможных путях: о «свержении гучковско-милюковского империализма», т. е. вооруженном восстании против Временного правительства, или о «Конвенте», т. е. о превращении Учредительного собрания, если таковое будет создано, в орган, отвечающий интересам большинства избирателей, т. е. рабочих и беднейшего крестьянства. Тогда переход революции ко второму этапу мог бы осуществиться мирным путем. Основываясь на изучении трудов Маркса и Энгельса о государстве, предпринятом им в январе—феврале 1917 г. в Цюрихе, В. И. Ленин еще до победы Февральского восстания в России указал на Советы рабочих и солдатских депутатов как на государственную форму победившей пролетарской революции. Именно по типу Советов должно было быть создано в России новое правительство после перехода революции ко второму этапу.³³

Во втором «Письме из далека», написанном 9 марта 1917 г., В. И. Ленин подверг критическому разбору резолюции Петроградского Совета от 2 марта об отношении к Временному правительству. Он требовал ясного указания на классовый состав империалистического Временного правительства, квалифицировал заявление о поддержке правительства как «колебание в сторону буржуазии». В то же время он приветствовал идею создания «Комитета надзора» за Временным правительством. Но этот надзор Ленин понимал не в виде создания учреждения парламентского типа или какой-либо комиссии (именно в «контактную комиссию» вылилась эта идея практически), а в виде образования всенародной рабочей милиции, рабочего ополчения.³⁴

В автореферате «О задачах РСДРП в русской революции», написанном в середине марта, В. И. Ленин вновь возвращается к вопросу о поддержке Временного правительства. «Всего глупее поэтому, — пишет он, — тактика „поддержки“ нового правительства в интересах будто бы „борьбы с реакцией“. Для такой борьбы нужно *вооружение пролетариата* — единственная серьезная, реальная гарантия и против царизма и против стремления Гучковых и Милюковых восстановить монархию».³⁵

³³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 37, 45 («Письма из далека»), с. 55 (пятое «Письмо из далека»), с. 75 (О задачах РСДРП в русской революции).

³⁴ Там же, с. 30—32.

³⁵ Там же, с. 73.

После возвращения в Россию и ознакомления в полном объеме со всеми деталями недавней истории Февральского восстания, передачи власти Петроградским Советом Временному правительству, В. И. Ленин дополнил свою характеристику отношения партии к буржуазному правительству, начал энергичную борьбу за усвоение всеми партийными работниками новых тактических задач большевистской партии. В третьем пункте «Апрельских тезисов» сказано: «Никакой поддержки Временному правительству, разъяснение полной лживости всех его обещаний, особенно относительно отказа от аннексий. Разоблачение, вместо недопустимого, сеющего иллюзии, „требования“, чтобы *это* правительство, правительство капиталистов, *перестало* быть империалистским».³⁶ В брошюре «Задачи пролетариата в нашей революции» В. И. Ленин еще раз подробно пишет об этом: «Поэтому не только не заслуживает новое правительство ни малейшего доверия в области внешней политики, но и предъявлять ему дальше требования о том, чтобы оно возвестило волю народов России к миру, о том, чтобы оно отказалось от аннексий и т. д. и т. д., является на деле лишь обманом народа, внушением ему неосуществимых надежд, оттяжкой прояснения его сознания, косвенным примирением его с продолжением войны...»³⁷ В популярной работе «Политические партии в России и задачи пролетариата» В. И. Ленин на вопрос: «Надо ли поддерживать Временное правительство?» с предельной простотой разъясняет: «Не надо; пусть его капиталисты поддерживают. Нам надо *готовить* весь народ к всевластию и единовластию Советов рабочих, солдатских и др. депутатов».³⁸

В течение апреля 1917 г. вся большевистская партия сплотилась на ленинской программе. Существенным пунктом ее являлось требование полного недоверия Временному правительству и разоблачение всей его внутренней и внешней политики.

Итак, наиболее последовательными защитниками Временного правительства были буржуазные партии с партией кадетов во главе. К ним полностью примыкали правые «социалистические» партии и группировки. Меньшевики и эсеры заявляли об условной поддержке Временного правительства. В этом смысле они были «придатком буржуазного правительства», по выражению В. И. Ленина. Опираясь на силу и влияние Советов рабочих и солдатских депутатов, выставляя требование контроля над Временным правительством и давления на него, меньшевики и эсеры в то же время являлись и оппозиционными правительству партиями, «оппозицией „его величества“ Львова».³⁹ Только большевистская партия с самого начала возникновения Временного правительства держалась вне рамок «парламентской оппозиции».

³⁶ Там же, с. 114.

³⁷ Там же, с. 153—154.

³⁸ Там же, с. 196.

³⁹ Там же, с. 137.

Входя в то же время в Совет рабочих депутатов, большевики стремились к изменению его политики по отношению к Временному правительству. В течение марта были преодолены ошибочные тенденции условной поддержки Временного правительства и давления на него, проявлявшиеся в политической позиции ряда организаций. С приездом В. И. Ленина вся партия сплотилась на платформе полного отказа Временному правительству в какой-либо форме доверия.

НА ПУТИ ЛИКВИДАЦИИ СТАРОГО РЕЖИМА

Единственно верной методологической основой изучения внутренней политики Временного правительства, как и любого правительства, является марксистско-ленинское учение о государстве. При каждой великой революции приход к власти нового класса всегда сопровождается известной ломкой государственного аппарата, особенно если в руках победителей — народных масс — значительное количество оружия.¹ Тем более это относилось и к Февральской революции, революции периода империализма, происшедшей в момент, когда в России существовало уже сильное организованное рабочее движение, обогащенное опытом первой русской революции и возглавляемое партией нового типа, партией большевиков.

Поясняя и развивая рассмотренные Ф. Энгельсом признаки государства, В. И. Ленин подчеркивает, что «постоянное войско и полиция суть главные орудия силы государственной власти».² С момента своего возникновения государство не может жить, не может существовать без этой силы, без этих орудий, и их образование становится главной заботой каждого класса, пришедшего к власти в результате насильственной революции. «Складывается государство, — писал В. И. Ленин в своей книге «Государство и революция», — создается особая сила, особые отряды вооруженных людей, и каждая революция, разрушая государственный аппарат, показывает нам обнаженную классовую борьбу, показывает нам воочию, как господствующий класс стремится возобновить служащие *ему* особые отряды вооруженных людей, как угнетенный класс стремится создать новую организацию этого рода, способную служить не эксплуататорам, а эксплуатируемым».³

Ленин акцентирует внимание на рассуждении Энгельса о том, что «тот самый вопрос, который практически, наглядно и притом в масштабе массового действия ставит перед нами каждая великая революция, именно вопрос о взаимоотношениях „особых“

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 9—10.

² Там же.

³ Там же.

отрядов вооруженных людей и „самодействующей вооруженной организации населения“».⁴

В дни Февральской революции «самодействующая вооруженная организация населения» занимала господствующее положение. Значит, решающим в вопросе о судьбе старого государственного аппарата царизма в марте—апреле 1917 г. является не количество упраздненных или сохраненных канцелярий и департаментов, а состояние «главных орудий силы государственной власти», т. е. постоянной армии и полиции. Важно изучить и вопрос о том, кто осуществлял контроль над тюрьмами, арестными домами и прочими «вещественными придатками» публичной власти. Лишь на третьем месте по своему значению идет чиновничество, собственно аппарат государственного управления в виде министерств, органов власти на местах, органов управления народным хозяйством и местными делами. Эту соподчиненность мы можем заметить и в тех словах Ленина, которыми он характеризовал задачи пролетариата в области государственного устройства. Например, в «Апрельских тезисах» мы читаем: «Устранение полиции, армии, чиновничества...»⁵

Выделяя в качестве первой задачи изучение ликвидации старого строя (в полном соответствии с ленинскими идеями о судьбе государства во время революции), рассмотрим состояние армии, полиции и аппарата управления, т. е. главных составных частей старого угнетательского аппарата царизма. При этом мы должны помнить, что свержение царизма произошло в результате одной из «великих революций», побочным результатом которой и было образование Временного правительства. Следовательно, необходимо различать действие самой этой революции на старый аппарат царизма и целенаправленное функционирование Временного правительства. Однако на определенном этапе обе эти силы действовали в одном русле, что и вызвало быструю ликвидацию и развал старого строя, его «особых отрядов вооруженных людей» и вещественных придатков публичной власти. Уничтожение важнейших элементов старого царского угнетательского аппарата в ходе народной революции само являлось важнейшим фактором, определявшим внутреннюю политику Временного правительства, поскольку лишало власть всякой возможности преемственно использовать в своей борьбе против революции за «восстановление порядка» готовые элементы старой угнетательской машины. А наличие «самодействующей» «вооруженной организации населения» (большая часть революционной армии, народная и рабочая милиция, Красная гвардия, партийные вооруженные дружины) — делало невозможным немедленное создание новых отрядов вооруженных людей, которые буржуазная власть могла бы использовать в своих интересах. Формальным выражением этого

⁴ Там же, с. 10—11.

⁵ Там же, т. 31, с. 108.

соотношения сил было двоевластие, т. е. наличие реальной власти в руках Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, а не в руках Временного правительства. Обширная и глубокая ликвидация старого угнетательского аппарата царизма, осуществленная в ходе марта и апреля 1917 г., явилась важным фактором дальнейшего развития революции. Она не дала возможности и коалиционному Временному правительству Керенского создать достаточно мощные карательные контрреволюционные силы и органы, способные противостоять росту массового движения, осуществлявшегося под руководством большевистской партии, обусловила слабость Временного правительства в решающем месте и в решающий час, а следовательно облегчила победу Великой Октябрьской социалистической революции. Поэтому нельзя проходить мимо очевидных фактов слома старой угнетательской машины царизма, который временами создавал у современников иллюзию, что «государственная власть» исчезла вообще, настолько резким был контраст между всепроникающим и мощным военно-полицейским аппаратом царского режима и фактическим безвластием Временного правительства в первые месяцы революции.

Объективно способствуя дальнейшему развалу старого угнетательского аппарата, Временное правительство всячески стремилось хоть что-нибудь спасти из старой системы управления. Это особенно удалось ему в области сохранения старых кадров чиновничества, в том числе и самого высшего. В этом видна контрреволюционность Временного правительства первого состава. В то же время решающее значение имело не сохранение кадров старого чиновничества, а состояние вооруженных сил, тех самых отрядов вооруженных людей, которых не было у правительства первого состава.

Солдаты и большинство офицеров фронта перешли на сторону революции и заявили о своей преданности Временному правительству и Петроградскому Совету.⁶ Никто не посмел выступить на защиту отрекшегося императора. Известен только один случай подобного рода. Хан Нахичеванский предлагал царю вооруженную помощь, но она была отклонена Николаем.

Первым актом была здесь, как уже говорилось выше, позиция старших воинских начальников: начальника штаба Верховного главнокомандующего генерала М. В. Алексеева, главнокомандующих фронтами и флотами. Они присоединились к просьбе Родзянко об отречении Николая II, а затем одобрили создание Временного правительства. Но в те же дни на фронт хлынули известия о народном восстании в Петрограде, об аресте военных властей в столице, о преследованиях офицеров и об издании приказа № 1 Петроградским Советом. В течение марта 1917 г. под

⁶ См. подробнее: Старцев В. И. Революция и власть. М., 1978. Гл. II. Борьба за петроградский гарнизон и армию, с. 47—102.

влиянием революционной деятельности Петроградского Совета и ряда приказов Военного министерства, выпущенных под давлением Совета, начинается необратимый процесс демократизации армии и полного развала ее старой палочной дисциплины. На фронте устанавливается фактическое перемирие. Армия перестает выполнять свою задачу даже в области защиты буржуазного государства от внешнего врага. Абсолютно невозможно было в это время использовать ее и в борьбе против потенциальных противников Временного правительства внутри страны. Армия превращается в часть революционного народа, составляет одну из ветвей «самодействующей вооруженной организации населения».

Единоначалие командного состава было уничтожено, в армии также установилось двоевластие, органами которого стали солдатские комитеты.⁷ По своему составу и политической платформе солдатские комитеты в марте и апреле были еще общедемократическими органами, как правило, они не боролись еще против войны как таковой, а выступали только против наступления, одобряя «защиту свободы», «оборону». В этом состояла возможность для Временного правительства в будущем использовать армию в своих внутриполитических и внешнеполитических целях, сначала методом убеждения, а потом постепенно и методом принуждения. Однако для этого в формулировании политики самого Временного правительства должны были произойти перемены. Миллюков и Гучков не желали расставаться со своей открыто империалистической программой, а эта программа вызвала противодействие со стороны Петроградского Совета. К началу апреля стало ясно, что армия в своем подавляющем большинстве стоит на платформе Петроградского Совета, а не Миллюкова и Гучкова. Все это делало невозможным для Временного правительства первого состава всякое использование армии в контрреволюционных целях. Таким образом, ломка старой государственной машины царизма в отношении армии произошла успешно. Она зашла значительно дальше, чем того требовали интересы российской крупной буржуазии.

В своих планах военного переворота Гучков и его сторонники собирались использовать лишь крайне ограниченное количество воинских частей, использовать их организованно, по приказу командиров и ни в коем случае не допускать обращения непосредственно к военным низам, к солдатам. Армия должна была сохраниться в неприкосновенности, продолжать свое главное дело — добиваться военного разгрома Германии и ее союзников, а в случае необходимости помочь буржуазии в борьбе с «крайними элементами рабочей партии». Заговорщики опоздали: народ, восстав в февральские дни, сорвал эти замыслы. Провали-

⁷ Подробнее см.: Миллер В. И. Солдатские комитеты русской армии в 1917 г. (Возникновение и начальный период деятельности). М., 1974.

лись и расчеты крупных буржуа на многомиллионную русскую армию. Вся она была охвачена теперь демократическим движением, и сам Гучков вынужден был поневоле помогать ему, подписывая приказ № 114 и положения о комитетах в войсках. В марте—апреле 1917 г. русская армия, веками использовавшаяся царизмом против крестьянских восстаний, против национальных революций, против забастовщиков, перестала служить опорой не только старой царской власти, но и новой, буржуазной. Старая государственная машина получила здесь повреждение и работала на холостом ходу. Солдатские массы — в большинстве своем крестьяне, переодетые в солдатские шинели, — превращались в могучего союзника рабочего класса в борьбе за полное проведение демократических преобразований, а наиболее сознательная часть солдат поддержала впоследствии борьбу революционного пролетариата во главе с партией большевиков за перерастание буржуазно-демократической революции в России в социалистическую.

Если армия, находясь в бездействии, сохраняла свои кадры (что рождало надежду у некоторых членов Временного правительства в том, что ее можно будет использовать в антинародных целях), то царская полиция была практически полностью уничтожена в результате Февральской революции, так как основной состав ее кадров предназначался для борьбы против революционного движения, подавления его малейших проявлений — разгона демонстраций и собраний, ареста забастовщиков и партийных агитаторов. Лишь небольшая ее часть продолжала выполнять свои прямые обязанности по борьбе с преступностью и поддержанию общественного порядка. В ежедневных сводках происшествий, которые составляли в столице и других крупных городах, сведения об убийствах и грабежах терялись среди сообщений о забастовках и нелегальных собраниях. Полицейский — «фараон» — олицетворял собой ненавистную царскую власть, насилие и произвол. Полиция широко применяла самые грубые и неприкрытые формы насилия над массами: избиения, разгоны демонстрантов с применением нагаек, конной полиции, огнестрельного оружия. В участках задержанных подвергали оскорблениям, унижениям, издевательствам и побоям. Полиция была фактически бесконтрольна и безответственна.

Такую же ненависть вызывала охранка с ее разветвленной сетью осведомителей. Секретные сотрудники охранки наводняли собой все русское общество, все партии и общественные группы. Всюду — от великокняжеской гостиной до последнего трактира сидели неприметные люди, внимательно слушавшие разговоры, запоминавшие их и сообщавшие «куда следует». Охранка, не довольствуясь наблюдением и слежкой, широко применяла провокацию. Во главе боевой организации эсеров стоял агент полиции Евно Азеф. Убийца П. А. Столыпина — Богров, находился в сношениях с агентами охранки. Провокатор Малиновский был

проведен даже депутатом IV Государственной думы, а другой агент охраны — Черномазов — орудовал в редакции газеты «Правда». Поэтому ненависть к старой полиции была беспредельна и охватывала все слои общества. Даже представители буржуазной оппозиции не могли сдержать своих чувств, когда они получили доказательства того, что их переписка систематически перлюстрировалась, беседы записывались, а телефонные разговоры подслушивались.

В первые дни Февральской революции, особенно 23—25 февраля 1917 г., именно полиция проявила себя наиболее ревностной защитницей старого строя. Однако в эти же дни выявилась и недостаточность сил столичной полиции, чтобы справиться с движением такого масштаба. На весь город имелось лишь шесть тысяч полицейских, а численность демонстрантов даже в первый день движения превысила 100 тыс. человек. Ненависть народа обратилась всецело против полиции, тем более, что войска 24 и 25 февраля не стреляли в демонстрантов. 25 февраля имелись случаи враждебного отношения казаков к полицейским, войска сочувствовали больше народу, чем полиции. И хотя 26 февраля в ряде мест они повиновались приказам о расстрелах демонстрантов, в этот же день — 4 рота Павловского полка открыла огонь по коннополицейской части на Екатерининском канале, что явилось первым случаем перехода войска на сторону революционного народа. 27 февраля во время восстания вооруженные рабочие и войска расправлялись с полицейскими, захватывали полицейские участки, учиняли в них разгром, сожгли свыше 10 участков и полицейский архив. Большинство чинов полиции в этот день скрылось. Народ арестовывал переодетых полицейских, уничтожал засады, полицейские пулеметные гнезда.

Во время переговоров между делегациями Исполнительного комитета Петроградского Совета и Временного комитета Государственной думы по вопросу о программе будущего Временного правительства было выдвинуто требование о полном обновлении службы охраны общественного порядка. В итоге в декларацию Временного правительства был внесен пункт: «Замена полиции народной милицией с выборным начальством, подчиненным органам местного самоуправления».⁸ В Москве и большинстве других городов России полиция сдалась новым властям и была распущена. Однако в первые дни марта в ряде мест были весьма красочные сочетания старой и новой службы охраны порядка, а кое-где полиция заявляла о своей приверженности Временному правительству. В Киеве, например, после получения известий о победе революции в Петрограде, вся полиция еще оставалась на своих местах, а полицмейстер на общем собрании полицейских призывал к подчинению новой власти, к строгому соблю-

⁸ Революционное движение в России после свержения самодержавия. М., 1957, с. 419.

дению порядка в городе.⁹ Ликвидация полиции в городе началась лишь после получения декларации Временного правительства.

В Тифлисе жандармское управление было упразднено, но полицейские в первые дни марта продолжали еще нести свою службу. В Екатеринославле начальник губернского жандармского отделения издал приказ, призывающий к строгому повиновению новому правительству. В Орле на вокзале произошла стычка между офицерами и железнодорожными жандармами. Постреляв, жандармы бежали. Н Царицыне при ликвидации губернских полицейских властей сыщики оказали сопротивление, которое быстро было сломлено. Особенно активно проходила ликвидация полиции в рабочих районах страны: Иваново-Вознесенске, Нижнем Новгороде, на Урале. Всюду, где могли, рабочие создавали свою рабочую милицию, которая брала на себя охрану не только предприятий, но и общественного порядка на заводских окраинах. Успешно шло формирование рабочей милиции в Петрограде. В ночь на 28 февраля, по предложению представителя Русского бюро ЦК РСДРП(б), Исполнительный комитет Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов принял постановление об организации рабочей милиции из расчета 100 человек на 1000 рабочих. К этому времени рабочая милиция уже существовала в Выборгском, Петергофском и Петроградском районах. Постановление Петроградского Совета оформило этот процесс и придало ему новый размах. 28 февраля создается милиция на Пороховых, 1 марта — на Васильевском острове. Там образовалось два центра рабочей милиции по охране общественного порядка — Гаванский и 2-й Василеостровский подрайоны.

Параллельно в центральных районах города шло формирование народной милиции из студентов петроградских высших учебных заведений, гимназистов, городской бедноты. Так, с первых часов Февральской революции в столице сложились две милиционные организации — городская и рабочая. Они полностью взяли на себя выполнение функций бывшей полиции по охране общественного порядка и борьбы с преступностью.¹⁰ Одновременно в дни 28 февраля—2 марта народная милиция в Петрограде, и особенно в рабочих районах, выполняла и роль народной гвардии, вместе с войсками участвуя в обезоружении полицейских. Выдвигая требование замены полиции народной милицией, делегация Петроградского Совета на переговорах с Временным комитетом Государственной думы опиралась уже на фактическое осуществление такой замены в Петрограде, на произведенное восставшим народом уничтожение полиции в столице.

---

⁹ Заславский Д. О., Канторович В. А. Хроника Февральской революции. Пг., 1924, с. 54.

¹⁰ Подробнее см.: Старцев В. И. Очерки по истории Петроградской Красной гвардии и рабочей милиции. М.; Л., 1965, с. 41—47.

Вместе с тем дух соглашательства, которым были пропитаны меньшевистско-эсеровские лидеры Петроградского Совета, толкал их на подчинение самостоятельно возникшей рабочей милиции в Петрограде, формирующейся городской народной милиции, ее буржуазным элементам. По предложению Исполкома Совета вечером 28 февраля в Городской думе было созвано собрание гласных думы и группы петроградских адвокатов, которое выдвинуло на пост начальника милиции столицы гласного думы, архитектора Д. А. Крыжановского и избрало уполномоченных для организации милиции в районах. На следующий день было создано Управление Петроградской городской народной милиции. 2 марта Исполком делегировал в него своих представителей — рабочих-меньшевиков Пятиева и Чернева. 3 марта состоялось собрание представителей уже организованных районных и подрайонных комиссариатов рабочей милиции и городской милиции. Наконец, 7 марта 1917 г. Петроградский Совет принял решение о слиянии — в рамках единой народной милиции — городской милиции центральной части города и наружной рабочей милиции, созданной в рабочих районах. Повсюду в городе появились люди с белыми повязками на рукаве, на которых виднелись торопливо выведенные чернилами буквы «Г. М.». На обороте повязок стояла печать Управления Петроградской городской народной милиции и номер повязки. Больше половины из 20 тыс. милиционеров были рабочими. Рабочими были и караульные начальники, комиссары, их помощники и прочие должностные лица в подрайонных комиссариатах милиции в пролетарских районах столицы. На 19 марта из 60 подрайонных комиссариатов 14 являлось комиссариатами рабочей милиции. И хотя в дальнейшем численность рабочих милиционеров сокращалась (впрочем, так же, как и численность городских милиционеров), ни Временное правительство, ни Управление городской милиции ничего сделать с рабочими милиционерами вплоть до июльских дней не смогли.

Естественно, что милиция с таким классовым составом никак не могла быть орудием в руках буржуазного Временного правительства в противонародной политике правящего буржуазного класса. Хотя в прессе 1917 г. и были отмечены отдельные попытки использования милиции в контрреволюционных целях, — в частности в апреле 1917 г. милиционеры в центральных городских районах препятствовали продаже газеты «Правда», — в целом городская милиция оставалась нейтральной к дальнейшему развитию политических событий в 1917 г. Управление милицией было полностью децентрализовано. Начальники милиции избирались городскими думами, а кое-где и прямо местными Советами. Среди них было много социалистов и большевиков. Таким образом, и этот, второй после армии, важнейший элемент государственной машины, фактически не мог быть использован Временным правительством в интересах буржуазии. И здесь ломка ста-

рой царской полиции была проведена основательно, зашла гораздо дальше, чем это требовалось для российской буржуазии, проведена по-революционному, «по-плебейски», как любил говорить, повторяя это выражение Маркса и Энгельса, В. И. Ленин.

Именно Ленин сумел после приезда в Россию оценить это чрезвычайно редкое для истории обстоятельство, что в итоге установления двоевластия и забегания революции вперед, дальше обычных задач буржуазной революции, правящие классы оказались лишены главных инструментов государственного угнетательского аппарата, армии и полиции. В работе «Письма о тактике», возражая «старым большевикам», настаивавшим на сохранении тактических схем периода революции 1905—1907 гг., В. И. Ленин писал: «По-старому выходит: за господством буржуазии может и должно последовать господство пролетариата и крестьянства, их диктатура.

А в живой жизни уже вышло иначе: получилось чрезвычайно оригинальное, новое, певиданное, переплетение того и другого. Существует рядом, вместе, в одно и то же время и господство буржуазии (правительство Львова и Гучкова) и революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства, *добровольно* отдающая власть буржуазии, добровольно превращающаяся в придаток ее.

Ибо нельзя забывать, что фактически в Питере власть в руках рабочих и солдат; насилия над ними новое правительство не производит и не может произвести, ибо ни полиции, ни особой от народа армии, ни стоящего всесильно над народом чиновничества нет. Это факт. Это именно такой факт, который характерен для государства типа Парижской Коммуны. Этот факт не укладывается в старые схемы. Надо уметь приспособить схемы к жизни, а не повторять ставшие бессмысленными слова о „диктатуре пролетариата и крестьянства“ вообще.¹¹ И это написано было в начале второй декады апреля, когда Временное правительство первого состава уже просуществовало большую половину срока, отмеренного ему историей.

Значение факта слома старой, обычной государственной машины, начатого в февральские дни, факта существования и развития по всей стране Советов рабочих и солдатских депутатов, В. И. Ленин подробно разъясняет и в своей брошюре «Задачи пролетариата в нашей революции», законченной 10 апреля 1917 г. «Если мы сорганизуемся, — писал Ленин, — и умело поведем свою пропаганду, не только пролетарии, но и девять десятых крестьянства будут против восстановления полиции; против несменяемого и привилегированного чиновничества, против отделенной от народа армии. А только в этом и состоит новый тип государства».¹² Затем Ленин специально разбирает значение

¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 135.

¹² Там же, с. 164.

уничтожения царской полиции, осуществленное в ходе Февральской буржуазно-демократической революции: «Замена полиции народной милицией¹³ — есть преобразование, вытекшее из всего хода революции и проводимое теперь в жизнь в большинстве мест России. Мы должны разъяснять массам, что в большинстве буржуазных революций обычного типа такое преобразование оказывалось крайне недолговечным, и буржуазия, даже самая демократическая и республиканская, восстанавливала полицию старого, царистского типа, отделенную от народа, находящуюся под командой буржуа, способную всячески угнетать народ.

Чтобы не дать восстановить полицию, есть только одно средство: создание всенародной милиции, слияние ее с армией (замена постоянной армии всеобщим вооружением народа)». ¹⁴ Пропаганде этого нового пролетарского государственного устройства В. И. Ленин посвящает еще ряд своих статей и среди них известную статью «О пролетарской милиции». Но нам хотелось бы подчеркнуть, что реальные возможности для успешности этой пропаганды В. И. Ленин видел в тех завоеваниях, которые уже были осуществлены народом в момент Февральской революции: т. е. в существовании Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и замене старой, «царистского типа» полиции новой «народной милицией». В существовании этих учреждений наряду с Временным правительством В. И. Ленин видел то, что Февральская революция была революцией не обычного буржуазного типа, что она зашла дальше обычной революции. И это продвижение вперед произошло именно в области уничтожения главных орудий старого угнетательского государственного аппарата и создания нового, отвечающего интересам широчайших народных масс. «Не дать восстановить полиции; привлечь организационные силы всего народа к созданию поголовной милиции — таковы задачи, которые пролетариат должен нести в массы в интересах охраны, упрочения и развития революции», — заключал Ленин тот раздел своей брошюры «Задачи пролетариата в нашей революции», который назывался «Новый тип государства, вырастающий в нашей революции». ¹⁵

Мы знаем, что эти процессы развития элементов нового типа государства день ото дня замедлялись даже в мирный период развития революции. Советы рабочих и солдатских депутатов протитуировались меньшевиками и эсерами, подводились к идее более активной поддержки буржуазного Временного правительства, особенно после создания первого коалиционного правительства. В те же дни армия уговаривалась предпринять наступление на противника в интересах союзных и российских империали-

¹³ Интересно, что в этих четырех словах буквально повторяется пятый пункт цитированной выше декларации Временного правительства от 3 марта 1917 г.

¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 164—165.

¹⁵ Там же, с. 165.

стов, а из народной милиции постепенно выживались рабочие милиционеры. Мы знаем и то, что после июльского перелома буржуазия попыталась не только затормозить развитие революции, но и повернуть его вспять. Однако победа реакции была кратковременна. Советы ожили в конце августа, а вместо рабочей милиции возникла еще более энергичная «самодействующая вооруженная организация народа» — рабочая Красная гвардия, прямо направленная против Временного правительства. Но значительная часть этих успехов была подготовлена и первыми двумя месяцами революционных событий 1917 г., когда враждебная народу сила, сила старой царской государственной машины была решительно надломлена. Надломлена настолько, что ее не смогли подправить судорожные усилия А. Ф. Керенского в коалиционных министерствах всех трех составов. Что же касается Временного правительства первого состава, то, лишенное всякой реальной вооруженной силы, оно было вынуждено лишь регистрировать эти печальные для него события. Так, на заседании 4 марта 1917 г. Временное правительство постановило упразднить особые гражданские суды, охранные отделения, отдельный корпус жандармов, включая железнодорожную полицию. Офицеров и нижних чинов жандармерии решено было немедленно передать на учет соответствующих воинских начальников для отправки в армию. Согласно приказу министра юстиции А. Ф. Керенского академик Н. А. Котляревский должен был вывезти из архива Департамента полиции те бумаги, «которые он найдет нужным» и передать их в Академию наук.¹⁶ Тогда же Временное правительство упразднило «главный» и «особые комитеты» при управлениях железных дорог, которые были созданы царской властью для «подавления беспорядков на железных дорогах». 10 марта 1917 г. последовал официальный приказ об упразднении Департамента полиции, а 19 марта — о расформировании Отдельного корпуса жандармов. Его вещевое имущество передавалось военному ведомству, архивы — Главному штабу, а дела местных жандармских отделений и охранных отделений — особым комиссиям из представителей суда и местного комиссара Временного правительства для разбора. Так было оформлено упразднение старой царской полиции, которая в Петрограде была уничтожена самим восставшим народом. Что же касается большинства губерний, где смена власти произошла мирно, «по телеграфу», то там в упразднении местных органов полиции, жандармерии и охраны данные постановления Временного правительства, принятые под давлением революционного народа, сыграли заметную роль. Полиция умерла бесславной смертью. Отдельные факты оставления полицейских на службе в милиции, либерализм некоторых местных властей по отношению к бывшим жандармам лишь подтверждали общее правило. Революци-

¹⁶ Вестник Временного правительства, 1917, 5 марта.

онные массы, вскрывая эти факты, настойчиво требовали искоренения последних остатков полицейщины.

Упразднив полицию в столице, вернее оформив на бумаге ее уничтожение восставшим народом, Временное правительство попыталось спасти небольшой осколок старой карательной системы в лице Петроградского градоначальства. Новым «общественным» градоначальником был назначен проф. Юревич, только что избранный начальником Военно-медицинской академии. Его помощником стал подполковник Генерального штаба У. И. фон Сампсон, помощником по гражданской части — известный юрист проф. С. Г. Сватиков, секретарем — проф. В. Р. Мрочек. Был сохранен и весь старый аппарат градоначальства. Вскоре над ним был учрежден особый комиссар Временного правительства. Но эта мера не дала никаких результатов. Градоначальство не получило никакой власти в новых условиях, болталось ненужной надстройкой между Главным управлением милиции Министерства внутренних дел и Управлением петроградской городской милиции. В конце концов в сентябре 1917 г. оно было упразднено.

Тем не менее в первые дни революции «общественное градоначальство» пыталось влиять на формирование столичной милиции, причем в его приказах сразу же обнаружилось то стремление к созданию особой, отделенной от народа полиции, против которого так настойчиво предупреждал В. И. Ленин. Так, в своем первом же обращении градоначальник Юревич поручил Управлению Петроградской городской народной милиции разработать положение об учреждении «постоянной профессиональной городской милиции взамен упраздненной городской полиции». Пока же милиционерами градоначальство признавало только тех, у кого на руках имелось удостоверение и повязка с номером. Остальные объявлялись «самозванцами». Понятно, что это постановление было направлено прежде всего против рабочих милиционеров. Но они, как видно из материалов архива Петроградской городской милиции, быстро разгадали этот замысел и решили принять повязки и удостоверения Управления милиции. В ведомости раздачи повязок значатся номера с 1-го по 41000. 25 тыс. из них приходится на милицию рабочих районов: Петроградского, Выборского, Петергофского, Нарвского, Московского, Александро-Невского. В итоге действий революционного народа в Петрограде, Москве¹⁷ и ряде других городов старая полиция, жандармерия и охранка были уничтожены, личный состав этих учреждений частично разогнан, частично арестован или призван в армию. Связанное обязательством перед Петроградским Советом и опасением физического воздействия со стороны революционного народа Времен-

---

¹⁷ Подробнее о Москве см.: Грунт А. Я. Москва, 1917-й. Революция и контрреволюция. М., 1976.

ное правительство издало соответствующие постановления о ликвидации полиции, жандармерии и охранных отделений, которые завершили дело ликвидации старой полиции по всей территории России. Полиция всюду была заменена народной милицией, в формировании которой в первые дни Февральской революции важнейшую роль сыграл рабочий класс. В этом факте еще раз проявилась его роль гегемона буржуазно-демократической революции. Ликвидация полиции и невозможность ее восстановления в первые месяцы существования Временного правительства явились положительным фактором развития революции,двигающим ее развитие вперед, в направлении перерастания из буржуазно-демократической в социалистическую.

Среди прочих учреждений принудительного государственного аппарата Ф. Энгельс, а за ним и В. И. Ленин называли «тюрьмы и другие принудительные учреждения всякого рода». В царской России это были тюрьмы разных категорий, каторга и ссылка. В момент Февральской революции в тюрьмах томились десятки тысяч революционеров, многим из которых угрожала смертная казнь. Тысячи деятелей социалистических партий находились в ссылке в Восточной Сибири. Среди них было много большевиков, в частности члены большевистской фракции IV Государственной думы, осужденные за мужественный протест против империалистической войны. Особенно много политических находилось в тюрьмах Петрограда: Доме предварительного заключения на Шпалерной улице, в одиночной тюрьме «Кресты» на Выборгской стороне, в Литовском замке, в тюрьме на Казачьем переулке, на двух комендантских гауптвахтах и в Петропавловской крепости. Последними политическими узниками царизма стали около ста видных революционных работников, в том числе 5 членов нелегального большевистского Петербургского комитета РСДРП(б), арестованных в ночь на 26 февраля полицией, и 19 солдат Павловского полка, выданных в качестве «зачинщиков» стрельбы по конным полицейским на Екатерининском канале днем 26 февраля 1917 г. Павловцы были посажены в Петропавловскую крепость.

В ходе восстания 27 февраля петроградские тюрьмы стали одним из первых объектов нападения революционных рабочих и солдат. После того как рабочие и солдаты зажгли Окружной суд, они бросились к воротам Дома предварительного заключения и вскоре овладели им. Все заключенные были немедленно выпущены на свободу, в том числе и политические. Предводительствуемые бывшими политическими заключенными, прежде всего большевиками, вооруженные солдаты и рабочие Орудийного завода устремились на Выборгскую сторону. Преодолев попытку сопротивления со стороны заставы Московского полка, они по Арсенальной набережной быстро достигли тюрьмы «Кресты» и выпустили находившихся там заключенных. Среди последних были, как известно, и недавно арестованные члены рабочей груп-

пы Центрального военно-промышленного комитета, которые и призвали рабочих и солдат направиться к Таврическому дворцу. 27 февраля восставший народ занял и другие тюрьмы: Литовский замок, который был сожжен, тюрьму в Казачьем переулке, гауптвахты. После занятия революционными войсками Петропавловской крепости оттуда были выпущены арестованные и заключенные. Фактически в Петрограде уже к вечеру 27 февраля почти все тюрьмы были пусты, а многие чины тюремной охраны были арестованы или скрылись. В Москве 1 марта 1917 г. после победы революции и образования новой временной власти были выпущены из Бутырской тюрьмы все политические заключенные. Борьба за тюрьмы стала важным моментом восстания во всех тех городах, где свержение царских властей проходило вооруженным путем. Столь же резкий характер овладение тюрьмами приняло в прифронтовой полосе, где главной категорией заключенных были солдаты и офицеры, обвинявшиеся в совершении военных и политических преступлений, за которые грозил полевой суд и расстрел. Такое солдатское восстание, целью которого было, в частности, овладение тюрьмой, имело место в Двинске.

Шлиссельбургская крепость долгие годы была таким же символом «твердыни власти роковой», как и Петропавловская. 1 марта 1917 г. вооруженные рабочие Шлиссельбургского порохового завода перешли по льду Неву и заняли крепость. В этот момент там находилось 63 заключенных, в том числе бывший член Государственной думы П. Е. Пьяных с сыном. В ряде местностей России в первые дни марта произошли восстания заключенных. Таким образом, в захвате и разрушении этого элемента насильственной государственной машины царизма решающее слово принадлежало революционному народу. Но уже со 2 марта 1917 г. Временное правительство начинает вмешиваться в этот процесс, удовлетворяя, с одной стороны, желания широких масс народа, а с другой — стараясь спасти тюрьмы как таковые, как неотъемлемую часть государственной власти. Уже 2 марта был отдан письменный приказ «о сохранении остатков политической тюрьмы, где содержались политические заключенные» (имелся в виду Литовский замок). В этом же приказе говорилось, что «тюрьмы сохраняются как историческая ценность».¹⁸ Днем 2 марта Керенский принял предложение Временного комитета Государственной думы возглавить Министерство юстиции в новом правительстве. И, спрашивая у депутатов Петроградского Совета санкцию на одобрение этого своего шага, Керенский, в частности, говорил: «Немедленно по вступлении на пост министра я приказал освободить всех политических заключенных и с особым почетом препроводить из Сибири сюда, к нам, наших товарищей депутатов, членов социал-демократической фракции IV Думы и депутатов II Думы. (Бурные аплодисменты, переходящие в овации).

¹⁸ Великие дни Российской революции. Пг., 1917, с. 29, 63.

Освобождаются все политические заключенные, не исключая и террористов».¹⁹ Через несколько часов Керенский выступил на митинге в Екатерининском зале. Там он сказал о скором издании закона об амнистии и о возвращении ссыльных депутатов II и IV Дум. Телеграмма о возвращении депутатов была отправлена еще ранее товарищем царского министра юстиции Чебышевым. Затем Керенский отправил новую телеграмму Енисейскому губернатору в Красноярск и военному губернатору в Иркутск, в которой говорилось: «Подтверждаю предписание товарища министра Чебышева о немедленном и полном освобождении членов Госуд. Думы Петровского, Муранова, Бадаева, Шагова и Самойлова и возлагаю на вас обязанность под личной вашей ответственностью обеспечить им почетное возвращение в Петроград. Член Гос. Думы, министр юстиции, гражданин А. Керенский».²⁰

Телеграммы Керенского от 2 и 3 марта послужили юридическим основанием для большинства губернаторов и градоначальников приступить к освобождению арестованных там, где они еще не подвергались прямому революционному насилию со стороны революционных масс или давлению со стороны революционных и общественных организаций. 3 марта к этим телеграммам прибавилась и первая декларация Временного правительства, которая передавалась по телеграфу. В ней, в частности, говорилось: «Полная и немедленная амнистия по всем делам политическим и религиозным, в том числе: террористическим покушениям, военным восстаниям и аграрным преступлениям и т. д.»²¹ На основании этих документов, исходивших уже от министра юстиции и Временного правительства, было завершено освобождение политических заключенных по всей России.

Но лишь некоторые из самых ненавистных народу тюрем были уничтожены подобно тому, как был сожжен Литовский замок в Петрограде или Александровский централ в Иркутске. Большинство тюрем сохранились и через несколько недель были приведены в порядок. Февральская революция освободила узников царизма, но не уничтожила тюремное заключение по политическим мотивам. Сам этот принцип был подтвержден с первых часов революции, когда повсюду арестовывались и задерживались сторонники старой власти, городовые и приводились в Таврический дворец. Первыми политическими заключенными были представители свергнутого царского режима, ожидавшие справедливого возмездия со стороны народа. Уже в половине шестого 27 февраля 1917 г. в Таврический дворец был доставлен бывший министр юстиции, а в тот момент Председатель Государственного Совета И. Г. Щегловитов. Под сильной охраной он был «временно

¹⁹ Там же, с. 51.

²⁰ Там же, с. 52.

²¹ Революционное движение в России после свержения самодержавия, с. 419.

помещен» в Министерский павильон Таврического дворца. Это помещение стало первой центральной тюрьмой для деятелей царского режима. 28 февраля туда были доставлены бывший председатель Совета министров, министр внутренних дел, генерал-лейтенант И. Г. Курлов, бывший министр здравоохранения («народного здравия») Г. К. Рейн, член Государственного Совета А. А. Ширинский-Шихматов, полицейский генерал М. С. Комиссаров, товарищ министра путей сообщения И. П. Борисов, петроградский градоначальник генерал-майор А. П. Балк, другие высокопоставленные чиновники и «бесконечное множество второстепенных чинов администрации и полиции».²² К вечеру 28 февраля был арестован бывший директор Департамента полиции Е. К. Климович, помощники петроградского градоначальника Вендорф и Лысогорский, Председатель «Союза русского народа» доктор А. И. Дубровин. Тогда же и Таврический дворец был перевезен из итальянского посольства укрывавшийся там накануне министр юстиции последнего царского правительства Добровольский. Рядом с ним поместился министр путей сообщения Э. Д. Войновский—Кригер. Ночью после 11 часов в Таврический дворец добровольно пришел последний министр внутренних дел А. Д. Протопопов и сдался первому же студенту. Солдаты взяли ружья на перевес и, сопровождаемые огромной толпой народа, повели Протопопова в министерский павильон. Перед этой толпой и был разыгран театральный акт ареста. Протопопов встал и подошел к появившемуся Керенскому. «Ваше превосходительство, — заявил он, — отдаю себя в ваше распоряжение». — «Бывший министр внутренних дел Протопопов, — последовал ответ А. Ф. Керенского, — от имени Исполнительного комитета объявляю Вас арестованным». Затем Протопопов стал что-то шептать на ухо Керенскому. Последний величественным жестом приказал «господину караульному офицеру» препроводить бывшего министра в отдельную комнату, где тот и сделал Керенскому какое-то заявление, как говорили в кулуарах, «где спрятаны пулеметы».²³

Таким образом, к исходу дня 28 февраля практически весь состав центрального царского правительства и многие высшие чиновники министерств и столичных ведомств были арестованы, а центральный орган старой власти перестал существовать. Арестованные между тем все прибывали и прибывали. Ведавший в эти дни охраной города член Временного комитета Государственной думы прогрессист М. А. Караулов издал 1 марта 1917 г. специальный приказ об арестах и препровождении арестованных в места временного задержания и заключения. Частям войск и народной милиции от имени Временного комитета Думы приказывалось арестовывать пьяных, грабителей, поджигателей, нарушаю-

²² Великие дни Российской революции, с. 18.

²³ Там же, с. 21—22.

щих «тишину и порядок в столице», производящих самочинные обыски и аресты. Под предлогом борьбы с эксцессами революции эти меры были направлены против народных масс. Во всяком случае, они обнаруживали стремление буржуазии поскорее ввести переворот в более спокойные и мирные рамки. Однако на практике выполнить эти приказы было еще невозможно. Поэтому приказ Караулова давал и выход революционному энтузиазму народных масс, направляя их усилия на ликвидацию прислужников старого строя. Четвертый пункт первого раздела приказа гласил, что немедленному арестованию подлежат «все чины наружной и тайной полиции и корпуса жандармов».²⁴

В качестве временных арестных домов предлагалось использовать следующие помещения: Комендантское управление (угол Инженерной и Садовой улиц), Кавалергардский манеж (угол Захарьевской и Потемкинской улиц), 2-е отделение Комендантского управления (Кронверкский пр., Петроградская сторона), Градоначальство (угол Адмиралтейского пр. и Гороховой ул.), Историко-филологический институт (рядом с Университетом). Тарасовские бани (1-я рота, Измайловский полк), Военная тюрьма на Выборгской стороне. В Таврический дворец необходимо было доставлять только «сановников и генералов, буде таковых придется задерживать».²⁵ В связи с тем, что в Таврический дворец были доставлены высокопоставленные чины штаба корпуса жандармов, Караулов издал дополнение к своему приказу, освобождавшее от арестов эту категорию бывших слуг старого режима. Несмотря на это в течение дня 1 марта во всех концах города продолжались аресты полицейских и жандармов, царских сановников и генералов. Большинство из них по-прежнему приводили или привозили в Таврический дворец. Тогда Караулов издал новый приказ, предлагавший арестованных чинов наружной и тайной полиции и жандармов доставлять в отделение революционной комендатуры в Кавалергардский манеж. Манеж располагался в трех минутах ходьбы от Таврического дворца, и это более или менее удовлетворило массы.

1. марта пополнилось число высокопоставленных узников в министерском павильоне дворца. Был доставлен бывший министр торговли и промышленности В. Н. Шаховской, в час дня привезен на грузовике Иван Логвинович Горемыкин, дважды являвшийся Председателем Совета министров, одна из наиболее ненавистных фигур старого строя. В девятом часу вечера под сильным конвоем в Таврический дворец водворили бывшего министра внутренних дел Н. А. Маклакова. Сенсацию вызвала доставка генерала В. А. Сухомлинова. Сухомлинов был смещен с должности военного министра за отступления русской армии весной 1915 г., и против него было возбуждено судебное пресле-

²⁴ Там же, с. 30.

²⁵ Там же, с. 30—31.

дование. Но под давлением распутинского кружка и самой царицы в 1916 г. он был выпущен на свободу. Народная молва прочно связывала с именем Сухомлинова измену, недостаток снабжения и боеприпасов. Когда в половине одиннадцатого вечера Сухомлинова привезли в Таврический дворец, это вызвало большое возбуждение среди находившихся здесь тысяч солдат. Они хотели немедленно расправиться с изменником. С большим трудом удалось довести его до бывшей приемной Председателя Государственной думы. Но через некоторое время в приемную вошел делегат, избранный от солдат Преображенского полка, находившихся в Таврическом дворце, и под одобрительный гул сорвал с Сухомлинова погоны. Только после этого акта Сухомлинов был провожден в министерский павильон.

Охрану арестованных в Таврическом дворце взяла на себя 4 рота Преображенского полка во главе с унтер-офицером Федором Кругловым. «Дрожащие, с отвисшими губами, с помутившимися глазами сидели представители старого строя, — писал полковник Г. Г. Перетц, первый военный комендант Таврического дворца. — Им запрещено было между собой разговаривать. Они не смели даже ходить. Твердой волей Круглова они были прикованы к своим креслам крепче всяких цепей».²⁶ С 28 февраля по собственной инициативе вызвался заведовать охраной заключенных С. Ф. Знаменский, прапорщик запасного пехотного полка, до войны учитель, народнических убеждений. Он стал разрешать арестованным прогуливаться, но только «всем вместе». Солдаты с довольными улыбками смотрели на марширующих «как дрессированных» министров, бывших властителями судеб миллионов людей. Рассказывают, что арестованный Протопопов пытался уговорить караульных выпустить его, он давал деньги Круглову, на что тот ответил возмущенно: «Если ты у меня еще раз заикнешься, то я тебя сейчас же положу на месте!» и вынул револьвер. Он заставил Протопопова лечь на диван и приказал: «Лежи и ожидай, что тебе прикажут».²⁷ Так бывшие министры на собственном опыте познавали жребий заключенного еще в своих бывших аппаратах, а их ждало впереди заключение в крепости. Туда они были перевезены вечером 2 марта 1917 г. К министерскому павильону подъехали четыре автомобиля, в которых они (11 человек) были доставлены в крепость: Щегловитов, Штурмер, Добровольский, Макаров, Горемыкин, Сухомлинов, Хабалов, Комиссаров, Белецкий, Курлов и Протопопов. Перевозка была обставлена строгостями и конспирацией. В каждом автомобиле ехало 3 заключенных, они не имели права двигаться и разговаривать между собой. У ворот крепости автомобили остановились. Круглов построил министров в одну шеренгу, повернул

²⁶ Г. П. (полк Г. Г. Перетц). В цитадели русской революции. Записки коменданта Таврического дворца. Пг., 1917, с. 27.

²⁷ Там же, с. 41.

и повел строем к Трубецкому бастиону. Поздней ночью в Трубецкой бастион были привезены и все остальные узники министерского павильона. Старая «государева тюрьма» обрела новую жизнь. Теперь в ней содержались бывшие министры царского правительства, сановники, приближенные двора, шефы полиции.

Такое использование тюрем одобрялось народом. В первые дни марта никто и подумать не мог, что Временное правительство, само создававшееся лишь по милости народа, когда-нибудь дерзнет вновь сажать в тюрьмы солдат и рабочих, деятелей партии революционного пролетариата. А ведь такое время наступило уже в июле 1917 г. при Керенском. Что же касается Временного правительства первого состава, то при нем большинство тюрем еще пустовало. По объявленной вскоре амнистии уголовным было освобождено около 15 тыс. преступников. Но скоро их удалось пересадить вновь. Милиция в первое время также проявляла либерализм. Бывшие полицейские и жандармы вскоре были почти повсеместно освобождены и отправлены на фронт, а кое-где, в нарушение революционного обычая, приняты и обратно в милицию. Вскоре о тюрьмах позабыли, и они пребывали в неизвестности, ожидая своего часа. Лишь к Петропавловской крепости да Александровскому дворцу, месту заключения царской семьи, а затем и самого царя, было приковано внимание народа. Об этих местах заключения писала и печать.

Санкционировав арест высших представителей старой власти, Временное правительство спасло их от немедленной и справедливой кары со стороны революционного народа, но его возмущение было далеко не удовлетворено одним лишением свободы царских министров и главарей полиции. Предупреждая возможное недовольство, 4 марта 1917 г. правительство приняло постановление об учреждении Чрезвычайной следственной комиссии (ЧСК) по расследованию противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и других высших должностных лиц. Одновременно была организована и специальная особая следственная комиссия для расследования противозаконных действий сенаторов уголовного кассационного Департамента Правительствующего сената при рассмотрении дел по государственным преступлениям.²⁸ Этими постановлениями, последовавшими за арестами и предварительным тюремным заключением всей правительственной верхушки царской власти, была закончена ликвидация старого высшего правительственного аппарата.

Приход к правительственной власти нового класса осуществился, таким образом, в России путем насильственного физического устранения носителей старой власти. Решающая роль в этом принадлежала массам, главной движущей силе буржуазно-демократической революции. Временное правительство лишь юридически оформило этот процесс. Он совершился не так, как в течение

²⁸ Вестник Временного правительства, 1917, 5 марта,

десятилетий это представлялось политическим вождям русской буржуазии. Они мечтали о мирной передаче власти от царской бюрократии к новому классу, к представителям буржуазных политических партий, без арестов и расправ, с благословения верховной власти, носитель которой добровольно бы согласился на самоограничение.

Вместо этого они получили власть в результате «великой революции», которая уже в свои первые часы зашла гораздо дальше обычной буржуазной революции. Итогом этого был решительный слом старого насильственного угнетательского государственного аппарата, выразившийся не только в устранении противопоставления армии и народа, роспуске и уничтожении старой полиции и жандармерии, но и в аресте и насильственном свержении высшей правительственной власти.²⁹⁾

Необходимо также отметить и мероприятия Временного правительства по изменению старой судебной системы, которая также входит в состав угнетательского насильственного аппарата эксплуататорского государства. После судебных реформ шестидесятых годов XIX в. суд в царской России приобрел постепенно в царствование Александра III и Николая II все более и более реакционное направление. Он становился неприкрытым орудием в руках правящей дворянской верхушки, орудием, направленным против широких масс народа, орудием расправы с революционерами и демократами. Создавались чрезвычайные судебные органы, которым передавались политические дела, судебные гарантии обвиняемых сводились на нет. Из состава судей изгонялись либеральные элементы. Адвокатура, среди членов которой было много критически настроенной интеллигенции, находилась под постоянным надзором. Власти строго следили за составом сословия присяжных поверенных, министры юстиции и не помышляли о соблюдении даже кудей царской законности, а вели реакционный курс на усиление судебных репрессий. Царский суд был поэтому одним из ненавистных народу учреждений старого строя, а наиболее прогрессивный элемент старой судебной системы — присяжные поверенные — пополняли собой ряды буржуазных и даже мелкобуржуазных политических партий.

Новый министр юстиции Временного правительства эсер Керенский, сам член сословия присяжных поверенных, провел целый ряд мер по реорганизации судебной системы, которые ликвидировали наиболее вопиющие нарушения законности, совершенные при царском режиме. В первых же своих распоряжениях по Министерству юстиции Керенский направил телеграмму в советы присяжных поверенных. В ней говорилось: «В сознании всей важ-

²⁹⁾ Необходимо отметить, что судебное преследование царских министров так и не было начато. ЧСК за 7 месяцев своего существования сумела только провести предварительное следствие. Часть царских министров была расстреляна Советской властью в дни «красного террора» в сентябре 1918 г.

ности и ответственности, во имя спасения родины я принял пост министра юстиции во Временном правительстве. Приветствуя советы присяжных поверенных, всегда стоявших на страже права и свободы народа, я прошу их принять посильное участие в установлении истинного правосудия в нашей родине и поднятии его на высоту, соответствующую величию народа и важности исторического момента».³⁰ Керенский одобрил, о чем уже говорилось выше, распоряжения комиссаров Временного комитета Государственной думы по министерству юстиции В. А. Маклакова и М. С. Аджемова, сделанные еще до его назначения министром.

2 марта состоялось собрание совета присяжных поверенных округа петроградской судебной палаты. Ввиду того что здание Окружного суда было уничтожено пожаром, заседание проходило на квартире председателя совета присяжных поверенных Н. П. Карабчевского (Знаменская ул., 45). В заседание приехал Керенский и обратился к адвокатам с речью, в которой просил помогать «водворению порядка и законности». 3 марта состоялось более многочисленное собрание петроградских присяжных поверенных и их помощников. Председательствовал присяжный поверенный А. А. Исаев. С воодушевлением они приняли доклад Карабчевского о посещении А. Ф. Керенским собрания 2 марта и о задачах, поставленных министром юстиции перед адвокатами. Для разработки плана действий была избрана комиссия из 12 лиц, назначено новое собрание. Петроградские адвокаты стали главным источником, из которого Временное правительство стало черпать кадры для обновления судебного аппарата, для замещения прокурорских должностей, высших должностей в Министерстве юстиции, для образования юридического совещания при Временном правительстве.

Эта же линия прослеживается в Москве и других городах. Одновременно приказом Керенского уже 3 марта началась проводиться реформа мирового суда. Единоличные мировые судьи должны были быть заменены «временными судами». В приказе говорилось: «Суд в составе трех его членов: мирового судьи, представителя армии и представителя рабочих заседает в помещении камеры мирового судьи. Существующие границы мировых районов сохраняются. Вопросы разрешаются по большинству голосов, причем члены суда пользуются равными правами».³¹ Этот принцип — судья плюс два заседателя, равенство их голосов — был распространен вскоре на всю страну. Он оказался чрезвычайно удачным и отвечающим условиям нашей страны. Он был положен в основу и первыми советскими декретами о суде и сохранился вплоть до настоящего времени в организации нашего народного суда.

³⁰ Великие дни Российской революции, с. 52.

³¹ Там же, с. 61. — Специальными распоряжениями образование временных судов было распространено на города Петроградской и других губерний.

Наряду с демократизацией мирового суда принимались меры по ликвидации чрезвычайных судов, уродливым наростом облепивших старую судебную систему. 4 марта в заседании Временного правительства был принят указ Правительствующему сенату об упразднении Верховного уголовного суда и особых присутствий Правительствующего сената, судебных палат и окружных судов с участием сословных представителей.³² Однако сама по себе старая судебная система оказалась нетронутой: ее важнейшие звенья — окружные суды и судебные палаты остались без изменений, началась лишь постепенная замена кадров коронных судей. Это позволило Временному правительству Керенского в июле 1917 г. вести судебное преследование многих членов большевистской партии, используя аппарат Петроградского окружного суда и Петроградской судебной палаты.

Итак, оценивая результаты Февральской революции и деятельности Временного правительства в направлении слома старой угнетательской насильственной государственной машины царизма, в их совокупности, следует признать, что наибольшему уничтожению подвергалась царская полиция и жандармерия со всеми своими разветвлениями. Никакой адекватной замены этому противонародному учреждению Временное правительство первого состава (как, впрочем, и следующих) создать не смогло, лишившись, таким образом, одного из важнейших элементов государственной машины. Это обстоятельство создавало дополнительные благоприятные возможности для развития революции вперед, для движения ее ко второму этапу, для открытой политической борьбы, которую вел революционный рабочий класс России под руководством большевистской партии. В период деятельности Временного правительства первого состава армия почти полностью была выведена из под прямого политического влияния Временного правительства и поддерживала в своем подавляющем большинстве позицию Петроградского Совета. Поэтому и армия (особенно в столицах) не могла в этот момент рассматриваться как часть угнетательского буржуазного государственного аппарата, так как реальные возможности для использования ее против революционного народа отсутствовали. В. И. Ленин высоко оценивал эти два факта и рассматривал их как условия благоприятной борьбы за создание в России государства нового типа.

Вместе с тем слом старого угнетательского аппарата царизма был неполным, Временное правительство стремилось к сохранению его отдельных частей. В частности, были сохранены тюрьмы по всей России. Правительство декларативно заявляло о полном прекращении судебного преследования по политическим делам. Однако, опасаясь давления революционного народа, вынуждено было по политическим мотивам борьбы с приверженцами старого строя арестовать и заключить в тюрьму большую группу царских

³² Вестник Временного правительства, 1917, 5 марта.

сановников и министров. Тюремное заключение для контрреволюционеров справа, горячо одобренное народом, давало в будущем Временному правительству логическое оправдание и для борьбы с «контрреволюцией слева». Однако о возникновении такой перспективы предпочитали помалкивать в марте и апреле. Практически Временное правительство не имело никакой возможности арестовать какого-либо деятеля любой политической партии, поскольку против этого бы выступил Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, обладавший реальной властью. Временное правительство сохранило в неприкосновенности и основную структуру старой судебной системы, начав демократизацию только ее нижнего звена — мирового суда, и ликвидировав чрезвычайные судебные органы, явно служившие борьбе царского правительства с революционным и освободительным движением.

Еще меньшему воздействию в направлении слома государственной машины подвергся аппарат министерств и ведомств. Процесс овладения аппаратом министерств и ведомств осуществлялся в два этапа. Во-первых, это назначение комиссаров Временного комитета Государственной думы 28 февраля — 1 марта. Именно они не допустили образования «вакуума» в администрации в связи с тем, что большинство министров и глав ведомств в эти дни скрылись или были арестованы. Комиссары Думы призывали к порядку, к продолжению текущей работы, отдавали и необходимые распоряжения, связанные с борьбой против старой власти и расширением влияния новой. По официальному сообщению Временного комитета были назначены следующие комиссары: в Министерство внутренних дел (самое важное министерство в системе государственного аппарата царизма) — гр. Д. П. Капнист 2-й, А. М. Масленников, И. Н. Ефремов, М. И. Арефьев. В его подразделения, непосредственно ведавшие средствами связи, на почту — А. А. Барышников и К. К. Черносвитов, на телеграф — П. П. Гронский и М. Д. Калугин. Гронский, кроме того, стал комиссаром Петроградского телеграфного агентства. В Петроградском градоначальстве комиссарами стали П. В. Герасимов и В. Н. Пепеляев.

В Министерство земледелия были направлены тоже четыре комиссара: Н. К. Волков, И. П. Демидов, кн. И. С. Васильчиков и гр. И. И. Капнист 1-й. В Министерство юстиции отправились уже упоминавшиеся выше В. А. Маклаков, М. С. Аджемов, а также В. П. Басаков. В Военное и Морское министерства назначили Н. В. Савича и А. Н. Саватеева. В Министерство торговли и промышленности — С. Н. Родзянко и Н. А. Ростовцева, в Министерство финансов — В. А. Виноградова и И. В. Титова, а в Сенат — И. В. Годнева.³³ Раньше всех и по собственной инициативе стал осуществлять функции комиссара в Министерстве путей сообщения А. А. Бубликов. Он действовал особенно активно и держал

³³ Великие дни Российской революции, с. 23—24.

под своим контролем уже с 28 февраля Петроградский железнодорожный узел и близлежащие железные дороги. Пользуясь ведомственным железнодорожным телеграфом, Бубликов распространил по всей стране телеграммы о положении в столице и об успехах борьбы с царскими властями. Эти телеграммы сыграли немаловажную роль в создании морального перевеса сил революции над сторонниками старой власти и облегчили ориентацию в событиях для провинции.

Активно проявили себя комиссары в Министерстве юстиции, которые, как уже отмечалось выше, отдали распоряжение о выпуске на свободу политических заключенных, возвращении в Петроград социал-демократической фракции IV Государственной Думы, прекращении возбуждения дел по политическим обвинениям и некоторые другие. После сформирования Временного правительства комиссары по Министерству юстиции доложили Керенскому о проделанной ими работе. Он одобрил ее и просил их продолжать руководить министерством еще и 3 марта, когда он собирался вступить в исполнение своих обязанностей. Деятельность комиссаров в других министерствах не оставила после себя особых следов.

3—4 марта происходит вступление в должность министров Временного правительства. Они приезжают в свои министерства, принимают товарищей министров, руководителей департаментов, иногда выступают на общих собраниях служащих. Князь Г. Е. Львов фактически к своим обязанностям министра внутренних дел сам и не приступал. 3 марта 1917 г. он издал приказ назначенному товарищем министра Н. Н. Щепкину, в котором говорилось: «Оставляя за собой общее руководство отделами министерства внутренних дел, предлагаю вам принять на себя непосредственное заведывание делами министерства».³⁴ Однако церемония представления и посещения новым министром своего министерства все же состоялась. Заседание Временного правительства 4 марта состоялось уже не в Таврическом дворце, а именно в здании Министерства внутренних дел, в зале совета Министра внутренних дел. Надо сказать, что структура именно этого министерства подверглась наиболее существенным изменениям. После того как была уничтожена полиция, жандармерия, охранка, Министерство внутренних дел лишилось главных орудий своей деятельности. Его значение в складывавшейся системе нового государственного аппарата резко упало. Реальная власть министра внутренних дел значительно уменьшилась. Управление милицией вскоре было децентрализовано. Она перешла в ведение (в том числе и по финансовым вопросам) местных органов самоуправления. Созданное вскоре Главное управление по делам милиции осуществляло лишь самое общее руководство милицией и ее государственную инспекцию, вело учет различного рода правонару-

³⁴ Там же, с. 72.

шений. Ничего похожего на ту огромную и мощную централизованную силу, которой обладало Министерство внутренних дел еще совсем недавно, например при Протопопове, Временное правительство создать не смогло. Главным в деятельности МВД стало руководство местной властью, реорганизацией органов местного самоуправления.

Вступление в должность А. И. Гучкова и П. Н. Милюкова состоялось 4 марта 1917 г. Весьма красочным и театральным, как и все, что он тогда делал, было появление в Министерстве юстиции А. Ф. Керенского. Он прибыл туда в 3 часа дня 3 марта (т. е. сразу же после окончания совещания с великим князем Михаилом Александровичем, на котором последний отказался от принятия верховной власти), прошел в сопровождении комиссара Временного комитета Государственной думы В. П. Басакова в кабинет министра, пригласив к себе и бывшего товарища министра. Затем Басаков сделал доклад о положении в министерстве, после чего состоялось совещание с бывшим товарищем министра.³⁵ Керенский пожелал держать речь перед чинами своего ведомства и заявил, что будет отстаивать закон и справедливость. Когда к нему обращались со словами «Ваше превосходительство...», он морщился и вскоре издал приказ впредь не называть его так, а именовать просто: «господин министр».³⁶ По его требованию немедленно были сняты и вынесены все царские портреты. Новый министр запретил всем чинам министерства одевать орденские ленты, знаки отличия. Буржуазная печать захлебывалась от восторга, расхваливая «демократизм» нового министра. Керенский назначил своим заместителем известного московского адвоката, народного социалиста А. С. Зарудного.

4 марта под председательством митрополита Владимира состоялось первое после революции заседание Синода. На нем был представлен обер-прокурор В. Н. Львов. Он также озаменовал свое появление демонстративным актом. По его указанию из зала Синода было удалено царское кресло. В этот же день в Министерство народного просвещения прибыл новый министр А. А. Мануилов. Революция обошла это министерство, в него не были назначены комиссары, его не занимали штурмом. Вступление А. А. Мануилова в должность прошло весьма гладко. Он тоже созвал своих новых сотрудников и обратился к ним с речью. Главное ее содержание — надо работать, не щадя своих сил. Первым распоряжением министра просвещения была отправка телеграммы попечителям учебных округов о возобновлении (по возможности) учебных занятий. Известно, что студенты Петрограда, Москвы, других университетских городов приняли активное участие в борьбе со старой властью, в формировании новой народной ми-

³⁵ Речь, 1917, 5 марта.

³⁶ Утро России, 1917, 5 марта.

лиции. Теперь министр просвещения торопился вернуть их в аудиторию.

В тот же день 4 марта приступил к своим обязанностям и новый министр земледелия А. И. Шингарев. Военский караул, охранявший здание, выстроился для его почетной встречи. На его приветствие солдаты дружно ответили: «Здравия желаем!». Затем он поднялся в здание, выступил перед сотрудниками и призвал к совместным действиям. Немедленно по принятии дел Шингарев отправил телеграмму президенту Вольного экономического общества известному правому эсеру Н. В. Чайковскому, где, в частности, говорилось: «Считая, что с учреждением нового строя деятельность Вольного экономического общества, прерванная старой властью, восстановлена, очень просил бы вас обратиться ко всем деятелям и моим товарищам по общей работе с призывом немедленно придти на помощь новому правительству в разрешении хозяйственных и прочих экономических вопросов текущей жизни».³⁷

Министр финансов М. И. Терещенко отдал приказ о своем вступлении в должность 4 марта 1917 г. В нем он призывал к восстановлению нормальной деятельности всех учреждений министерства. Тогда же вступил в исполнение своих обязанностей и министр торговли и промышленности А. И. Коновалов. Он также обратился с краткой приветственной речью к чинам своего ведомства и заявил, что основой его деятельности является декларация, только что принятая Временным правительством. Он напомнил о трудностях, которые стоят перед страной. . .

Позже всех, 5 марта, приступил к делам министр путей сообщения Н. В. Некрасов. В его приказе говорилось, чтобы все чины министерства оставались на своих местах и продолжали работу.

Таким образом, в течение 3—5 марта, а в основном 4 марта, почти все министры приступили к работе непосредственно в помещениях своих министерств. Этим закончился второй этап овладения буржуазными представителями аппаратом центрального государственного управления.

При этом большинство сотрудников министерств, начиная от курьеров и кончая заведующими отделами и директорами департаментов, оставались на своих местах. Смена высших служащих производилась в индивидуальном порядке путем увольнения в отставку или на пенсию. Безусловной смене, как правило, подлежали лишь товарищи министров, которых каждый министр подбирает себе сам. Здесь играли роль уже не столько партийные обязательства, сколько личные связи, знакомство и даже родственные

³⁷ Русские ведомости, 7 марта. — По свидетельству Е. М. Кусковой, конца 50-х годов Вольное экономическое общество фактически использовалось тайной организацией «Верховный Совет народов России» в качестве прикрытия для деятельности ее членов. Шингарев, как показывают упомянутые выше списки политических масонских лож в России 1905—1908 гг., был членом ложи в Петербурге.

отношения. Как говорил позднее об этой черте формирования высшего аппарата при новой власти член Государственной думы и сам комиссар Думы в февральские дни А. А. Бубликов: «Такого кумовства я еще не видел!».

Таким образом, реорганизация старого аппарата государственного управления ограничилась в основном сменой министров и их заместителей, увольнением значительного числа высших служащих или лиц, скомпрометировавших себя сотрудничеством с тайной полицией. В большей или меньшей степени подверглись структурной перестройке только министерства внутренних дел и юстиции. По предложению Коновалова в составе Министерства торговли и промышленности был создан Отдел труда. В момент Февральской революции предполагалось даже создать новое — Министерство труда,³⁸ предложение возглавить его было сделано меньшевику Н. С. Чхеидзе, только что избранному Председателем Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Но он, связанный решением Исполкома не посылать представителей Совета в буржуазное правительство, отказался. Министерство труда в самостоятельном виде появилось только в первом коалиционном правительстве. Этим и исчерпываются по существу мероприятия по «слому» собственно государственного аппарата, центрального управления, проведенные Временным правительством первого состава. Как видим, они были незначительны. Государственный аппарат управления (в отличие от его угнетательской части) почти не претерпел изменений.

ОРГАНИЗАЦИЯ ВЛАСТИ НА МЕСТАХ

До момента Февральской революции органами центральной правительственной власти на местах были губернаторы, располагавшие аппаратом губернских присутствий. Им подчинялись градоначальники, местная полиция и жандармерия. Созданные в результате земской и городской реформ земства и городские думы считались органами местного общественного управления, и надзор за ними также осуществлялся губернаторами. Губернатор, подчинявшийся непосредственно Министерству внутренних дел, был фигурой столь же однозной и ненавистой народу, как и его шеф, министр внутренних дел.

Эта система местной власти и встретила испытания революции. Прежде чем Временное правительство добралось до нее и

³⁸ Создание специального Министерства труда в случае победы над царизмом или уступки последним власти буржуазии было согласовано на совещаниях правосоциалистических групп и представителей радикальной части прогрессистов и левых кадетов в 1915 и 1916 годах. Инициаторами этих совещаний были Е. М. Кускова и С. Н. Прокопович. Как было установлено позднее, эти совещания проводились во имя согласованной программы тайного политического общества «Верховный Совет народов России».

до решения вопроса о судьбе губернаторов, развитие революционной инициативы привело к созданию ряда новых образований в губернских и уездных городах и фактически устранило большинство губернаторов. Проиллюстрируем это на примере ряда губернских городов и Москвы.

В Москве вечером 27 февраля в здании Городской думы на Воскресенской площади состоялось заседание прогрессистов группы гласных думы, московской общественности, рабочих,¹ где было предложено избрать временный революционный комитет из представителей Городской думы и общественных организаций. С 11 часов утра 28 февраля в Москве началась забастовка. Рабочие устремились в центр города. Всюду обезоруживали полицейских, вскоре все посты были сняты. На площадях оставались патрули пехоты и конных жандармов. У здания Городской думы на площади образовался непрерывный митинг, длившийся до позднего вечера. В 5 часов дня началось заседание прогрессивных гласных и временного комитета, выборы в который проходили в течение предшествующих часов. Вскоре стало известно и об образовании в Москве Совета рабочих депутатов. Представители обеих организаций создали свой орган, который получил название Комитета общественного спасения. 1 марта в Городской думе происходили многочисленные собрания, в том числе собрания Совета рабочих депутатов и комитета, избранного Городской думой. Офицеры, примкнувшие к новому строю, избрали военный комитет для руководства войсками, председателем которого стал председатель губернской земской управы полковник А. Е. Грузинов. В 4 часа дня началось заседание вновь образованного Комитета общественных организаций, куда вошли 150 представителей всех общественных организаций Москвы. Председательствовал С. Н. Прокопович.

Комитет избрал исполнительную комиссию, образованную на коалиционных началах из 5 представителей каждой из трех групп: от Совета рабочих депутатов, от демократических организаций и от цензовиков. Комитет и его комиссия становились высшим органом управления в Москве. Правительство должен был представлять комиссар, которым вначале был назначен московский городской голова М. В. Челноков.² В здание Городской думы, местопребывание местной власти, стали приводить, как в Петрограде в Таврический дворец, арестованных полицейских и жандармов. Вечером 1 марта их набралось до тысячи человек. Комиссары комитета общественных организаций освободили арестованных политических из Бутырской тюрьмы. Вечером был арестован командующий московским военным округом генерал И. И. Мрозов-

¹ Подробнее см.: Грунт А. Я. Москва, 1917-й. Революция и контрреволюция. М., 1976, с. 46—59.

² М. В. Челноков был вскоре смещен, и на его место назначен кадет Н. М. Кишкин. — Великие дни Российской революции. Пг., 1917, с. 34—35, 39—40, 70.

ский. 2 марта в Городской думе непрерывно заседала исполнительная комиссия из 15 человек, избранная комитетом общественных организаций. Именно она представляла собой в первые дни орган местной власти в Москве. С ним сотрудничал и комиссар Временного правительства, назначенный из местных общественных деятелей.

В Твери, расположенной между двумя столицами, события приняли острый характер. Местный губернатор Н. Н. Бюнтинг был известен как ярый реакционер, который чинил препятствия в деятельности даже самых умеренных буржуазных организаций. В момент начала народных волнений в Твери Бюнтинг приказал разгонять народ и оказал сопротивление революционному движению. Восставшими солдатами и рабочими тверской губернии губернатор был убит. Для поддержания порядка в городе по почину Городской думы и местных общественных организаций был создан Комитет общественной безопасности.

В Нижнем Новгороде события революции переживались 1 и 2 марта. Состоялись грандиозные манифестации и митинги рабочих, солдат, городского населения. Были освобождены политические заключенные, присоединившиеся к манифестантам. Особенно поражала участников событий организованность и сознательность нижегородских рабочих, во многих местах города полностью взявших на себя охрану революционного порядка. Поздно вечером 1 марта Городская дума, заседавшая совместно с представителями других организаций, постановила создать Нижегородский комитет общественной безопасности. Дума послала телеграмму в Петроград М. В. Родзянко и в Москву М. В. Челнокову. В телеграмме на имя Родзянко говорилось: «Нижегородская городская дума постановила присоединиться к временному правительству в лице исполнительного комитета Государственной думы. Избран общественный комитет из представителей Городской думы, замства, общественных организаций и рабочих. Освобождены политические заключенные. Необходима общая политическая амнистия. Необходимы скорейшие указания на местах со стороны Временного правительства».³

В Царицыне городской комитет общественной безопасности был избран 1 марта на совместном заседании местной Городской думы и биржевого комитета. В Саратове 1 марта губернатор в 5 часов вечера прибыл на частное совещание гласных Городской думы и в большой речи просил думу принять меры к сохранению спокойствия в городе и недопущению эксцессов. На предложение губернатору устраниваться со своего поста, он ответил, что получил свое назначение «из рук государя и поэтому должен остаться на посту верным старому правительству».⁴ 2 марта в Саратове был избран городской исполнительный комитет общественной безопас-

³ Там же, с. 58.

⁴ Там же.

ности, полиции предложено было подчиниться решениям комитета.

В Харькове 28 февраля совещание гласных Городской думы и представителей общественных организаций не было разрешено губернатором. Но к 6 часам вечера тысячи рабочих и горожан стали стекаться к зданию думы, и собрание все-таки состоялось. Оно избрало городской общественный комитет под председательством гласного Корякина. Трогательное единение всех старых и рождающихся новых властей имело место в Вологде. 1 марта оттуда в Петроград на имя Родзянко была отправлена следующая телеграмма: «Начальник губернии, вице-губернатор, городской голова, состав губернской земской управы, председатель уездной вологодской земской управы, прокурор, начальник гарнизона, собравшись на совещание и обсудив положение, готовы в настоящий тяжелый момент, переживаемый родиной, отдать все силы и жизнь за спасение дорогого отечества. Признавая Временный комитет Государственной Думы стоящим во главе правительства, подчиняемся всем его директивам и ждем распоряжений».⁵ Тем не менее в этот день в Вологде был создан «Временный губернский правительственный комитет в составе пяти представителей городского самоуправления трех крестьян, трех рабочих, двух представителей кооперативов и шести представителей от партий (по два от эсеров, социал-демократов и кадетов)».⁶ Приведенные ниже сводные данные о времени образования новых временных органов местной власти в ходе первых пяти дней марта 1917 г., т. е. до того момента, как Временное правительство приняло свое первое решение по этому вопросу (см. список-таблицу), далеко неполные.

В те же дни 1—5 марта создание комитетов общественной безопасности или аналогичных учреждений охватило и многие уездные и неуездные города, в которых имелись городские думы, какие-либо общественные организации, промышленные предприятия. При разнообразии их названий нельзя не видеть главной общей черты всех органов временной местной власти — коалиционного характера. Как правило, в местном комитете общественной безопасности были представлены Городская дума или ее прогрессивная часть (цензовая общественность), учреждения земского или городского союза, кооперативы (и рабочие), военно-промышленный комитет, иногда его рабочая группа, сами рабочие непосредственно или через Совет рабочих депутатов, наконец, политические партии, в том числе и партия большевиков и так называемые социалистические. Конкретное сочетание этих политических сил зависело от особенностей обстановки в каждом городе. Иногда преобладала буржуазная общественность, иногда более сильными оказывались рабочие орга-

⁵ Там же, с. 57.

⁶ Великая Октябрьская социалистическая революция. Хроника событий. М., 1957, т. 1, с. 27.

ТАБЛИЦА *

Город	Дата	Название органа
Вологда	1.III	Временный губ. правительственный комитет
Киев	1.III	Общественный комитет
Киев	4.III	Исполнительный комитет Совета общественных организаций
Воронеж	1.III	Временный комитет общественных организаций
Нижний Новгород	1.III	Гор. исполнительный комитет
Самара	1.III	Особый временный гор. комитет безопасности
Царицын	1.III	Временный исполнительный комитет
Новгород	2.III	Комитет общественного спасения
Архангельск	2.III	Комитет общественной безопасности
Тверь	2.III	Временный исполнительный комитет
Харьков	2.III	Комитет общественных организаций
Ростов-на-Дону	2.III	Гражданский комитет
Новочеркасск	2.III	Донской исполнительный комитет
Астрахань	2.III	Губ. исполнительный комитет
Омск	2.III	Коалиционный комитет
Томск	2.III	Комитет общественного порядка и безопасности
Ташкент	2.III	Особый комитет
Саратов	2.III	Комитет общественной безопасности
Петрозаводск	3.III	Временный комитет общественной безопасности
Минск	3.III	Временный комитет общественных представителей
Одесса	3.III	Общественный комитет
Баку	3.III	Временный комитет общественных организаций
Владивосток	3.III	Комитет общественной безопасности
Якутск	4.III	Якутский комитет общественной безопасности
Казань	5.III	Губ. комитет общественной безопасности
Симбирск	5.III	Комитет местной гор. власти
Благовещенск	5.III	Комитет общественной безопасности
Ашхабад	5.III	Временный исполнительный комитет
Скобелев	5.III	Комитет по охране общественной безопасности

* Список составлен на основании данных, опубликованных в первом томе хроники «Великая Октябрьская социалистическая революция» (М., 1957, с. 27, 30, 31, 32, 33, 34, 41, 45, 46, 48, 49, 50, 61, 63, 66, 68, 82, 94, 98, 99) и сборника «Великие дни Российской революции» (Пг., 1917, с. 40, 41, 57, 58, 59, 70).

низации. В этой коалиционности проявилось временное совпадение классовых интересов как большинства народа, т. е. рабочего класса, крестьянства (в том числе солдат), городских низов, так и буржуазии в устранении царизма, а также стесненность политической жизни дореволюционной России, при которой правительство давало какую-то возможность для деятельности цензовой общественности и почти совершенно лишало таковой общественность демократическую. В итоге буржуазные силы в момент революции были лучше организованы и смогли проявить больше инициативы в организации органов местной власти. Вместе с тем известно, что в эти же дни и в тех же городах параллельно шло создание Советов рабочих депутатов и Советов солдатских депутатов, а также объединенных Советов. И несмотря на то, что

эти Советы пока в большинстве случаев сотрудничали с комитетами общественной безопасности и даже участвовали в них, наличие особой системы Советов с первых дней Февральской революции облегчало рабочему классу возможность собственной организации своих сил для дальнейшей борьбы за переход революции ко второму ее этапу.

Пожалуй, только в Петрограде, столице государства, не было создано коалиционного органа местной власти типа комитета общественной безопасности или комитета общественных организаций.

Таким образом, к 5 марта, дню, когда Временное правительство приняло свое первое постановление по вопросу об организации власти на местах, как в губернских центрах, так и во многих уездных городах уже существовали временные органы местной власти — комитеты общественных организаций, общественной безопасности или аналогичные им организации. Среди важнейших функций этих комитетов были установление контроля над органами старой власти, роспуск и уничтожение полиции и жандармерии, организация милиции и управление ею. О поддержке комитетов, как правило, заявляли и местные гарнизоны. В ряде городов инициаторами создания революционной военной силы и силы охраны революционного порядка выступали только что организованные Советы рабочих и солдатских депутатов. Следовательно, реальная власть на местах в эти дни перешла в руки комитетов общественной безопасности.

Какова же была судьба представителей старой центральной власти, губернаторов? Исчерпывающих данных по этому вопросу собрать пока не удалось. Выше мы приводили пример того, как в Твери губернатор, пытавшийся бороться с революционным движением, был убит солдатами. Более характерным был арест губернатора. Так, были арестованы губернаторы в Новгороде, Астрахани, Омске, Самаре, Иркутске.⁷ Лифляндский губернатор скрылся из Риги. Некоторые губернаторы заявляли о своей лояльности Временному комитету Государственной думы, как например Вологодский. Очень долго оставался у власти киевский губернатор. Еще 4 марта Исполнительный комитет Совета общественных организаций решал вопрос о создании особого органа при губернаторе. Можно сделать вывод, что к 2—3 марта 1917 г. деятельность большинства губернаторов была парализована, многие из них были арестованы, некоторые убиты, а часть ожидала своей судьбы. Губернаторы почти повсеместно были лишены реальной власти. Полицейские и жандармские начальники были заключены под стражу, а некоторые убиты, полиция и жандармерия распущена или арестована, контроль над средствами связи принадлежал новым органам местной власти. Как видим, смена

⁷ Великая Октябрьская социалистическая революция. Хроника событий, с. 41, 48, 49, 56, 80, 82.

власти прошла без всякого активного участия со стороны Временного правительства. Сила примера Петрограда и Москвы, о которой рассказали телеграф, телефон и газеты, инициатива и смелый почин местных революционных организаций, прежде всего большевиков, героизм рабочего класса, увлекшего за собой солдат, — вот факторы, в решающей степени способствовавшие установлению новой местной власти в провинции.

Временное правительство, разумеется, не было информировано обо всех этих процессах в той степени, в которой могут судить о них сейчас историки. Однако многие из приводимых нами фактов упоминались в двух единственных выходивших тогда (с 27 февраля по 4 марта) в Петрограде газетах: «Известиях Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов» и «Известиях комитета петроградских журналистов», другие становились известными из телеграмм, поступавших на имя Председателя Государственной думы М. В. Родзянко. Из них можно было, в частности, сделать вывод о том, что органы старой власти на местах, и прежде всего губернаторы, деморализованы и фактически отстранены от реальной власти. Впоследствии с легкой руки В. Д. Набокова, впервые написавшего об этом в своих воспоминаниях, эмигрантские историки и публицисты обвиняли князя Г. Е. Львова за его непродуманную меру, выразившуюся в смещении губернаторов «по телеграфу». Думается, что князь Львов при всей его «мягкотелости и бесхарактерности», о которых так любили распространяться П. Н. Милюков и другие мемуаристы-кадеты, в данном вопросе обладал трезвостью. Губернаторы уже были вчерашним днем. Спасти их было невозможно, и единственно реальный шаг — их замена.

Это постановление и было принято правительством 5 марта 1917 г. В телеграмме Председателя Совета министров и министра внутренних дел кн. Г. Е. Львова содержалось распоряжение о повсеместной замене губернаторов губернскими комиссарами Временного правительства. Губернаторы немедленно отстранялись от должности, равно как и вице-губернаторы.

Одновременно в телеграмме князя Львова говорилось о замене полиции милицией, организуемой общественными самоуправлениями.⁸

Нет никаких свидетельств в пользу того, что кто-либо из членов Временного правительства возражал против этой меры непосредственно в ходе ее обсуждения или что кто-нибудь высказался за оставление на своих постах губернаторов. Однако впоследствии проведение этой меры ставилось в вину Временному правительству первого состава самими же его членами. Об этом первым написал, как мы сказали выше, Набоков. В своих воспоминаниях он начинал рассказ о внутренней политике правительства с зем-

⁸ Авдеев Н. Революция 1917 года. (Хроника событий). Январь—апрель. М.; Пг., 1923, т. 1, с. 67.

ского ноябрьского съезда 1905 г. Еще тогда был поставлен вопрос об отношении к старой администрации, и прежде всего к губернаторам, в случае установления конституционного строя. Членами съезда «выставлялось соображение, что от слуг абсолютизма нельзя ожидать ни готовности, ни умения служить новому строю, что они будут ему недоброжелательствовать и проявлять к нему отношение, которое на современном революционном жаргоне получило название „саботаж“».⁹ Набоков заявлял, что он лично выступал против подобного предположения. Он обращал внимание на то, что либеральная оппозиция не имеет достаточного количества «идейных работников», готовых немедленно впрячься в сложную государственную машину. Местные власти не проявят той стойкости монархических убеждений, как в центре, и, как сказал Кукольник, сыграют роль акушера по приказу государя. И. И. Петрункевич вышутил тогда Набокова, заявив, что не хотел бы быть на месте той роженицы, которой будет помогать при родах такой акушер, а здесь-де в этой роли выступит Россия. Отдавая должное остроумию Петрункевича, Набоков отмечал, что эта шутка его не убедила. «Конечно, и в центрах, и на местах, — продолжает Набоков, — как тогда, в 1905 году, так и теперь, в 1917-м, были отдельные люди, которых их прежняя деятельность и совершенно определенная яркая политическая физиономия делала и принципиально и практически неприемлемыми для нового строя. Эти единицы и подлежали бы изъятию».

Набоков выступал, таким образом, за сохранение костяка старой администрации Министерства внутренних дел. Но не он был в начале марта министром, его пост скромно назывался «управляющий делами Временного правительства», и он не имел права предлагать свои меры или критиковать действия других министров. Дать волю своему мнению он смог только в воспоминаниях. «Временное правительство, — писал далее Набоков, — поступило, как известно, иначе. Одним из первых — и одним из самых неудачных — его актов была знаменитая телеграмма князя Львова от 5 марта, отправленная циркулярно всем председателям губернских земских управ: придавая самое серьезное значение в целях устройства порядка внутри страны и для успеха обороны государства обеспечению безостановочной деятельности всех правительственных и общественных учреждений, Временное правительство признало необходимым устранить губернаторов и вице-губернаторов от исполнения обязанностей, причем управление губерний временно возлагалось на председателя губернской управы в качестве губернского комиссара Временного правительства». После этого Набоков и переходит к своей критике: «Не говоря о том, что в целом ряде губерний, где председателем управы являлось лицо, назначенное старым правительством, это распоряжение сво-

⁹ Набоков В. Д. Временное правительство. Воспоминания. М., 1924, с. 42.

дилось к лишенной всякого смысла и основания замене одних чиновников — другими, далеко не лучшими даже и в коренных земских губерниях, оно привело — во многих случаях — к явной чепухе. Председатель управы был нередко ставленником реакционного большинства, а губернатор — лицом вполне приемлемым и не обладающим никакой реакционной окраской. Временное правительство очень скоро, почти тотчас же, убедилось в том, что рассматриваемая мера была крайне необдуманной и легкомысленной импровизацией. Но что ему было делать? И в этом случае, как и во многих других, оно должно было считаться не с существом, не с действительными реальными интересами, а с требованиями революционной фразы, революционной демагогией и предполагаемыми настроениями масс. Так всему этому была принесена в жертву вся полиция».¹⁰

Набоков тут явно пристрастен. Запоздалое раздражение должно было скрыть от читателя его мемуаров тот непреложный факт, что Временное правительство, устранив губернаторов, уничтожая полицию, считалось не столько с «предполагаемыми настроениями масс», а с реальными фактами наличия в руках народа вооруженной силы, с ликвидацией той же полиции, произведенной революционным народом, с фактами арестов и убийств губернаторов, которые стали сразу же известны Временному правительству уже 3 и 4 марта. Оно не имело никакой возможности поступить иначе. Брюзжание и возмущение Набокова никак не скроет этот очевидный результат соотношения борющихся сил. И Временное правительство, устранив губернаторов, проявило элементарный политический реализм.

Критика этой меры, начатая Набоковым, была продолжена впоследствии Милюковым. Вот как он описывает смену власти на местах и организацию временных органов управления. «Мирный и быстрый успех революции в Петрограде отразился на таком же мирном и быстром усвоении ее результатов всей страной. Везде в провинции представители старой власти устранились сами или были устранены без всякого сопротивления».¹¹ Уже здесь мы видим некоторое искажение истины. Во многих местах старая власть не хотела сдаваться, она устранялась силой, во всяком случае насильственная смена местных властей была столь же распространенным явлением, как и мирная сдача власти губернаторами и полицией.

«На смену администрации старого порядка, — продолжал Милюков, — явились повсюду в первые же дни революции местные „комитеты“, „советы“ и другие организации из представителей общественных элементов. Никакого единообразия и никакой иерархической связи между этими местными организациями и

¹⁰ Там же, с. 44.

¹¹ М и л ю к о в П. Н. История второй русской революции. София, 1921, т. 1, вып. 1, с. 66.

центром не существовало. В первые же дни существования Временного правительства функции губернаторов и уездных представителей власти переданы были председателям губернских и уездных управ. Так как по своему составу эти председатели часто не соответствовали настроению момента, то эта суммарная мера вызвала трения и недовольство». ¹² Разумеется, большинство этих председателей было реакционерами, никак не соответствующими выполнению задач даже буржуазно-демократической революции. Однако в тот момент и данная мера не была лишена разумных оснований. Устранив губернаторов, нельзя было создавать вакуум на местах представителей центральной власти. Нельзя было ожидать и того момента, когда там подыщут соответствующие кандидатуры, представят их в центр на утверждение Министерством внутренних дел. Телеграмма Львова сразу указывала на должностное лицо, одновременно и повсеместно становившееся ех *oficio* комиссаром Временного правительства. Слово было сказано, система назначена, затем можно было и усовершенствовать ее. И действительно, уже через два месяца мало кто из представителей губернских и уездных управ сохранился на постах комиссаров Временного правительства. Но сам институт комиссаров существовал и позволял правительству не только быть в курсе местных событий, но и проводить на местах какую-то согласованную общую политику. Так что князь Львов не был уж таким простачком и растяпой, как его хотелось бы изобразить Милюкову и его сторонникам. Председатель Совета министров не принадлежал к числу этих сторонников уже с первых дней существования Временного правительства, и поэтому Милюков делает его ответственным за исчезновение централизации, за быструю утрату власти на местах. Милюков пишет: «Когда из провинции приезжали в Петроград старые и новые представители администрации и требовали однообразных директив от министерства внутренних дел, они неизменно получали от князя Г. Е. Львова тот же ответ, который он дал представителям печати в своем интервью 7 марта: «Это вопрос старой психологии. Временное правительство сместило новых губернаторов, а назначать никого не будет. В местах выберут. Такие вопросы должны разрешаться не из центра, а самим населением. . .»». ¹³

Далее П. Н. Милюков цитирует интервью кн. Львова от 19 марта, где тот говорил: «В области местного самоуправления программа Временного правительства составлена властными указаниями самой жизни.

В лице местных общественных комитетов и других подобных организаций она создала уже зародыш местного демократического самоуправления, подготавливающего население к будущим реформам. В этих комитетах я вижу фундамент, на котором должно

¹² Там же, с. 66—67.

¹³ Там же, с. 67.

держаться местное самоуправление до создания новых его органов. Комиссары Временного правительства, посылаемые на места, имеют своей задачей не становиться поверх созданных органов в качестве высшей инстанции, но лишь служить посредствующим звеном между ними и центральной властью и облегчить процесс их организации и оформления».¹⁴

Милюков писал далее, что внутренняя политика правительства Львова привела «к систематическому бездействию его ведомства и к самоограничению центральной власти одной задачей — санкционирования плодов того, что на языке „революционной демократии“ называлось „революционным правотворчеством“. Предоставленное самому себе и совершенно лишенное защиты со стороны представителей центральной власти население, по необходимости, должно было подчиниться управлению партийных организаций, которые приобрели в новых местных комитетах могучее средство влияния и пропаганды определенных идей, льстивших их интересам и инстинктам масс, а потому и наиболее для них приемлемым». Это понимал и Милюков.

Таким образом, рассматривая процесс образования новой временной власти на местах, необходимо подчеркнуть гигантскую роль самостоятельной инициативы всех слоев российского общества. Именно эта инициатива выдвинула прежде всего в Москве, а затем и в большинстве других городов форму комитета общественных организаций, или комитета общественной безопасности, который сконцентрировал всю полноту власти на местах. Комитеты фактически устранили от власти в городах и прежних губернаторов, и полицейских начальников, и цензовые городские думы. В комитетах общественной безопасности были представлены как старая цензовая или буржуазная общественность, так и революционная демократия. В первые месяцы революции власть комиссаров Временного правительства была чисто номинальной. Они рекрутировались из представителей местной общественности, были тесно связаны с ней и не могли отдавать те распоряжения, которые бы шли вразрез с желаниями комитетов общественной безопасности. Жесткая централизация, характерная для старого царского аппарата министерства внутренних дел, была в значительной мере утрачена. К тем изменениям, которые произвела Февральская революция, нужно следовательно прибавить еще децентрализацию государственного аппарата, существенное его ослабление в местном звене. Временное правительство устами князя Львова заявило, что комиссары его не должны рассматриваться как стоящие над комитетами общественных организаций на местах, чем авторитет местной революцией выдвинутой власти был еще более подчеркнут.

Однако система новых органов власти с самого начала не была единой. Подобно тому как в Петрограде вместе с Времен-

¹⁴ Там же.

ным правительством существовал и Петроградский Совет, в губерниях всюду одновременно с созданием комитетов общественных организаций или сразу же после них были созданы самостоятельные Советы рабочих депутатов, Советы солдатских депутатов, а затем и Советы крестьянских депутатов. Во многих городах Советы послали своих представителей в комитеты общественной безопасности, причем часто представительство это было весьма значительным, до трети депутатов. Однако и после этого самостоятельное существование Советов продолжалось. Комитеты общественных организаций с самого начала своего образования были, как правило, коалиционными, поэтому представители революционной демократии были в курсе их решений и имели полную возможность влиять на их принятие. Советы же, в которых в первые месяцы революции почти повсеместно получили преобладающее влияние меньшевики и эсеры, поддерживали в это время комитеты общественной безопасности и Временное правительство, пользовавшееся условной поддержкой Петроградского Совета. Поэтому о «двоевластии» на местах в первые недели революции вряд ли можно говорить реально. Существовало скорее «двоецентрие». Но возможность возникновения такого двоевластия действительно существовала с первых минут революции, как только в данном городе возникали, с одной стороны, коалиционные комитеты общественной безопасности, и, с другой — более однородные в классовом отношении Советы рабочих депутатов. И если с развитием революционных событий в марте и апреле комитеты общественных организаций как единые органы местной власти утрачивали свое значение, — они или распадались или их место занимали реформированные или «демократизированные» городские думы, усиливались и власть и влияние комиссаров Временного правительства, — то Советы рабочих и солдатских депутатов крепили день ото дня. В конце марта их делегаты собрались уже на свое первое совещание, и была фактически создана новая общероссийская система политических организаций, система, параллельная общественно-государственным органам. И та политика, которую проводило Министерство внутренних дел, политика, которая так не нравилась Милюкову, создавала невольно благоприятные условия для роста и укрепления местных Советов по всей стране. И Советы эти благоприятные условия использовали в полной мере, создавая новую политическую силу в государстве, свою централизацию и свою сплоченность. Наличие Советов, как неоднократно указывал В. И. Ленин уже в апреле 1917 г., придавало новое качество российскому государству, открывало для рабочего класса нашей страны возможность борьбы за создание государства нового типа, где не будет не только армии и полиции, но и чиновников, назначаемых сверху. Отсутствие у Временного правительства реальной вооруженной силы дополнялось отсутствием централизованного и единого по всей стране аппарата местной государственной власти.

Картину местной власти в первые недели революции попытался обобщить отдел сношений с провинцией при Временном комитете Государственной думы. Его доклад дает интересные подробности восприятия современниками процесса неуклонного роста авторитета Советов рабочих и солдатских депутатов. Там говорится: «Первыми в хронологическом порядке почти везде образовывались городские общественные комитеты. Наряду с ними возникали другие общественные организации, по большей части весьма многочисленные. В городах картина в первое время получилась приблизительно такая: 1) губернский комитет, 2) городской комитет, 3) уездный комитет, 4) городская дума, 5) губернская управа, 6) уездная управа, 7) Совет рабочих и солдатских депутатов и 8) представители правительства — комиссары. Громоздкость административного аппарата сразу бросалась в глаза».¹⁵

Далее перечислялись функции комитетов, которые занимались прежде всего охраной порядка и спокойствия и организацией милиции. Затем указывались пути «укрепления нового строя» — подготовка и проведение выборов в городское самоуправление и в Учредительное собрание. Хозяйством и продовольствием города ведали городские думы. Между многочисленными местными административными организациями, существовавшими в одном и том же городе, отношения устанавливались весьма сложные. В докладе говорилось: «Впоследствии организация пошла по пути слияния параллельных учреждений, но не везде это проходило гладко и безболезненно. Постоянно наблюдалось и наблюдается до сих пор стеснение одними органами других, конкуренция власти, непомерное расширение своих функций, вмешательство одних в круг деятельности других. Часто городской комитет заседает рядом с думой и не признает ее. Она выносит свои решения, он — свои, Совет солдатских и рабочих депутатов — свои. Несколько учреждений выполняют одни и те же функции, в то время как некоторые стороны жизни вовсе никем не обслуживаются или обслуживаются крайне недостаточно (отсутствие местных судов, неудовлетворительная постановка милиции и т. д.). Долгое время взаимоотношения уездных и городских комитетов оставались вне какой-нибудь регламентации из губернского комитета. И несмотря на то, что городские комитеты иногда, как бы для равновесия, допускали в свой состав представителей от комитетов уездных, все-таки это не устраняло трений между городскими и уездными комитетами и пререканий между ними по вопросам компетенции и власти».¹⁶

Таким образом, сложившаяся на местах система административных учреждений отличалась пестротой и сложностью, «конкуренцией власти», а это в свою очередь вело к общему ослаблению

¹⁵ Шляпников А. Г. Семнадцатый год. М.; Л., 1927, кн. 3, с. 4.

¹⁶ Там же, с. 4—5.

государственного аппарата Временного правительства и создавало дополнительные благоприятные условия для укрепления Советов.

В докладе говорилось, что во многих городах демократические слои населения выражали недовольство широким представительством в комитетах общественных организаций ценовиков и требовали переизбрания их, введения делегатов от социалистических партий. «И одной из важнейших задач делегатов, — говорится далее в документе, — являлось проведение везде принципа демократизации органов управления. Кроме делегатов, особенно давление в сторону реорганизации комитетов и введения в них демократических элементов оказывал Совет рабочих и солдатских депутатов». Затем в докладе отмечалось, что передача функций губернаторов и уездных исправников председателям губернских и уездных земств вызвала большое недовольство со стороны комитетов общественных организаций. «Создавшиеся на местах комитеты, — писали авторы доклада, — хотя и носили различные наименования, но были значительно прогрессивнее земских верхушек. Во многих местах в состав таких комитетов в первые дни входили представители социалистических партий и организовавшихся Советов рабочих, а потом и солдатских депутатов. Временному правительству сразу же пришлось считаться с «волею мест» и отказаться от огульной передачи власти в руки местных землевладельцев и утверждать выставляемые местами кандидатуры лиц, „пользующихся доверием и авторитетом среди широких слоев местного населения“». ¹⁷ Принцип назначения представителя центральной власти противоречил той практике избрания всех и всяческих лиц, которая так широко распространилась по стране в первые же дни Февральской революции. Поэтому население, как правило, встречало враждебно любого правительственного «назначенца» и требовало его переизбрания. Когда Временное правительство отказалось от положения о том, что комиссаром должен быть непременно председатель земской управы, всюду началось быстрое переизбрание комиссаров из представителей местной общественности, часто прямо из рядов революционной демократии.

19 марта 1917 г. Временное правительство приняло постановление о полном уничтожении института земских начальников, введенного по земской контрреформе Александра III. Земские начальники были особенно ненавистны для крестьян, и о сохранении этих должностных лиц после революции не могло быть и речи. С падением земского начальника была уничтожена крайняя точка полицейской паутины, дотягивавшаяся из Петрограда буквально до каждого жителя села. Ослабла правительственная власть в деревне, а следовательно открылись более благоприятные возможности для самоорганизации крестьян, для развития их революционно-демократического движения и борьбы за землю. Отменив институт земских начальников, Временное правительство

¹⁷ Там же, с. 5—6.

признало необходимым срочно разработать проект о преобразовании органов местного управления и временного местного суда. Обязанности земского начальника переходили к уездным комиссарам, а судебные функции — временным судьям, назначаемым губернскими комиссарами Временного правительства и утверждаемым Министерством юстиции.

Чтобы как-то заполнить вакуум власти в волостях, Временное правительство телеграфно поручило губернским комиссарам образовать при помощи уездных комиссаров «волостные комитеты», которые должны были осуществлять функции будущих волостных земств, подготовка к выборам которых должна была вскоре начаться. При создании волостных комитетов комиссарам рекомендовалось опираться на существующие волостные продовольственные комитеты, на кооперативные организации, на волостные попечительства по призрению нижних чинов, на избранные уже волостные комитеты, «в зависимости от того, какие из этих организаций по местным условиям являются более жизнедеятельными, работоспособными и внушают наибольшее доверие населению».¹⁸ Организация волостных комитетов шла медленно и далеко не была закончена к моменту образования первого коалиционного правительства.

С провозглашением создания волостных комитетов была завершена постройка системы временных органов власти на местах, сменившей там органы старой царской власти и управления. В марте—апреле 1917 г. представителями правительства в губернских и уездных городах были комиссары, объем полномочий которых значительно уступал власти прежних губернаторов и уездных исправников. Само правительство заявляло, что комиссары не должны стоять над местными учреждениями общественного управления. Реальная власть на местах принадлежала разнообразным по названиям коалиционным комитетам общественных организаций, которые контролировали вновь созданную милицию и власть над гарнизоном. Всюду рядом с комитетами возникали Советы рабочих и солдатских депутатов, быстро сложившиеся в параллельную систему общественных организаций, имевших и определенные властные функции. Совместными усилиями комитетов общественных организаций и Советов рабочих депутатов существовавшие ранее городские думы были реорганизованы и дополнены делегатами от партий и Советов. Эти реорганизованные временные думы осуществляли управление городским хозяйством вплоть до последующих выборов в новые городские думы, создававшиеся уже на принципе всеобщего избирательного права.

В Петрограде, например, 6 марта 1917 г. Городская дума постановила немедленно начать подготовку к выборам в новую думу. Однако они, как известно, были проведены только 20 ав-

¹⁸ Там же, с. 7.

густа. До этого момента дума подверглась нескольким этапам «демократизации». В нее были делегированы представители Петроградского Совета и политических партий, а в апреле введены 162 представителя от временных районных дум в качестве временных гласных с правом решающего голоса. По мере развития революционных событий «демократизированные городские думы» начинали играть все большую роль на местах, однако в марте и апреле первое место в иерархии административных учреждений в губернских городах продолжало оставаться за комитетом общественных организаций, Советом рабочих и солдатских депутатов и губернским комиссаром.

Рассматривая сложный конгломерат учреждений, возникших в первые дни Февральской революции, нельзя забывать и о старых «общественных организациях», созданных российской буржуазией в годы первой мировой войны. Речь идет о военно-промышленных комитетах, союзах земств и городов. Эти учреждения продолжали существовать. В первые дни революции такие министры, как Г. Е. Львов, А. И. Гучков, А. И. Коновалов, М. И. Терещенко, делали неоднократные попытки оживить деятельность старых буржуазных общественных организаций, выступали на их собраниях, направляли приветственные телеграммы и поздравления. Однако эти организации оказались быстро отодвинутыми на задворки политической жизни. Открытая политическая борьба выдвинула вперед политические партии, комитеты, Советы, армейские организации, наконец, городские думы и земства. В прикрытии политической деятельности органами старой цензовой общественности больше не было нужды. Политические функции постепенно отходили от военно-промышленных комитетов, союзов земств и городов. Они концентрировались только на выполнении военно-хозяйственных задач и хирели с каждым днем. Их самые способные и активные в политическом отношении сотрудники перенесли свою деятельность в другие организации.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Приняв, в результате отречения Николая II и отказа от власти Михаила Александровича, верховную власть в стране, Временное правительство не собиралось делиться ею со старыми законодательными учреждениями. Уже на первых его заседаниях, как мы показывали в предыдущих главах, был дан отпор претензиям М. В. Родзянко в плане того, чтобы Государственная дума или ее Временный комитет являлись контролирующими и высшими инстанциями по отношению к Временному правительству, объявившему себя носителем всех видов власти в стране: верховной, законодательной и исполнительной. Оно связало себя только обещанием передать эту власть в руки будущего Учредительного собрания, о времени созыва которого еще ничего не

было известно. Основное направление политики правительства, в том числе и его законодательной деятельности, было определено декларацией от 3 марта, согласованной с Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов, подлинным носителем реальной политической власти в этот момент.

Среди обязательств, принятых правительством в этой декларации, были: полная и немедленная амнистия, отмена всех сословных, версисповедальных и национальных ограничений, проведение всеобщих выборов в органы местного самоуправления, подготовка выборов в Учредительное собрание. Декларация обходила столь важные вопросы, как земельный и рабочий, однако было совершенно ясно, что и в этих областях правительству необходимо будет принять срочные меры, чтобы покончить с наследием царизма и дать доказательства приступа к коренным реформам.

6 марта 1917 г. Временное правительство утвердило указ об амнистии. Им объявлялась общая политическая амнистия лицам, осужденным за политические преступления всех категорий, религиозные, за уголовные преступления, совершенные по политическим мотивам. Восстанавливались в гражданских правах те, кто был лишен их ранее по суду за совершенные политические преступления. Все политические дела, находившиеся в производстве, прекращались. Амнистия не распространялась на преступления «изменнического свойства» и на религиозные преступления изуверского характера.¹ Закон об амнистии лишь оформил то, что уже было завоевано восставшим народом. Выше мы говорили, что в Петрограде и целом ряде других городов рабочие и солдаты сами захватили тюрьмы и освободили политических заключенных. Другие были освобождены по телеграммам комиссаров Временного комитета Государственной думы в Министерстве юстиции и нового министра юстиции А. Ф. Керенского. Тем не менее некоторые губернаторы медлили с освобождением политических, пытались выпускать их выборочно и с разбором. Поэтому издание общего закона, закрепляющего это несомненное завоевание революционного народа, было необходимо.

8 марта правительство постановило поручить юридическому совещанию при Временном правительстве приступить к выработке положения о выборах в Учредительное собрание.² На следующий день оно решило учредить при Министерстве торговли и промышленности Отдел труда «в целях разработки мероприятий, направленных к обеспечению трудящемуся классу того положения, которое по праву должен занимать народный труд — основной фактор народного богатства».³ В то же время, рассматривая

¹ Авдеев Н. Революция 1917 года. Хроника событий. Январь—апрель 1917 г. М., 1923, т. 1, с. 70.

² Революционное движение в России после свержения самодержавия. Документы и материалы. М., 1957, с. 428.

³ Авдеев Н. Указ. соч., с. 80.

вопрос об аграрных беспорядках в Казанской губернии, Временное правительство впервые заговорило о силе, заявив, что будет привлекать к уголовной ответственности тех, кто примет участие в беспорядках.⁴

10 марта в связи с заключенным в этот день соглашением между Петроградским обществом заводчиков и фабрикантов и Петроградским Советом о введении в Петрограде восьмичасового рабочего дня Временное правительство постановило поручить военному и морскому ведомствам установить на предприятиях Петроградского района такой же распорядок работы. Министр торговли и промышленности должен был «войти в рассмотрение вопроса о возможности и условиях введения сокращенного рабочего времени в различных местностях России, по отдельным группам предприятий, и представить предположения свои на рассмотрение Временного правительства».⁵ Санкционировав введение восьмичасового рабочего дня в Петроградском промышленном районе и одобрив введение такого сокращенного дня в других местностях России в принципе, Временное правительство впоследствии так и не издало общего закона о восьмичасовом рабочем дне. Тем не менее практически в течение марта—апреля 1917 г. восьмичасовой рабочий день был введен во всех промышленных центрах страны. Ведущая роль здесь принадлежала Советам рабочих и солдатских депутатов, которые либо вынуждали местные общества фабрикантов и заводчиков заключить с ними соглашения, аналогичные петроградскому соглашению от 10 марта, либо вводили новый порядок своими постановлениями непосредственно.

Ю. С. Токарев опубликовал данные по 28 губернским и промышленным городам, а также предприятиям Донецкого бассейна, где в период марта—апреля постановлениями местных Советов был введен восьмичасовой рабочий день.⁶ Таким образом, промедление с изданием общего закона о восьмичасовом рабочем дне не помогло капиталистам сохранить свои прибыли от чрезмерной эксплуатации русского рабочего. Это промедление способствовало падению авторитета буржуазного Временного правительства. Смелое вмешательство Советов рабочих и солдатских депутатов в эту

---

⁴ Революционное движение в России после свержения самодержавия, с. 431. — Вместе с тем надо подчеркнуть, что первым пунктом в этом постановлении значилось: «Признать употребление оружия при подавлении аграрных беспорядков в настоящее время недопустимым». Предлагалось для «вразумления и успокоения крестьян» обращаться к общественным организациям и авторитетным лицам.

⁵ Авдеев Н. Указ. соч., с. 87.

⁶ См.: Токарев Ю. С. Народное правотворчество накануне Великой Октябрьской социалистической революции (март—октябрь 1917 г.). М.; Л., 1965, с. 87—89. (Города: Баку, Винница, Грозный, Екатеринбург, Екатеринбург, Иваново-Вознесенск, Киев, Кострома, Красноярск, Курган, Мариуполь, Москва, Нижний Новгород, Нарва, Николаев, Одесса, Омск, Орел, Петроград, Ревель, Ростов-на-Дону, Рязань, Самара, Сызрань, Томск, Чита, Эривань, Ярославль).

область правительственного законодательства завоевывало на их сторону симпатии народных масс.

12 марта правительство приняло закон об отмене смертной казни. Во всех случаях, когда по закону в качестве меры наказания предусматривалась смертная казнь, она заменялась срочной или бессрочной каторгой. Действие этой меры распространялось на неприведенные в исполнение приговоры.⁷ Отмена смертной казни, также как и опубликованный ранее закон об амнистии, шумно приветствовались буржуазной печатью, подчеркивавшей гуманный характер внутренней политики Временного правительства. Известно, однако, что это нововведение просуществовало недолго. Ровно через четыре месяца смертная казнь была применена с санкции А. Ф. Керенского, который в марте был одним из самых горячих сторонников ее отмены, чтобы завоевать народное доверие и укрепить свою власть. Буржуазия немедленно ввела ее вновь, как только этой власти начало угрожать революционное движение.

Тогда же Временное правительство признало все земли, находившиеся в непосредственном распоряжении кабинета бывшего царя, государственными и передало их в заведование Министерству земледелия. Было сообщено, что при одном из департаментов Министерства юстиции учреждена комиссия по разработке законопроекта по отмене национальных ограничений. Прокламируя свободу слова и печати и отменив всякую политическую цензуру, Временное правительство тем не менее сохранило строжайшую военную цензуру. 13 марта был опубликован перечень сведений, подлежащих просмотру военной цензуры. Запрещалось печатать сведения о производительности всякого рода предприятий, связанных с нуждами государственной обороны, о подвижном составе, провозоспособности и техническом состоянии стратегических железных дорог и работах на них.⁸ Материалы печати 1917 г. показывают, что эти правила не очень соблюдались и названные сведения весьма часто появлялись в газетах и журналах, приводились на совещаниях, отчеты о которых печатались в газетах. Зато сам институт военной цензуры стал использоваться Временным правительством и военными властями для негласного надзора над деятельностью политических противников буржуазии. Аппарат военной цензуры, как показывают исследования В. Ю. Черняева, был сохранен в неприкосновенности, действовал «черный кабинет» на петроградском почтамте.⁹ Цензура следила за перепиской Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Особенно тщательным был контроль за корреспонденцией большевистской партии. Несколько писем В. И. Ленина, от-

⁷ Авдеев Н. Указ. соч., с. 87.

⁸ Там же, с. 91.

⁹ См.: Черняев В. Ю. К изучению эпистолярных источников начала XX в. (Контроль почтовой переписки). — В кн.: Проблемы отечественной истории. Сб. статей аспирантов и соискателей. М.; Л., 1976, ч. 1.

правленных из редакции газеты «Правда», было задержано цензурой и не доставлено адресатам. На гнет военной цензуры жаловался А. М. Горький в марте 1917 г., готовя издание своей газеты «Новая жизнь». Таким образом, открытая политическая деятельность партий, явочный принцип издания газет и прочей печатной продукции, столь характерные для революционных месяцев 1917 г., не сопровождалась полным уничтожением государственной цензуры. Она была сохранена под видом цензуры военной. 14 марта Временное правительство принципиально высказалось за сохранение «временно, до заключения мира» специальной военной и военно-морской цензуры и поручило разработать срочно соответствующий проект для заключения министра юстиции и главного военного прокурора.¹⁰

16 марта Временное правительство отменило празднование царских дней. Разумеется, смешно было бы думать, что такое празднование могло состояться после того, как сам царь сидел под арестом. Однако собравшиеся во Временном правительстве правоведы хотели, чтобы все было по закону, чтобы на каждое действие, уже сделанное революционными массами, было вынесено соответствующее постановление. К тому же всякая демонстративная враждебность к царскому строю была в тот момент очень популярна, и Временное правительство рассчитывало подобными ничем не стоящими мерами поднять свой авторитет в глазах народа. Более существенным было принятое в тот же день постановление, передававшее имущества, предприятия и капиталы удельного ведомства в государственную собственность, а с доходов, получаемых с этих предприятий запрещалось производить какие бы то ни было выплаты членам бывшего императорского дома.¹¹ По вопросу об утверждении в должности предводителей дворянства правительство постановило предоставить избранным в предводители дворянства лицам исполнять их обязанности, а поступившим в МВД представлениям об утверждении новых предводителей «движения не давать». При большом воображении эту меру можно было трактовать как приступ к ликвидации сословных привилегий.

Дополняя закон об амнистии политическим, Временное правительство 17 марта приняло постановление «Об облегчении участи лиц, совершивших уголовные преступления». Осужденным на смертную казнь уголовным преступникам она заменялась каторгой на 15 лет. Постановление сокращало сроки отбытия наказания для других категорий осужденных или полностью освобождало их. Амнистии подлежали как гражданские лица, так и военнослужащие.¹² По этой амнистии на свободу, как уже говорилось, было выпущено около 15 тыс. уголовных преступников.

¹⁰ Авдеев Н. Указ. соч., с. 94.

¹¹ Там же, с. 99.

¹² Там же, с. 102.

При полной ликвидации полиции и расстройстве сыскного аппарата и широком пополнении уголовной расследовательской части городской милиции дилетантами традиционная амнистия уголовникам, и ранее сопровождавшая в России смелу царствования, отразилась на быстром росте преступности в стране.

Серьезным испытанием для Временного правительства было издание первого постановления по земельному вопросу. Правительство уже столкнулось с фактами аграрных волнений, с началом борьбы крестьянства за получение всей земли в свои руки и за ликвидацию помещичьего землевладения. Для кадетских элементов во Временном правительстве не было тайной, что эсеры давно разработали проект передачи всей земли в руки крестьян и распределения ее по трудовой норме без всякого выкупа.¹³ Эсеры соглашались ждать с решением земельного вопроса до Учредительного собрания и вели соответствующую агитацию в пареде. Только большевики призывали крестьян к немедленному решению земельного вопроса, не дожидаясь Учредительного собрания. Кадеты же собирались проводить свой земельный проект, по которому предусматривалась выплата возмещения помещикам и покупка земли крестьянами в собственность. Поэтому кадеты должны были скрывать свои истинные намерения, чтобы не оттолкнуть от себя заранее массу крестьянства. В то же время каждый день промедления с изданием какого-либо акта по земельному вопросу грозил разрастанием крестьянского движения, явочным захватом помещичьей земли, парашением и без того зыбкой политической обстановки в стране. Поэтому уже 19 марта министр земледелия А. И. Шипгарев внес в правительство проект «Возвращения о земле», как оно именовалось в черновике протокола данного заседания Временного правительства.¹⁴

Как заявил Шипгарев, текст обращения был согласован с «Павлом Николаевичем» [Милуковым], министром юстиции А. Ф. Керепским и государственным контролером Годпевым. После зачтения текста министр просвещения Магуилов выразил удивление, к кому же обращен этот текст. Тогда было решено считать его постановлением Временного правительства, а кроме того, издать отдельно обращение к крестьянам.¹⁵ Что же содержалось в этом постановлении? Во-первых, там подчеркивалась важность земельного вопроса среди тех, которые поставлены «войной и падением старого строя», «Первейшим из них, — утверждалось в постановлении, — является земельный вопрос, решение которого составляет самую серьезную социально-экономическую задачу пере-

¹³ Подробнее о планах и политике эсеровской партии в 1917 г. см.: Гинев В. Н. Аграрный вопрос и мелкобуржуазные партии в России в 1917 г. К истории банкротства неонародничества. Л., 1977.

¹⁴ См.: Центральный государственный архив Октябрьской революции высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР (далее — ЦГАОР СССР), ф. 6, оп. 1, д. 2, л. 40.

¹⁵ Там же, л. 41—42 об.

живаемого ныне исторического момента. Заветная мечта многих поколений всего земледельческого населения страны — земельная реформа — составляет основное требование программ всех демократических партий. Она несомненно станет на очередь в предстоящем Учредительном собрании». ¹⁶ Уже здесь заключалось противоречие: Временное правительство признавало срочность и неотложность «первейшего из первых» аграрного вопроса и в то же время откладывало его решение до Учредительного собрания.

Затем правительство решительно высказывалось в данном постановлении против захватного решения земельного вопроса. «Земельный вопрос, — говорилось далее в постановлении, — не может быть проведен в жизнь путем какого-либо захвата. Насилие и грабежи — самое дурное и самое опасное средство в области экономических отношений. Только враги народа могут толкать его на такой губительный путь, на котором не может быть никакого разумного исхода. Земельный вопрос должен быть решен путем закона, принятого народным представительством. Правильное рассмотрение и принятие закона о земле невозможно без серьезной подготовительной работы, собирания материалов, учета земельных запасов, распределения земельной собственности, выяснения условий и видов землепользования». ¹⁷ Все эти доводы должны были, по мнению министров, помочь сдержать крестьянство в его нетерпении получить землю. Однако необходимо было сделать какой-то шаг, чтобы у населения не осталось впечатления, будто все содержание упомянутого акта сводилось к отсрочке решения земельного вопроса до Учредительного собрания. Поэтому постановление кончалось словами: «Временное правительство признает своим неотложным долгом скорейшее выполнение подготовительных работ по земельному вопросу с тем, чтобы все материалы и сведения были представлены народным представителям. На основании всего вышеизложенного Временное правительство постановляет: 1) Признать срочной подготовку и разработку материалов по земельному вопросу; 2) Поручить ее министру земледелия; 3) Для означенной цели образовать при министре земледелия земельный комитет; 4) Предложить министру земледелия в ближайший срок представить правительству проект учреждения такого комитета и исчисление сумм, необходимых для его работы». ¹⁸ Итак, гора родила мышь: появился земельный комитет, который вскоре стал называться Главным земельным комитетом, а практически ничего не делалось: правительство запрещало всякое явочное решение земельного вопроса и твердо заявляло, что решать его будет Учредительное собрание.

Здесь уместно сказать и о самом министре земледелия, Шин-

---

¹⁶ Революционное движение в России после свержения самодержавия, с. 439.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

гареве, который, пожалуй, совсем не подходил к своему посту, где требовалась особая оперативность и тонкое политическое чутье. Наблюдательный В. Д. Набоков оставил такую характеристику Шингареву, в прошлом земскому врачу, который лишь благодаря деятельности в руководстве кадетской партии и в Государственной думе превратился в «звезду первой величины» в глазах русского интеллигентного обывателя. «К концу четвертой Думы, — пишет Набоков, — авторитет Шингарева стоял очень высоко. И для всякого объективного наблюдателя был ясен рост его самомнения и самоуверенности, в особенности после заграничной поездки членов Думы весной 1916 года. Чувствовалось, что у Шингарева слегка кружилась голова от той высоты, на которую его, скромного земского врача, вознесла не случайная удача, не чужая рука, а его собственная работа. Без Государственной думы Шингарев прожил бы частную и чистую жизнь интеллигентного местного деятеля, самоотверженного труженика. Государственная Дума выдвинула его в первые ряды и подготовила всех к тому, что Шингарев явился одним из бесспорнейших кандидатов на министерский портфель, как только старая бюрократия пала».¹⁹

Но деятельность Шингарева в Думе шла по линии государственных финансов. И логично было предположить, что он и займется ими во Временном правительстве. Мы знаем, что так, однако, не случилось. Министром финансов стал М. И. Терещенко, а Шингарев был «брошен» на самое горячее место министра земледелия. «И здесь он сразу утонул в море непомерной, недоступной силам одного человека работы, — продолжает В. Д. Набоков. — Он мало кому доверял, мало на кого полагался. Он хотел сам во все входить, а это было физически невозможно. Он работал, вероятно, 15—18 часов в день, сразу переутомился и как-то очень скоро потерял бодрость и жизнерадостность. В заседаниях Временного правительства он выступал очень много, но здесь-то именно и оказались недостаточными его силы. Он и в этих заседаниях чувствовал себя на трибуне Государственной думы, говорил длительно, страшно многоречиво, утомлялся сам и утомлял других до крайности. При этом нельзя было обидеть его ничем больше, как словами: „Андрей Иваныч, нельзя ли покороче“. Он в этих случаях отвечал: „Я могу и совсем не говорить“, тем самым заставляя упрашивать себя».²⁰ Аграрная политика правительства, от успеха которой на 50% зависело в крестьянской стране существование самого Временного правительства, оказалась, таким образом, тоже не в тех руках. Злобное бессилие Гучкова, благодушное безволие князя Львова дополнялось деятельным с виду топтанием на месте Шингарева.

¹⁹ Набоков В. Д. Временное правительство. Воспоминания. М., 1924, с. 88—89.

²⁰ Там же, с. 89.

Внешне, как утверждает Набоков, Шингарев относился к Керенскому и социалистам отрицательно и враждебно, «но не только не мог энергически с ними бороться, а наоборот, такими мероприятиями, как создание земельных комитетов и передача им необрабатываемых помещичьих земель, а также (уже на посту министра финансов) ничем неоправдываемым и ни с чем несообразным повышением ставок подоходного налога, он играл в руку социалистам, наживая себе непримиримых врагов в среде земельных собственников и имущих классов вообще. Своему закону о введении хлебной монополии он сам плохо верил. Кстати сказать, установленные в этом законе цены вплоть до последней минуты беспрестанно менялись. Кажется, в конце-концов пришлось на многие из них махнуть рукой. По вопросам общеполитическим и внешней политики Шингарев был неизменно на стороне Милюкова, но я не припомню каких-либо сильных или ярких его выступлений».²¹

Публикуя постановление по земельному вопросу, которое должно было как-то успокоить общественное мнение, Временное правительство под шумок принимало кой-какие меры, которые смогли бы «в свое время» составить юридический фундамент для выступлений против политических противников буржуазии слева. В тот же день, 19 марта, правительство постановило создать специальное совещание для возрождения контрразведки, предоставив на время войны командующим армиями право удалять с театра военных действий несколько категорий лиц, в том числе «подозреваемых в военном шпионстве или в содействии неприятельским войскам» и «агитирующих за заключение сепаратного мира».²² Под эти категории можно было подвести и левых, в частности, большевистских ораторов, приезжавших в войска по командировкам Петроградского и иных Советов рабочих и солдатских депутатов.

20 марта появилось давно ожидаемое постановление об отмене вероисповедных и национальных ограничений, утвержденное на заседании правительства еще 18 марта.²³ Согласно ему отменялись все установленные действовавшими узаконениями ограничения в правах российских граждан, обусловленные принадлежностью к тому или иному вероучению, вероисповеданию или национальности. В соответствии с этим, в частности, отменялись ограничения, касающиеся прав избрания места жительства, передвижения, приобретения прав собственности, владения, пользования и управления движимыми и недвижимыми имуществами, прав налоговых, свободного избрания занятий, участия в обществах и товариществах, государственной, военной, гражданской и общественной службе и занятия должностей по выбору, прав

²¹ Там же, с. 90.

²² Авдеев Н. Указ. соч., с. 108.

²³ ЦГАОР СССР, ф. 6, оп. 1, д. 2, л. 39.

поступления во всякого рода учебные заведения, прав по опеке, попечительству и т. п., а также права употреблять иные, кроме русского, языки и наречия в делопроизводстве частных обществ и торговых книгах».²⁴ Уже один этот перечень отмененных ограничений показывает глубину и всепроникаемость национального гнета, существовавшего при царском строе. Борьба за равноправие национальностей России всегда была священным долгом лучших представителей русской интеллигенции, освободительного и революционного движения. Подлинными борцами за ликвидацию национальных ограничений выступали представители революционного пролетариата, большевики во главе с В. И. Лениным. Уничтожение национального гнета было боевым лозунгом начиная с революции 1905 г. В той или иной форме с этим соглашались все русские политические партии. Соответствующий пункт, правда в весьма туманной и урезанной форме, имелся даже в программе Прогрессивного блока IV Государственной думы.

Отмена национальных ограничений давала немедленные выгоды особенно для двух национальностей, подвергавшихся при царском правительстве особенно тяжкому угнетению. Во-первых, это были евреи. Масса еврейского трудового люда и бедняков проживала в западных губерниях, за так называемой чертой оседлости, имея чрезвычайно мало шансов вырваться оттуда. Затруднения в получении высшего образования были стеснительными даже для наиболее богатой и зажиточной еврейской верхушки. Российские граждане еврейской национальности не могли применить свои таланты на государственной и военной службе. Их деятельность поневоле ограничивалась торговлей и отчасти промышленностью, свободными профессиями. Естественное возмущение угнетением со стороны царской власти толкало евреев в ряды революционных и либеральных политических партий, на борьбу за свои права. Временное правительство вынуждено было исправить этот тяжкий грех своих предшественников по царскому правительству. Впервые с марта 1917 г. евреям были предоставлены все те права, которыми теперь стали пользоваться и великороссы. Даже в состав центрального правительственного аппарата стали приниматься евреи, к октябрю 1917 г. составившие уже заметную долю среди начальников канцелярий, секретарей и даже товарищей министров.

Во-вторых, была исправлена и несправедливость, допускавшаяся к полякам, огульно считавшимся неблагонадежными в политическом отношении и подвергавшимся значительным ограничениям. Существенное облегчение получили католики и мусульмане, в отношении которых в пользовании некоторыми гражданскими правами также имелись ограничения. В целом данная законодательная мера Временного правительства встретила всеобщее одобрение. Правые и шовинистические силы, ранее не допускав-

²⁴ Авдеев Н. Указ. соч., с. 108—109.

шие и мысли об уравнивании в правах всех национальностей, теперь были разбиты и временно ступшевались. Они подняли свою голову только во время гражданской войны на Юге России, на территориях, занятых белыми армиями. Отмена национальных ограничений, как и другие законодательные акты Временного правительства, направленные на демократизацию страны, была вынужденной мерой. Она была уже завоевана восставшим народом в момент свержения самодержавия, в котором принимали участие и русские, и украинцы, и татары, и евреи, и белорусы, и литовцы, и поляки, и латыши, и финны. Временное правительство лишь оформило это завоевание революции юридически.

21 марта было опубликовано постановление Временного правительства о предоставлении женщинам, окончившим курс высшего художественного училища, равного с мужчинами права на звание художника. Это был демонстративный шаг, направленный на то, чтобы показать, что Временное правительство борется за женское равноправие.

О женском равноправии, как «стоящем на очереди», князь Львов упомянул еще в своем интервью от 19 марта.²⁵ В тот день он принял делегацию «Лиги равноправия женщин», устроившей широкую манифестацию в Петрограде. Среди делегатов были В. Н. Фигнер, А. М. Калленкова, А. П. Шабанова, П. Н. Шипкина-Явейн, С. В. Панина, М. И. Покровская, А. С. Милюкова, А. В. Тыркова, А. К. Нечаева, А. Н. Рынкевич, М. И. Никольская и Е. В. Горович. Вера Фигнер просила министра-председателя разъяснить, имеет ли он в виду предоставить женщинам избирательное право для выборов в Учредительное собрание. Князь Львов разъяснил, что термин «всеобщее голосование», употребленный в Декларации Временного правительства от 3 марта, «подразумевает предоставление избирательного права лицам женского пола».²⁶ Однако специального закона о женском равноправии Временное правительство так и не разработало. 21 марта был создан приказ об упразднении военно-придворных званий: генерал-адъютантов, генералов свиты, флигель-адъютантов. Этот акт продолжал линию на канцелярское, делопроизводственное упразднение внешних атрибутов старого строя, поверженного и уничтоженного революционным народом.²⁷ Можно было вполне обойтись каким-то одним постановлением, разом упраздняющим всю придворную мишуру и привилегии царской семьи. Однако Временное правительство предпочитало растягивать этот процесс, создавая впечатление настойчивой и кропотливой работы.

Ряд важных постановлений был принят Временным правительством 25 марта 1917 г. Во-первых, это был закон о хлебной

²⁵ Русская свобода. Документы и заявления, освещающие государственный переворот. Пг., 1917, с. 61.

²⁶ Там же, с. 63—64.

²⁷ Там же, с. 111.

монополии. Хлеб передавался в распоряжение государства. Весь хлеб продовольственного и кормового урожая 1916 г. прошлых лет и будущего урожая 1917 г. за вычетом продовольственных нужд владельца и обсеменения полей, с момента введения монополии поступал в распоряжение государства и мог отчуждаться только государством. Постановление устанавливало нормы потребления хлеба владельцу, его семье и работникам, нормы прокорма скота. Сверх этих норм хлеб должен был сдаваться по твердым ценам государству. В случае обнаружения скрытых запасов, они отчуждались по половинной цене. Для заведования продовольственным делом учреждались продовольственные комитеты.²⁸

Затем Временное правительство отменило ограничения в правах белого духовенства и монашествующих, слагающих с себя сан или лишенных его по духовному суду. Эти лица после возвращения в «гражданское состояние» сохраняли теперь все свои права по происхождению, образованию, службе и пожалованию, ученые степени, присужденные им до и после принятия сана или пострижения, и чины, полученные ими на государственной службе. Это, пожалуй, первый акт, означавший вмешательство Временного правительства в дела церкви и решительное подчеркивание примата светской гражданской власти. Но акт этот указывал лишь на общее направление правительственной политики в церковных делах. До настоящего отделения церкви от государства Временное правительство так и не дошло. Это сделало только Советское правительство.

Существенным актом было постановление об образовании Особого совещания для изготовления проекта положения о выборах в Учредительное собрание. Председатель и товарищи председателя совещания назначались правительством, а члены приглашались председателем или назначались правительством. Среди них должны были иметься специалисты по вопросам государственного права, статистических наук, представители главных политических и национальных партий России.²⁹ Идея созыва Всероссийского Учредительного собрания, как это показал в своем исследовании О. Н. Знаменский,³⁰ в марте 1917 г. была очень популярна. Только большевики более или менее критически относились к ней, настаивая на немедленном решении основных вопросов революции до Учредительного собрания, В. И. Ленин из-за границы призывал к немедленному переходу революции ко второму этапу, не исключая, впрочем, возможности и такого поворота событий, при котором нужно было бы бороться за превращение Учредительного собрания в новый конвент эпохи Французской рево-

²⁸ Там же, с. 120.

²⁹ Революционное движение в России после свержения самодержавия, с. 441—442.

³⁰ См.: Знаменский О. Н. Всероссийское Учредительное собрание. К истории созыва и политического краха. Л., 1976.

люции, провозгласивший бы переход власти к трудящимся классам.

Меньшевики и эсеры поддерживали идею Учредительного собрания, наделяя его всей полнотой власти, и уговаривали рабочих и крестьян сдерживать свои требования вплоть до созыва Учредительного собрания. К поддержке созыва Учредительного собрания пришла и кадетская партия, поскольку руководство ее формально приняло республику, как наиболее подходящий для России государственный строй. Но лидеры кадетской партии, имевшие самое внушительное представительство во Временном правительстве первого состава, опасались, что представители трудовых классов населения и социалистических партий получат в Учредительном собрании большинство. Поэтому на словах приветствуя идею Учредительного собрания, они, как это справедливо показывает О. Н. Знаменский, намеревались на практике противиться превращению Учредительного собрания в Конвент, сосредоточению в руках Учредительного собрания всей полноты законодательной и исполнительной власти. Отсюда следовал вывод о том, что с созывом Учредительного собрания спешить не надо, прикрываясь сложностью задачи. В течение марта 1917 г. Временное правительство отделялось лишь самыми общими фразами и обещаниями. Правительство считает подготовку Учредительного собрания своей «первейшей обязанностью», говорилось в обращении от 6 марта. Князь Львов в своем интервью от 7 марта назвал созыв Учредительного собрания «важнейшей святой задачей». О принятии всех мер «для созыва в возможно кратчайший срок» Учредительного собрания гласил текст присяги членов Временного правительства, разработанный 11 марта и принятый 15-го. Но срок этот в течение всего времени деятельности Временного правительства первого состава оставался крайне неопределенным.

О настроениях во Временном правительстве, о намеренной оттяжке созыва Учредительного собрания рассказывает в своих воспоминаниях В. Д. Набоков. Он пишет: «Известно, что постановление Временного правительства об образовании особого совещания по изготовлению закона о выборах в Учредительное собрание состоялось лишь в конце марта. Способ комплектования этого учреждения (назначение лиц, представленных группами и партиями) был выбран такой, который бы обеспечивал полное к нему доверие. Но, к сожалению, это комплектование сильно затянулось».³¹ Набоков пытается свалить вину за это на Исполком Петроградского Совета, который де «страшно запоздал» с представлением своих кандидатов. Но Петроградский Совет с конца марта уже избрал свою комиссию по Учредительному собранию, которая насчитывала 13 человек и провела 27 марта 1917 г. свое первое заседание.³² Можно было бы просто включить эту комис-

³¹ Набоков В. Д. Указ. соч., с. 125—126.

³² Знаменский О. Н. Указ. соч., с. 75.

сию в состав особого совещания. Само Временное правительство с этим не спешило. Только 12 апреля Набоков отправил в Исполком соответствующее отношение, в котором просил «в возможно кратчайшем времени» сообщить фамилии четырех лиц, которые должны были войти от Исполкома Петроградского Совета в особое совещание. Исполком действительно не послал сразу 4 представителей, так как это было возмутительно малое представительство, и потребовал его увеличения. Вопрос был решен только 9 мая, когда Временное правительство вынуждено было принять эти требования Исполкома.³³ Но ведь и делегаты других партий, в частности буржуазных, были выделены в состав особого совещания только к 25 апреля. Именно в этот день в «Вестнике Временного правительства» было напечатано сообщение канцелярии правительства о назначении в комиссию членов от кадетской партии, фракции земцев-октябристов IV Государственной думы, партии левых октябристов и народно-социалистической партии. Фактически за месяц с лишним, прошедший после издания постановления Временного правительства о назначении особого совещания по изготовлению положения о выборах в Учредительное собрание, оно так и не было еще сформировано. Отдельные юридические вопросы, связанные с содержанием будущего Положения о выборах, рассматривались в юридическом совещании при Временном правительстве и в комиссии по Учредительному собранию Петроградского Совета. Для практической подготовки Учредительного собрания весь срок действия Временного правительства первого состава оказался потерянным. Этот пункт своего обещания министры не выполнили. О точном сроке созыва Учредительного собрания они предпочитали и не говорить. В середине марта князь Львов отказался назвать даже вероятное время, которое понадобится для подготовки выборов, а в печати говорили о 7—8 месяцах.

Для буржуазных министров Учредительное собрание было не священным собранием, которое разрешит все труднейшие вопросы революции и установит в России мир и покой, а рискованной политической операцией, исход которой невозможно предугадать, а потому и спешить с которой не следовало. «Нужно, однако, сказать, — писал Набоков, — что и вся постановка вопроса об Учредительном собрании заключала в себе внутренний порок, и это бессознательно ощущалось с первых же дней. Нередко мне приходилось впоследствии слышать такие мнения: Временное правительство должно было немедленно, в первые же дни, образовать небольшую комиссию из нескольких наиболее знающих и авторитетных юристов, поручить им в двухнедельный срок выработать закон о выборах и назначить выборы возможно скорее, в мае, например. Помню, что такую мысль высказывал (несколько неожиданно) Л. М. Брамсон. Лично я, с первых же дней пребывания

³³ Там же, с. 76.

в должности управляющего делами, неоднократно и настойчиво заговаривал с князем Львовым о необходимости возможно скорее поднять в конкретной форме и разрешить вопрос. Но всегда оказывались другие, более настоятельные, не терпящие отлагательства дела».³⁴ Итак, и сам Набоков считал, что Временное правительство затягивает подготовку выборов в Учредительное собрание и свидетельствует, что князь Львов не реагировал на его предложения надлежащим образом.

Будучи, однако, связанным с министрами солидарной политической ответственностью, Набоков ищет оправдания этой линии. «Когда же образовано было, наконец, особое совещание и началась разработка закона, весь аппарат оказался настолько сложным и громоздким, что стало невозможным рассчитывать на сколько-нибудь быстрое окончание работы и назначение выборов в близком будущем. Следует ли из этого, что другой план — образование маленькой комиссии, быстрая разработка закона, назначение выборов возможно скорее — был и осуществим, и целесообразен? Я этого не думаю. Прежде всего для меня несомненно, что начался бы немедленный поход против правительства с обвинением его в намерении составить закон кабинетным, бюрократическим путем. Всякие недостатки этого закона ставились бы на счет правительству. Подрывался бы авторитет составителей — и, конечно, выполненного им проекта».³⁵

Это софистика, к которой должен был прибегать автор, чтобы оправдать ту задержку с подготовкой Учредительного собрания, которую он и сам слишком отчетливо видел. Конечно, подобная кампания велась бы, но и само правительство вело бы ее в поддержку своего проекта. А так оно подставляло свою голову под огонь более действенной и основательной критики, поскольку факт задержки с подготовкой даже положения о выборах был неоспорим.

1 июня 1917 г. «Правда» опубликовала выступление представителя большевистской партии в Особом совещании М. Ю. Козловского, который проводил параллели между русской революцией 1917 г. и французской революцией 1848 г.: когда Луи-Филипп был низложен 24 февраля 1848 г., Временное правительство издало декрет о всеобщем голосовании уже 2 марта, а через четыре дня уже был опубликован окончательно выработанный избирательный закон. А 4 мая 1848 г., т. е. менее чем через 2 месяца, Учредительное собрание уже открыло в Париже свои заседания.³⁶ В мае—июне пытались робко критиковать Временное правительство за оттяжку выборов в Учредительное собрание и мелкобуржуазные партии.

---

³⁴ Набоков В. Д. Указ. соч., с. 126.

³⁵ Там же.

³⁶ Правда, 1917, 1 июня.

И все же в своем оправдании задержки с Учредительным собранием Набоков шел еще дальше. Он с позиций середины 1918 г. осуждал теперь мысль о быстром проведении выборов. «Как можно было организовать выборы в России, сверху донизу потрясенной переворотом, — восклицает он, — в России, не имеющей ни демократического самоуправления, ни правильно налаженного местного административного аппарата! А выборы в армии... Но, конечно, самый огромный риск заключался бы в самом созыве Учредительного собрания. Наивные люди могли теоретически представлять себе это собрание и его роль в таком виде: собралось бы оно, выработало бы основной закон, облекло его всею полнотою власти для окончания войны, а затем разошлись бы... Это можно себе представить, но кто поверит, что так в самом деле могло случиться. Если бы до Учредительного собрания удерживалась какая-нибудь власть, то созыв его был бы несомненно началом анархии».³⁷

В поисках объяснения этому заколдованному кругу автор обращался к парадоксу Временного правительства первого состава, которое было правительством лишь на словах, лишь в силу всеобщей договоренности, всеобщего согласия или попустительства. «Если бы Временное правительство чувствовало подлинную реальную силу, — заключает Набоков, — оно могло сразу объявить, что созыв Учредительного собрания произойдет по окончании войны, — и это, конечно, по существу было бы единственно правильным решением вопроса после того, как отказ Михаила Александровича сделал необходимым постановку вопроса о форме правления. Но Временное правительство не чувствовало реальной силы».³⁸

Но вернемся к событиям конца марта 1917 г. и продолжим анализ законодательной деятельности Временного правительства. 26 марта было опубликовано постановление о предоставлении министру финансов полномочий для выпуска нового военного займа, названного «Заем свободы 1917 года». Каждая облигация была снабжена специальным обращением к гражданам, в котором, в частности, говорилось: «Сильный враг глубоко вторгся в наши пределы, грозит сломить нас и вернуть страну к старому, ныне мертвому строю. Только напряжение всех наших сил может дать нам желанную свободу. Нужна затрата многих миллиардов, чтобы спасти страну и завершить строение свободной России на началах равенства и правды — не жертвы требует от вас родина, а исполнения долга — одолжим деньги государству, поместив их в новый заем и спасем этим от гибели нашу свободу и достоиние».³⁹ Так, чисто финансовую меру Временное правительство попыталось

³⁷ Набоков В. Д. Указ. соч., с. 127.

³⁸ Там же, с. 127—128.

³⁹ Революционное движение в России после свержения самодержавия, с. 443.

сделать одновременно и актом внутренней политики. Покупка облигации «Займа свободы» объявлялась актом гражданского долга, спасения родины и революции, демократизации России на началах равенства и правды. В пользу распространения «Займа свободы» была развернута колоссальная пропагандистская кампания, где в едином хоре слились голоса банкиров и промышленников, меньшевистско-эсеровских лидеров Петроградского Совета и мелкобуржуазных партий. Лишь большевики протестовали против него, разоблачая империалистическую направленность «Займа свободы», призванного продлить ненавистную народу войну.

27 марта наряду с принятием ставшей столь известной декларации Временного правительства о целях войны был принят и другой законодательный акт — о «сухом законе». Повсеместно в России запрещались изготовление и продажа спиртных напитков, кроме врачебных, фармацевтических, химических и учебных надобностей.⁴⁰ Эта мера внедрения народной трезвости безусловно была встречена с одобрением. Под шумок газетной кампании Временное правительство проводило и такие мероприятия, которые позволили бы ему начать борьбу со своими политическими противниками, которых оно, не сильно разбираясь еще в социалистических партиях, видело огульно во всех Советах рабочих и солдатских депутатов. 28 марта Временное правительство признало «недопустимым самоуправством» имевшие место случаи запрещения и реквизиции повременных изданий печати отдельными представителями Советов рабочих и солдатских депутатов и предложило потерпевшим обратиться с жалобой к судебной власти и Петербургскому общественному градоначальнику.

1 апреля 1917 г. министр-председатель Г. Е. Львов подписал циркулярную телеграмму губернским комиссарам об их правах и обязанностях. Этот акт должен был внести единообразие в деятельность комиссаров, назначенных, избранных и переизбранных в первые четыре недели революции. Циркуляр давал следующее определение губернскому комиссару и его обязанностям: «Губернский комиссар является носителем власти Временного правительства в губернии, и ему присваиваются все права и обязанности, возложенные законом на губернатора, за исключением отпавших вследствие происшедших в государственном строе изменений. Подробная инструкция комиссарам будет сообщена дополнительно».⁴¹ Это уже несколько расходилось с теми определениями задач комиссаров как «посредников» между центральной властью и местными органами власти, которые давал князь Львов в своих интервью от 7 и 19 марта. Четко говорилось, что комиссар есть носитель правительственной власти, что он пользуется теми же правами, что и прежний губернатор. Какие же обязанности быв-

⁴⁰ Авдеев Н. Указ. соч., с. 132.

⁴¹ Революционное движение в России после свержения самодержавия, с. 449.

шего губернатора отпали? Этот вопрос можно было трактовать по-разному. Конечно, отпала задача борьбы с прежними оппозиционными и революционными партиями. Но и без этого власть губернатора была достаточно велика. Впрочем, наделение правительственных комиссаров полнотой власти на местах, которое следовало из данного акта, было еще вопросом будущего. Пока еще комиссары такой властью не обладали ни в какой степени и контроль над местными органами принадлежал комитетам общественных организаций, а иногда и прямо местным Советам.

Это доказал нашумевший инцидент с Туркестанским военным губернатором генералом А. Н. Куропаткиным. Он был смещен со своей должности и арестован Ташкентским Советом в начале апреля 1917 г. Причем Совет постановил разделить военную и гражданскую функции власти, которые раньше соединял в одном лице губернатор. Временное правительство 3 апреля вынуждено было утвердить предложенного на должность командующего туркестанским военным округом полковника Л. Н. Черкеса,⁴² в качестве комиссара отправило в Туркестан члена Государственной думы Н. Н. Щепкина. Так что до действительного сосредоточения местной власти в руках губернских комиссаров было еще далеко, однако циркуляр министра-председателя от 1 апреля ясно показывал тенденцию развития «государственной мысли» в Министерстве внутренних дел.

Кандидаты на должность уездных комиссаров должны были представляться губернским комиссарам или избираться уездными комитетами, «где таковые образованы». Затем они утверждались Министерством внутренних дел. «Объединять» деятельность уездных комиссаров должен был губернский комиссар. Существовавшим в уездах должностным лицам поручалось продолжать исполнять свои обязанности. Губернский комиссар мог назначить в случае необходимости и помощников уездных комиссаров. Следующий пункт касался волостных комитетов. Они действовали под «надзором» уездного комиссара. До издания закона о земском самоуправлении деятельность волостных комитетов «объединялась и направлялась» уездными комитетами. В состав уездного комитета общественных организаций входили и представители городского комитета. Образование последних допускалось только для крупных городов. «В больших городах, — говорилось далее в циркуляре, — городские комитеты могут действовать независимо от уездных».

На комиссаров возлагался контроль за законностью деятельности всех учреждений и должностных лиц. Циркуляр старался положить конец вакханалии переизбрания уездных комиссаров на местах и подчеркивал, что увольнение комиссара «может

---

⁴² Интересно, что Черкес был арестован тем же Ташкентским Советом в сентябре 1917 г., что привело к возникновению острого политического конфликта с Временным правительством Керенского.

иметь место исключительно по постановлению правительства по представлению губернского комиссара при условии одновременного представления кандидата для замены». В циркуляре содержалась еще одна антидемократическая мера, явно шедшая вразрез с известным положением декларации Временного правительства о замене полиции народной милицией, подчиненной органам местного самоуправления. В пункте седьмом телеграммы князя Львова говорилось: «Начальники милиции должны исполнять предложения комиссаров, направленные к охране государственного порядка и безопасности личности и имущества всех граждан». Глава правительства поручал губернским комиссарам немедленно ставить в известность всех уездных комиссаров о распоряжениях правительства, поскольку само правительство «непосредственно сносится с уездными комиссарами лишь в исключительных случаях». ⁴³

Таким образом, в этом постановлении усматривается попытка если не поставить под свой контроль развитие событий в провинции, то по крайней мере завоевать небольшой плацдарм для последующей борьбы за такой контроль.

За 3 апреля 1917 г. мы имеем несколько актов Временного правительства, в которых явственно ощущается та же тенденция к постепенному установлению контроля за событиями и приостановке дальнейшего революционного движения, которое министры, конечно, именовали угрозой «анархии». Так, 3 апреля Временное правительство постановило просить министра торговли и промышленности выработать воззвание к населению с призывом «не допускать, во избежание расстройства работ, произвольного смещения на заводах и в предприятиях технического персонала и с разъяснением порядка направления возникающих между этим персоналом и рабочими недоразумений». ⁴⁴ Это был ответ капиталистов на кампанию «вывоза на тачке» мастеров и начальников цехов, которые при старом режиме отличались особенно дурным и несправедливым обращением с рабочими. Хотя и в мягкой форме, но настойчиво, Временное правительство требовало прекратить эту кампанию. Тогда же 3 апреля правительство приняло обращение к населению области войска Донского. В нем подчеркивалась сложность и запутанность земельных отношений на Дону и выражалось сожаление по поводу нетерпеливого явочного решения аграрного вопроса в области. В воззвании говорилось, что «некоторая часть населения области не сознает этого и спешит самочинно, не подумавши, решить местные земельные дела. Так, местами произошли запашки чужих полей, захваты чужих лугов, порубки войсковых и частновладельческих лесов». ⁴⁵

⁴³ Революционное движение в России после свержения самодержавия, с. 449.

⁴⁴ Там же, с. 450.

⁴⁵ Там же.

Воззвание подчеркивало опасность самовольных действий, которые могут привести к столкновениям между казаками и крестьянами, между крестьянами и помещиками. Правительство грозило самовольным «захватчикам» уплатой убытков законному владельцу. «Нужно спокойно ждать Учредительного собрания», — утверждалось в воззвании, — до этого надо спокойно трудиться и исправно нести государственные и общественные обязанности. В заключение говорилось, что Временное правительство командует своего комиссара в область войска Донского. К нему и надо обращаться в спорных случаях.

На Дону уже шли полевые работы, а в большинстве губерний России на полях еще лежал снег. Но Временное правительство спешило предотвратить возникновение аграрных беспорядков в новых областях и поэтому вместе с Петроградским Советом 3 апреля обратилось к сельскому населению с воззванием об обсеменении полей. Препровождая это обращение на места, товарищ министра внутренних дел кн. С. Д. Урусов присовокупил: «Отмечая чрезвычайную важность сего воззвания, прошу принять меры к обеспечению на местах благоприятных условий сельским работам, к недопущению снимать служащих, пленных, рабочих, к ограждению имуществ, инвентаря, свободы каждого владельца распоряжаться своею землею».

Нам хотелось бы поставить в связь эту явно выразившуюся тенденцию к увеличению контроля Временного правительства над развитием событий в стране с некоторым общим улучшением положения самого правительства после издания воззвания о целях войны от 27 марта 1917 г. Сделав здесь уступку Петроградскому Совету, и в частности его центристскому ядру во главе с И. Г. Церетели, правительство получило в обмен обещания более тесной поддержки. Это проявилось на проходившем в те дни Всероссийском совещании Советов, где Ю. М. Стеклов и другие прежние лидеры Исполкома уже не пользовались таким влиянием на депутатов, как Церетели и его сторонники. Некоторое успокоение в отношениях между Петроградским Советом и Временным правительством, безусловно, придало храбрости последнему, и оно постепенно стало проявлять большую активность в создании препятствий на пути революционного движения. Одновременно готовились и принимались и другие проекты постановлений, которые содержали в себе дальнейшие меры по демократизации внутренней жизни, меры, обещанные Временным правительством в декларации от 3 марта.

Обе эти тенденции прослеживаются в законодательной деятельности Временного правительства в апреле 1917 г. Так, 5 апреля правительство заслушало телеграмму из Раненбурга Рязанской губернии «о самовольных распоряжениях Раненбургского временного исполнительного комитета, касающихся земельных отношений». Было решено предоставить министру земледелия А. И. Шингареву право: «1) обратиться к председателю Ра-

ненбургского временного исполнительного комитета с указаниями на недопустимость самовольного разрешения земельного вопроса, подлежащего урегулированию в общей форме Учредительным собранием, и на предстоящее в ближайшем времени образование на местах при волостных продовольственных комитетах примирительных земельных камер для установления добровольных соглашений между земледельцами и землевладельцами; 2) войти в сношение с Временным комитетом Государственной Думы о посылке в Раненбургский уезд комиссара из членов Государственной Думы».⁴⁶ Всего пять дней назад Львов посылал телеграмму, в которой подчеркивал, что Временное правительство с уездной властью сносится в исключительных случаях. И вот этот случай был уже налицо. Само правительство писало требование временному исполкому в Раненбургский уезд, и в него посылался прямо правительственный комиссар. Рано еще министр-председатель спешил почтить на лаврах упорядоченной жизни в новой России. Она бурлила с каждым днем все больше.

В высшей степени показательное постановление было принято Временным правительством 8 апреля 1917 г. Товарищ министра внутренних дел Д. М. Щепкин доложил, что Генеральный штаб запрашивает, следует ли предоставлять командующим округами право посылать воинские команды по требованиям с мест для устранения аграрных беспорядков. Месяц назад, при рассмотрении вопроса о беспорядках в Казанской губернии Временное правительство специально подчеркнуло, что применение военной силы не соответствует требованиям момента. Как же поступило оно сейчас? В витиеватой форме Временное правительство высказалось за предоставление губернским комиссарам совместно с местными общественными комитетами права незамедлительного прекращения «всеми законными средствами» всякого рода посягательств на аграрной почве против личности и собственности граждан, «если таковые посягательства возникли». Тут в этом постановлении проявилось не просто желание отсрочить решение аграрного вопроса до Учредительного собрания, но и классовый интерес самого Временного правительства, как правительства не только буржуазии, но и помещиков. Действительно, против каких «личностей» могли совершаться покушения на аграрной почве? Против помещиков в первую очередь. И именно их интересы собиралось защищать Временное правительство, применяя воинские команды. Что же касается Генерального штаба, то ему решено было ответить, что вопрос о применении команд передается губернским комиссарам, «от коих и будет зависеть, в потребных случаях, непосредственно сноситься с подлежащею военною властью».⁴⁷ Разумеется, речь шла в этот момент не о конкретном применении

⁴⁶ Революционное движение в России в апреле 1917 г. Апрельский кризис. Документы и материалы. М., 1958, с. 304.

⁴⁷ Там же, с. 306.

военной силы против крестьян в том или ином месте. Могло еще пройти две недели, месяц, полтора, прежде чем бумаги достигнут, наконец, губернских комиссаров и начальников тыловых военных округов. Важно здесь решение вопроса в принципе. Временное правительство, кичившееся тем, что оно выступает за демократию, что оно разрушает старый насильственный аппарат царизма, что оно пользуется только методом убеждения, потихоньку сворачивало на привычную дорогу практики эксплуататорского государства: к применению грубого насилия против своего народа.

Стремление правительства, прикрываясь борьбой за упорядочение всех сторон новой жизни, увеличивать свой контроль за течением политических событий и всюду, где представится возможность, ограничивать демократические права рабочих и крестьян, видно и в таком, на первый взгляд, сугубо специальном акте, как постановление об образовании на линиях железных дорог временных наблюдательных комитетов. Это был вариант примирительных камер для железных дорог. Наблюдательные комитеты, которые образовывались по приказу министра путей сообщения, должны были разбирать как жалобы рабочих и служащих на начальствующих лиц, так и «заявления этих лиц о неправильных действиях и поступках служащих и рабочих».⁴⁸ Комитеты имели право издавать и обязательные постановления по распорядку дня, а также налагать взыскания вплоть до «ареста на срок не свыше 3 месяцев». В соответствии с этим постановлением несколько сокращался объем административной власти старых начальствующих лиц на железных дорогах. Однако до полной свободы для рабочих было еще далеко, так как наблюдательные комитеты получали очень большие возможности для пресечения демократического движения рабочих-железнодорожников. Конечно, и здесь все зависело от конкретного соотношения сил. Не все комитеты были созданы, состав был их различен, объем реальной власти меньше, чем это предусматривалось данным постановлением. Однако четко прослеживается тенденция, согласно которой развивалось законодательное творчество Временного правительства. Наиболее открыто и явно она проявлялась в области аграрной политики. Мягкий характер министра земледелия, его объективная помощь, оказываемая «левому» крылу в правительстве, казалось бы, должны были служить и либеральной земельной политике. Но классовый интерес правительства был сильнее и именно в области отношения к крестьянам скорее всего обнаружилось сползание Временного правительства к применению силы против народа. Ярким примером этого является постановление Временного правительства от 11 апреля об охране посевов. В нем подтверждалось, что посевы в соответствии с законом о хлебной монополии являются «общественным достоянием». Охрана их вручалась продовольственным комитетам. Они должны были взять

⁴⁸ Там же, с. 306—307.

под свой контроль и наблюдение посе́вы, в том числе и посе́вы на помещичьей земле. Правительство гарантировало владельцам возмещение убытков «в случае насильственной порчи и истребления посевов». Эта мера также преследовала охрану помещичьих хозяйств против враждебных актов со стороны крестьян.

Однако это постановление вызывало в то же время и недовольство со стороны помещиков. Многие из них в это тревожное время хотели бы оставить свои земли незасеянными, потому что еще было неясно, кто же с них будет собирать урожай. Однако это противоречило бы государственным интересам, так как количество хлеба, потребного для прокормления армии и городского населения, прежде всего рабочих военной промышленности, сократилось бы. Поэтому в постановлении об охране посевов был включен следующий пункт: «В случае отказа владельца засеять землю незасеянная площадь пахотной земли поступает в распоряжение местных продовольственных комитетов, которые могут передать ее в аренду для данного посева по справедливой цене местным землевладельцам или организуют сами производство посевов».⁴⁹ Именно этот пункт означал нарушение права собственности, поскольку в него еще со времен римского права входит злоупотребление собственника своим имуществом. Против этого-то права и возражала теперь государственная власть. Более того, она передавала незасеянную пахотную землю в распоряжение местных продовольственных комитетов, среди которых крестьяне были представлены достаточно широко. Помещики поэтому увидели в данной мере принципиальную возможность принудительного отчуждения их земли и повели борьбу против этой меры. Что же касается крестьян, то для них эта мера была все равно недостаточной.

Данное постановление вполне можно рассматривать в совокупности с циркулярной телеграммой князя Г. Е. Львова от 13 апреля, в которой давалась своеобразная интерпретация постановлению. Циркуляр был направлен в связи с поступлением в правительство жалоб со стороны помещиков об арестах, производимых по приказам отдельных сельских обществ, волостных комитетов. Эти аресты лишали землевладельцев, как крупных, так и мелких, возможности исполнить свой долг пред государством, засеяв в пределах имеющихся у них возможностей им принадлежащие земли». Временное правительство в этой телеграмме протестовало против данных «насилий над личностью», против «самопроизвольного разрешения земельного вопроса самим заинтересованным населением». Губернские комиссары должны были «твердо отстаивать недопустимость каких бы то ни было самовольных решений, могущих погубить необходимое единение для укрепления нового государственного строя». Комиссарам предлагалось «всей силой закона» прекращать насилия. «Вы, — разъяснял князь Львов, — являясь в губернии главным представителем вла-

⁴⁹ Там же, с. 309.

сти Временного правительства, несете вместе с местными общественными комитетами ответственность за сохранение в губернии порядка всеми теми мерами, которые Вы при посредстве комитета сочтете нужным принять».⁵⁰ Это был курс на усиление власти комиссара, поощрение их к применению насилия против крестьянского населения.

Тот же курс виден и в циркуляре князя Г. Е. Львова (в качестве министра внутренних дел) губернским комиссарам Сибири и Дальнего Востока от 15 апреля. В преамбуле и первых двух пунктах этого постановления говорилось следующее: «В целях скорейшей организации нормального управления, а также ввиду необходимости безостановочного функционирования органов крестьянского управления и содействия хозяйственному устройству неокрепших переселенческих хозяйств, особенно пострадавших с призывом в войска глав семей, Министерство внутренних дел признало необходимым: 1) Поручить общее руководство управлением губерний губернскому комиссару с возложением на него прав и обязанностей губернаторов, поскольку они не отменены происшедшими в государственном строе изменениями». (Прервем здесь цитату, чтобы обратить внимание на последнюю формулировку. Если в циркуляре князя Львова от 1 апреля по поводу обязанностей губернатора говорилось: «за исключением отпавших вследствие происшедших в государственном строе изменений»,⁵¹ то в данном циркуляре об обязанностях губернатора сказано в более категорическом тоне — «поскольку они не отменены»). 2) Под председательством и руководством комиссара возобновить деятельность общего присутствия губернского (областного) управления для разрешения подведомственных ему по закону дел; состав присутствий прежний. Если условия на местах требуют пополнения присутствия новыми силами, то необходимо испрашивать указания Министерства внутренних дел».⁵² Это также первое упоминание в актах Временного правительства о восстановлении деятельности губернских присутствий.

Один из самых важных законодательных актов, подготовленных Временным правительством первого состава, было издание положения о выборах в новые органы местного самоуправления.

Надо сказать, что и в области подготовки законопроекта о выборах в органы местного самоуправления Временное правительство столкнулось с волей Петроградского Совета, которому Министерство внутренних дел передало свой проект на заключение. 11 апреля, весьма придирчиво обсудив его, Исполком потребовал, чтобы был понижен возрастной ценз для избирателей с 21 года до 19 лет, изъят пункт об обязательном цензе оседлости в три

⁵⁰ Там же, с. 310.

⁵¹ Революционное движение в России после свержения самодержавия, с. 449.

⁵² Революционное движение в России в апреле 1917 г., с. 311.

месяца.⁵³ В той или иной форме, как показывает изучение текста постановления Временного правительства от 15 апреля, эти поправки были учтены.

Постановление «О производстве выборов гласных городских дум и об участковых городских управлениях» вводило в действие новые временные правила о производстве выборов гласных и временные правила об участковых управлениях, которые уже получили в революционном словаре наименование «районных дум». Постановлению был придан торжественный характер, поскольку оно вышло за подписями министра-председателя, министра иностранных дел, государственного контролера, министров народного просвещения, торговли и промышленности, земледелия, обер-прокурора Синода, министров путей сообщения и финансов. И действительно: несмотря на казенный язык этого документа, он был исполнен большой исторической важности. Впервые им вводилось всеобщее избирательное право в нашей стране, равное, прямое, с тайным голосованием. Россия приобщалась к практике западноевропейской избирательной жизни с предвыборной борьбой партий, партийными списками на выборах, с пропорциональной системой представительства. Выборы в органы местного самоуправления, подготовка к которым теперь начиналась в городах страны, должны были стать первой школой выборной техники, генеральной репетицией выборов в Учредительное собрание.

В городах, где действовало городовое положение от 1892 г., а также в Петрограде и Ташкенте городские управы немедленно, не дожидаясь срока истечения полномочий старых дум, приступали к составлению избирательных списков выборов в новые городские думы и разделению городов на отдельные избирательные участки. Гласные новых дум избирались на срок до 1 января 1919 г. Постановление определяло число гласных, подлежащих избранию в каждом городе. Важнейшую норму, определяющую корпус избирателей, содержал третий пункт постановления. Там говорилось: «Правом участия в выборах гласных пользуются российские граждане обоего пола всех национальностей и вероисповеданий, достигшие ко времени составления избирательных списков двадцати лет, если они во время составления избирательных списков проживают в данном городе, либо имеют в городе домашнее обзаведение или состоят там на службе, или же имеют иные, связанные с городом определенные занятия. Лица, состоящие на военной службе, принимают участие в выборах на общих основаниях».⁵⁴

Таким образом, провозглашалось всеобщее и равное избирательное право для российских граждан, включая женщин, военнослужащих и представителей всех национальностей. Во многих странах Запада женщины в это время еще не имели избиратель-

⁵³ Известия, 1917, 12 апр.

⁵⁴ Вестник Временного правительства, 1917, 16 апр.

ных прав. Лишены их были и многие военнослужащие. Поэтому внесение этих норм в положение о выборах являлось прогрессивным с точки зрения передовых идей буржуазной государственно-правовой науки. Это отвечало и интересам трудящегося населения, поскольку обеспечивало широкое участие в выборах рабочих, включая временных и сезонных. Для конкретно-исторических условий России важнейшее значение имело и предоставление права участия в выборах в городские думы солдатам. Во многих городах России в это время были значительные воинские гарнизоны. Солдаты после свержения самодержавия стали активными участниками политической борьбы. Вовлечение их в предвыборную кампанию способствовало бы их дальнейшему политическому просвещению.

Правда, третий пункт содержал и маленькое преимущество для городской буржуазии. Домовладельцы, проживавшие в других местностях, могли к моменту выборов прибыть в данный город и участвовать в голосовании. Но при включении в списки для голосования десятков, а иногда и сотен тысяч новых избирателей, ранее лишенных права избирать в городские думы, эта льгота для городских домовладельцев не могла уже существенно изменить состав городских дум в пользу буржуазии.

Подчеркивая суверенность прав городского населения в решении вопросов своей жизни и невмешательство со стороны центральных властей, правительство не предоставляло избирательных прав для участия в выборах местного самоуправления высшим административным лицам, их заместителям и помощникам, служащим местной милиции или полиции. В выборах не могли также участвовать монашеские и признанные в законном порядке глухонемыми, сумасшедшими и безумными. Права участвовать в выборах лишались также лица, лишенные их по суду, а также осужденные за целый ряд уголовных преступлений, содержатели домов терпимости.

Важной нормой было предоставление пассивного избирательного права не только проживающим в данном городе лицам, но всем вообще гражданам, удовлетворяющим прочим условиям получения избирательного права. Поэтому в списки кандидатов могли быть включены деятели политических партий, которые проживали в момент составления списков избирателей в других городах или местностях. Списки избирателей должны были быть составлены в течение двух недель с момента обнародования данного постановления. Сведения списка можно было опротестовать в течение пяти дней после его предъявления для всеобщего обозрения. Выборы должны были производиться в воскресный или праздничный день, и о них за две недели необходимо было объявить во всеуслышание.

Затем в постановлении определялся порядок предъявления списков кандидатов в гласные. Любая группа избирателей числом не менее половины количества гласных, которые должны были

избираться в данном городе, могла подать свой список кандидатов. Постановление принимало пропорциональную систему представительства. Общее число гласных, подлежащих избранию, распределялось между заявленными списками пропорционально числу голосов, поданных на выборах за каждый список. Таким образом, постановление от 15 апреля являлось значительной победой трудящегося населения России. Оно открывало возможность для политических партий страны впервые померяться силами в открытой борьбе за голоса избирателей и получить те права, которые были обещаны им еще манифестом 17 октября 1905 г., но так никогда и не были предоставлены царским правительством.

Вместе с тем городские выборы по своему значению были, конечно, не столь важными, как выборы в Учредительное собрание. Они могли стать лишь первой пробой сил. Политический вес этих выборов уступал прямой политической борьбе, которая могла вестись путем манифестаций, демонстраций, митингов, собраний, газетной полемики. Сами по себе новые органы самоуправления, хотя и освобождались частично от мелочной опеки со стороны представителей центральной власти, тем не менее не получали всей полноты власти на местах. Их компетенцией по-прежнему оставалось прежде всего городское хозяйство и управление им. Политика в широком смысле оставалась за рамками деятельности городских дум, равно как и властное распоряжение местными делами. Постановление от 15 апреля подтверждало уже сложившуюся систему организации местной власти и управления, унаследованную от царского времени: правительственный комиссар, которому перешла значительная часть прав прежнего губернатора, и местное общественное управление, ведавшее городским хозяйством. Существовавшие на местах временные комитеты общественных организаций как чрезвычайные органы власти должны были быть после избрания новых дум ликвидированы. Эту систему активно критиковали большевики, подвергая сомнению сам принцип назначения центральной властью своих представителей на места, требуя предоставления местным органам всей полноты власти. Большевистский лозунг «Вся власть Советам!», получивший широкое распространение после приезда В. И. Ленина в Россию, означал передачу Советам всей полноты власти в центре и на местах. Вместе с тем в документах VII (Апрельской) конференции РСДРП(б), подготовленных В. И. Лениным, предусматривалась и возможность сосредоточения всей полноты местной власти в руках местных самоуправлений в случае соответствующего поворота революции по мирному, парламентскому пути борьбы. В написанной В. И. Лениным и принятой конференцией резолюции об отношении к Временному правительству, в частности, говорилось: «Необходима длительная работа по прояснению классового пролетарского сознания и сплочению пролетариев города и деревни против колебаний мелкой буржуазии, ибо только такая работа обеспечит успешный переход всей государственной власти

в руки Советов рабочих и солдатских депутатов или других органов, непосредственно выражающих волю большинства народа (органы местного самоуправления, Учредительное собрание и т. п.)».⁵⁵ Кампания по выборам в местные самоуправления могла стать важным этапом в борьбе за усиление влияния революционного пролетариата и Советов на местах, за продвижение вперед, как говорил В. И. Ленин, «муниципальной революции».⁵⁶

20 апреля 1917 г. Временное правительство опубликовало принятое им 47-апреля постановление «Об учреждении милиции», которое должно было внести какое-то единообразие в созданные после революции органы и силы охраны порядка на местах. В первом пункте постановления говорилось: «Взамен наружной полиции учредить милицию на основании прилагаемых при сем правил». Действия этих правил распространялись на существующую местную временную милицию. Начальников милиции. Городские и земские самоуправления должны были избирать только после своих собственных перевыборов по новым положениям. Обязанности уездных исправников и полицмейстеров возлагались на начальников милиции соответствующих городов. Устройство милиции в Петрограде, Москве, Киеве и Одессе должно было регулироваться особыми узаконениями, которые подготавливались. Постановление было подписано министром-председателем Г. Е. Львовым, Керенским, Милюковым, Некрасовым, Коноваловым, Мануиловым, Гучковым, Шингаревым, Терещенко, В. Н. Львовым, Годневым и, как обычно, скреплено управляющим делами Временного правительства Набоковым.

«Милиция есть исполнительный орган государственной власти на местах, состоящий в непосредственном ведении земских и городских общественных управлений», — говорилось в приложенном к постановлению «Временном положении о милиции».⁵⁷ Постановление определяло состав должностных лиц милиции, средства для ее содержания, разрешало носить милиционерам холодное оружие, револьверы. Начальники милиции избирались и увольнялись городскими думами и земскими управлениями. Остальные чины милиции замещались начальниками по их усмотрению, начальники милиции и их помощники должны были состоять в российском подданстве, иметь не менее 21 года от роду, образование не ниже среднего. Это же относилось и к помощникам, все остальные должностные лица в милиции должны были быть по меньшей мере грамотными.

Общая задача милиции формулировалась так: «Милиция охраняет общественную безопасность и порядок и защищает всех и каждого от всякого насилия, обид и самоуправства». Среди обязанностей милиции упоминались, в частности, «принятие мер к прекращению нарушения порядка, закона или обязательного

⁵⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 408.

⁵⁶ Там же, с. 385.

⁵⁷ Вестник Временного правительства, 1917, 20 апр.

постановления», «охрана прав гражданской свободы», «содействие органам правительственной и общественной власти в осуществлении ими возложенных на них обязанностей». Кроме этого, в пункте 23 говорилось, что «чины милиции обязаны исполнять все законные требования правительственных и общественных властей». Следовательно, хотя милиция и передавалась в непосредственное ведение земств и городских дум, она объявлялась исполнительным органом государственной власти, т. е. не только самоуправлений, но и правительственной, фактически губернского и уездного комиссара. Не будучи подчинена последним в финансовом и служебном отношении, она, следовательно, подчинялась им политически. Это давало формальное основание для будущего превращения милиции, созданной в Февральскую революцию, в организацию типа старой полиции. Временное положение игнорировало те принципы, которые были положены в основу рабочей милиции, существовавшей в Петрограде и ряде других промышленных центров, когда рабочие привлекались к несению наружной милицейской службы поочередно и получали за время, потраченное на общественную службу, средний заработок от капиталистов.

Постановление предусматривало только наемную милицию, чины которой принимались на службу непосредственно начальником милиции или его органами и получали за это постоянное жалование. В целом поэтому постановление отражало стремление Временного правительства к установлению «нормальной» буржуазно-демократической государственности и ликвидации последствий Февральской революции. Оно ставило препятствия на пути дальнейшего развития пролетарской и всенародной милиции, на пути превращения буржуазного государства в «негосударство» или государство нового типа, к созданию которого, используя мирный период развития революции, призвал В. И. Ленин. Используя «Временное положение о милиции», Главное управление по делам милиции Министерства внутренних дел организовало инспекции и правительственные ревизии Петроградской и ряда других городских милиций с целью собирания сведений о рабочей милиции для последующего ее разгрома и роспуска. Однако осуществление этих планов зависело от конкретного соотношения сил на местах. В Петрограде, как известно, Временное правительство смогло уничтожить наружную рабочую милицию только после июльских дней.⁵⁸ Поэтому если постановление от 15 апреля о выборах в городские думы могло приветствоваться революционной демократией и даже ее левой частью, то постановление от 17 апреля о милиции не могло рассматриваться иначе как мера, открывающая в будущем двери для возможной буржуазной реакции.

---

⁵⁸ Подробнее см.: Старцев В. И. Очерки по истории Петроградской Красной гвардии и рабочей милиции. Л., 1965, с. 88—98.

20 апреля было опубликовано еще одно важное постановление Временного правительства, направленное на осуществление обещаний, данных властью в своей первой декларации. Речь идет о постановлении «О собраниях и союзах». Это постановление должно было узаконить право собраний и союзов, фактически завоеванное революционным народом в Февральские дни и подтвержденное первыми декларациями Временного правительства. Оно также вышло за 11 подписями всех министров и Набокова. По существу же это был перепев старого кадетского законопроекта о свободе собраний, который был составлен еще в 1905 г. В первом пункте этого постановления провозглашалось: «Все без исключения российские граждане имеют право, без особого на то разрешения, устраивать собрания как в закрытом помещении, так и под открытым небом».⁵⁹ Собрания на рельсовых путях запрещались, на улицах и площадях допускались «поскольку они не мешают свободному движению». На собрания не имели право приходить вооруженные лица. Четвертый пункт был посвящен свободе союзов: «Все без исключения российские граждане имеют право, без особого на то разрешения, образовывать общества и союзы в целях, не противных уголовным законам». Общества могли объединяться, вступать в соглашения с образованными за границей союзами или обществами. Для пользования всеми правами юридического лица общество должно было зарегистрироваться в судебных властях. Принудительное закрытие общества могло последовать только по решению суда, в том случае, если деятельность его нарушала уголовный закон. Следовательно, политические мотивы для закрытия обществ не могли использоваться. Постановление это не распространялось на общества и союзы, имевшие целью получение прибыли. В конкретных условиях апреля 1917 г., при полнейшей политической свободе и свободе всех видов ее, данное постановление правительства не имело большого значения, поскольку лишь оформляло то, что было и так уже завоевано народом и вошло в практику повседневной политической жизни. Однако при возможных неблагоприятных поворотах политических событий, при возможных реакционных кризисах подобное постановление могло пригодиться революционным партиям как основа для борьбы за полное осуществление гражданских прав. В этом смысле оно было важным. В своих целях утилизovalo его и Временное правительство, стремившееся с его помощью показать, что оно полно решимости выполнить все свои обязательства. Однако в данном случае особой пользы правительство не смогло извлечь, поскольку опубликование постановления о свободе собраний и союзов совпало с Апрельскими событиями и последовавшим вслед за ними кризисом Временного правительства первого состава.

⁵⁹ Вестник Временного правительства, 1917, 20 апр.

. Как мы уже установили, почти всегда в законодательной деятельности Временного правительства издание акта демократической направленности сопровождалось принятием постановлений, направленных на усиление контроля правительства над событиями на местах и сужение деятельности политических организаций масс. Так, 21 апреля в качестве своеобразного противовеса закону о собраниях и союзах было принято постановление о том, что средства государственного казначейства могут отпускаться только на содержание тех комитетов общественных организаций или их органов, «которые исполняют по поручению Временного правительства или его представителей, комиссаров, обязанности органов правительственной власти на местах». Эти средства должны были отпускаться губернскими комиссарами с разрешения Временного правительства и проводиться по сметам губернского и уездного управления. Средства «не подлежат отпуску их на агитационно-партийную и общественно-политическую работу указанных комитетов» и «на содержание партийных, классовых, профессиональных или иных общественных организаций». ⁶⁰ Временное правительство не желало поддерживать из государственных средств своих классовых противников. Если уж оно отказало в конце марта выделить 10 млн. руб. для Петроградского Совета, от которого в известной мере зависело и само существование правительства, то оно следило и за тем, чтобы деньги не попадали в руки рабочих из средств комитетов общественных организаций. Практика законодательной деятельности правительства, проявлявшаяся, в частности, в отношении к рабочей милиции и к классовым, партийным и профессиональным организациям рабочих, входивших в состав местных комитетов общественных организаций и, как правило, поддерживавших в те дни правительство, противоречила широковещательным заявлениям министров о том, что правительство является «народным». Эта практика показывает ограниченный, буржуазно-классовый и помещичий характер внутренней политики Временного правительства.

Особенно заметно это на примере аграрной политики. Именно здесь, как мы уже показывали выше, правительство быстрее всего пришло к мысли о возможности возвращения к карательным, принудительным и насильственным действиям в отношении масс. И даже в те акты по Министерству земледелия, которые как будто должны были способствовать будущему разрешению земельного вопроса и представляли собой с виду уступку демократическим требованиям масс, неизменно включались жесткие слова о борьбе с анархией и земельными захватами. Постановление Временного правительства о создании земельных комитетов от 21 апреля начиналось с утверждения, что окончательно и правильно решить земельный вопрос может только Учредительное собрание. «Но для такого решения, — говорилось в постановле-

⁶⁰ Революционное движение в России в апреле 1917 г. . . , с. 316.

нии, — необходимо предварительно собрать повсеместно сведения о земельных нуждах населения и подготовить к Учредительному собранию новый закон о земельном устройстве. С этой целью Временное правительство образует Главный земельный комитет, которому поручается (при содействии местных губернских, уездных и волостных земельных комитетов) соби́рание сведений о местных земельных порядках и земельных нуждах населения и в течение переходного времени, до проведения земельной реформы в Учредительном собрании, решение споров и недоразумений по земельным делам». Таким образом, кроме функций по соби́ранию материалов, комитеты получали полномочия примирительных земельных камер, создание которых было обещано рядом постановлений и обращений правительства. Далее в постановлении назывался состав Главного земельного комитета с широким привлечением общественных организаций, политических партий и Советов и следовало несколько абзацев, смысл которых состоял исключительно в сдерживании крестьянского движения, борьбе против лозунгов немедленного решения земельного вопроса прямо на местах, которые выдвигала и пропагандировала партия большевиков.

«Явная ошибка думать, — пояснялось в этом документе, — что каждая губерния, каждый уезд, каждая волость могут сами себе разрешить его. В этом деле весь народ связан тесными узами: каждое село заинтересовано в том, как будет разрешен земельный вопрос по всей стране, и для страны не может быть безразлично земельное устройство даже маленькой деревушки. Большая беда грозит нашей родине, если население на местах, не дожидаясь решения Учредительного собрания, само возьмется за немедленное переустройство земельного строя. Такие самовольные действия грозят всеобщей разрухой. Поля останутся незасеянными, и урожай не будет убран. В стране наступит нужда и голод. Да не случится этого».⁶¹ За всеми этими фразами, составленными в народном разговорном стиле, скрывалось простое и ясное содержание: не допустим раздела помещичьей земли до Учредительного собрания, постараемся и там отстоять интересы помещиков и крупных владельцев. Для этого все средства были хороши — и убеждение, и угрозы. Угроза голода для всех, угроза солдатам, что их обделят при самовольных переделах. Этот довод широко эксплуатировался и кадетами, и эсерами, и соглашательским руководством Советов. Повторяло его здесь и Временное правительство: «И пусть будут спокойны наши доблестные воины — защитники родной земли. Пусть будут они уверены в том, что в их отсутствие и помимо их участия никто не станет решать вопроса о земле. Пусть знают они, что в земельных делах народ не допустит самоуправства и будет спокойно ждать нового земельного

---

⁶¹ Вестник Временного правительства, 1917, 23 апр.

устройства, которое обеспечит справедливые интересы земледельческого населения». ⁶²

Страхом перед растущим крестьянским движением, попытками выставить против него заслоны отмечены последние постановления и другие акты Временного правительства первого состава по земельному вопросу. В письме А. И. Шингарева, отправленном 30 апреля во Временный комитет Государственной думы, утверждалось, что возникновение аграрных беспорядков после Февральской революции было «естественным результатом последовавшего государственного переворота», когда благонамеренная часть общества еще не сумела организовать для отпора «стремлениям отдельных действующих как в городах, так и в сельских местностях безответственных групп и лиц населения к осуществлению своих чаяний путем насилия». Министр земледелия вынужден был признать, что основанием земельных беспорядков служит «действительно наблюдаемая и часто острая земельная нужда крестьянского населения, удовлетворению которой при прежнем государственном строе ставились всяческие преграды». ⁶³ Шингарев полагал, что беспорядки могли начаться еще раньше и принять еще более острую форму. Вместе с тем он уверял помещиков, что правительство обратило серьезное внимание на аграрные беспорядки с самого начала поступления известий о них. Применялось два метода борьбы: «1) прекращение беспорядков, уже возникших в отдельных местностях и случаях, и 2) издание в законодательном порядке таких постановлений и правил, которые, с одной стороны, дали бы какой-нибудь путь для удовлетворения земельной нужды крестьянского населения, а с другой — направляли бы по законному руслу возникавшие у него споры с землевладельцами на почве земельных правоотношений впредь до разрешения земельного вопроса Учредительным собранием».

Таким образом, само правительство устами министра земледелия признавало недостаточность своих мероприятий по земельному вопросу, называя их «каким-нибудь путем». На первое же место ставилась борьба с беспорядками. Правда, Шингарев жаловался, что Министерство земледелия не имеет на местах таких органов, которые бы позволили применить против населения «физическую силу» — они находятся в ведении Министерства внутренних дел, да и по существу «в условиях переживаемого момента» невозможно прибегнуть к такой силе. Здесь надо внести поправку и сослаться на постановление Временного правительства от 8 апреля, в котором разрешалось губернским комиссарам просить военное командование о высылке солдат для подавления аграрных беспорядков. Хотя случаев такого обращения еще не наблюдалось, они уже были предусмотрены в «принципе». Что касается мер второго рода, то Министерство земледелия могло похвастаться

⁶² Там же.

⁶³ Революционное движение в России в апреле 1917 г..., с. 326.

только постановлениями об охране посевов (от 11 апреля) и об организации земельных комитетов (от 21 апреля).

Наконец, упомянем еще последнее обращение Шингарева в качестве министра земледелия от 1 мая 1917 г. Все оно проникнуто стремлением защитить помещичьи хозяйства от покушений со стороны крестьян. Интересно, что буржуазный министр брал под защиту и хозяйства хуторян и отрубников, т. е., как правило, кулацкие крестьянские хозяйства. «Имущество и земли помещиков, — говорилось в этом воззвании, — так же как и все иные владения, являются народным достоянием, которыми имеет право распорядиться только всенародное Учредительное собрание. До тех же пор всякий самовольный захват земли, скота, инвентаря, рубка чужого леса и т. п. являются незаконным и несправедливым расхищением народного богатства и могут обездолить впоследствии других, может быть еще более нуждающихся граждан». В воззвании говорилось о том, что постановление об охране посевов дает возможность крестьянам через местные продовольственные комитеты использовать пустующую землю, а через выборные земельные комитеты разрешать свои споры с помещиками. «Всякое изменение существующего порядка землепользования, — сурово предупреждал министр, — условий аренды, рубки леса, пастьбы скота и т. п. не должно проходить без разрешения земельных комитетов. Самовольный захват чужих земель и имуществ будет рассматриваться как нарушение прав других граждан свободной России и будет караться по всей строгости закона».⁶⁴

Анализ законодательной деятельности Временного правительства по широкому кругу вопросов внутренней политики мы хотим закончить разбором постановления Временного правительства от 23 апреля 1917 г. «О рабочих комитетах в промышленных предприятиях». Это постановление, как и другие законодательные акты правительства подобного рода, лишь санкционировало то, что революционный народ завоевал сам своей вооруженной рукой в борьбе с царским режимом. Фабрично-заводские комитеты возникали по инициативе большевиков и передовых рабочих еще в ходе самого Февральского восстания. Первые выборы на предприятиях в заводские комитеты, советы старост или советы уполномоченных состоялись уже 27 февраля и в первые дни марта. К концу первой недели марта в Петрограде, например, не было завода или фабрики, где уже не действовал бы местный фабзавком. Поэтому издание соответствующего законодательного акта более чем через полтора месяца после образования самих комитетов никак нельзя назвать быстрым. Наоборот, скорее можно говорить об известном промедлении с выпуском этого важного документа.

---

⁶⁴ Там же, с. 328—329.

Ст. I положения гласила: «Рабочие комитеты учреждаются как в частных, так и в казенных промышленных заведениях всякого рода (фабрично-заводских, горных, горно-заводских, в строительном промысле)». ⁶⁵ Комитеты учреждались как для всего заведения, так могли существовать и в отдельных его частях: цехах, отделах, промыслах, производствах. Инициатива в создании комитета могла исходить от рабочих, группа которых составляет не менее 1/10 части всех рабочих, или от администрации. Комитет состоял из «членов, избранных рабочими заведения на основе всеобщего, не исключая женщин и несовершеннолетних, равного, прямого и тайного голосования». Для признания выборов действительными необходимо было участие в них не менее половины рабочих. Список членов комитета сообщался для сведения администрации. Важная норма содержалась в ст. 6 положения: «Члены комитета могут быть увольняемы администрацией заведения лишь по постановлению примирительных учреждений. Устранение их до решения примирительных учреждений может последовать лишь с согласия комитета».

Положение так формулировало задачи фабрично-заводских комитетов: а) представительство рабочих перед администрацией заведения по вопросам, касающимся взаимоотношений между предпринимателями и рабочими, как-то: о заработной плате, рабочем времени, правилах внутреннего распорядка и т. п.; б) разрешение вопросов, касающихся внутренних взаимоотношений между рабочими заведениями; в) представительство рабочих в их сношениях с правительственными и общественными учреждениями; г) заботы о культурно-просветительной деятельности среди рабочих заведения и о других мероприятиях, направленных к улучшению их быта». Временное правительство, таким образом, не указало прямо на политические права фабзавкомов, на роль партийных организаций в их создании и деятельности. Однако пункт «В» разрешал «сношения с правительственными и общественными учреждениями», а следовательно фактически и политическую работу фабзавкома. Комитет получал право созывать собрания рабочих и допускать на собрания лиц, «не принадлежащих к составу рабочих заведения». Под этой замысловатой формулировкой скрывалось разрешение допускать на заводы партийных ораторов и агитаторов, что широко практиковалось явочным порядком с момента Февральской революции. Собрания, «по общему правилу», должны были созываться в нерабочее время. Служащие предприятия могли входить в комитет рабочих, а могли составить и самостоятельный.

«Положение о рабочих комитетах» было уже фактической сферой компетенции фабзавкомов, осуществлявшейся уже с марта 1917 г. Оно ничего не говорило о контроле над наймом и увольнением всех рабочих заведения, о возможном вмешательстве ра-

⁶⁵ Там же, с. 319.

бочих в оперативное управление предприятиями. Поэтому положение, хотя и предоставляло рабочим большие, по сравнению с тогдашними странами Западной Европы права (в западных странах учреждений, подобных фабзавкомам, просто не было), являлось уступкой капиталистов рабочему движению, с которым они еще не имели сил справиться. Оно в то же время ограничивало использование фабзавкомов для борьбы за рабочий контроль, на осуществление которого рабочих звали большевики.

Таким образом, и это положение было инструментом классовой политики буржуазного Временного правительства.

В Министерстве торговли и промышленности подготавливались и другие законопроекты, в частности закон о свободе стачек и забастовок. Для его обсуждения 25 апреля было созвано совещание при отделе труда министерства под председательством М. А. Бернадского. Там присутствовали как представители промышленников, так и Петроградского Совета и рабочих организаций. Капиталисты требовали установить обязательность попытки третейского примирительного обсуждения конфликта перед объявлением забастовки, полагая, что в настоящий момент забастовки вообще являются «непозволительной роскошью». Рабочие представители требовали признания права на забастовки и издания временным правительством общего закона о регламентации труда и прав рабочих. Совещание выявило глубокие классовые противоречия и даже не смогло перейти к постатейному обсуждению предложенного законопроекта.⁶⁶

Следовательно, и в области общих вопросов положения на предприятиях Временное правительство первого состава подготовить и издать законов не успело. В частности, не был издан закон о восьмичасовом рабочем дне, являвшийся главным требованием рабочих партий, не появился и закон о праве на забастовку. В этом еще раз проявлялась классовая ограниченность Временного правительства, неосновательно претендовавшего на то, чтобы считаться «общенародным».

Подведем некоторые итоги. Временное правительство, присвоившее права верховной власти, в том числе и законодательные, не торопилось использовать их в полной мере. Темп законодательной деятельности правительства может быть охарактеризован как «неспешный». Временное правительство постоянно запаздывало с изданием необходимых законов, и это запаздывание оборачивалось для самого правительства растущей утратой популярности.

Деятельность Временного правительства в области законодательства развертывалась по трем главным направлениям, связанным с проведением внутренней политики. Во-первых, законодательное оформление слома некоторых органов старого насильственного государственного аппарата царизма. Это — уничтожение

⁶⁶ Там же, с. 325—326.

полиции и жандармерии, замена ее милицией, ликвидация губернаторов, уездных исправников и земских начальников. Во-вторых, — законодательное оформление создания новых органов государственной и общественной власти: это создание новых временных судов, института губернских и уездных комиссаров, комитетов общественных организаций, выпуск положения о выборах в новые органы самоуправления на основе всеобщего избирательного права. К этому же направлению примыкают постановления о создании новых органов, таких как продовольственные и земельные комитеты, фабрично-заводские комитеты. Присовокупляя сюда деятельность военного министра, следует добавить и положения о солдатских комитетах, дисциплинарных судах и ликвидации старых военно-полевых судов.

Но подобно тому как Временное правительство в силу своих ограниченных возможностей старалось спасти отдельные элементы насильственного аппарата царизма, так и в области создания органов нового строя оно проявляло робость. Фактом было существование огромной сети Советов рабочих и солдатских депутатов по всей стране. Представительство от Советов предусматривалось рядом законодательных актов Временного правительства о создании новых государственных и общественных органов власти. Однако какого-либо законодательного акта о самих Советах, как о важнейших общественных органах нового строя, не было принято, и он даже не разрабатывался. Временное правительство молчаливо исходило из предположения, что Советы, как конкуренты по государственной власти, должны были исчезнуть или будут ликвидированы по мере усиления власти самого правительства. Именно такие планы обнаружили наиболее реакционные министры в дни апрельского политического кризиса.

Третье направление в законодательной деятельности правительства связано с провозглашением гражданских свобод. Сюда можно отнести законы об амнистии, о ликвидации национальных и вероисповедных ограничений, о праве собраний и союзов. Однако и здесь Временное правительство проявляло большую робость. Не был издан закон о восьмичасовом рабочем дне, о свободе стачек и союзов. Не было по существу и закона о свободе печати и слова. Об этом лишь коротко говорилось в первых правительственных декларациях. Военное ведомство согласилось на введение солдатских комитетов, но препятствовало выходу декларации о правах солдат.

В принятых постановлениях Временного правительства, особенно с начала апреля, устанавливается ясная тенденция на подготовку поворота к реакционному курсу внутренней политики. Усиливаются права губернских комиссаров, хотя ранее подчеркивалось их принципиальное отличие от губернаторов как проводников единой линии политики центральной власти. Губернским комиссарам по существу предоставляется право применять вооруженную силу для борьбы с беспорядками, в первую очередь

аграрными. Новое положение о милиции также давало юридическое основание для борьбы против массового движения, для постепенного превращения народной милиции Февральской революции в наемную вооруженную силу типа старой полиции. Особенно ярко видно стремление Временного правительства перейти к реакционному курсу на примере аграрного вопроса, тесно связанного с внутренним состоянием государства. Уже с середины апреля правительство было готово к применению вооруженной силы против крестьян. В то же время правительство всячески затягивало «вплоть до Учредительного собрания» решение аграрного вопроса и издание закона о восьмичасовом рабочем дне. Подготовка самого Учредительного собрания шла черепашьями темпами.

В целом, следовательно, законодательная политика Временного правительства характеризуется двумя противоречивыми чертами: проведением под явным давлением вооруженных масс и Петроградского Совета ряда самых неотложных мер по демократизации страны и в то же время медленным и незаметным саботированием этих мер, снижением темпа демократизации, подготовкой к реакционному повороту во внутренней политике. Сделав многое для ликвидации старого режима и утверждения буржуазно-демократических порядков, Временное правительство все время старалось не зайти по этому пути слишком далеко, удержаться где-то на краю той пропасти, которой ему казалось развитие событий в направлении установления революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства в лице полновластных Советов. Поэтому сами Советы не легализовывались, поэтому медленно, но верно «сживалась со свету» рабочая милиция, поэтому тормозилось издание декларации прав солдата, закона о стачках и других подготовленных уже законопроектов,

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Признанием своего бессилия в управлении страной закончилось двухмесячное существование буржуазного Временного правительства. В конце апреля оно находилось накануне полного развала. Вечером 19 апреля нота Министерства иностранных дел («нота Милюкова») союзным послам, препровождающая Обращение Временного правительства к населению от 27 марта 1917 г. о целях войны, стала известна участникам заседания Исполкома в Таврическом дворце. Содержавшиеся в ней слова о том, что после свержения самодержавия «всемирное стремление довести мировую войну до решительной победы лишь усилилось»¹ вызвали растерянность, возмущение и протест со стороны рядовых членов Исполкома. Но несмотря на споры, продолжавшиеся всю ночь, Исполком не принял никакого решения по поводу «ноты Милюкова», а утром 20 апреля она была опубликована в петроградских газетах, вызвав взрыв стихийного возмущения солдат и рабочих Петрограда и других городов страны. По инициативе полкового комитета запасного батальона гвардии Финляндского полка началась грандиозная вооруженная солдатская демонстрация под лозунгом «Долой Милюкова!», «Милюкова в отставку!». Местом демонстрации стала площадь перед Мариинским дворцом, резиденцией Временного правительства. На улицы Петрограда по призыву большевистской партии вышли первые рабочие колонны с лозунгами «Вся власть Советам!» 21 апреля рабочие демонстрации продолжались, в ряде мест произошли столкновения с буржуазными контрманифестантами, организованными кадетской партией. По предложению В. И. Ленина большевики в Петроградском Совете поставили вопрос об устранении буржуазного правительства и переходе всей власти в руки Петроградского Совета, выполнявшего в те дни роль всероссийского центра Советов. 20—22 апреля Совет подтвердил свой полный контроль над петроградским гарнизоном, а попытка командующего округом генерала Л. Г. Корнилова собрать «верные войска» на Дворцовой площади провалилась в самом начале: Совет создал оперативный штаб для контроля над вооруженными силами в столице.

¹ Революционное движение в России в апреле 1917 г. Апрельский кризис. Документы и материалы. М., 1958, с. 725.

Однако меньшевики и эсеры — лидеры Исполнительного комитета Петроградского Совета — отказались исполнить волю передовых рабочих и солдат. Днем 20 апреля они бросились уговаривать солдатских демонстрантов очистить площадь перед Мариинским дворцом. Вечером они не дали членам Петроградского Совета обсудить полностью создавшееся положение и свернули прения на общем собрании, поспешив после 9 часов вечера в Мариинский дворец на совместное заседание с Временным правительством и Временным комитетом Государственной думы. Там они пришли на помощь буржуазному правительству, не выставив даже требования отставки П. Н. Милюкова, удовлетворившись обещанием правительства издать «разъяснение» к ноте.

Так закончилась первая и самая острая стадия апрельского кризиса, когда правительство в целом было на волосок от своего падения и только помощь меньшевиков и эсеров оставила его у власти. Вместе с тем еще раз было убедительно доказано, что власть эта призрачная, сугубо формальная. Генерал Л. Г. Корнилов возбудил вопрос о своей отставке и вскоре получил ее. Военный министр А. И. Гучков, поставивший перед правительством вопрос о необходимости разрыва с Советом и перехода к репрессиям против рабочих и солдат, не встретив поддержку своему предложению, тоже пришел к мнению о необходимости уйти в отставку.

С 23—24 апреля радикальное ядро во Временном правительстве и правая часть Исполнительного комитета Петроградского Совета начали кампанию за создание коалиционного министерства с участием представителей партий меньшевиков и эсеров. 26 апреля было опубликовано обращение Временного правительства к населению, в котором оно выставляло в положительном свете свою внутреннюю политику и призывало Петроградский Совет принять участие в сформировании правительственной власти. Тогда же князь Г. Е. Львов направил Н. С. Чхеидзе свое официальное письмо. После длительных обсуждений в Исполкоме 1 мая было принято решение послать своих представителей в правительство. Только большевики во главе с В. И. Лениным на страницах газеты «Правда» и в своих устных выступлениях в Исполкоме, на рабочих и солдатских собраниях осуждали решение соглашательских вождей, призывали к переходу всей власти в руки Советов. Но эсеро-меньшевистское большинство Исполкома, исходя из своих догматических представлений о невозможности социалистической революции в России, сделало все, чтобы подвести подпорки под падающую власть буржуазии. Решение о посылке своих представителей в правительство было облегчено для них отставкой Гучкова, а затем и Милюкова. Три дня шел торг за министерские посты, и 5 мая было сформировано первое коалиционное Временное правительство, в котором 6 постов заняли представители меньшевистской и народнических партий, а 9 осталось в распоряжении представителей буржуазии.

Так получил внешнее оформление классовый сдвиг в России, произошедший после Февральской буржуазно-демократической революции. «Изменилась форма соглашения, — писал В. И. Ленин в июне 1917 г. — при монархии она была груба, царь пускал кадета только на задворки Государственной думы. При демократической республике соглашение стало европейски-утонченным: мелких буржуа пускают в безвредном меньшинстве и на безвредные (для капитала) роли в министерство.

Кадеты заняли место монархии. Церетели и Черновы заняли место кадетов. Пролетарская демократия заняла место *действительно* революционной демократии».² Коалиция лишь временно облегчила положение Временного правительства. Запутавшись в соглашательстве с буржуазией, меньшевики теряли доверие масс. «Партии эсеров и меньшевиков могли бы дать России немало реформ по соглашению с буржуазией, — указывал Ленин. — Но объективное положение в мировой политике революционно, из него реформами *не выйдешь*.

Империалистическая война давит и раздавит народы. Отсрочить гибель, может быть, в состоянии ненадолго мелкобуржуазная демократия. Спасти от гибели в состоянии только революционный пролетариат».³

Изучение обстоятельств прихода буржуазии к власти в России дает основание для следующих выводов. Русские буржуазные партии, ведя борьбу с самодержавием за превращение страны в парламентскую монархию, имели определенную программу внутренних реформ. С 1915 г. этой программой стала программа Прогрессивного блока IV Государственной думы, объединившая фракции кадетов и прогрессистов еще с четырьмя фракциями буржуазно-помещичьих партий, стоявших правее их. Она включала в себя амнистию политическим заключенным, отмену ряда национальных ограничений, введение буржуазно-демократических свобод, расширение местного самоуправления (включая введение волостного земства) и его прав, обновление местной администрации, проведение начал законности.⁴ Она намеренно обходила вопросы, связанные с социальным строем страны. Там ничего не говорилось о решении аграрного вопроса. Аксиомой для буржуазных деятелей было продолжение империалистической войны. Следовательно, такой важнейший инструмент государственной власти как армия должен был быть сохранен в неприкосновенности и даже усилен. Предполагалось сохранить и полицию и весь аппарат Министерства внутренних дел, лишь слегка исправив грубый фасад жандармской империи Николая II. Даже разрабатывая планы дворцового переворота в канун 1917 г., Гучков и его

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 385—386.

³ Там же, с. 386.

⁴ См.: Прогрессивный блок в 1915—1917 гг. — Красный архив, 1932, т. 50—51, с. 158—159.

сторонники заботились о том, как уберечь армию от политики, как сделать неизбежное участие войск в удалении старой власти организованным, производимым по приказу начальников, без всякой «инициативы» солдатской массы.

Однако буржуазное правительство в России в действительности образовалось не в результате сделки или компромисса с исторической властью, с Николаем Романовым и его камарильей, и даже не в результате дворцового переворота, а в ходе революции. «Да, под прикрытием ее штыков мы красноречиво угрожали власти, которая нас же охраняла, — писал позднее В. В. Шульгин. — Но говорить со штыками лицом к лицу... Да еще с взбунтовавшимися штыками... Нет, на это мы были неспособны. Беспомощные, мы даже не знали, как к этому приступить. Как заставить себе повиноваться? Кого? Против кого? И во имя чего?»⁵ Лидер националистов напрасно приbedнялся: он знал и против кого и во имя чего нужно заставить народ повиноваться буржуазии. Восставший народ в 4 дня — 27 февраля — 2 марта 1917 г. — добился больших свобод, чем обещала добыть для него буржуазия путем сговора с царем. Программа прогрессистов, не будучи даже претворенной в жизнь, устарела в считанные часы. В стране явочным путем уже проводились такие демократические преобразования, которые оставляли далеко позади действительные намерения партии кадетов, а тем более ее союзников справа.

Поэтому члены Временного правительства и вынуждены были пойти на широкую программу демократизации внутренней жизни, предъявленную им меньшевистско-эсеровскими лидерами Исполнительного комитета Петроградского Совета.

Таким образом, программа внутренней политики, которую обязалось проводить буржуазное Временное правительство, не являлась только программой буржуазии как общественного класса, а закрепляла пожелания и надежды революционной мелкобуржуазной демократии и наименее сознательной части пролетариата. Со стороны буржуазии это был вынужденный компромисс из-за отсутствия полноты власти. Мелкобуржуазные лидеры шли на него добровольно, поскольку они сознательно отказались от предъявления социальных требований, чтобы не «отпугнуть» буржуазию. Этим они предавали действительные интересы трудящихся масс.

В своей законодательной деятельности и пропагандистской практике Временное правительство вынуждено было оформлять и подтверждать те права и достижения трудящихся, которые были ими уже практически завоеваны (отмена национальных и прочих ограничений, амнистия, демократизация местного управления, легализация солдатских комитетов и фабзавкомов, свобода слова и собраний). Вместе с тем анализ деятельности правительства первого состава показывает, что оно не спешило с выполнением своих

⁵ Шульгин В. В. Дни. Л., 1927, с. 139.

обещаний в других областях, прежде всего с созывом Учредительного собрания, оттягивало принятие даже необходимых переходных мер по аграрному вопросу, рабочему законодательству, правам военнослужащих.

Март и апрель были наполнены конфликтами между Петроградским Советом и Временным правительством по ряду коренных вопросов внутренней жизни, таких как арест царя и царской семьи, приведение войск к присяге, цели войны, за которые должна сражаться армия, контроль над действующей армией и тыловыми частями. Большая часть этих конфликтов решалась на заседаниях контактной комиссии, составленной из представителей эсеро-меньшевистских лидеров Исполнительного комитета Петроградского Совета и Временного правительства. Однако народные массы, пользуясь добытыми в ходе революции демократическими свободами, активно вмешивались в вопросы внутренней и внешней политики. Именно в результате прямого действия революционных масс возник сильнейший апрельский политический кризис, приведший к развалу первого Временного правительства. Лидеры Петроградского Совета спасли правительство от полного крушения, но вынуждены были сделать следующий шаг на своем соглашательском пути и послать своих представителей в коалиционное министерство.

В законодательной и управленческой практике Временного правительства первого состава заметна и другая тенденция — попытки задержать дальнейшее развитие революции, если не провести, то наметить хотя бы возможные пути для сдерживания массового движения, особенно в деревне, угрожавшего немедленной ликвидацией помещичьего землевладения. Временное правительство ко второй половине апреля пытается вновь усилить значение своих органов на местах, проводит закон о милиции, возрождающий наемную полицию царистского типа. Однако центробежные силы на местах в это время все еще преобладают, процессы размывания и слома многих важных частей старой угнетательской государственной машины хотя и замедляются, но все еще идут. Складывается и усиливается самостоятельная система Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, других демократических организаций — солдатских, рабочих, крестьянских, профсоюзов. Двоевластие продолжается и парализует контрреволюционные тенденции (пока еще робкие) во внутренней политике Временного правительства.

В течение всего периода своего существования Временное правительство первого состава было лишено своей надежной вооруженной силы. Армия находилась под полным политическим контролем Петроградского Совета и действовавших солидарно с ним войсковых комитетов. Дисциплинарная власть офицеров практически была сведена до минимума, а офицерский корпус деморализован и расколот. В армии продолжался процесс демократизации. Под влиянием целенаправленной деятельности большевиков

усиливались антивоенные настроения и братания. На фронте фактически установилось перемирие, а военные занятия в тыловых гарнизонах почти прекратились, поступление пополнения в армию резко сократилось. Высшие командиры армии во главе с генералом М. В. Алексеевым докладывали правительству о полном развале армии и возлагали ответственность за это на само правительство и Совет рабочих и солдатских депутатов. С созданием коалиции большинство высших командиров были уволены, а сочтать поднятие боеспособности армии с наличием в ней новой демократической системы управления взялся новый военный министр А. Ф. Керенский при поддержке Церетели, Чернова и прочих «министров-социалистов». Это знаменовало собой дальнейшее падение мелкобуржуазных лидеров, вначале провозгласивших своей задачей борьбу за «мир без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народов», а затем ставших готовить армию к наступлению во имя интересов русского и англо-французского капитала.

Таким образом, внутренняя политика Временного правительства не могла удовлетворить буржуазию, поскольку наиболее контрреволюционная ее часть считала уступки, сделанные революционному народу, чрезмерными и ведущими прямо к анархии и развалу государства. Не устраивала она и мелкую буржуазию, так как правительство пыталось ограничиться только решением сугубо политических вопросов, а не социальных — аграрного, рабочего и пр. Недаром первое коалиционное правительство в своей декларации от 5 мая сразу же прибегло именно к социальной демагогии. Она тем более не удовлетворяла революционный пролетариат и его партию, провозгласившую лозунги недоверия Временному правительству, перехода всей власти в руки Советов, а революции — ко второму ее этапу. Широчайшая легальность открытой политической борьбы партий, завоеванная кровью народа в февральские дни и лишь санкционированная Временным правительством, вела к повороту масс в сторону истинного представителя рабочих и беднейшего крестьянства в России, к партии большевиков.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Авдеев Н. 9, 17, 199, 209, 210, 211,
 212, 216, 217, 224
 Аврех А. Я. 3
 Аджемов М. С. 30, 73, 79, 124, 187,
 189
 Азеф Е. Ф. 171
 Александра Феодоровна 13, 16, 22,
 34, 38
 Александр II 34, 101
 Александр III 10, 186, 206
 Алексеев М. В. 15, 16, 19, 32, 34,
 38—42, 55, 64, 74, 75, 78, 92—96,
 169, 250
 Алексей Николаевич, насл., цес. 33,
 73, 86, 94, 95, 97—101, 103, 106,
 107, 108
 Анапич Б. В. 9
 Андрей Владимирович, вел. кн. 42,
 43, 92, 106
 Аносов 76
 Арефьев М. И. 189
 Астрахан Х. М. 4

 Бадаев А. Е. 181
 Баженов Н. 121
 Базили Н. А. 71
 Балавинский С. А. 121
 Балк А. П. 10, 15, 16, 182
 Бальфур А. 61
 Барышников А. А. 51, 189
 Басаков В. П. 189, 191
 Бебутов Д. 121
 Белецкий С. П. 184
 Беляев А. А. 11, 15, 19, 32, 33, 42
 Бернацкий М. А. 243
 Блок А. А. 10, 17, 18, 19, 33, 39, 41,
 74, 103, 105
 Богданович 40
 Богров Д. Г. 171
 Болдырев В. Г. 43, 44, 58, 92, 96, 101
 Борисов И. П. 182
 Брамсон Л. М. 221
 Брасова (Шереметьевская, Мамон-
 това, Вульферт) Н. С. 101
 Брешко-Брешковская Е. К. 137, 145
 Бройдо Г. Е. 29

 Брусиллов А. А. 28, 92, 93
 Бубликов А. А. 51, 74, 189, 190, 193
 Булат А. 121
 Бурджалов Э. Н. 4, 47
 Бурдуков Н. Ф. 11
 Бьюкенен Дж. 49, 61, 138, 139
 Бютинг Н. Н. 195

 Васильчиков И. С., кн. 189
 Вейс В. К. 11
 Вендорф 182
 Винавер М. М. 111, 125
 Виноградов В. А. 189
 Вирен Р. Н. 61
 Воейков В. Н. 15, 37, 38, 40, 42, 64
 Войновский-Кригер Э. Д. 182
 Волков Н. К. 30, 189
 Волобуев П. В. 4, 133
 Вяземский Д. Л., кн. 70

 Гальперн А. Я., 121, 122
 Ганелин Р. Ш. 5
 Гвоздев К. А. 17, 29
 Георгий Михайлович, вел. кн. 43
 Герасимов П. В. 52, 189
 Герцен А. И. 137
 Гессен И. В. 121
 Гинев В. Н. 213
 Глинка Я. Н. 115
 Годнев И. В. 76, 77, 81, 91, 106, 117,
 119, 189, 213, 235
 Голиков Г. Н. 4
 Голицын Н. Д., кн. 11, 13, 16, 17,
 19, 20, 21, 28, 32, 33, 34
 Горемыкин И. Л., 183, 184
 Горович Е. В. 218
 Горький А. М. 212
 Гримм Д. Д. 76
 Гронский П. П. 189
 Грузинов А. Е. 194
 Грунт А. Я. 178, 194
 Гучков А. И. 33, 40, 42, 44, 45, 49—
 51, 54, 55, 59, 60, 68—77, 81, 83,
 84, 91, 95—103, 106—109, 111, 113,
 117, 120, 124, 131, 132, 134, 136,

- 139, 140, 170, 191, 208, 215, 235, 247, 248
- Данилов Ю. Н. 43, 45, 93, 94, 95, 101, 102
- Демидов И. П. 59, 79, 189
- Демьянов (Шутко К. И.) 160
- Дзюбинский В. И. 30, 31
- Дмитрюков И. И. 31, 33
- Добровольский Н. А. 182, 184
- Добровольский 124
- Довконт Д. Ю. 44
- Дубенский Д. Н. 13, 15, 16, 37, 38, 39, 40, 42
- Дубровин А. И. 182
- Дякин В. С. 3, 19, 26, 50
- Ефремов И. Н. 27, 53, 106, 122, 189
- Житков К. Г. 44
- Занкевич М. К. 32, 50, 97
- Зарудный А. С. 191
- Заславский Д. О. 16, 80, 81, 89, 90, 173
- Злоказов Г. И. 5, 47, 70
- Знаменский О. Н. 4, 5, 123, 219, 220
- Знаменский С. Ф. 184
- Иванов Н. И. 37—41, 44, 74, 102
- Иванович Ст. 147
- Игнатъев А. В. 4
- Игнатъев П. Н. 19
- Иоффе А. Е. 5
- Иоффе Г. З. 37
- Исаев А. А. 187
- Калленкова А. М. 218
- Калугин М. Д. 51, 189
- Каменев Л. Б. 162, 163
- Канторович В. А. 16, 80, 81, 90, 147, 173
- Капнист А. П., гр. 44
- Капнист 1-й И. И., гр. 189
- Капнист 2-й Д. П., гр. 189
- Карабчевский Н. П. 136, 187
- Караулов М. А. 30, 31, 79, 106, 182, 183
- Карлотти Андреа 138
- Катон 50
- Кедрин Е. 121
- Керенский А. Ф. 9, 12, 14, 16—19, 27, 29—31, 33, 36, 49, 56, 57, 60, 67, 69, 77, 81—84, 86, 87, 91, 104—106, 108, 109, 117—122, 130, 132, 136, 137, 138, 151, 161, 177, 180—182, 185, 186, 190, 191, 211, 213, 216, 235, 250
- Кирилл Владимирович, вел. кн. 32, 61, 75, 93
- Кирпичников Т. 24
- Кишкин Н. М. 194
- Клембовский В. Н. 58
- Климович Е. К. 182
- Ковалевский М. М. 121
- Ковалевский 22
- Козловский М. Ю. 222
- Кокоскин Ф. Ф. 119, 120, 124
- Коллюбакин А. М. 121
- Комиссаров М. С. 182, 184
- Конвалов А. И. 31, 59, 76, 77, 81, 91, 104, 117, 120—122, 131, 133, 134, 138, 192, 193, 207, 235
- Корнилов Л. Г. 75, 76, 78, 96, 246, 247
- Корыкин 196
- Короленко В. Г. 137
- Котляревский Н. А. 177
- Котляревский С. 121
- Красин Ю. А. 4
- Кривошеин А. В. 19
- Кропоткин П. А. 137
- Круглов Ф. 184
- Крыжановский М. А. 52, 174
- Крылов С. А. 12
- Кукольник Н. В. 200
- Курлов И. Г. 182, 184
- Куропаткин А. Н. 225
- Кускова Е. Д. 121, 122, 192, 193
- Кутепов А. П. 32
- Лаверычев В. Я. 3, 49, 50
- Лазаревский 124
- Лашкевич 24
- Лейберов И. П. 7, 8, 9, 13
- Ленин В. И. 4, 5, 6, 67, 129, 139, 161, 162, 163, 165—168, 175, 176, 178, 179, 188, 204, 211, 217, 219, 234, 235, 236, 246, 247, 248
- Линде Ф. Ф. 57
- Линдлей Г. 138
- Лопатин Г. А. 137
- Лукин А. 44, 45
- Лукомский А. С. 71
- Луи-Филипп 222
- Лутугин Л. И. 121
- Лысогорский 182
- Львов В. Н. 25, 26, 31, 34, 35, 49, 59, 61, 69, 77, 81, 91, 106, 117, 120, 135, 191, 235
- Львов Г. Е., кн. 34—36, 40, 54, 58, 59, 75—77, 81, 84, 90, 91, 99, 102, 104, 106, 109, 111, 114, 117—119, 121, 122, 132, 136, 138, 141, 145, 166, 190, 199, 200, 202, 203, 208, 215, 218, 220—222, 224, 226, 230, 231, 235, 247
- Макаров А. А. 184
- Маклаков В. А. 17, 19, 21, 59, 77, 79, 121, 124, 187, 189

Маклаков Н. А. 11, 20, 183
Малиновский Р. В. 171
Маниковский А. А. 30
Мансырев С. П., кн. 31
Мануилов А. А. 76, 81, 91, 117, 119,
191, 235
Маргулис М. 121
Маркс Карл 148, 175, 179
Мартынов А. С. 94
Масленников А. М. 189
Мельгунов С. П. 121
Миллер В. И. 5, 170
Милкова А. С. 136, 218
Милюков П. Н. 9, 19, 21, 26, 30, 31,
33, 35, 36, 47—49, 51, 54, 55, 57,
58, 59, 61, 62, 65—69, 71, 73—77,
81, 83—90, 102, 105—109, 111, 113—
115, 117—121, 124, 132, 135, 136,
138, 141, 170, 191, 199, 201—204,
213, 216, 246, 247
Мишц И. И. 4, 47, 123
Михаил Александрович, вел. кн., 17,
33, 34, 60, 61, 72, 75, 85, 86, 89, 93,
94, 97—111, 116, 120, 124, 143, 191,
208, 223
Морозов Н. А. 121
Мрозовский 194, 195
Мрочек В. Р. 178
Мстиславский (Масловский) С. Д. 80
Муранов М. К. 181
Мухина Г. З. 4

Набоков В. Д. 109—111, 115, 116,
118—120, 124, 125, 199—201, 215,
216, 220—223, 235
Нарышкин К. А. 97
Нахичеванский Хан 169
Некрасов Н. В. 10, 27, 29—31, 33,
60, 76, 77, 81, 91, 105, 106, 109,
117—123, 125, 132, 135, 138, 192
Немирович-Данченко В. И. 121
Непенин А. И. 44, 45, 59
Нечаева А. К. 218
Николаевский Б. Н. 121
Николай I 129
Николай II 13, 15, 16, 20—22, 28,
33, 34, 37—43, 45, 50, 57, 58, 60,
64, 68, 71, 72, 76, 85, 89, 93—108,
110, 111, 129, 143, 169, 186, 208,
248, 249
Николай Николаевич, вел. кн. 78,
92, 93, 102
Никольская М. И. 218
Нольде Б. Э., бар. 110, 116, 124

Обнинский В. П. 121
Оболенский В. А. 122
Ознобишин Д. В. 27, 29, 30, 48, 52
Орлов-Давыдов А., гр. 121

Павел I 103
Павел Александрович, вел. кн. 75
Павлов-Сильванский Н. 121
Палеолог Морис 21, 138
Панина С. В., гр. 218
Пепеляев В. Н. 52, 53, 61, 189
Переверзев Л. 121
Перетц Г. Г. 184
Петровский Г. И. 181
Петрункевич И. И. 200
Пешехонов А. В. 127, 128
Плеханов Г. В. 137, 145, 148
Покровская М. И. 218
Покровский Н. Н. 17, 19, 20, 137
Полиньяк Огюст 21
Ползиков 92
Поливанов А. А. 19, 30, 137
Посников А. С. 10
Потресов А. Н. 55
Пронский П. П. 51
Прокопович С. Н. 193, 194
Протопопов А. Д. 9, 11, 13—17, 21,
26, 29, 32—34, 38, 43, 52, 119, 182,
184
Прусевич А. 156
Пуятин М. С., кн. 105, 106, 108, 109
Пьяных П. Е. 180
Пятиев 174

Распутин Г. Е. 35
Рейн Г. К. 182
Ренгартен И. И. 44, 45
Ржевский В. А. 30, 31, 76
Рибо А. 138
Римский-Корсаков А. А. 11
Риттих А. А. 14, 17, 20
Родзянко М. В. 7, 13, 14, 17, 19—
21, 27—29, 31—33, 35, 36, 40, 42—
45, 47, 48, 51, 54—56, 58—61, 64,
65, 68, 71, 72, 74—79, 84—86, 88,
92—95, 98, 102—104, 106, 108—111,
114, 116, 118, 140, 141, 195, 196, 199
Родзянко С. Н. 189
Родичев Ф. И. 11, 91, 113, 117, 119
Ростовцев Н. А. 189
Рузский Н. В. 28, 42—44, 57, 64, 71,
72, 73, 92—96, 98, 101—104
Русakov Н. С. 153
Рынкевич А. Н. 218
Рябушинские бр. 55, 141

Саватеев А. Н. 189
Савинков Б. В. 137
Савич Н. В. 17, 19, 21, 30, 33, 189
Савич С. С. 93, 94
Самойлов Ф. Н. 181
Сампсон фон У. И. 178
Сахаров В. В. 92, 93
Сахаров И. 121
Сватиков С. Г. 178

- Сергей Михайлович, вел. кн. 58
Сидельников С. М. 3
Сидоров А. П. 30
Скобелев М. И. 7—9, 16, 17, 19, 29,
31, 49, 70, 122
Смит Н. 122
Соболев Г. Л. 5
Совокин А. М. 4
Соколов Н. Д. 18, 57, 64, 67—70, 80
Сорокин П. А. 152
Сталин И. В. 163
Старцев В. И. 3, 4, 47, 50, 52, 104,
114, 121, 127, 132, 134, 169, 173, 236
Стеклов Ю. М. 64, 65, 67, 70, 80, 81,
87, 227
Степанов В. А. 79
Стольпин П. А. 121, 171
Сторожев В. Н. 92, 93, 96, 97, 98,
114—116, 124
Струве П. Б. 17
Сумбагов-Южин А. И. 121
Суханов Н. Н. 55—58, 62—67, 70, 88,
90
Сухомлинов В. А. 84, 183, 184
- Теплов В. 121
Терещенко М. И. 60, 76, 77, 81, 91,
104, 106, 117, 120, 122, 131, 133,
138, 140, 192, 208, 215, 235
Титов Н. В. 53, 79, 189
Токарев Ю. С. 5, 34, 46, 47, 53, 62,
210
Трегубов С. Н. 37
Трепов А. Ф. 20
Тыркова А. В. 218
Тьерри 139
Тяжелников 33
- Урусов С. Д., кн. 121, 227
- Федоров С. П. 38
Фигнер В. И. 136, 218
Филипповский В. Н. 64, 80
Фредерикс В. Б., гр. 41, 64, 93, 97
Френсис Д. 138
- Хабалов С. С. 9—11, 14—16, 19, 20,
32, 43, 50, 97, 184
Хаймсон Л. 121
Хрусталеv-Носарь Г. С. 25
- Церетели И. Г. 119, 155, 227, 248, 250
- Чайковский Н. В. 192
Чебышев 181
- Челнок М. В. 194, 195
Черкасский 44
Черкес Л. Н. 225
Черменский Е. Д. 3, 18, 24, 25, 27,
28, 30, 34, 36, 48, 50, 67, 70, 73, 76
Чернев 56, 174
Чернов В. М. 248, 250
Черносвитов К. К. 51, 189
Черняев В. Ю. 211
Чхейдзе Н. С. 11, 12, 14, 16, 27,
29—31, 33, 36, 49, 55, 57, 60, 64, 67,
81, 121, 122, 192, 247
Чхенкели А. И. 122
- Шабанова А. П. 218
Шагов Н. Р. 181
Шаховский В. Н. 183
Шидловский С. И. 31, 77
Шингарев А. И. 9, 10, 14, 16, 26,
27, 31, 59, 77, 81, 91, 117, 119, 121,
122, 132, 135, 136, 138, 192, 213,
215, 216, 227, 235, 240, 241
Шириhский-Шихматов А. А., кн. 20,
182
Шишкина-Явейн П. Н. 218
Шишкин В. А. 4
Шляпников А. Г. 9, 205
Шоу Бернард 139
Штюрмер Б. В. 84, 184
Шульгин В. В. 17, 19, 26, 27, 30, 31,
35, 36, 53, 54, 59, 67, 70, 72, 73,
75, 78, 81, 95—103, 106, 108, 109,
140, 141, 249
Шустер У. А. 3
- Шегловитов И. Г. 32, 181, 184
Щеголев П. Е. 121
Щепкин Д. М. 228
Щепкин Н. Н. 190, 225
- Эвэрт А. Е. 92, 93
Элькин Б. 121
Энгельгардт Б. А. 36, 49, 67, 78
Энгельс Фридрих 167, 175, 179
- Юревич 178
Юрьевская (Долгорукова) Е. М., кн.
101
Юшкевич П. 146, 147
- Яковлев Н. Н. 3, 122, 123
Яковлев С. 92, 94
Якупов Н. М. 5
Янушкевич Н. О. 31

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
I. Февральская революция и образование двоевластия	7
Лидеры буржуазной оппозиции	7
Меры по созданию нового правительства	37
Отречение Николая II и формирование состава Временного правительства	72
II. Основные направления внутренней политики Временного правительства	112
«Чертоги власти» и общественное мнение	112
Отношение политических партий к Временному правительству	139
На пути ликвидации старого режима	167
Организация власти на местах	193
Законодательная деятельность Временного правительства	208
Заключение	246
Указатель имен	252